

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 17. № 1

2018

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Религиозный текст и дискурс: подходы к изучению»
Religious Text and Discourse: Approaches to the Study

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 17. No. 1

2018

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018

Том 17. № 1

MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018

Volume 17. No. 1

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018. Vol. 17. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Mainstream issue:

Religious Text and Discourse: Approaches to the Study

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Journal is registered by Federal Service for Supervision
of Mass Media, Communications and Protection of
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate
ПН № ФС77-25016 of June 29, 2006)

The journal is included into the **Index of Peer-reviewed
Academic Journals and Publications that must publish
academic results of doctoral and candidate’s degree
theses** that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core
Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian
and international databases: **Russian Science Citation
Index**; **MLA (USA)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ
(Sweden)**, **EBSCO (USA)**, **ProQuest (USA)**, **ERIH
PLUS (Norway)**, **CiteFactor (Canada)**, **COPAC* (Great
Britain)**, **Google Scholar (USA)**, **Journalindex.net
(USA)**, **JournalSeek (USA)**, **ULRICHSWEB™ Global
Serials Directory (USA)**, **OCLC WorldCat® (USA)**,
SHERPA/RoMEO (Spain), **MIAR (Spain)**, **ZDB
(Germany)**, **“CyberLeninka” Scientific Electronic
Library (Russia)**, **“Socionet” Information Resources
(Russia) et al.**

Address of Editorial Office

Prospect Universitetsky 100, Volgograd, 400062.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal Website: <http://l.jvolsu.com>

English version of Website: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);
Prof. Dr. *S. S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.
V.Z. Demyankov (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.
O.N. Prokhorova (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland), Dr. *R. Schmitt*
(Mannheim, Germany)

Editor, Proofreader: *V.E. Ilyashenko*

Editor of English texts: *I.D. Volkova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing 20.04.2018. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17,3. Published pages 18,6.

Number of copies 500. Order . «C» 5.

Published in the Publishing House
of Volgograd State University.

Bogdanova St. 32, Volgograd, 400062.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018. Т. 17. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Религиозный текст и дискурс: подходы к изучению»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **ERIH PLUS** (Норвегия), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

Адрес редакции

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <http://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)

д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)

д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)

канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);

д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);

д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);

д-р филол. наук, проф. В.З. Демьянков (г. Москва);

д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. Н.Н. Запольская (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, доц. Д.Ю. Ильин (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);

д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);

д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);

д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);

д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);

д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);

д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);

д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);

д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редактор, корректор *В.Е. Ильяшенко*

Редактор английских текстов *И.Д. Волкова*

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 20.04.2018 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,3.

Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 500 экз. Заказ . «С» 5.

Отпечатано в издательстве

Волгоградского государственного университета.

400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

«РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕКСТ И ДИСКУРС: ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ»

<i>Ицкович Т.В.</i> Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля	6
<i>Гадомский А.К.</i> Лексикографическое описание терминологии теологистики (на примере русского и польского языков)	17
<i>Прохватилова О.А.</i> Интонационно-звуковые средства православной миссионерской проповеди начала XXI века	29
<i>Овечкина Е.А.</i> Тексты региональных православных СМИ в лингвостилистическом аспекте	37
<i>Дмитриева Е.Г.</i> Способы указания на интенсивность эмоционального переживания в житийных текстах синодального периода	44
<i>Пашков С.М.</i> Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии)	52
<i>Петрикова А.</i> Функционирование эмоционально-оценочной лексики в гомилиях святителя Иоанна Златоуста	63
РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА	
<i>Соломка Н.А.</i> Регрессия как основа формирования инновационного значения отсубстантивного глагола	76
<i>Карданова-Бирюкова К.С.</i> Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование)	85
МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ	
<i>Ивлева А.Ю.</i> Проблема оценки качества перевода: подходы к решению	98
<i>Соколова Н.В.</i> Приемы перевода англоязычных метафоризированных терминов (на материале патентов)	107
<i>Любовская О.Л.</i> Классификация семантических отношений компонентов двухступенчатого эпитета в парадигматическом и синтагматическом аспектах	115
<i>Тивьяева И.В.</i> Темпоральные адвербиалы как элемент вербального кодирования мнемической деятельности	124
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ	
<i>Колодина Н.И.</i> Отрицательные понятия в сознании слышащих и слабослышащих подростков	134

<i>Бурсина О.А.</i> Синонимия в формирующихся терминосистемах (на примере термина <i>mobbing</i> в современном английском языке)	143
<i>Герасимова С.А.</i> Фронтиспис как репрезентант эмблематичности Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера	151

ДИСКУССИИ

<i>Анисимова Т.В.</i> Жанры социальной рекламы	160
<i>Котюрова М.П., Кушнина Л.В.</i> Индуктивный и дедуктивный пути познания в научном дискурсе	172

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: RELIGIOUS TEXT AND DISCOURSE: APPROACHES TO THE STUDY

<i>Itskovich T.V.</i> Proto-Textuality as the Constructive Principle of Religious Style	6
<i>Gadomski A.</i> Lexicographic Description of Theological Terminology (Exemplified by the Russian and Polish Languages)	17
<i>Prokhvatilova O.A.</i> Intonation and Sound Means of Orthodox Missionary Sermon of the Early 21 st Century	29
<i>Ovechkina E.A.</i> The Texts of Regional Orthodox Mass Media: Linguostylistic Aspect	37
<i>Dmitrieva E.G.</i> The Ways of Emphasizing the Intensity of Emotional Experience in the Hagiographic Texts of the Synodal Period	44
<i>Pashkov S.M.</i> Language Means of Representing Numinous Emotions (Based on the Material of the English Bible Text)	52
<i>Petrikova A.</i> Functioning of Emotional and Evaluative Lexicon in St. John Chrysostom's Homilies	63

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

<i>Solomka N.A.</i> The Regression as the Basis of the Formation of the Innovative Meaning of Denominative Verb	76
<i>Kardanova-Biryukova K.S.</i> Specifics of Russian Speakers' Communicative Behavior in Interpersonal Communication (Based on the Findings of Experimental Research)	85

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

<i>Ivleva A.Yu.</i> The Problem of Translation Quality Assessment: Approaches to Solution	98
---	----

<i>Sokolova N.V.</i> Translation of Metaphorised Terms (the Case of Patents)	107
<i>Lyubovskaya O.L.</i> Classification of Semantic Relations of the Two-Step Epithet's Components in Paradigmatic and Syntagmatic Aspects	115
<i>Tivyaeva I.V.</i> Temporal Adverbials as Elements of the Verbal Code Representing the Mnemonic Function	124

MATERIALS AND REPORTS

<i>Kolodina N.I.</i> Negative Concepts in Hearing and Hearing-Impaired Teens' Mind	134
---	-----

<i>Bursina O.A.</i> Synonymy in Developing Term Systems (Using the Example of the Term <i>Mobbing</i> in Modern English)	143
<i>Gerasimova S.A.</i> Frontispiece as a Representative of Emblematicity in the Encyclopedia by D. Diderot and J. D'Alembert	151

DISCUSSIONS

<i>Anisimova T.V.</i> Genres of Social Advertising	160
<i>Kotyurova M.P., Kushnina L.V.</i> Inductive and Deductive Strategies of Cognition Process in the Academic Discourse	172

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1>

UDC 81'42:2
LBC 81.055.51

Submitted: 11.12.2017
Accepted: 07.02.2018

PROTO-TEXTUALITY AS THE CONSTRUCTIVE PRINCIPLE OF RELIGIOUS STYLE¹

Tatyana V. Itskovich

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Eltsin, Ekaterinburg, Russia

Abstract. To the present day, the linguistic description of the religious style is reduced to characterizing certain genres, such as preaching, prayer, message, hagiography. The choice of the constructive principle of religious style and the description of its ontological foundations have not yet been set as an objective scholarly study. The paper demonstrates how the idea of proto-textuality of religious style and, consequently, the protogenic conditioning of all modern religious genres are advanced. The idea of proto-textuality receives a communicative, pragmatic and categorical textual basis in this research. The constructive principle of religious functional style is determined by the peculiarities of religious consciousness and religious activity. The characterization of these ontological principles of dual world and salvation lies in the notion of the textual sphere embodied in the constructive principle of proto-textuality, which implies the obligatory support of each of the following religious texts relating to the religious prototype.

Any kind of communication in the religious sphere is genetically derived from the prototype of Holy Scripture and Sacred Tradition and relies on them. The proto-text of Holy Scripture is a closed semantic formation, initially exhausting the body of real texts. The persons described in the Holy Scriptures are subjects of the proto-text that act in a certain historical objective-sacred time and space. In the prototype, invariant genre models that correspond to the goals of participants in religious communication during a particular historical period are fixed, and the protagonists of prayer, sermons and lives are immanently given. Each proto-genre is a text invariant, the basic initial basis of the genre.

Proto-genres are further developed, transforming into a modern genre system of religious functional style. The genre peculiarity of the texts created in the sphere of religious communication is determined by the proximity to the prototype and the degree or level of its reflection in the text being created. As applied to the genre level, this ratio is expressed in the genetic connection of later texts with genre proto-text. These genre samples not only set the canon of the genre but are actively used in modern religious communication.

Thus, the ontological basis of a religious style is the dual reality, and salvation is the main intention of religious text-generation. Philosophical understanding of dual reality as a distinctive feature of religious consciousness is realized in religious style through proto-textuality. Proto-textuality is a constructive feature of the religious functional style, which determines the binding indissoluble bond of all genres-text-types with protogens. Thus, the continuity and safety of canonical ideological constructs are provided in protests in a concentrated form. The ideological and content proximity to the prototype, following the canons defined in it, determines the field structure of genres of religious style, their nuclear or peripheral affiliation.

Key words: style, religious functional style, constructive principle, proto-text, proto-textuality, world duality, stylistic features.

Citation. Itskovich T.V. Proto-Textuality as the Constructive Principle of Religious Style. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 6-16. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1>

ПРОТОТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК КОНСТРУКТИВНЫЙ ПРИНЦИП РЕЛИГИОЗНОГО СТИЛЯ¹

Татьяна Викторовна Ицкович

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В России последних десятилетий XX в. парадигма функциональных стилей русского литературного языка дополняется религиозным стилем. Выделение конструктивного принципа религиозного стиля, описание его онтологических оснований до сих пор не становилось самостоятельной целью научного исследования. Конструктивный принцип религиозного функционального стиля обусловлен особенностями религиозного сознания и религиозной деятельности. Онтологические принципы двоемирия и спасения в проекции на текстосферу воплощаются в конструктивном принципе прототекстуальности, предполагающем обязательную для каждого из последующих религиозных текстов опору на религиозный прототекст. Под прототекстом понимается завершённый, закрытый канонический текст, передающий слова Бога или пророков и содержащий в концентрированном виде ценностно-смысловые установки определенной конфессии. В прототексте задаются установки и описываются образцы, которые формируют должное поведение человека. Прототекст является нерушимым идейным основанием и материально-языковым базисом всех производных текстов религиозного функционального стиля.

Конструктивный принцип прототекстуальности позволяет проецировать религиозное мировоззрение на текст. Каждый новый религиозный текст создается с прямой опорой на канонический образец (прототекст). Каждый современный религиозный жанр имеет канонический прототип. Современная жанровая система религиозного функционального стиля сформировалась на основе триады протожанров (молитва, проповедь, житие), реализованных в религиозном прототексте Священного Писания, ядро которого в христианстве составляет Евангелие. Каждый протожанр религиозного стиля развивается в современный жанровый тип со своим набором жанров и субжанров.

Ключевые слова: стиль, религиозный функциональный стиль, конструктивный принцип, прототекст, прототекстуальность, двоемирие, стилевые черты.

Цитирование. Ицкович Т.В. Прототекстуальность как конструктивный принцип религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.1>

Религиозный стиль: параметры выделения

В России последних десятилетий XX в. религия снова стала значимой сферой общественного сознания. Это привело к активизации внимания исследователей к религиозной коммуникации (см.: [Бобырева, 2013; Бугаева, 2016; Гадамский, 2009; Крылова, 2001; Крысин, 1996; Прохватилова, 1999; Салимовский, Сулова, 2005]). Одно из актуальных направлений в ее изучении связано с пониманием религиозного стиля как функционального стиля русского литературного языка.

Основания для его выделения, по сути являющиеся экстралингвистическими, были предложены в работах М.Н. Кожиной, которая определяет функциональный стиль речи

как «своеобразный характер речи той или иной социальной ее разновидности, соответствующей определенной сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемый особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, несущей определенную стилистическую окраску» [Кожина, 1977, с. 42].

В связи с этим нельзя не отметить парадоксальную ситуацию, существовавшую в отечественной лингвистике: такая сфера общественного сознания, как религия, в силу исторически сложившихся общественных отношений в России XX в. не характеризовалась наличием определенного, присущего ей стиля. Данный казус – это факт подчинения науки идеологическим установкам времени, по-

скольку, как и другие стили, язык религиозной сферы отличается полным набором стилеобразующих признаков: особой формой общественного сознания и видом деятельности, специфическим целеполаганием речевого общения, набором самостоятельных жанров-текстотипов.

Выделение религиозного стиля, по мнению некоторых исследователей, требует специальной оговорки. Так, М.Н. Кожина полагает, что судьба религиозного стиля «на русской основе» достаточно сложна, а основания для его выделения ограничены (своеобразное двуязычие в религиозной сфере и социально-политические причины недавнего времени), поэтому вопрос о религиозном стиле требует специального изучения [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 152]. Тем не менее исследователь отмечает, что в настоящее время религиозный стиль получает «права гражданства» и все более расширяет сферу применения. Л.П. Крысин, раньше других обратившийся к данной проблематике, ставит вопрос об особом статусе религиозной речевой деятельности, полагая, что «религиозно-проповеднический стиль должен занять подобающее ему место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка и получить соответствующее описание в литературе по стилистике» [Крысин, 1996, с. 138]. Ученый называет такой функциональный стиль религиозно-проповедническим, выделяя тем самым один из характерных жанров – проповедь. Вступая в дискуссию, О.А. Крылова называет данный стиль церковно-религиозным («термин церковно-религиозный предпочтительнее, так как указывает одновременно и на сферу общественной деятельности, в которой он функционирует, и на религиозную сферу общественного сознания, и на церковных деятелей как авторов соответствующих текстов» [Крылова, 2003, с. 63]) и полагает, что название *религиозно-проповеднический* тавтологично, оно сужает сферу функционирования стиля, ограничивая его одним жанром – проповедью. Соглашаясь с упреком О.А. Крыловой, отметим, что предлагаемый ею термин *церковно-религиозный стиль* также тавтологичен: содержание понятия *церковь* входит в объем понятия *религия*.

Характеризуя церковно-религиозный стиль, О.А. Крылова рассматривает параметры речевых жанров, создающие системность церковно-религиозного стиля – содержание, коммуникативную цель, образ автора, характер адресата, систему языковых средств и особенности их организации. В результате автор приходит к выводу о том, что в современном русском литературном языке сформировалась определенная система языковых средств, которая включает в себя, помимо нейтральных, общекнижные языковые ресурсы, а также языковые единицы, имеющие газетно-публицистическую и церковно-религиозную окраску, но из которой полностью исключены сниженные языковые единицы; система средств обладает архаически-возвышенной, торжественной эмоционально-экспрессивной окраской; она выполняет информационно-содержательную и эмоционально-воздействующую (в духе религиозной морали) функции; при этом создается образ автора как посредника между Богом и паствой. «Такую систему языковых средств есть все основания считать церковно-религиозным функциональным стилем современного русского литературного языка» [Крылова, 2001, с. 268].

В.А. Салимовский, также выделяющий церковно-религиозный стиль, предлагает интерпретировать его с позиций религиозного сознания, поскольку именно последнее воплощается в религиозных текстах, определяя их специфические черты [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 413]. Ученый выделяет конструктивный принцип религиозного стиля – «особую содержательно-смысловую и собственно речевую организацию текстов, назначение которой состоит в содействии единению человеческой души с Богом» [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 415]. Указанный конструктивный принцип реализуется комплексом следующих стилевых черт: архаически-возвышенная тональность речи, символизация фактов и событий невидимого мира, религиозно-ориентированная оценочность речи, модальность достоверности сообщаемого [Кожина, Дускаева, Салимовский, 2008, с. 415].

Отмечая наряду с институциональной развитую личную форму духовной деятельности, Т.В. Матвеева предлагает называть стиль религиозным [Купина, Матвеева, 2013, с. 208].

таким образом, возвращаясь к термину, который еще в 1992 г. предложил Й. Мистрик. Словацкий ученый указывал следующие особенности этого стиля: книжную риторичность, прослеживающуюся в библейских текстах, гомилетике и других составляющих литургии; диалогичность (разговор человека с Богом во время молитвы, а также священника с Богом и с верующими); использование неязыковых средств; предмет богослужения и эстетическое измерение религиозного акта. Религиозный стиль в трактовке Й. Мистрика характеризуется гимничностью, эмоциональностью, пафосом и помпезностью [Mistrik, 1992].

Принимая позицию, отраженную в работах Й. Мистрика и Т.В. Матвеевой, предлагаем использовать термин *религиозный стиль* как вполне достаточный для указания на соответствующую сферу деятельности и на форму общественного сознания.

**Специфика религиозного сознания
как основа выделения
конструктивного принципа
религиозного стиля**

Религиозный функциональный стиль русского литературного языка дополняет ставшую традиционной парадигму функциональных стилей, полностью соответствуя особым экстралингвистическим критериям. Религиозное сознание и соответствующая деятельность – главные экстралингвистические основания для выделения данного функционального стиля.

Общественное сознание, понимаемое как «категория для обозначения той социальной реальности, которая обуславливается в итоге общественным бытием и является в основном его отражением, духовным воспроизведением» [Краткий философский словарь, 2000, с. 216], с трудом поддается анализу, поскольку представляет собой обобщенный феномен духовной жизни общества: сложно «распутать живой клубок духовной жизни и проследить сплетение образующих его отдельных нитей – морально-философских мотивов и идей; здесь можно наперед рассчитывать лишь на приблизительную точность» [Франк, 1990, с. 81].

Выделяются следующие формы общественного сознания, соотносимые с существу-

ющей системой функциональных стилей: политическое, правовое, нравственное, религиозное, эстетическое и научное сознание. Основаниями для данной классификации служат предмет и форма отражения, социальная функция, характер закономерностей развития, а также степень зависимости от общественного бытия. Общественное сознание имеет сложную структуру и разные уровни (обыденный и теоретический, концептуальный).

Остановимся на специфике религиозного сознания. Обыденное религиозное сознание составляют фрагментарные, разрозненные образы, представления, стереотипы, установки, настроения, привычки и традиции. На этом уровне главную роль играют эмоции – чувства и настроения, наглядно-образные формы сознания. Религиозное сознание на теоретическом, концептуальном, уровне – это целостная совокупность понятий, идей, принципов. Оно покоится на догматах веры (догмат – утверждение высшим религиозным институтом положения вероучения в качестве непреложно истинного), как правило, оформленных в канон, свод религиозных положений. В состав канона входит упорядоченное учение о Боге, мире, природе, обществе, человеке; ритуальные предписания. Еще один важный компонент религиозного сознания, который нельзя отнести ни к концептуальному уровню, ни к обыденному, – это религиозный опыт: медитация, экстаз, мистические видения, созерцание Бога и т. п.

Религиозное сознание кардинально отличается от остальных форм общественного сознания особенностями реализации функций. Философия выделяет следующие функции религии: иллюзорно-компенсаторную, так как религия дает человеку надежду на успокоение и моральное удовлетворение; мировоззренческую, так как создает свою картину мира; регулятивную, так как устанавливает свою систему норм и ценностей и тем самым регламентирует поведение человека; коммуникативную, так как способствует общению верующих людей [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 576–578]. Специфика реализации указанных выше функций религии обусловлена признанием существования двух миров: реального, земного и потустороннего, небесного, являющегося конечным смыслом

бытия человека и определяющего его ценностно-смысловую ориентацию. «Религия всегда означает веру в реальность абсолютно ценного, признание начала, в котором слиты воедино реальная сила бытия и идеальная правда духа» [Франк, 1990, с. 83].

Религия как сфера общественного сознания занимает особое место в ряду других выделяемых философским знанием сфер (наука, политика, искусство, право), так как формирует мировоззренческие установки субъекта. Она определяет не только особенности религиозной деятельности, но и особенности функционирования личности и общества в иных сферах человеческой деятельности. Религиозная картина мира отличается таким онтологическим принципом, как двоемирие, что детерминирует специфику собственно лингвистического конструктивного принципа религиозного стиля.

Функциональный стиль, помимо формы общественного сознания, определяется видом человеческой деятельности. Стиль обозначает, как пишет П. Гиро, «специфический способ действия» [Guiraud, 1963, p. 6]. Чешский лингвист К. Гаузенблас понимает стиль в самом общем смысле этого слова как определенный способ протекания целенаправленной деятельности, который предусматривает особенности и структуру этой деятельности [Гаузенблас, 1967, с. 70–71].

Религиозная деятельность отличается от других видов деятельности. Религиоведение предлагает следующую классификацию религиозной деятельности. Выделяется дихотомия: нерелигиозная / религиозная деятельность религиозных людей, групп, организаций. Нерелигиозная деятельность – это деятельность в экономической, производственной, политической, художественной, научной областях. Она может быть религиозно окрашена, но по объективному содержанию, предмету и результатам находится вне религии.

Собственно религиозная деятельность делится на внекультовую и культовую. Внекультовая осуществляется в духовной и практической сферах. Духовная сфера – это разработка религиозных концепций, систематизация и интерпретация догматов теологии, сочинение богословских произведений и т. д. Разновидностями практической внекультовой

деятельности являются производство средств религиозного культа, миссионерство, преподавание богословских дисциплин в учебных заведениях, пропаганда религиозных взглядов.

Культовая религиозная деятельность – это совокупность религиозных действий, определяемых каноном и направленных на служение Богу. Ее содержание обуславливается прототекстом. Воспроизведение событий прототекста во время богослужения является «высшей реальностью», во время которой происходит общение с трансцендентным миром. Человек имеет цель выше тварного мира, именно его соединение с Богом и есть его бытийное предназначение [Мейендорф, 1997, с. 162–163].

Основополагающей и специфической чертой религиозного сознания является стремление субъекта приблизиться к Богу, обрести единение с трансцендентной сущностью. В христианстве такое стремление трактуется как спасение, понимаемое как максимально возможное для каждого субъекта приближение к Богу после окончания земной жизни. Интенция спасения является глобальной и смыслообразующей, именно она формирует все остальные цели субъекта. Стремление к спасению предполагает различные степени ответственности как за себя, так и за других и зависит от социального статуса (священнослужитель отвечает за спасение прихожан, муж и отец – за спасение членов семьи), личного уровня духовного развития (любой человек, вне зависимости от социального статуса, отвечает за сохранение духовного равновесия находящихся рядом, отсюда максимальная степень ответственности за произносимые слова и совершаемые поступки).

Стремление субъекта к спасению, его постоянный ориентир на сакральные ценности определяют его поведение в земном мире. Интенция спасения формирует триаду *мысль – слово – дело* религиозно ориентированного человека в любой сфере деятельности, в частности, воплощенную в слове мысль, которая приводит к поступку.

Воссоединяя жизнь двух миров – земного, природно-социального, и трансцендентного, религия отличается своеобразием духовной деятельности: земной человек стремится к трансцендентному, с этим связано личное

душеспасение: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне» [Кант, 2015, с. 92].

Таким образом, религиозное сознание, имеющее в своей основе идею двоемирия, и религиозная деятельность, главная интенция которой – спасение, являются мировоззренческими основаниями для выделения конструктивного принципа религиозного стиля на собственно лингвистических основаниях.

Лингвистические основания выделения конструктивного принципа религиозного стиля

Понятие «конструктивный принцип» введено в обиход функциональной стилистики В.Г. Костомаровым [Костомаров, 1970; 1971] и теоретически дополнено М.Н. Кожинной. Под конструктивным принципом понимается «ведущий принцип отбора языковых средств и их текстовой организации, обусловленный базовыми экстралингвистическими стилеобразующими факторами» [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 180]. Конструктивный принцип определяет основные стилевые черты, которые, в свою очередь, реализуются через набор лингвистических признаков [Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003, с. 404].

Конструктивный принцип религиозного функционального стиля обусловлен особенностями религиозного сознания и религиозной деятельности. Онтологические (мировоззренческие) принципы двоемирия (объективно-статический аспект) и спасения (субъективно-динамический аспект) в проекции на текстосферу воплощаются в собственно лингвистическом конструктивном принципе прототекстуальности, предполагающем обязательную для каждого из последующих религиозных текстов опору на религиозный прототекст (для русского православия – текст Евангелия). Так обеспечивается преемственность и сохранность канонических мировоззренческих конструктов, в концентрированном виде содержащихся в прототекстах.

Под прототекстом мы понимаем целостный завершённый, закрытый канонический

текст, передающий мысли Бога или пророков и содержащий в концентрированном виде ценностно-смысловые установки религиозной конфессии. В прототексте задаются установления и описываются образцы, которые формируют должное поведение человека. Прототекст является нерушимым идейным основанием и материально-языковым базисом всех производных текстов религиозного функционального стиля. Данная характеристика присваивается текстовому первоисточнику на том основании, что все последующие религиозные тексты воспроизводят и развивают исходный канонический образец.

Религиозные представления о мире земном и небесном, о месте и пути человека в нем в мировых религиях (буддизме, христианстве, исламе – в порядке возникновения) зафиксированы в соответствующих прототекстах. Такими прототекстами для традиционных конфессий являются следующие: в ведической религии «Веды», «Брахманы», «Упанишад»; в иудаизме «Танах», «Тора»; в зороастризме «Авеста»; в конфуцианстве «Ицзин (Книга перемен)», «Беседы и суждения»; в буддизме «Трипитака»; в даосизме «Дао дэ цзин»; в христианстве «Библия»; в исламе «Коран» [Мечковская, 1998, с. 118–231]; каждый из них составляет формально-содержательный фундамент для всех текстов, создаваемых в пространстве одного религиозного стиля.

В прототексте задаются установки и описываются образцы, которые формируют должное поведение человека. Человек, живущий в религиозной системе координат, по принципам сакрального мира, мыслит и действует в соответствии с ними в любой иной сфере: в науке, политике, философии, искусстве. Любое событие, поступок, факт, слово, мысль в земном пространстве, а priori грешном, поверяется принципами, заданными в прототексте Священного Писания и Священного Предания.

Жизнь субъекта, находящегося в религиозной системе координат, последовательно протекает в двух мирах: земном (дольнем, профанном) и небесном (горнем, сакральном), причем жизнь в земном мире ориентирована на ценности, свойственные небесному миру. Ориентиром, задающим идеал и определяющим речемыслительную деятельность, явля-

ется круг текстов Священного Писания и Священного Предания, где формулируются принципы мира небесного, зафиксирована речь Бога, обращенная к людям, а также событийный ряд, показывающий путь к спасению. Любой вид коммуникации в религиозной сфере генетически проистекает из прототекста Священного Писания и Священного Предания и опирается на них.

Прототекстуальность проявляется в предметности способов текстуальной обработки выдвигаемых концептов мировоззрения. Прототекст содержит жанровые образцы, исчерпывающие потребности субъектов религиозной деятельности применительно к основным ситуациям религиозной коммуникации. Канонизированные инвариантные жанровые модели, представленные в совокупном прототексте Евангелия, предлагается назвать протожанрами.

Анализ текста Евангелия в сопоставлении с открытой текстосферой современного религиозного стиля позволяет выделить в качестве эталонных три протожанра: проповедь (основной прототекст в составе Евангелия – Нагорная проповедь), молитву (основной прототекст в составе Евангелия – Отче наш), и житие (прототекст Евангелия в целом как жизнеописание Иисуса Христа). Самостоятельность данных протожанров определяется уже анализом прагматической рамки, позволяющим установить направление религиозной коммуникации на основе принадлежности адресанта и адресата речи сакральному или профанному миру.

Протожанр проповеди отличается спецификой позиции адресанта. Иисус Христос – Бог, временно находящийся в земном, профанном мире. Разъясняя свое учение, Он произносит Нагорную проповедь, текст которой является целостной экспликацией протожанра, задающей образцовую жанровую модель. Любой последующей проповеди свойственна модифицированная схема коммуникации, когда адресантом текста выступает проповедник как представитель сакрального мира, от лица Церкви осуществляющий главную цель данного жанра: научить адресата, разъяснить Божественную истину представителям мира профанного. Типовая содержательная структура проповеди включает в себя три компо-

нента: утверждение, разъяснение и предписание (вариант – назидание). Композиция отражает приведенную последовательность. Модификация данной структуры связана с использованием «протопрототекста», когда в качестве исходного утверждения проповеди используется положение из Ветхого Завета, а в роли объяснения используется логически развивающее его положение из Нового Завета. В Евангелии, кроме Нагорной проповеди, демонстрируются различные виды проповеди и способы предъявления убеждающего материала различным типам аудитории: по уровню осведомленности, по уровню доброжелательности по отношению к оратору, по объему текста. Эти варианты могут рассматриваться как прототексты субжанровых разновидностей проповеди.

Протожанр молитвы эксплицирован в Евангелии в виде текстов Отче наш, молитвы мытаря, Моления о чаше и других текстов, созданных по единой модели, которая модифицируется в зависимости от коммуникативной ситуации. Единство обеспечивается комплексом обязательных содержательных компонентов, выстроенных в типичную композиционную последовательность. На лингвостилистической основе выделены прагматические компоненты жанра (целенаправленные речевые действия отправителя текста): обращение, просьба, характеристика, хвала. Каждое из этих действий формирует определенный содержательный фрагмент текста. Полное композиционное развертывание молитвы образует следующий ряд речевых действий отправителя: обращение → просьба → хвала → характеристика адресанта с указанием на его грешность → итог.

Особым образом реализован в Евангелии протожанр жития, возникший и развившийся в ходе распространения христианского вероучения после Воскресения Иисуса Христа. В прототексте Евангелия изображается жизнь и смерть Иисуса Христа, Бога в образе человека, явившегося в мир, чтобы исполнить Завет и спасти всех людей. Жизнеописание Иисуса Христа и задает протожанровую модель жития. Авторы Евангелия, используя хронологический композиционный ход, показывают образец поведения и пути спасения человека. Реализованная в прототексте модель жизнеописания Богочеловека служит

текстовым ориентиром при создании любого житийного текста, поскольку его целью является демонстрация образцовой модели поведения христианина в земной жизни.

Триада рассмотренных протожанров с течением времени трансформируется в разветвленную жанровую систему. В современной жанровой системе каждый протожанр является содержательным и структурным основанием группы производных от него жанров – современных жанровых типов. Каждый жанровый тип на родовидовой основе делится на жанры и субжанры.

Каждый жанровый тип современного функционального религиозного стиля можно представить как понятийное поле. Ядро каждой жанровой подсистемы составляют жанры, используемые в богослужебной сфере, они максимально близки к протожанру в формально-содержательном отношении. Периферию жанровой подсистемы составляют жанры, функционирующие в небогослужебной сфере, они отличаются некоторой авторской свободой и в то же время сохраняют связь с каноническим прототекстом.

Жанровые подсистемы, генетически восходящие к протожанрам молитвы, проповеди и жития, имеют общую коммуникативную рамку (субъекты религиозной коммуникации принадлежат к разным мирам; общение характеризуется благоговейной тональностью по отношению к Богу и другим представителям сакрального мира), однако различаются по направлению коммуникации и способу текстуальной обработки содержания.

Ядро жанрового типа проповеди включает в себя богослужебные жанры церковной проповеди, послания, беседы; церковная проповедь характеризуется делением на множество субжанров (миссионерская, катехизическая, экзегетическая и др. проповеди). На периферии функционируют такие жанры, как статья, беседа в чате, заметки о путешествиях (современный вариант жанра хождения). Коммуникативным основанием для выделения жанров в пределах жанрового типа проповеди служат целеполагание адресанта и тип адресата. Цель адресанта – сообщить Истину, убедить адресата принять Истину – реализуется в убеждающем тексте проповеди в зависимости от типа аудитории: учитывается

уровень воцерковленности, образованности, доброжелательности паствы.

Для проповеди как типа текста характерно доминирование категории темы. Данная текстовая категория в пределах своего текстотипа получает жесткую дифференциацию (с различием темы духовной, предметной и ситуативной, на более низком уровне абстракции – с делением предметной темы на сакрально-предметную и профанно-предметную), в результате чего определяется тематическая иерархия с главенством духовной темы. Доминирование категории темы выражается в ее развернутой текстуальной проработке и прямом влиянии на композицию проповеди. Жанровый тип характеризуется устойчивыми схемами композиционного развития темы.

Ядро жанрового типа молитвы включает в себя богослужебные жанры: собственно молитва, канон, кондак, акафист, величание, тропарь и др., периферию составляют авторская неканоническая молитва, авторский неканонический акафист, заговор, художественные произведения – стихотворные молитвы. Основанием для выделения жанров внутри жанрового типа служит критерий интенциональности адресанта, доминирование той или иной интенции и группировка интенций из числа свойственных религиозному стилю является жанрообразующим фактором. Так, интенция хвалы и благодарности формирует жанр акафиста, интенция просьбы и покаяния – жанр канона. Собственно церковная молитва является базовым жанром и может включать в себя все интенции: просьбы, покаяния, хвалы, благодарности в различном соотношении. Композиционное структурирование текста молитвы определяется интенцией и мотивированными ею речевыми действиями коммуниканта.

Современный жанровый тип жития представляет собой целостное образование. Его источником является Евангелие в целом, жанр жития опирается не на текст, включенный в Евангелие, а на текстовую модель жизнеописания Иисуса Христа, данную в Евангелии. По этому образцу и подобию строятся все последующие житийные тексты, сохраняющие прототекстуальное композиционно-тематическое решение и организацию хронотопа. Даже авторская интенция жизнеописания не меняет-

ся существенно в связи со сменой субъекта текста: житие тоже отражает идеал достижения главной цели христианина – оБожения. В рамках данного жанра особую значимость приобретает категория хронотопа, непосредственно связанная с композиционным решением текста.

В богослужебной сфере данный жанр делится на субжанры, выделяемые на экстралингвистических основаниях: по лику святости. Периферию жанра жития составляют небогослужебные жанры биографии, автобиографии, жизнеописания, романа, повести, рассказа, при условии, что в последних эксплицирована ведущая цель данного жанра – показать образец поведения человека, способствующий достижению спасения.

Выводы

Онтологическим основанием религиозного стиля является двоемирие, главная интенция религиозного текстопорождения – спасение. Философское понимание двоемирия как отличительного признака религиозного сознания реализуется в религиозном стиле через прототекстуальность, которая, представляя собой конструктивный принцип религиозного функционального стиля, проявляется в константной связи всех текстов и жанров-текстотипов с религиозным прототекстуальным источником. Так обеспечивается преемственность и сохранность канонических мировоззренческих конструктов, в концентрированном виде содержащихся в прототипическом текстовом источнике.

Все три подсистемы религиозного стиля русского языка (молитва, проповедь и житие) прошли процесс развития, каждая на своей прототекстовой основе. Они продолжают свое активное существование в виде жанровых групп современного религиозного стиля. Названные жанровые типы сохраняют центральное местоположение в жанровой системе религиозного функционального стиля. Наряду с этим активно формируется периферия стиля, образуемая жанрами, не выполняющими собственно богослужебных функций и находящимися на пересечении с другими функциональными стилями. Периферию образуют создаваемые с максимальной для религиоз-

ного православного сознания степенью свободы тексты, относящиеся к различным видам религиозной деятельности, обеспечивающим существование Церкви как социального института общества и ее миссионерскую деятельность. Тем не менее и для периферийных текстов в разной степени эксплицированности характерна опора на прототекст.

Идейная и содержательная близость к прототексту, следование заданным в нем канонам определяет полевую структуру жанров религиозного стиля, их ядерную или периферийную принадлежность.

Прототекстуальность проявляется также в преемственности способов текстуальной обработки выдвигаемых концептов мировоззрения.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации, соглашение № 02.А03.21.0006. Supported by Act 211 Government of the Russian Federation, agreement № 02.А03.21.0006.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобырева Е. В., 2013. Сферы функционирования и особенности религиозного дискурса // Мир науки, культуры, образования. № 5 (42). С. 296–298.
- Бугаева И. В., 2016. Лингвотеология как новое направление лингвистических исследований // Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (28–30 сент. 2016 г.). Нижний Новгород : Деком. С. 87–92.
- Гадомский А. К., 2009. О филологических и нефилологических направлениях изучения религиозного языка в русской и польской теолингвистике // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Т. 22 (61), № 1. С. 204–214.
- Гаузенблас К., 1967. К уточнению понятия «стиль» и к вопросу об объеме стилистического исследования // Вопросы языкознания. № 5. С. 69–75.

- Кант И., 2015. Критика практического разума. М. : Эксмо. 92 с.
- Кожина М. Н., 1977. Стилистика русского языка. М. : Просвещение. 223 с.
- Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А., 2008. Стилистика русского языка. М. : Флинта : Наука. 464 с.
- Костомаров В. Г., 1970. Тезисы возможной концепции функциональных стилей // Из опыта преподавания русского языка нерусским. Вып. 5. М. : Высшая школа. С. 116–132.
- Костомаров В. Г., 1971. Русский язык на газетной полосе. М. : Изд-во МГУ. 267 с.
- Краткий философский словарь, 2000. Под ред. А. П. Алексеева. М. : Проспект. 396 с.
- Крылова О. А., 2001. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. научн. тр. Пермь : Перм. ун-т. С. 259–269.
- Крылова О. А., 2003. Портрет речевого жанра церковно-религиозного послания // Русский язык в России на рубеже 20–21 вв. : материалы междунар. науч. конф. (5–6 мая 2003 г.). Самара : Изд-во СамГПУ. С. 63–65.
- Крысин Л. П., 1996. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: памяти Т.Г. Винокур. М. : Наука. С. 135–138.
- Купина Н. А., Матвеева Т. В., 2013. Стилистика современного русского языка. М. : Юрайт. 415 с.
- Мейендорф И. (прот.), 1997. Православие в современном мире. М. : Свято-Тихон. богослов. ин-т. 230 с.
- Мечковская Н. Б., 1998. Язык и религия. М. : Агентство ФАИР. 352 с.
- Прохватилова О. А., 1999. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 364 с.
- Салимовский В. А., Сулова К. С., 2005. Экспликация догмата как жанра догматической проповеди // Жанры речи. Вып. 4. Саратов : Колледж. С. 280–292.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2003. Под ред. М. Н. Кожинной. М. : Большая Российская энциклопедия. 696 с.
- Философский энциклопедический словарь, 1983. Сост.: Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов М. : Советская энциклопедия. 840 с.
- Франк С. Л., 1990. Сочинения. М. : Правда. 608 с.
- Guiraud P., 1963. La stylistique (Coll. «Que sais-je?»). Paris. : PUF. 120 p.
- Mistrik J., 1992. Religiozty štýl // Stylistika. I. Opole : Uniwersytet. Opolski. S. 82–89.

REFERENCES

- Bobyreva E.V., 2013. Areas of functioning and peculiarities of religious discourse. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 5 (42), pp. 296–298.
- Bugaeva I.V., 2016. Linguistic theology as a new area of language studies. *Nauchnoe nasledie B.N. Golovina v svete aktualnykh problem sovremennogo yazykoznaniiya (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya B.N. Golovina): sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (28-30 sentyabrya 2016)*. Nizhniy Novgorod, Dekom Publ., 2016, pp. 87–92.
- Gadomskiy A.K., 2009. On philological and non-philological areas of religious language study in Russian and Polish theolinguistics. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University], vol. 22 (61), no. 1, pp. 204–214.
- Gauzenblas K., 1967. On the concept of ‘style’ and on the scale of stylistic research. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 5, pp. 69–75.
- Kant I., 2015. *Critique of Practical Reason*. Moscow, Eksmo Publ. 92 p.
- Kozhina M.N., 1977. *Stylistics of the Russian language*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 223 p.
- Kozhina M.N., Duskaeva L.R., Salimovskiy V.A., 2008. *Stylistics of the Russian language*. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ. 464 p.
- Kostomarov V.G., 1970. Theses of possible conception of functional styles. *Iz opyta prepodavaniya russkogo yazyka nerusskim. Vyp. 5*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., pp. 116–132.
- Kostomarov V.G., 1971. *The Russian language on newspaper pages*. Moscow, Izd-vo MGU. 267 p.
- Alekseev A.P., (ed.) 2000. *Brief dictionary of philosophy*. Moscow, Prospekt Publ. 396 p.
- Krylova O.A., 2001. Can a church and religious style of the modern Russian literary language be considered as a type of a newspaper style? *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauchn. tr.* Perm, Perm. un-t Publ., pp. 259–269.
- Krylova O.A., 2003. A speech genre of church and religious message. *Russkiy yazyk v Rossii na rubezhe XX-XXI vv.: materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (5-6 maya 2003 g.)*. Samara, Izd-vo SamGPU, pp. 63–65.
- Krysin L.P., 1996. Religious and sermon style and its role in the functional and stylistic paradigm of

- the modern Russian literary language. *Poetika. Stilistika. Yazyk i kultura: Pamyati T.G. Vinokur*. Moscow, Nauka Publ., pp. 135-138.
- Kupina N.A., Matveeva T.V., 2013. *Stylistics of the modern Russian language*. Moscow, Yurayt Publ. 415 p.
- Meyendorf I. (archpriest), 1997. *Orthodoxy in the modern world*. Moscow, Svyato-Tikhonovskiy Bogoslovskiy institut Publ. 230 p.
- Mechkovskaya N.B., 1998. *Language and religion*. Moscow, Agentstvo FAIR. 352 p.
- Prokhvatilova O.A., 1999. *Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of modern speech*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 364 p.
- Salimovskiy V.A., Suslova K.S., 2005. Explication of dogma as a genre of dogmatic sermon. *Zhanry rechi. Vyp. 4* [Speech Genres. Iss. 4]. Saratov, Kolledzh Publ., pp. 280-292.
- Kozhina M.N. (ed.), 2003. *Encyclopedic Russian-language dictionary of stylistics*. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ. 696 p.
- Ilyichev L.F., Fedoseev P.N., Kovalev S.M., Panov V.G., 1983. *Encyclopedic dictionary of philosophy*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1983. 840 p.
- Frank S.L., 1990. *Works*. Moscow, Pravda Publ. 608 p.
- Guiraud P., 1963. *La stilistique (Coll. "Que sais-je?")*. Paris, PUF. 120 p.
- Mistrik J., 1992. *Religiózny štýl. Stylistyka. I*. Opole, Uniwersytet Opolski, pp. 82-89.

Information about the Author

Tatyana V. Itskovich, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Eltsin, Lenina St., 51, 620000 Ekaterinburg, Russia, Tatiana.Itskovich@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Ицкович, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, Tatiana.Itskovich@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2>

UDC 811.161.1+811.162.1'374
LBC 81.41-4

Submitted: 30.11.2017
Accepted: 24.01.2018

**LEXICOGRAPHIC DESCRIPTION
OF THEOLINGUISTIC TERMINOLOGY
(EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN AND POLISH LANGUAGES)**

Aleksander Gadomski
Opole University, Opole, Poland

Abstract. The paper deals with the problems of lexicographic description of Russian and Polish theolinguistic terminology. We describe theolinguistics as one of the subdisciplines of linguistics, which main focus is on the reflection of religion in language. We present the most important achievements in the given field at the turn of the 20th and 21st cc., specify the relevant theoretical and applied aspects of contemporary theolinguistic studies. However, it is shown that there is a gap in the modern theolinguistic research – the lack of a comprehensive description of the terminology of Slavonic theolinguistics. An attempt has been made to give a lexicographical description of theolinguistic terminology – a draft dictionary divided into four chapters: alphabetical and thematical lists of Polish-Russian theolinguistic terminology; alphabetical and thematical lists of scholarly works, which were the source of terminology presented in the first two chapters. The analysis and processing of vocabulary and bibliography have been carried out using the classical and modern scholarly methods and the computer technologies. Terminology and bibliography of theolinguistics shall be presented in alphabetical and thematical (ideographical) order.

There is a potentially wide spectrum of fundamental research problems in the field of Slavonic and particularly Russian and Polish theolinguistics. These disciplines can be further developed through the contacts with the leading centers of theolinguistic research in the contemporary world as well as with the help of rising interest of various scholars working in the fields of linguistics, religion, anthropology, etc.

The dictionary can be used not only in scholarly work but also in the process of education.

Key words: lexicography, theolinguistics, terminology, terminology of theolinguistics, Russian language, Polish language, dictionary, dictionary structure.

Citation. Gadomski A. Lexicographic Description of Theolinguistic Terminology (Exemplified by the Russian and Polish Languages). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 17-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2>

УДК 811.161.1+811.162.1'374
ББК 81.41-4

Дата поступления статьи: 30.11.2017
Дата принятия статьи: 24.01.2018

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ТЕРМИНОЛОГИИ ТЕОЛИНГВИСТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Александр Казимирович Гадомский
Опольский университет, г. Ополе, Польша

Аннотация. Статья посвящена проблемам лексикографического описания русской и польской теолингвистической терминологии, которое основано на понимании теолингвистики как раздела языкознания, изучающего отражение религии в языке. Охарактеризованы достижения теолингвистики конца XX – начала XXI в., сформулированы ее теоретические и прикладные задачи. Показано, что в современных исследованиях отсутствует комплексное описание терминологии славянской теолингвистики, и предложен проект биб-

лиографического словаря русско-польской теолингвистической терминологии. Определены теоретические принципы, положенные в основу лексикографирования терминологических единиц, содержание основных этапов работы и критерии отбора терминов. Обработка лексического и библиографического материала осуществляется с использованием классических и современных научных методов, а также с применением компьютерных средств и технологий.

Подробно представлена структура словаря, который состоит из четырех частей: алфавитного и тематического списков терминологии, а также из алфавитного и тематического списков научных работ, которые послужили источниками отбора терминологии.

Выявлены возможности практического применения словаря, а также перспективы славянской, в частности русской и польской теолингвистики, способствующей укреплению связей между ведущими центрами теолингвистических исследований в современном мире и широкому привлечению представителей языковедческих, богословских, религиоведческих, культурологических и других научных направлений к развитию данной области языкознания.

Ключевые слова: лексикография, теолингвистика, терминология, терминология теолингвистики, русский язык, польский язык, словарь, структура словаря.

Цитирование. Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 17–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.2>

Теолингвистика: достижения и задачи

На рубеже XX–XXI вв. активизировались исследования, проводимые на стыке двух наук: теологии и языкознания. Вследствие этого ученые заговорили о таком разделе языкознания, как теолингвистика. Первоначально возникало много вопросов о самом термине, его дефинициях, о направлениях и методах исследований в теолингвистике, о ее статусе (богословие или языкознание) [Гадомский, 2017; Гадомський, Гадомська, 2016; Кончаревіч, 2012; Постовалова, 2012а; 2012б; 2016; 2017; Gadomski, 2016; Gadomski, Gadomska, 2014; Kucharska-Dreiß, 2004]. Пытался найти место для теолингвистики между географией (разделом теологии) и языкознанием и «отец теолингвистики» Д.-П. ван Ноппен [Noppen, 1988].

Итогом наших размышлений о перечисленных проблемах стало следующее определение теолингвистики: «теолингвистика (от греч. *theos* – Бог и лат. *lingua* – язык) – это наука, возникшая на стыке языка и религии и исследующая проявления религии, которые закрепились и отразились в языке» [Гадомский, 2004а, с. 167] (см. также: [Гадомский, 2004б, с. 34]).

Позднее это определение было дополнительно указанием на то, что теолингвистика – это раздел языкознания, который занимается исследованием религиозного языка в узком и широком понимании этого термина [Гадомский, 2007].

Впоследствии анализ истории языкознания позволил нам расширить дефиницию данного термина и предложить ее более полную формулировку:

теолингвистика:

1) раздел языкознания, который возник вследствие взаимодействия языка и религии, отражает первый этап становления языкознания как науки о языке, призванного служить интересам религии;

2) раздел языкознания, который занимается изучением религиозного языка в узком и широком понимании этого термина и исследованием проявлений религии, которые закрепились и отразились в языке [Gadomski, Łapicz, 2008, с. 51].

Перечислим основные характеристики теолингвистики как науки.

Во-первых, теолингвистика – это раздел науки светской, науки наднациональной, надрелигиозной (надконфессиональной), раздел языкознания. Подтверждением этому могут служить серии теолингвистических публикаций с участием ученых из ряда стран, вышедших на протяжении последних 15–20 лет в Англии, Белоруссии, Бельгии, Германии, Польше, России, Сербии, Словакии, Украине.

Во-вторых, теолингвистика делится на общую и частную (христианская лингвистика, китаистика и др.). Общая теолингвистика с учетом многообразия религий и многогранности рассматриваемого языкового материала изучает общие вопросы, такие как де-

финиция теолингвистики, определение и универсализация базовых понятий, формирование понятийного аппарата (религиозный язык, религиозный дискурс, религиозный стиль, религиозный жанр и др.) и метаязыка, развитие основных направлений теолингвистических исследований и ряд других общих вопросов.

Частная теолингвистика сосредоточена на проявлениях конкретных религий (христианство, ислам, буддизм и др.) и их отражении в конкретных языках.

Сегодня активно развивается именно частная теолингвистика: если первые теоретические исследования, проводимые на Западе во второй половине XX в., были связаны с протестантизмом [Norren, 1988], то позднее в Восточной Европе и в России объектом исследования стали православие и католицизм. Как правило, на выбор объекта изучения влияют страна проживания, вероисповедание и язык исследователя. Однако на протяжении последних нескольких лет ученые в разных странах независимо от родного языка и вероисповедания все чаще стали обращаться к исламу и его отражению в культурах (и языках) разных народов [Kończak, 2011; Święte księgi..., 2016].

В-третьих, теолингвистика делится на теоретическую и прикладную. Теоретический характер теолингвистики не требует разъяснения. Он подтверждается наличием докторских и кандидатских диссертаций, защищенных в последнее десятилетие в славянских странах, а также многочисленными публикациями теоретического характера. Реализацией прикладного направления в теолингвистике являются не только словари религиозной лексики (одно- и двуязычные [Lewicki, 2002; Markunas, Uczyciel, 1999]), но и разработка методик преподавания различных теолингвистических дисциплин в светских и духовных учебных заведениях.

В-четвертых, теолингвистика развивается и как синхроническая, и как диахроническая. Синхроническая теолингвистика изучает процессы, происходящие в религиозном языке на современном этапе или на определенном историческом отрезке. Следует отметить, что сегодня, в связи с активизацией деятельности Церкви, происходят активные изменения, например, в современном русском

языке: в язык проникают новые и возвращаются многие давно забытые слова, происходит возрождение, актуализация их первоначальных значений. Многочисленные метафоры, связанные с религиозными образами, устойчивые обороты стали все чаще звучать в разговорной речи. В связи с канонизацией новых святых создаются на церковнославянском языке их жития [Ицкович, 2015]. Происходит своеобразное оживление мертвого языка. Преподавание Закона Божьего в воскресных школах, контакты представителей различных религий, язык религиозных СМИ и многие другие актуальные проблемы становятся объектом исследования синхронической теолингвистики.

Диахроническая теолингвистика изучает динамику религиозного языка во времени и представлена исследованиями в области старославянского / церковнославянского языков, истории славянских языков, исследованиями, проводимыми в области этимологии.

В-пятых, предмет исследования теолингвистики составляют проявления религии, которые отразились и закрепились в языке, а также язык как форма религии в корреляциях «религия – содержание, язык – форма», как способ отражения, сохранения и передачи религиозного содержания. Здесь речь идет и о языке светском (не религиозном, не сакральном, а профанном), который на всех языковых ярусах изобилует богатейшим материалом, заимствованным из религиозного языка.

Цель теолингвистики состоит в изучении этих проявлений, ее достижение предполагает последовательное решение задач, связанных с:

– выбором материала из соответствующих источников: текстов (в данном случае текст мы понимаем в широком смысле этого слова), речи (устной и письменной), интернет- и других источников;

– дифференциацией, интеграцией, систематизацией полученного материала и обработкой его с использованием теолингвистических методов и методов смежных наук [Gadomski, Łapicz, 2008, с. 51–52].

Теолингвистика, по нашему мнению, должна решать не только сугубо научные задачи, но и прагматические, прикладные: дидактические, образовательные, социальные, культурные, этические и многие другие. Их реше-

ние должно способствовать формированию «картины мира» человека новой эры – человека образованного, терпимого, толерантного, допускающего, что в системе научных взглядов могут иметь место не только материалистические теории. Язык – одна из базовых составляющих любой религии. Именно через язык, в первую очередь, происходит познание многих «невидимых глазу» явлений, понятий. Сегодня, пожалуй, не найдется ни одного ученого, который мог бы с уверенностью ответить на вопросы «есть ли Бог?», «какой он?» и ряд других. Ответ нужно искать в самом языке, в тех картинах и образах, которые он создает, – другими словами, в языковой картине мира, фрагментом которой является «языковая картина мира религии», «языковая картина мира Sacrum», которая противопоставлена «языковой картине мира Profanum». В повседневной жизни в решении вопросов, связанных с религией, язык является самым авторитетным источником. По мнению А. Новицкого, с языком в свое время не спорили даже атеисты, утверждая, что Бог существует только в языке [Nowicki, 1964; цит. по: Makuchowska, 1998, s. 14].

Эволюция теолингвистики на протяжении последней четверти века привела к ответу на ряд вопросов и к решению научных проблем в рамках названного раздела языкознания. Многие теолингвистические гипотезы нашли свое подтверждение. Сегодня термин «теолингвистика» функционирует в работах ученых Англии, Белоруссии, Бельгии, Германии, Польши, России, Сербии, Словакии, Украины.

Именно теолингвистика на протяжении более чем пятнадцати лет является объектом наших исследований. Наиболее полную информацию о теолингвистических исследованиях в целом, о славянской теолингвистике (прежде всего, польской, русской, сербской и украинской), как и о работах автора статьи, можно найти в недавно изданной книге «Теолингвистические исследования в славянском языкознании» [Гадомский, 2017].

Хотелось бы отметить, что в последние годы право теолингвистики быть разделом языкознания практически не оспаривается. Определены основные направления теолингвистических исследований. Сформировался богатый корпус теолингвистических работ

теоретического и прикладного характера, о чем свидетельствует обширная библиография.

Кроме того, теолингвистика сегодня – это не только раздел языкознания, направление научных исследований, но и учебная дисциплина, которая преподается в вузах России (И.В. Бугаева, А.К. Гадомский, В.И. Постовалова), Сербии (К. Кончаревич, Р. Левушкина-Баич), Польши (А.К. Гадомский, М. Макуховска, В. Хлебда) [Кончаревич, 2015; Хрестоматия теолингвистики, 2008 и др.]. Разработаны учебные программы теолингвистических дисциплин [Гадомский, 2015].

Актуальность

лексикографического описания терминологии теолингвистики

Вследствие развития теолингвистики постоянно пополняется и развивается ее терминологический аппарат. Однако он до сих пор не упорядочен, не систематизирован, комплексно не описан. Все это свидетельствует только о том, что нужен словарь (энциклопедия, справочник) терминологии теолингвистики, который до сих пор не создан.

Актуальность лексикографической фиксации представления терминологии рассматриваемой предметной области обусловлена и тем, что сам термин «теолингвистика» не представлен надлежащим образом в словарях лингвистических терминов: он еще не вошел, например, ни в русскоязычные, ни в польскоязычные словари лингвистических терминов, справочники, энциклопедии (за исключением переводных). Словарную статью «теолингвистика» нам удалось найти только в одной англоязычной энциклопедии и ее переводных вариантах [Crystal, 1987, p. 412; Crystal, 1995, S. 412]. Отсутствие такого словаря затрудняет как проведение дальнейших исследований в названной области, так и преподавание теолингвистики. Сам по себе этот факт свидетельствует о том, что в современном языкознании, и прежде всего в современной славянской теолингвистике, как в отечественной, так и в зарубежной, еще достаточно много «лакун», в том числе и терминологических. Это делает все исследования в области терминологии славянской теолингвистики и ее лексикографического описания особенно актуальными.

В настоящее время наши теолингвистические исследования связаны с отбором теолингвистической терминологии из авторитетных научных источников (монографий, словарей, энциклопедий, диссертаций, научных статей и т. п.), с ее обработкой и упорядочением: систематизацией в алфавитном и тематическом порядке.

На протяжении ряда лет нами ведется работа по подготовке «Учебного библиографического словаря русско-польской терминологии теолингвистики». На мысль создания «библиографического словаря» натолкнул нас «Библиографический словарь общего и польского языкознания» польского лингвиста Яна Вавжинчика [Wawrzyńczyk, 2005].

Почему именно русско-польский? Развитие славянской теолингвистики последних пятнадцати лет связано с польской, которая стала своеобразным средством объединения западной и славянской теолингвистики. Авторы многих современных работ в данной области, изданных на русском, украинском, сербском языках, часто ссылаются на работы польских исследователей. Целый ряд теолингвистических понятий, постулатов, тезисов, определений уже сформулированы на русском и польском языках. Отчасти эти описания дополняют друг друга, а в ряде случаев этого не происходит. И поэтому возникла необходимость обобщенного представления теолингвистических терминов и заполнения «лакун», что должно способствовать решению не только частных, но и общих проблем теолингвистики. По нашему мнению, это должно повлечь за собой также систематизацию исследований в названной области. Издание такого словаря должно положительно повлиять на развитие различных направлений теолингвистики.

Этапы работы

1. Прежде всего составляется максимально полный библиографический список теолингвистических работ на русском и польском языках. В этом направлении ведется активная работа [Гадомский, Кончаревич, 2014; Мова і релігія..., 2016; Петровић, 2015; Bibliografia..., 2007].

2. Создается корпус текстов теолингвистических и связанных с ними научных исследова-

ний на русском и польском языках: монографий, диссертаций, статей, словарей и других научных работ. Прежде всего: польская серия «Teolingwistyka»; публикации издательства «Biblos» [Pisownia..., 2011; Polszczyzna biblijna..., 2009 и др.]; «Język religijny dawniej i dziś», издаваемая в Университете Адама Мицкевича в г. Познань (Польша) [2004; 2005; 2007; 2008; 2009]; «Хрестоматия теолингвистики» (г. Симферополь, Крым) [2008]; «Теолингвистика. Сборник научных трудов» [2012], изданный в Белградском университете, и «Теолингвистика проучавања словенских језика», изданный Отделением языка и литературы Сербской академии наук и искусств (г. Белград, Республика Сербия) [2013]; трехтомник «Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym», изданный в Университете Николая Коперника (г. Торунь, Польша) [2016], и ряд других.

3. Из корпуса текстов, из авторитетных источников отбирается польская и русская терминология [Карасик, 1999; Постовалова, 2012а; 2012б; 2016; 2017; Прохвятилова, 1999; Већkowska, 2002; Kończak, 2011 и др.]. При этом термины не переводятся, а сопоставляются и объединяются в переводные пары. Примером применения такой методики может служить «Идиоматикон», подготовленный коллективом Института славистики Опольского университета в Польше [Polsko-rosyjski słownik..., 2014].

4. Отдельно фиксируются случаи, когда у терминов одного языка не обнаруживается соответствий в другом языке (то есть особое внимание уделяется лексическим единицам, у которых нет переводных пар).

5. По мере возможности каждый термин сопровождается списком литературы, чтобы пользователи словаря, работая с терминологией, могли иметь доступ к информации об источниках материала, в которых описываются те или иные проблемы.

6. Формируется алфавитный список терминов (переводных пар) с «привязанной» к ним библиографической информацией. Расположение материала в алфавитном порядке позволяет быстро находить нужный термин в представленном списке и получать информацию об источниках, в которых он употребляется. Каждый термин в алфавитном списке снаб-

жается «адресом» в тематическом (идеографическом) списке, чтобы его без труда можно было там отыскать.

7. Термины (переводные пары) представляются в тематическом (идеографическом) порядке. Подобная подача материала позволяет получать информацию не только об отдельных терминах, но и о терминологической системе, реализуемой в теолингвистических исследованиях в целом, о состоянии изученности тех или иных проблем теолингвистики.

8. Структурируется библиография теолингвистических работ в алфавитном и тематическом (идеографическом) порядке.

Критерии отбора материала

В процессе выработки критериев отбора лексикографируемого материала возникли вопросы о том, какой терминологией следует пользоваться, целесообразно ли «изобретать» новую терминологию теолингвистики, что можно считать источником терминологии теолингвистики.

Подобно тому, как каждый раздел науки зарождается и развивается до определенного момента в границах других наук, зарождается и развивается терминология.

В поисках ответов на поставленные вопросы мы считаем необходимым руководствоваться следующими принципами.

1. «Изобретать» новую терминологию нет необходимости (так считает и польская исследовательница Д. Беньковска: [Bieńkowska, 2002]), по возможности следует использовать уже существующую лингвистическую терминологию и терминологию наук, тесно связанных с теолингвистикой. Если возникает проблема выбора одного из конкурирующих и равноценных терминов, а термин уже существует и распространен, предпочтение следует отдавать тому, который более распространен. Способом проверки частотности терминов могут служить, например, поисковые системы «Яндекс», «Google» и др.

2. Учет интернационального характера терминологии позволяет использовать в качестве ее источника написанные на русском и польском языках энциклопедии, справочники, терминологические и лингвистические словари, труды лингвистов, теологов, философов и

других ученых, разрабатывающих проблемы теолингвистики в том или ином аспекте.

Поэтому наш словарь представляет собой попытку объединения уже функционирующей терминологии, преимущественно русской и польской, которая может считаться терминологией теолингвистики. Терминология, которой может оперировать или уже оперирует теолингвистика, была собрана и систематизирована с учетом перечисленных выше принципов.

В основном в словарь помещались термины, существование которых подтверждено «документально», то есть те, которые уже зафиксированы в научной литературе, что подтверждено ссылками на соответствующие источники, в которых эта терминология употребляется. Часть слов вошла в словарь без русских или польских аналогов. Это значит, что на данном этапе исследования названные термины нами не были обнаружены.

В настоящее время словарь включает более 350 переводных пар русских и польских теолингвистических терминов.

Порядок работы помог сформировать структуру словаря.

Структура словаря

Словарь предположительно должен состоять из четырех основных частей, материал в некоторых из них предполагается структурировать по разделам.

I. Русско-польская терминология теолингвистики. Алфавитная часть.

II. Русско-польская терминология теолингвистики. Тематическая (идеографическая) часть.

1. Теолингвистика и ее разделы
  - 1.1. Общие понятия теолингвистики
  - 1.2. Разделы теолингвистики, связанные с христианскими религиями
  - 1.3. Разделы теолингвистики, связанные с нехристианскими религиями
2. Религиозный язык и его функции
  - 2.1. Религиозный язык
  - 2.2. Функции религиозного языка
3. Подходы к изучению религиозного языка
  - 3.1. Нелингвистические подходы к изучению религиозного языка

- 3.1.1. Философский подход к изучению религиозного языка
- 3.1.2. Теологический (богословский) подход к изучению религиозного языка
  - 3.1.2.1. Богослужebные книги
    - 3.1.2.1.1. Христианские богослужebные книги
    - 3.1.2.1.2. Нехристианские богослужebные книги
  - 3.1.2.2. Разделы теологии
- 3.1.3. Религиоведческий подход к изучению религиозного языка
- 3.1.4. Исторический подход к изучению религиозного языка
- 3.1.5. Семиотический подход к изучению религиозного языка
- 3.1.6. Аксиологический подход к изучению религиозного языка
- 3.1.7. Литературоведческий подход к изучению религиозного языка
- 3.1.8. Дидактический подход к изучению религиозного языка
- 3.2. Лингвистические подходы к изучению религиозного языка
  - 3.2.1. Подход к изучению религиозного языка как фрагменту «языковой картины мира»
  - 3.2.2. Кодовый подход к изучению религиозного языка (как системы систем – уровней (ярусов))
    - 3.2.2.1. Фонетика религиозного языка
    - 3.2.2.2. Алфавит, графика, орфография религиозного языка
      - 3.2.2.3. Лексикология религиозного языка
        - 3.2.2.3.1. Религиозная лексика
          - 3.2.2.3.1.1. Этимология. Заимствования
          - 3.2.2.3.1.2. Ономастика религиозного языка
            - 3.2.2.3.1.3. Терминология религиозного языка
        - 3.2.2.3.2. Фразеология религиозного языка
        - 3.2.2.3.3. Религиозная лексикография
          - 3.2.2.3.3.1. Словари
          - 3.2.2.3.3.2. Способы толкования в словарях
        - 3.2.2.4. Словообразование религиозного языка
        - 3.2.2.5. Грамматика религиозного языка
          - 3.2.2.5.1. Морфология религиозного языка
          - 3.2.2.5.2. Синтаксис религиозного языка
        - 3.2.2.6. Религиозный текст
      - 3.2.3. Стилистический подход к изучению религиозного языка

- 3.2.3.1. Религиозный стиль
- 3.2.3.2. Стили религиозного языка
- 3.2.3.3. Подстили религиозного стиля
- 3.2.4. Жанровый (генологический) подход к изучению религиозного языка
  - 3.2.4.1. Агиографическая литература
  - 3.2.4.2. Переводы религиозных текстов
    - 3.2.4.2.1. Переводы текстов христианских религий
    - 3.2.4.2.2. Переводы текстов нехристианских религий
  - 3.2.4.3. Духовное (епископское) послание
  - 3.2.4.4. Исповедь
  - 3.2.4.5. Молитва
  - 3.2.4.6. Папская энциклика
  - 3.2.4.7. Письменная инструкция
  - 3.2.4.8. Притча
  - 3.2.4.9. Приходское объявление
  - 3.2.4.10. Проповедь
  - 3.2.4.11. Пророчество и другие пророческие жанры
  - 3.2.4.12. Религиозные песнопения и гимны
  - 3.2.4.13. Свидетельство
  - 3.2.4.14. Эортологическая литература
- 3.2.5. Дискурсивный подход к изучению религиозного языка
- 3.2.6. Коммуникативный подход к изучению религиозного языка

III. Русско-польская библиография теолингвистики. (Алфавитная часть).

В данном разделе должны быть систематизированы в алфавитном порядке источники выбора русско-польской теолингвистической терминологии, представленной в первых двух частях словаря.

IV. Русско-польская библиография теолингвистики. Тематическая (идеографическая) часть.

В данном разделе должны быть приведены в тематическом (идеографическом) порядке источники выбора русско-польской терминологии теолингвистики, представленной в первых двух частях словаря.

Предлагаемые методы и технологии

В процессе подготовки словаря применяются различные методы и технологии, богатым арсеналом которых располагает современная лексикография и которые можно условно разделить на несколько групп.

1. Классические – с использованием бумажных носителей.

2. Современные, модернизированные – с использованием компьютерных программ и технологий.

3. Методы корпусной лексикографии, которая интегрирует «классические» и компьютерные методы и приемы.

Методы каждой из названных групп дополняют друг друга и, в принципе, не могут существовать друг без друга. Следует также отметить, что современные технологии позволяют создать интерактивный словарь с гиперссылками и с возможностью постоянного пополнения или периодического его обновления. Однако это, скорее, дальняя перспектива.

Практическое применение словаря

Словарь может быть использован не только в научно-исследовательской, но и в педагогической работе. Он должен способствовать систематизации и упорядочению теолингвистических исследований, а также служить подспорьем в преподавании в светских и духовных учебных заведениях предметов, затрагивающих проблемы взаимодействия языка и религии.

Введение курса «Теолингвистика» в программу обучения филологов, богословов, религиоведов продиктовано наметившимся в Польше, России, Сербии, Украине и других странах на рубеже XX–XXI вв. религиозным возрождением; межконфессиональными встречами представителей различных стран; поликонфессиональностью многих регионов, а также особенностями религиозной культуры, спецификой литературы и языка, вобравшими в себя многое из религиозной истории.

Славянская, в частности русская и польская, теолингвистика, рассматривая фундаментальные проблемы, имеет широкий спектр практического применения. В перспективе она может способствовать укреплению связей с ведущими центрами теолингвистических исследований в современном мире и привлечению представителей языковедческих, богословских, религиоведческих, культурологических и других научных направлений к развитию данной области языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гадомский А. К., 2004а. О лакунах в системе лингвистической науки: проблема взаимодействия языка и религии // *Культура народов Причерноморья*. Т. 1, № 49. С. 164–167.
- Гадомский А. К., 2004б. Семантико-прагматические проблемы теолингвистики // *Науковий вісник Луганського національного педагогічного університету*. № 12 (80). С. 33–38.
- Гадомский А. К., 2007. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского*. Т. 20 (59), № 1. С. 287–293.
- Гадомский А. К., 2015. К вопросу о преподавании теолингвистических дисциплин в светских и богословских учебных заведениях // *Русский язык как инославянский*. Вып. VII: Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянской среде. Белград : Славистическое общество Сербии. С. 78–95.
- Гадомский А. К., 2017. Теолингвистические исследования в славянском языкознании. Симферополь : Форма. 320 с.
- Гадомский А. К., Кончаревич К., 2014. Преглед теолингвистичких испитивања у Русији, Украјини и Польској (грађа за библиографију) // *Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати* / уред. Б. Шијаковић. Београд : Православни богословски факултет. Књ. 16. С. 151–178.
- Гадомський О., Гадомська Г., 2016. Сучасний стан теолінгвістичних досліджень в пострадянських країнах (на прикладі Польщі, Росії, Сербії та України) // *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym. Prace dedukowani Profesorowi Czesławowi Łapiczowi* / red. M. Krajewska, J. Kulwicka-Kamińska, A. Szulc. Toruń : Wydawnictwo UMK w Toruniu. Т. 3. С. 43–62.
- Ицкович Т. В., 2015. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди. Екатеринбург : Ажур. 150 с.
- Карасик В. И., 1999. Религиозный дискурс // *Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики* : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 5–19.
- Кончаревич К., 2012. Источноевропска теолингвистика данас: општа лингвистика, славистика, стране филологије // *Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати*. Књ. 10. Зборник радова научног скупа (ПБФ Београд, 23. децембар 2011) / прир. Б. Шијаковић. Београд : Православни богословски факултет. С. 145–171.

- Кончаревић К., 2015. Поглед у теолингвистику. Београд : Православни богословски факултет. 364 с.
- Мова і релігія: бібліографічний показчик, 2016. Укл. М. Скаб. Чернівці : Родовід. 344 с.
- Петровић С., 2015. Библиографија Расправа и дела из теолингвистике која су изашла у Србији, Црној Гори и Републици Српској ОД 2000. до 2015. Године // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати / прир. Б. Шијаковић. Београд : Православни богословски факултет. Књ. 18. С. 116–147.
- Постовалова В. И., 2012а. Религиозне концепти у теолингвистическом представлении // Теолингвистика: међународни тематски зборник радова / прир. А. К. Гадомски, К. Кончаревић. Београд : Универзитет, Православни богословски факултет, Институт за теолошка истраживања. С. 143–152.
- Постовалова В. И., 2012б. Теолингвистика в современном гуманитарном познани: истоки, основне идеје и напрaвления // «Magister Dixit» – научно-педагогически журнал Восточной Сибири. № 4 (12). С. 54–101.
- Постовалова В. И., 2016. Наука о языке в свете идеала цельного знания: в поисках интегральных парадигм. М. : ЛЕНАНД. 272 с. (История лингвофилософской мысли).
- Постовалова В. И., 2017. Язык и миропонимание. Опыт лингвофилософской интерпретации (лингвофилософские очерки). М. : ЛЕНАНД, 2017. 312 с. (История лингвофилософской мысли).
- Прохватилова О. А., 1999. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Издательство ВолГУ. 364 с.
- Теолингвистика : зборник научних радова, 2012. Прир. А. К. Гадомски, К. Кончаревић. Београд : Православни богословски факултет – Институт за теолошка истраживања. 496 с.
- Теолингвистичка проучавања словенских језика, 2013. Прир. Ј. Грковић-Мејдор, К. Кончаревић. Београд : Српска академија наука и уметности. 536 с.
- Хрестоматия теолингвистики || Chrestomatia teolingwistyki, 2008. Ред. А. К. Гадомский, Ч. Лапич. Симферополь : Универсум. 352 с.
- Bibliografia języka religijnego (1945–2005), 2007. Zb. i opr. М. Makuchowska. Tarnów : Biblós. 192 s.
- Bieńkowska D., 2002. Polski styl biblijny. Łódź : Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzkie. 160 s.
- Crystal D., 1995. Die Cambridge-Enzyklopädie der Sprache, Übers. und Bearb. Der dt Ausg. Von Stefan Röhrich, Campus. Frankfurt a.M. ; New York [оригинал: D. Crystal. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge ; New York ; Melbourne : Cambridge University Press, 1987]. 488 S.
- Gadomski A., 2016. Основные направления теолингвистических исследований в польском и русском языкознании // Nauka w Polsce i Rosji – miejsca wspólne, miejsca różne (obszar humanistyki) / red. М. Dąbrowska, P. Głuszkowski. Warszawa : Zakład Graficzny Uniwersytetu Warszawskiego. S. 253–262.
- Gadomski A., Gadomska H., 2014. Teolingwistyka polska w kontekście teolingwistyki słowiańskiej // Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Z. 10: Językoznawstwo Częstochowa. S. 6–23.
- Gadomski A., Łapicz Cz., 2008. Teolingwistyka: historia, stan współczesny, perspektywy // Хрестоматия теолингвистики || Chrestomatia teolingwistyki / ред. А. К. Гадомский, Ч. Лапич. Симферополь : Универсум. С. 33–60.
- Język religijny dawniej i dziś, 2004. Red. S. Mikołajczak, T. Więclawski. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. T. I. 448 s.
- Język religijny dawniej i dziś, 2005. Red. S. Mikołajczak, T. Więclawski. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. T. II. 538 s.
- Język religijny dawniej i dziś, 2007. Red. S. Mikołajczak, T. Więclawski. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. T. III. 606 s.
- Język religijny dawniej i dziś (w kontekście teologicznym i kulturowym), 2008. Red. ks. P. Bortkiewicz, S. Mikołajczak, M. Rybka. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. T. IV. 438 s.
- Język religijny dawniej i dziś (w kontekście teologicznym i kulturowym), 2009. Red. ks. P. Bortkiewicz, S. Mikołajczak, M. Rybka. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. T. V. 520 s.
- Kończak I., 2011. Kształtowanie się rosyjskiej terminologii islamistycznej na podstawie czterech rosyjskich przekładów Koranu. Łódź : Ibidem. 278 s.
- Kucharska-Dreiß E., 2004. Teolingwistyka – próba popularyzacji terminu // Język religijny dawniej i dziś / red. S. Mikołajczak, T. Więclawskim. T. I. Poznań : Poznańskie studia polonistyczne. S. 23–30.
- Lewicki R., 2002. Chrześcijaństwo. Słownik rosyjsko-polski. Warszawa : Pax. 367 s.
- Makuchowska M., 1998. Modlitwa jako gatunek języka religijnego. Opole : UO. 127 s.
- Markunas A., Uczyciel T., 1999. Leksykon Chrześcijaństwa rosyjsko-polski i polskorosyjski. Poznań : UAM. 370 s.
- Noppen J.-P. van., 1988. Erinnern, um Neues zu sagen. Die Bedeutung der Metapher für die religiöse Sprache. Frankfurt am Main : Athenäum Verlag. 320 p.

- Nowicki A., 1964. Ateizm. Warszawa : Wydawnictwo Iskry. 141 s.
- Pisownia słownictwa religijnego, 2011. Red. R. Przybylska, ks. W. Przyczyna. Tarnów : Biblos. 132 s.
- Polsko-rosyjski słownik par przekładowych. Tom zbiorczy «Podręcznego idiomatykonu polsko-rosyjskiego» (z. 1–5), 2014. Red. W. Chlebda. Opole : Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego. 756 s.
- Polszczyzna biblijna – między tradycją a współczesnością, 2009. Red. ks. W. Przyczyna, S. Koziara. Tarnów : Biblos. T. I. 335 s.
- Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym. Prace dedukowani Profesorowi Czesławowi Łapiczowi, 2016. Red. M. Krajewska, J. Kulwicka-Kamińska, A. Szulc. Toruń : Wydawnictwo UMK w Toruniu. T. 1–3 (T. 1. 286 s., T. 2. 246 s., T. 3. 300 s.).
- Wawrzyńczyk J., 2005. Słownik bibliograficzny językoznawstwa ogólnego i polonistycznego. Warszawa : Dialog. 406 s.

REFERENCES

- Gadomskiy A.K., 2004a. About gaps in linguistics: the problem of the interaction of language and religion. *Kultura narodov Prichernomor'ya*, vol. 1, no. 49, pp. 164-167.
- Gadomskiy A.K., 2004b. Semantic and pragmatic problems of theolinguistics. *Naukovij visnik Luganskogo natsionalnogo pedagogichnogo universitetu* [Scientific Herald of Lugansk National Pedagogical University], no. 12 (80), pp. 33-38.
- Gadomskiy A.K., 2007. Religious language - theolinguistics - linguistics. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsionalnogo universiteta im. V.I. Vernadskogo* [Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University], vol. 20 (59), no. 1, pp. 287-293.
- Gadomskiy A.K., 2015. On teaching theolinguistic disciplines in secular and theological educational institutions. *Russkiy yazyk kak inoslavyanskiy. Vyp. VII: Sovremennoe izuchenie russkogo yazyka i russkoy kultury v inoslavyanskoj srede*. Belgrad, Slavisticheskoe obshchestvo Serbii, pp. 78-95.
- Gadomskiy A.K., 2017. *Theolinguistic studies in Slavic linguistics*. Simferopol, Forma Publ. 320 p.
- Gadomskiy A.K., Koncharevich K., 2014. Overview of the theolinguistic tests in Russia, Ukraine and Poland (bibliography). Shijakoviĥ B., ed. *Srpska teologija u dvadesetom veku: Istrazhivachki problemi i rezultati* [Serbian
- Theology in the 20th Century: Research Problems and Results]. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, vol. 16, pp. 151-178.
- Gadomskiy O., Gadomska G., 2016. The current state of theological studies in the post-Soviet countries (the case study of Poland, Russia, Serbia and Ukraine). Krajewska M., Kulwicka-Kamiecka J., Szulc A., eds. *Święte księgi judaizmu, chrześcijaństwa i islamu w słowiańskim kręgu kulturowym. Prace dedukowani Profesorowi Czesławowi Łapiczowi* [Sacred Books of Judaism, Charisma and the Idol in the Slavic Cultural Circle. Works by Professor Czesław Japicz]. Toruń, Wydawnictwo UMK w Toruniu, vol. 3, pp. 43-62.
- Itskovich T.V., 2015. *Categorical and Textual Specificity of the Modern Orthodox Sermon*. Ekaterinburg, Azhur Publ. 150 p.
- Karasik V.I., 1999. Religious Discourse. *Yazykovaya lichnost: problemy lingvokulturologii i funktsionalnoy semantiki: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-19.
- Koncharevich K., 2012. Historical-European theology linguistics, Slavic studies, country philology. Shijakoviĥ B., ed. *Srpska teologija u dvadesetom veku: Istrazhivachki problemi i rezultati* [Serbian Theology in the 20th Century: Research Problems and Results]. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, vol. 10, pp. 145-171.
- Koncharevich K., 2015. *A look at the teolinguistics*. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet. 364 p.
- Skab M., ed. 2016. *Language and religion: a bibliographic index*. Chernivci, Vidavnichij Dim "Rodovid". 344 p.
- Petroviĥ S., 2015. A bibliography of debates and works from theology, which went to Serbia, Montenegro and the Republic of Serbia in 2000 to 2015. Shijakoviĥ B., ed. *Srpska teologija u dvadesetom veku: Istrazhivachki problemi i rezultati* [Serbian Theology in the 20th Century: Research Problems and Results]. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, vol. 18, pp. 116-147.
- Postovalova V.I., 2012a. Religious concepts in the theolinguistic view. Gadomskiy A.K., Koncharevich K., eds. *Teolingvistika: meĥunarodni tematski zbornik radova*. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet, pp. 143-152.
- Postovalova V.I., 2012b. Theolinguistics in modern humanities: origins, basic ideas and directions. *«Magister Dixit» – nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri*, no. 4 (12), pp. 54-101.
- Postovalova V.I., 2016. *Linguistics in the light of the ideal of integral knowledge: in search of*

- integral paradigms*. Moscow, LENAND Publ. 272 p. (History of linguophilosophical thought).
- Postovalova V.I., 2017. *Language and worldview. Experience of linguophilosophical interpretation (linguophilosophical essays)*. Moscow, LENAND Publ. 312 p. (History of linguophilosophical thought).
- Prokhvatilova O.A., 1999. *Orthodox sermon and prayer as a phenomenon of modern sounding speech: Monograph*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 364 p.
- Gadomski A.K., Konchareviĥ K., eds. 2012. *Theolinguistics. Collection of academic papers*. Beograd, Pravoslavni bogoslovski fakultet. 496 p.
- Grkoviĥ-Mejur J., Konchareviĥ K., eds., 2013. *Theolinguistic study of Slovene languages*. Beograd, Srpska akademija nauka i umetnosti. 536 p.
- Gadomskiy A.K., Lapich Ch., eds. 2008. *Anthology of theolinguistics*. Simferopol, Universum Publ. 352 p.
- Makuchowska M., ed., 2007. *Bibliography of religious language (1945–2005)*. Tarnyw, Biblys. 192 p.
- Bieńkowska D., 2002. *Polish biblical style*. Łódź, Archidiecezjalne Wydawnictwo Łódzki. 160 p.
- Crystal D., 1987. *The Cambridge Encyclopedia of Language*. Cambridge University Press, Cambridge-New York-Melbourne. 488 p.
- Gadomski A., 2016. The main directions of theolinguistic research in Polish and Russian linguistics. Dąbrowska M., Głuszkowski P., eds. *Nauka w Polsce i Rosji – miejsca wspólne, miejsca różne (obszar humanistyki)* [Science in Poland and Russia – common places, different places (area of the humanities)]. Warszawa, Zakład Graficzny UW, pp. 253-262.
- Gadomski A., Gadomska H., 2014. Polish theolinguistics in the context of Slavonic theology. *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie* [Scientific Work of the Academy Jan Długosz in Częstochowa]. Częstochowa, no. 10, pp. 6-23.
- Gadomski A., Łapicz Cz., 2008. Teolinguistics: history, contemporary state, perspectives. Lapich Ch., Gadomskiy A.K., eds. *Chrestomatia teolingwistyki* [Chrestomatia of theolinguistics]. Simferopol, Universum Publ., pp. 33-60.
- Mikołajczak S., Więclawski T., eds. 2004. *Religious language in the past and today*. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 1. 448 p.
- Mikołajczak S., Więclawski T., eds. 2005. *Religious language in the past and today*. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 2. 538 p.
- Mikołajczak S., Więclawski T., eds. 2007. *Religious language in the past and today*. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 3. 606 p.
- Bortkiewicz P., Mikołajczak S., Rybka M., 2008. *Religious language in the past and today (in the theological and cultural context)*. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 4. 438 p.
- Bortkiewicz P., Mikołajczak S., Rybka M., 2009. *Religious language in the past and today (in the theological and cultural context)*. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 5. 520 p.
- Kończak I., 2011. *The formation of Russian Islamist terminology based on four Russian translations of the Koran*. Łódź, Ibidem. 278 p.
- Kucharska-Dreiß E., 2004. [Teolinguistics - an attempt to popularize the term]. Mikołajczak S., T. Więclawskim T., eds. *Język religijny dawniej i dziś* [Religious language in the past and today]. Poznań, Poznańskie studia polonistyczne, vol. 1, pp. 23-30.
- Lewicki R., 2002. *Christianity. Russian-Polish dictionary*. Warszawa, Pax. 367 p.
- Makuchowska M., 1998. *Prayer as a species of religious language*. Opole, UO, 1998. 127 p.
- Markunas A., Uczyciel T., 1999. *The lexicon of Christian-Polish and Polish-Russian Christianity*. Poznań, UAM. 370 p.
- Noppen J.-P. van, 1988. *Remember to say something new. The meaning of the metaphor for the religious language*. Frankfurt, Athenäum Verlag. 320 p.
- Nowicki A., 1964. Language in religion. Nowicki A., ed. *Ateizm* [Atheism]. Warszawa, Iskry. 141 p.
- Przybylska R., Przyczyna W., 2011. *Spelling of religious vocabulary*. Tarnów, Biblos. 132 p.
- Chlebda W., ed. 2014. *Polish-Russian dictionary of translation pairs. Collective volume of the "Polish-Russian handy idioms"*. Opole, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, vol. 1-5. 756 p.
- Przyczyna W., Koziaraed S., eds. 2009. *Biblical Polish – between tradition and modernity*. Tarnów, Biblos, vol. 1. 335 p.
- Krajewska M., Kulwickiej-Kamińska J., Szulc A., eds. 2016. *Sacred books of Judaism, charisma and the idol in the Slavic cultural circle. Prace dedukowane Profesorowi Czesławowi Łapiczowi*. Toruń, Wydawnictwo UMK w Toruniu, vol.1-3; (vol. 1. 286 p.; vol. 2. 246 p.; vol. 3. 300 p.)
- Wawrzyńczyk J., 2005. *Bibliographic dictionary of general and Polish linguistics*. Warszawa, Dialog. 406 p.

Information about the Author

Aleksander Gadomski / Aleksandr Kazimirovich Gadomskiy, Doctor Habilitated of Arts in Linguistics (University of Warsaw, 2014), Doctor of Philological Sciences (A.A. Potebnia Institute of Linguistics of National Academy of Sciences of Ukraine, 2015), Professor, Head of Department of Belarusian Studies and Ukrainian Studies, Institute of Slavic Studies, Opole University, Copernicus Sq., 11, 45-060 Opole, Poland, akazsimf@mail.ru, akazsimf@wp.pl, <https://orcid.org/0000-0003-4274-0966>

Информация об авторе

Александр Казимирович Гадомский, доктор хабилитированный гуманитарных наук в области языкознания (Варшавский университет, 2014), доктор филологических наук (Институт языкознания им. А.А. Потевни Национальной Академии Наук Украины, 2015), профессор, заведующий кафедрой белорусских и украинских исследований, Институт славистики, Опольский университет, пл. Коперника, 11, 45-060 г. Ополье, Польша, akazsimf@mail.ru, akazsimf@wp.pl, <https://orcid.org/0000-0003-4274-0966>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.3>

UDC 81'342.3
LBC 81.001.1

Submitted: 07.12.2017
Accepted: 01.02.2018

INTONATION AND SOUND MEANS OF ORTHODOX MISSIONARY SERMON OF THE EARLY 21ST CENTURY

Olga A. Prokhvatilova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper reveals the specifics of the prosodic organization of the modern missionary sermon. We present the results of analyzing the use of intonation and sound means in sermons posted in the video blog "Batushka answer".

It is revealed that the intonation and sound structure of the sermon has a number of features associated with the sequential reproduction of individual prosodic markers of the sound of the modern pastoral word, a reduction in the volume of archaic phonetic elements, as well as the redistribution of the frequency of use of a number of phonetic means. We've found out that the missionary preaching actualizes separate phonetic markers, constitutive for the genre as a whole, such as modern orthoepic norms, the principles of proportionality and symmetry in the division of the speech stream, the use of tonal and dynamic components of intonation, to highlight the optional centers of intonational structures. It is determined that the reduction in archaic phonetic elements in the modern missionary preaching is due to the following factors: the lack of demand for duration as a marker of major intonation centres; the reduction in the frequency of using this marker for the formation of optional centers; actualization of pronunciation properties ascending to the old Church Slavonic traditions; reduction in the number of two-point and multi-point intonation patterns and accent structures. We characterize the redistribution of the frequency of using the basic intonation types, and show that this leads to the emergence of new stylistic meanings and to the transformation of stylistic colouring of its sound in general.

Key words: intonation and sound organization, prosodic organization, archaic language elements, principles of speech stream segmentation, framework accent structures, two-point types of intonation patterns, multi-point intonation patterns, sermon.

Citation. Prokhvatilova O.A. Intonation and Sound Means of Orthodox Missionary Sermon of the Early 21st Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 29-36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.3>

УДК 81'342.3
ББК 81.001.1

Дата поступления статьи: 07.12.2017
Дата принятия статьи: 01.02.2018

ИНТОНАЦИОННО-ЗВУКОВЫЕ СРЕДСТВА ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИОНЕРСКОЙ ПРОПОВЕДИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

Ольга Александровна Прохвятилова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В работе раскрывается специфика просодической организации современной миссионерской проповеди. Представлены результаты анализа употребления интонационно-звуковых средств в проповедях, размещенных в видеоблоге «Batushka ответит».

Выявлено, что особенности интонационно-звуковой структуры проповеди связаны с последовательным воспроизведением в ней отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова, сокращением объема архаичных фонетических элементов, а также перераспределением частотности употребления ряда фонетических средств. Установлено, что в миссионерской проповеди актуализируются отдельные конститутивные для этого жанра в целом произносительные маркеры, такие как современные орфоэпические нормы, принципы пропорциональности и симметрии при членения речевого потока, использование тональных и динамических компонентов интонации для выделения факультативных центров

интонационных конструкций. Определено, что сокращение объема архаичных фонетических элементов в современной миссионерской проповеди происходит за счет не востребоваваемости длительности как маркера основных интонационных центров и снижения частотности его употребления при оформлении факультативных центров, актуализации произносительных свойств, восходящих к традициям староцерковнославянского произношения, уменьшения числа употреблений двувершинных и поливершинных интонационных конструкций, рамочных акцентных структур. Охарактеризовано перераспределение частотности использования основных интонационных типов. Показано, что это приводит к появлению новых для проповеди стилистических смыслов и трансформации стилистической окраски ее звучания в целом.

Ключевые слова: интонационно-звуковая организация, просодическая организация, архаические языковые элементы, принципы членения речевого потока, рамочные акцентные структуры, двувершинные типы ИК, поливершинные интонационные типы, проповедь.

Цитирование. Прохвятилова О. А. Интонационно-звуковые средства православной миссионерской проповеди начала XXI века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 29–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.3>

Введение. Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался интенсивным изучением современной религиозной коммуникации в самых разных аспектах: стилистическом, дискурсивном, социолингвистическом, коммуникативно-прагматическом, фоностилистическом и т. д. (см., например: [Бобырева, 2007; Бугаева, 2010; Ицкович, 2015; Прохвятилова, 1999, 2006 и др.]).

Однако говорить о всестороннем описании языкового пространства сферы религии еще рано, тем более что появляется новый материал для исследования и осмысления. В последнее десятилетие церковь с целью оптимизации коммуникативного контакта с аудиторией стремится осваивать и использовать современные медиа, в том числе Интернет. К числу новых платформ коммуникации можно отнести и проект «Batushka ответит» на канале YouTube.

Видеоблог «Batushka ответит» является экспериментальной площадкой миссионерской лаборатории при Минской духовной академии и существует с января 2016 года. Канал ориентирован в первую очередь на молодых людей от 20 до 30 лет и на сегодняшний день имеет более 13 тыс. подписчиков, отдельные проповеди имеют до 85 тыс. просмотров.

Автор и бессменный ведущий проекта, клирик прихода храма святителя Димитрия Ростовского п. Михановичи Минского района, заместитель председателя Синодального миссионерского отдела Белорусской православной церкви иерей Александр (Кухта) в своих интервью подчеркивает, что сознательно делает блог в нестандартной манере, отходит от привычных канонов (см., например:

<https://meduza.io/feature/2017/08/27/pravoslavieto-konechno-zhest-no-vse-ostalnoe-esche-huzhe>). Поиски новых форм миссионерства реализуются в попытках изменения проповеди, в частности ее речевой организации.

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей просодического строя современных миссионерских проповедей, размещенных в видеоблоге «Batushka ответит».

Методика. Описание интонационно-звуковой организации проповеди основывается на синхронно-диахроническом подходе к изучению языкового материала, который предполагает анализ соотношения и взаимодействия фактов истории языка и его современного состояния.

При анализе просодического строя проповеди мы, вслед за Е.А. Брызгуновой, исходим из положения о том, что значение высказывания формируется благодаря взаимодействию значений, выражаемых синтаксической конструкцией, лексическим составом, интонацией и контекстом [Брызгунова, 1967; 1979].

Выявление интонационно-звуковых свойств духовной речи проводится с учетом сегментного и суперсегментного уровней фонетического анализа. Рассмотрение сегментного уровня имеет целью установление актуальности для звучания проповеди некоторых фонетических признаков староцерковнославянского языка (о термине см.: [Лопушанская, 1997]), таких как сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования под ударением и в безударной позиции; произношение ударного нелабIALIZED [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными;

побуквенное произнесение флексий в грамматических формах; сохранение звонкости согласных в позиции конца слова. В основе этих признаков лежат языковые факты, связанные с принципиальными для эволюции фонетической системы русского языка процессами, которые допускают возможность использования норм и церковнославянского языка, и современной орфоэпии.

Анализ суперсегментного уровня проповеди имеет целью рассмотрение таких параметров ее интонационно-звукового строя, как принципы членения речевого потока, специфика мелодических изменений, структура основных интонационных типов. При этом, опираясь на результаты исследований В.В. Иванова, В.Н. Топорова [Иванов, Топоров, 1963], Т.М. Николаевой [Николаева, 1977; 1979], Р.Ф. Пауфошима [Пауфошима, 1985], мы интерпретируем как реликты древней музыкально-тонической системы тенденцию к симметрии и пропорциональности в делимитации речевого потока; использование при оформлении синтагм особых интонационных моделей, не имеющих аналогов в современной звучащей речи; появление просодической рамки в двувёршинных и поливёршинных интонационных моделях (см. подробнее: [Прохвятилова, 1999]).

Результаты и обсуждение. Интонационно-звуковая организация проповеди представляет собой уникальное сочетание акустических признаков, отражающих особенности древней музыкально-тонической и современной акцентно-мелодической фонетических систем [Прохвятилова, 2004]. Проведенный анализ современных миссионерских проповедей о. Александра (Кухты) обнаруживает, наряду с последовательным воспроизведением в них отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова, сокращение объема архаичных фонетических элементов, а также перераспределение частотности употребления ряда фонетических средств.

1. По нашим наблюдениям, к числу последовательно воспроизводимых о. Александром элементов интонационно-звуковой организации проповеди можно отнести следующие: а) актуализацию современных орфоэпических норм на сегментном уровне; б) реализацию принципов членения речевого потока; в) ис-

пользование тональных и динамических компонентов интонации для выделения факультативных центров интонационных конструкций.

А. В анализируемых проповедях господствует современная орфоэпия, ориентированная на младшую норму: наблюдается качественная и количественная редукция гласных, иканье при произношении безударных гласных [а], [о], [э] после мягких согласных; позиционная мена парных глухих и звонких согласных; нормативное произношение отдельных сочетаний согласных и грамматических форм, например:

[фс'эм ктó злбыл'íl'и н'изнájит нлпóмн'у штó já св'иш:'эн'ик и тáгжь крóm'и рóл'икф дл'á јут'јубь д'эльју иш:'ó мнóгь другóј лппóфскъј рлбóты].

Б. Членение речевого потока в проповедях в целом обусловлено устной формой пастырского слова и ориентировано на объем оперативной памяти, который, как известно, не превышает 7 ± 2 единицы, например:

[5] В любо^(l)м слу^бчае/

[5] та^(l)к или ина^бче/

[4] все име^бют/

[14] хотя бы элемента^(l)рное представле^бние/

[6] об этом та³⁻²инстве/...

Статистическая обработка 1 000 синтагм, извлеченных методом сплошной выборки из 3 произнесенных в разное время проповедей, показала, что средняя длина минимальных речевых отрезков составляет 7 слогов.

Просодическим сигналом границы синтагмы выступает, как правило, темпоральная пауза (то есть перерыв в звучании; о термине см.: [Цеплитис, 1974, с. 67–68]), которая способствует отчетливой акустической фиксации межсинтагменных стыков и позволяет реализовать тенденцию к расчлененному способу донесения информации до слушателя, характерную для устной публичной речи.

В основе деления речевого потока на линейные единицы в анализируемых проповедях лежат принципы пропорциональности и симметрии, которые имеют архаичный характер (подробнее об этом в: [Прохвятилова, 1999, с. 43–44, 161]). Принцип пропорциональности в синтагматическом членении миссионерской проповеди является доминирующим

и реализуется в последовательностях минимальных интонационных единиц, соотношение длины которых может выражаться пропорциями равенства, нарастания и убывания. Наиболее частотны, по нашим наблюдениям, пропорции равенства, которые создаются повтором двух или более синтагм одинаковой длины, например:

- [5] но христиа³не/
- [10] придаю⁽¹⁾т этому поня³тию/
- [11] бо⁽¹⁾лее широ⁽⁶⁾кое значе³ние/
- [11] кро⁽³⁾ме как на конкре⁽¹⁾тный посту³пок/...

В приведенном фрагменте первые две синтагмы соотносятся по длине в пропорции нарастания (1:2), две другие – в пропорции равенства (1:1).

Тенденция к пропорциональности синтагматического членения в анализируемых проповедях сочетается с другой закономерностью выделения минимальных интонационных отрезков – принципом симметрии. Под симметрией понимается свойство объектов «совмещаться с самими собой при обмене местами совместимо или (и) зеркально равных частей» [Урманцев, 1974, с. 32]. Симметрия в соотношении величины единиц членения речевого потока представлена одной из своих разновидностей – зеркальной, которая характеризуется полным соответствием в расположении частей целого по отношению к центру. При этом величина синтагм может как уменьшаться, так и увеличиваться по отношению к центру, например:

- [3] до³брого/
- [6] которого хочу²/
- [4] не де²лаю/
- [3] а зло³е/
- [7] которого не² хочу/
- [3] де¹лаю/...

Транскрипция показывает, что в приведенном фрагменте в обеих частях, построенных по принципу зеркальной симметрии, обрамляющие центр синтагмы более короткие по отношению к центру.

В. Соответствует сложившимся нормам звуковой организации проповеди зафиксированная в нашем материале преобладающая роль тональных и динамических компонентов интонации при оформлении факультативных

центров в двувершинных и поливершинных реализациях интонационных конструкций (далее – ИК). Например:

...поэтому и грех-боле²знь/ которая внутри на⁶с/ имеет ра⁽⁴⁾зные шта³⁻²ммы/ соответственно подхо³д/ к излечению от э⁽¹⁾той боле³зни/ то⁽¹⁾же для каждого челове⁽³⁾ка индивидуа³льный/...

Как видно из транскрипции, факультативные центры ИК выделены благодаря усилению словесного ударения или маркируются за счет варьирования высоты тона по типу ИК-4 и ИК-3.

2. Сокращение объема архаичных фонетических элементов в современной миссионерской проповеди происходит вследствие либо не востребованности отдельных стилистически значимых компонентов древнеславянской фонетической системы, либо существенного уменьшения их частотности.

Так, в нашем материале не наблюдается характерного для классического пастырского слова воспроизведения произносительных свойств, восходящих к традициям староцерковнославянского произношения, таких как сохранение качественных и количественных характеристик гласных полного образования в безударных позициях: [ʌ] *грехе, ис[нъ]веди, х[ъ]р[ʌ]шо*, произношение ударного нелабиализованного [э] после мягких согласных, шипящих и [ц] перед твердыми согласными: [*свʌjom*]), побуквенное произнесение некоторых флексий в грамматических формах: *добр[ъвъ]*.

Не зафиксировано значимое для интонационно-звуковой организации проповеди употребление такого маркера факультативных центров ИК, как «длительность». Например:

...идея в то³м/ что среди на⁶с/ не⁽¹⁾т люде⁶й/ абсолютно безгре²шных/ даже са⁽⁵⁾мый фантасти⁽⁵⁾ческий пра³ведник/ все равно⁶/ имеет проявление греха⁶/ в своей жи⁽³⁻²⁾зни/ моя зада³ча/ как челове²ка/ ста⁽⁶⁾ть на путь движе⁽⁶⁾ния в сторону бо³га/ стреми⁽⁴⁾ться к нему³/...

Из транскрипции видно, что для выделения факультативных центров синтагм актуальны только два акустических признака – «интенсивность» и «тон».

Вместе с тем в единичных случаях длительность как релевантный для древней музыкально-тонической системы акустический

признак используется при оформлении основных центров ИК. Обычно он появляется в модальной реализации ИК-2 со значением втолковывания, когда на гласном центра ИК усиление словесного удара и понижение тона сопровождается продлением гласного, например:

...оконча⁽¹⁾тельно уничтожает гре³х/ восста-
на⁽¹⁾вливая приро⁽¹⁾ду челове⁶ка/
бо²г/ исцеля²ет меня/ возвраща⁽⁴⁾ет в перво-
зданное состоя⁽³⁻²⁾ние/...

Анализ показывает, что в современной миссионерской проповеди уменьшается частотность синтагм, имеющих факультативные центры, – поливершинных интонационных типов, которые характеризуются акустической выделенностью почти каждого слова в синтагме. В современной звучащей речи такая тенденция к пословному построению интонационного контура линейной единицы речевого потока отмечается лишь в некоторых говорах [Брызгунова, 1977, с. 262; Пауфошима, 1985, с. 95–96] и рассматривается как коррелят старого музыкального ударения [Пауфошима, 1985].

В нашем материале такие синтагмы составляют лишь 1/3 от общего количества, например:

...мы⁽⁶⁾ христиа³не/ говорим о то³м/ что аб-
солютно не в на⁽¹⁾ших си⁶лах/ изба⁽⁴⁾виться от гре-
ха⁽⁴⁾ как от боле³зни/ изменить сами⁶м/ на⁽⁶⁾шу
приро²ду/ но мы говорим о то³м/ что мы можем
заглушить гре²х/ перевести⁽⁶⁾ его в состоя⁽⁶⁾ние
потенци⁽⁶⁾альной эне¹ргии/...

Как видно из приведенной транскрипции, факультативные и основные центры синтагмы могут образовывать просодическую рамку, которая, будучи одним из проявлений принципа

симметрии в интонационно-звуковой организации православной проповеди, относится к числу характерных для ее звучания черт.

Просодическая рамка, или рамочная акцентная структура, возникает в том случае, когда факультативный центр ИК располагается в инициальной части синтагмы, а основной – в финальной. Это акустически уравнивает начало и конец синтагмы, создает ее симметричное просодическое выражение. Рамочная обрамленность как характерное свойство фразово-интонационной модели встречается в звучащей православной проповеди в подавляющем большинстве синтагм. В нашем материале просодическая рамка зафиксирована только в 2/3 синтагм, имеющих факультативные вершины. Например:

И⁽⁶⁾менно поэ³тому/ мы⁶ / христиа³не/ гово-
рим о бо³ге/ как о то³м/ что сра⁽⁶⁾зу же прихо⁽⁶⁾дит
к челове⁽³⁻²⁾ку/ начинает де²йствовать в нем/ как
только человек этого захо⁶чет/ и начнет са⁽¹⁾м
двигать⁶ся/ в направле⁽⁴⁾нии к бо³гу/...

3. Анализ показывает, что перечень типов ИК при оформлении современной миссионерской проповеди остается в рамках требований жанра, однако их частотность существенно меняется (см. таблицу).

Таблица показывает, что ИК-6 (с растяжкой гласного центра и усилением напряженности его артикуляции), которая принимает участие в создании торжественного, приподнятого звучания проповеднических текстов, теряет свою доминирующую позицию. Ведущим интонационным типом становится ИК-3, преобладание которой при оформлении неконечных синтагм привносит в речь оттенок сниженности и разговорности. Например:

Частотность употребления типов ИК при оформлении основных интонационных центров в звучащей проповеди

Тип интонационной конструкции	«Классическая» православная проповедь	Современная миссионерская проповедь
ИК-1	18 %	5 %
ИК-2	10 %	24 %
ИК-3	12 %	31 %
ИК-6	59 %	28 %
ИК-4	Единичные случаи	2 %
ИК-3 ²	Единичные случаи	10 %
<i>Всего</i>	<i>100 %</i>	<i>100 %</i>

...вообще³/ по-гре³чески/ слово гре³х/ звучит как «аморти³я»/ что переводится на ру³сский/ досло²вно/ как про³мах/ погре³шность/ непопада⁽⁴⁾ние в це³⁻²ль/ но христиа³не/ придаю⁽¹⁾т этому поня³тию/ бо⁽¹⁾лее широ⁶кое значе³ние/ кро⁽³⁾ме как на конкре⁽¹⁾тный посту³пок/ мы²/ смотрим на гре³х/ как на боле³⁻²знь/ о⁽⁴⁾бщий диа⁽⁴⁾гноз челове³ка/...

Обращает на себя внимание значительное увеличение объема ИК-2 и переходного типа ИК-3². ИК-2 в нашем материале широко используется при оформлении не только основных, но и факультативных центров (41 % от общего объема) и употребляется, как правило, со значением усиления, подчеркивания, что позволяет проповеднику выделить смысловые центры высказывания, акцентировать внимание на ключевых словах, например:

...тако⁽¹⁾е понимание греха³/ как боле²зни/ дает несколько интере⁽¹⁾сных мы⁽⁶⁾слей и вы²водов/...;
...вот об э³том/ о грехе²/ а не и²споведи/ мы с в⁽⁴⁾ами сего⁽⁴⁾дня и погово³⁻²ри/...

Что касается ИК-3², то этот переходный тип, наряду с ИК-3, в конечных синтагмах традиционно трактуется как средство выражения полемичности высказывания. Высокая частотность этих интонационных типов приводит к усилению убеждающего характера проповеди, делает его более открытым. Например:

...в ни³х/ еще² раз повторю/ гре⁶х/ видится как конкре⁽⁴⁾тное собы⁽⁴⁾тие в жи³зни/ которое име⁽⁴⁾ло ме⁽⁴⁾сто бы³⁻²ть/ да²/ на грех как на собы³тие/ мо⁽¹⁾жно и ну⁽⁶⁾жно смотре²ть/ этот подход пра³вильный/ но он не дает по⁽⁴⁾лно³й карти³⁻²ны/...

Тенденция к изменению стилистических смыслов звучания современной миссионерской проповеди от высокого регистра к сниженному усиливается и благодаря появлению оттенка иронии. Как известно, в основе иронии лежит несоответствие формы и содержания. В нашем материале ироническая модальность возникает на участках текста, когда интонации с чередующимся восходящим и нисходящим движением тона (ИК-5 и двувершинных ИК-1 и ИК-2, сочетаний ИК-6 + ИК-2), имеющие высокий, торжественно-приподнятый стилистический оттенок, используются при описании бытовых явлений, например:

Осо³бенно/ это актуа³льно/ для же⁽¹⁾нщин в во²зрасте/ которые уже на пе⁶нсии/ сидя⁶т/ и скучают до⁶ма/ они любят подро²бно рассказывать/ о то³нкостях/ своих взаимоотноше³ний/ с по⁽⁶⁾дру²гами/ ро⁶⁻²дственниками/ и сосе¹⁻²дками/ то есть большинство люде⁶й/ с которыми мне приходится ста³лкиваться/ ви⁽⁶⁾дят гре⁽⁶⁾х именно как конкретное собы³тие/ просту³пок/ который они соверши⁶ли/ в своей жи³⁻²зни/ вчера⁶/ я поругался с сосе²дкой/ потому что ее ко³т/ хо⁽³⁾дит ко мне на огоро⁶д/ и подка⁽⁶⁾пывает мои огурцы¹/...

Выводы. Проведенный анализ современных миссионерских проповедей позволил установить ряд особенностей их интонационно-звуковой организации. Последовательное воспроизведение отдельных просодических маркеров звучания современного пастырского слова (таких как современные орфоэпические нормы, принципы пропорциональности и симметрии при членении речевого потока, использование тональных и динамических компонентов интонации для выделения факультативных центров интонационных конструкций) сочетается с сокращением объема архаичных фонетических элементов (за счет неостребованности такого маркера основных интонационных центров, как длительность, и снижения частотности его употребления при оформлении факультативных центров, актуализации произносительных свойств, восходящих к традициям староцерковнославянского произношения, уменьшения количества двувершинных и поливершинных интонационных конструкций, рамочных акцентных структур), а также сопровождается перераспределением частотности употребления основных интонационных типов, что приводит к возникновению новых для проповеди стилистических смыслов и трансформации стилистической окраски ее звучания в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

В работе использованы следующие знаки интонационной транскрипции:

- 6, 3 – тип интонационной конструкции (ИК), цифра проставляется над гласным центра ИК;
- 3^v, 2^w – эмоциональные реализации ИК;
- 3-4 – переходный тип ИК;
- (4) – усиление фонетической самостоятельности слова по типу ИК-6, ИК-4 и т. п.;

2" – двувершинная реализация ИК-2;
/ – граница синтагмы;
[5] – количество слогов в синтагме;
ве⁰тер – усиление словесного ударения;
ветер – усиление мускульного напряжения при артикуляции согласных звуков;
в^етер – увеличение длительности гласных звуков;

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобырева Е. В., 2007. Религиозный дискурс: ценности, жанры, стратегии (на материале православного вероучения). Волгоград : Изд-во ВГПУ «Перемена». 375 с.
- Брызгунова Е. А., 1967. Интонация и смысл предложения // Русский язык за рубежом. № 1. С. 35–40.
- Брызгунова Е. А., 1977. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М. : Наука. С. 231–262.
- Брызгунова Е. А., 1979. Смысловое взаимодействие предложений // Синтаксис текста. М. : Наука. С. 78–90.
- Бугаева И. В., 2010. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : дис. ... д-ра филол. наук. М. 454 с.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1963. К реконструкции праславянского текста // Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М. : Наука. С. 88–158.
- Ицкович Т. В., 2015. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди. Екатеринбург : Ажур. 150 с.
- Лопушанская С. П., 1997. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Филология. Вып. 2. С. 6–17.
- Николаева Т. М., 1977. Фразовая интонация славянских языков. М. : Наука. 276 с.
- Николаева Т. М., 1979. Стихотворная и прозаическая строки: первичное и модифицированное // Balcanica: лингвистические исследования. М. : Наука. С. 153–160.
- Пауфощима Р. Ф., 1985. Следы музыкального ударения в современном вологодском говоре // Диалектография русского языка. М. : Наука. С. 94–102.
- Прохватилова О. А., 1999. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 364 с.
- Прохватилова О. А., 2004. Интонационно-звуковая организация современной духовной речи

// Вопросы русского языкознания. Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи : сб. науч. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. М. : Изд-во МГУ. С. 163–174.

- Прохватилова О. А., 2006. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 5. С. 19–26.
- Урманцев Ю. А., 1974. Симметрия природы и природа симметрии (философский и естественно-научный аспекты). М. : Мысль. 229 с.
- Цеплитис Л. К., 1974. Анализ речевой интонации. Рига : Зинатне. 272 с.

REFERENCES

- Bobyreva E.V., 2007. *Religious discourse: values, genres, strategies (on the material of the Orthodox religion)*. Volgograd, Peremena Publ. 375 p.
- Bryzgunova E.A., 1967. Intonation and meaning of the sentence. *Russkiy yazyk za rubezhom*, no. 1, pp. 35-40.
- Bryzgunova E.A., 1977. Analysis of Russian dialect intonation. *Eksperimentalno-foneticheskie issledovaniya v oblasti russkoy dialektologii*. Moscow, Nauka Publ., pp. 231-262.
- Bryzgunova E.A., 1979. Semantic interaction of sentences. *Sintaksis teksta*. Moscow, Nauka Publ., pp. 78-90.
- Bugaeva I.V., 2010. *The language of the Orthodox sphere: current state, trends. Dissertation for Doctor of Sciences in Philology Degree*. Moscow. 454 p. (in Russian).
- Ivanov V.V., Toporov V.N., 1963. The reconstruction of proto-Slavic text. *Slavyanskoje yazykoznanije. Slavyanskoe yazykoznanie. Doklady sovetskoy delegatsii. V Mezhdunarodnyy syezd slavistov*. Moscow, Nauka Publ., pp. 88-158.
- Itskovich T.V., 2015. *Categorically-textual specificity of modern Orthodox sermon*. Ekaterinburg, Azgur Publ. 150 p.
- Lopushanskaya S.P., 1997. The distinction between the old Slavic language and the Russian old church Slavic language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 2, pp. 6-17.
- Nikolaeva T.M., 1977. *Phrasal intonation of Slavic languages*. Moscow, Nauka Publ. 276 p.
- Nikolaeva T.M., 1979. Poetic and prosaic lines: the primary and the modified. *Balcanica: Lingvisticheskie issledovaniya*. Moscow, Nauka Publ., pp. 153-160.

- Paufoshima R.F., 1985. Traces of musical accent in the modern Vologda dialect. *Dialektologiya russkogo yazyka*. Moscow, Nauka Publ., pp. 94-102.
- Prokhvatilova O.A., 1999. *Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of modern sounding speech*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 364 p.
- Prokhvatilova O.A., 2004. Intonation and sound organization of modern spiritual speech. *Voprosy russkogo yazykoznaniiya. Vyp. XI. Aspekty izucheniya zvuchashchey rechi: sb. nauch. st. k yubileyu Eleny Andreevny Bryzgunovoy*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 163-174.
- Prokhvatilova O.A., 2006. Extra-linguistic parameters and linguistic characteristics of religious style. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Filologiya* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 5, pp. 19-26.
- Urmantsev Yu.A., 1974. *Symmetry of nature and nature of symmetry (philosophical and natural scientific aspects)*. Moscow, Mysl. 229 p.
- Tseplitis L.K., 1974. *Analysis of speech intonation*. Riga, Zinatne Publ. 272 p.

Information about the Author

Olga A. Prokhvatilova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Journalism and Media Communications, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, oa_prohvatilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0990-8229>

Информация об авторе

Ольга Александровна Прохвятилова, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, oa_prohvatilova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0990-8229>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.4>

UDC 81'38:070.482
LBC 81.055.51.5

Submitted: 20.12.2017
Accepted: 15.02.2018

THE TEXTS OF REGIONAL ORTHODOX MASS MEDIA: LINGUOSTYLISTIC ASPECT

Elena A. Ovechkina

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper deals with lexical, morphological and stylistic features of the texts of Orthodox print publications of the Volgograd diocese. It is revealed that along with the neutral book lexicon, the stylistically marked lexemes of the thematic group “Orthodox sacred and liturgical lexicon” are used in the texts. They are divided into four subgroups of words: 1) words denoting the basic notions of religion and theological terms; 2) words related to ritual and naming of the elements of worship; 3) words denoting the names of the Church hierarchy; 4) words denoting the names of the God and the Holy Virgin. The Orthodox sacred and liturgical vocabulary is represented by nouns, adjectives, verbs and adverbs. Church Slavonic words are used to create a solemn tone and to effect the reader. The morphological structure of the texts of Orthodox publications is predominantly nominal. The specificity of the studied texts is manifested in the use of present tense verbs of theological generalization, as well as imperative verbs. The syntactic peculiarity consists in the use of interrogative constructions, question-and-answer unities, positional-lexical repetitions, homogeneous elements of the sentence, inversions. The wide use of stylistic figures (anadiplosis, antithesis, gradation) in the texts is conditioned by the urge to focus attention on semantically meaningful fragments, as well as to enhance an expressive effect.

Key words: regional Orthodox edition, sacred and liturgical vocabulary, repetition, inversion, stylistic figure, mass media, stylistics.

Citation. Ovechkina E.A. The Texts of Regional Orthodox Mass Media: Linguostylistic Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 37-43. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.4>

УДК 81'38:070.482
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 20.12.2017
Дата принятия статьи: 15.02.2018

ТЕКСТЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ СМИ В ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Елена Алексеевна Овечкина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье выявляются лингвостилистические черты текстов православных печатных изданий Волгоградской епархии: дана их лексическая, морфологическая, синтаксическая и стилистическая характеристика. Установлено, что наряду с нейтральной книжной лексикой в текстах используются стилистически маркированные лексемы тематической группы «Православная сакрально-богослужебная лексика», входящие в одну из четырех подгрупп: 1) слова, обозначающие основные понятия вероисповедания и богословские термины; 2) слова, связанные с ритуалом и называющие элементы богослужения; 3) слова, обозначающие названия церковной иерархии; 4) слова, обозначающие именованья Господа и Богородицы. Православная сакрально-богослужебная лексика представлена именами существительными, прилагательными, глаголами и наречиями. С целью создания торжественного тона и воздействия на читателя используются церковнославянизмы. Морфологический строй текстов православных изданий имеет преимущественно именной характер. Специфика исследуемых текстов проявляется в употреблении в них глаголов настоящего времени богословского обобщения, а также глаголов в повелительном наклонении. Синтаксические особенности

обусловлены использованием вопросительных конструкций, вопросно-ответных единств, позиционно-лексических повторов, однородных членов предложения, инверсий. Широкое употребление в текстах стилистических фигур (анадиплосиса, антитезы, градации) обусловлено стремлением авторов текстов акцентировать внимание на семантически значимых фрагментах, а также усилить выразительный эффект.

Ключевые слова: региональное православное издание, сакрально-богослужебная лексика, повтор, инверсия, стилистическая фигура, СМИ, стилистика.

Цитирование. Овечкина Е. А. Тексты региональных православных СМИ в лингвостилистическом аспекте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 37–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.4>

Введение

Рост интереса социума к событиям церковной жизни, к православной культуре повлиял на то, что в современном медиапространстве все чаще звучит тема православия, расширяется спектр православных печатных изданий («Журнал Московской Патриархии», «Альфа и Омега», «Вода живая», «Наследник», «Православное слово», «Фома», «Христианское чтение» и др.); создаются православные радиостанции («Радио Вера», «Радонеж», «Воскресение», «Благовестие», «Град Петров», «Православное радио» и др.); телевизионные каналы («Союз», «Спас») и интернет-сайты (www.pravoslavie.ru, www.pravmir.ru, www.patriarchia.ru и др.). По мнению исследователей, на сегодняшний день православной журналистике удалось сформировать свою систему СМИ, которую можно отнести к особой типологической группе российских массмедиа. Появление большого количества православных печатных изданий обусловило развитие религиозно ориентированной светской журналистики (публицистики), предоставляющей информацию о религиозной жизни и дающей ее анализ, и формирование профессиональной журналистики, распространяющей религиозное учение (проповедь в широком смысле этого слова) в рамках той или иной конфессии [Ицкович, 2011 с. 45]. Исследователи отмечают, что светская религиозная журналистика не зависит от религиозных организаций и может критично выражать собственное мнение, в отличие от профессиональной журналистики, которая, «занимаясь распространением учения, проповедью, добровольно накладывает на себя определенные цензурные ограничения (жанровые, стилистические, тематические)» [Ицкович, 2011, с. 45].

Несмотря на широкий интерес к православной журналистике как со стороны общественности, так и со стороны научного сооб-

щества, работ, посвященных изучению православных средств массовой информации, немного. Ученые акцентируют свое внимание на истории церковной журналистики [Жолудь, 2002], на типологическом и жанровом аспектах публикаций [Шахбазян, 2011], а также на анализе языка и стиля современных православных СМИ [Бакина, 2003; Ицкович, 2011]. Однако можно отметить слабую степень изученности региональных православных печатных изданий.

Материалом нашего исследования являются региональные православные печатные издания (за 2010–2016 гг.), представляющие как религиозную, так и профессиональную журналистику: ежемесячное издание Волгоградской епархии и Царицынского православного университета преп. Сергия Радонежского «Православное слово», издание Урюпинской и Новоаннинской епархии «Епархиальные ведомости», газета «Новости Фроловского благочиния», газета «Житейское море», а также издание храма Покрова Пресвятой Богородицы х. Ветютнев «Избери жизнь».

Цель исследования – описание лингвостилистических особенностей текстов региональных православных СМИ. Публикации, размещенные в изданиях, рассматриваются как единый текстовый массив (без учета жанровых различий), что позволяет сформировать представление о православном издании в целом.

Лексическая характеристика текстов региональных православных СМИ

Анализ материала показал, что в составе лексики религиозных медиатекстов возможно выделить несколько стилистических пластов: нейтральную книжную лексику, свойственную всем функциональным стилям, и стилистически маркированную лексику, представ-

ляющую собой тематическую группу «Православная сакрально-богослужебная лексика» (о ее выделении см.: [Королева, 2003, с. 19]). По нашим наблюдениям, стилистически маркированная лексика в текстах региональных православных изданий составляет 10–20 %. Например, в проповеди Митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, произнесенной им на всенощной и на Божественной литургии в 2006 г. в Троицком храме Свято-Духова мужского монастыря г. Волгограда и опубликованной в газете «Православное слово», на 1 259 слов приходится 220 единиц, относящихся к тематической группе «Православная сакрально-богослужебная лексика». Сакрально-богослужебная лексика в материале составляет 17,4 %, что подтверждает результаты исследований, проведенных О.А. Прохвятиловой в рамках изучения религиозного стиля [Прохвятилова, 2006, с. 22].

Тематическая группа «Православная сакрально-богослужебная лексика» в текстах региональных православных печатных изданий представлена различными частями речи: именами существительными (*евхаристия, хоругвь, седмица, причащение, воцерковление, возрождение, благодать* и др.); прилагательными (*божественное, Единородный, пасхальный, церковное, благодатное, райские, православная, мирская, светотворный, грешный, дьявольский* и др.); глаголами (*проповедовать, причаститься, исповедоваться, благословить, поститься, молиться* и др.) и наречиями (*духовно, покаянно, благочестиво, блаженно, богоугодно* и др.).

Необходимо отметить, что лексические единицы, входящие в тематическую группу «Православная сакрально-богослужебная лексика», разнообразны и могут быть разделены на семантические подгруппы.

Первая подгруппа объединяет слова, обозначающие основные понятия вероисповедания и богословские термины (*вера, добро, грех, церковное покаяние, искуситель, возрождение, благодать* и др.). Например: *Если мы будем печалиться о вечных благах, утерянных нами, то эта печаль произведет в нас спасительное покаяние, и мы, оплакивая свои ошибки и грехи, сможем стать достойными принятия благодати Божией* (ПС)¹.

Во вторую подгруппу входят слова, связанные с ритуалом, называющие элементы богослужения (*литургия, всенощная, причащение, заупокойная лития, панихида, служба* и др.). Например: *Причащать младенцев надо во время каждой Литургии, на которой могут присутствовать родители, и по возможности не реже, чем каждый праздник и воскресенье* (ЖМ).

Третью подгруппу составляют наименования чинов церковной иерархии (*архиерей, патриарх, священник, митрополит, протоиерей* и др.). Например: *Но теперь и другое храмоздательство должно быть, чтобы мы думали, как говорит Святейший Патриарх Кирилл, о том, кто придет в эти храмы после нас* (НФБ).

Четвертая подгруппа объединяет именованья Господа и Богородицы (*Сын Божий, Дух Святой, Отец Небесный, Светодавче, Богородица, Господь, Спаситель, Христос* и др.). Например: *Да воссияет и нам грешным свет Твой присносущный молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе!* (ПС).

Наряду с нейтральной лексикой и стилистически маркированной, сакрально-богослужебной, можно выделить церковнославянизмы (*владыка, глас* и т. д.). Так, церковнославянизмы обнаруживаются в проповедях митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, произнесенных в преддверии и во время Великого поста и опубликованных в газете «Православное слово». Отмечено их использование в примерах: *Господь закрыл райские врата для того, чтобы воспитать людей в желании снова войти в рай* (ПС); *Ветхозаветные люди приносят Ему в жертву волов, агнцев, козлов, баранов и многое другое. Но Господь говорит им, ветхозаветным людям: Чадо, все это все равно Мое* (ПС). В текстах православных печатных изданий церковнославянизмы выполняют экспрессивную функцию, создавая торжественное настроение. Кроме того, эти слова, относящиеся к высокому стилю, используются с целью воздействия на сознание читателей, их убеждения в непреложности и незыблемости религиозных истин.

Анализ материала также показал, что в текстах православных печатных изданий используется разговорная лексика: *Это значит,*

что мы должны себя заставлять, понуждать, **само собою ничего не будет**. Никто за нас ничего делать не будет: ни патриарх, ни митрополит, ни архиерей, ни наши **батюшка** (НФБ). Доля таких лексем незначительна, они используются, как правило, для создания особого коммуникативного контакта с аудиторией, доверительного тона.

Морфологическая характеристика текстов региональных православных СМИ

Морфологический строй текстов православных региональных изданий имеет преимущественно именную характер. Например, в проповеди митрополита Волгоградского и Камышинского Германа, опубликованной в газете «Православное слово», на 1 259 слов приходится 308 существительных и 107 прилагательных, что составляет 37 % от общего количества слов в публикации; в слове митрополита Антония Сурожского об исповеди на 1 060 слов приходится 225 существительных и 58 прилагательных, что составляет 27 %. По нашим подсчетам, состав именной лексики в текстах православных региональных СМИ может варьироваться в пределах 24–37 % от общего объема.

Специфика морфологического строя текстов православных газет проявляется в функционировании глагольной лексики. Так, стилистическим маркером является использование настоящего времени богословского обобщения [Лихачев, 1979, с. 84]. Например: *И это надо помнить, потому что мы **исповедуемся** не священнику, и не он **является** нашим судьей. Я бы сказал больше: даже Христос **не является** в этот момент нашим Судьей, а **является** страдающим нашим Спасителем (ЖМ); Апостол Павел нас **учит**, что печаль по Богу покаяние во спасение **соделывает**. А ведь **бывает** и печаль мира сего: всякие досады, злоба, суетное желание иметь жизненные блага – а они **уходят** от нас, и тогда печаль **обуревают**, **вернее, помрачает** наше сердце; такая печаль **смерть** **соделывает** (ПС).* В данных примерах настоящее богословского обобщения выражает «вечный» смысл и подчеркивает, что все, о чем говорится, имеет вневре-

менной характер. В публикациях православных СМИ часто говорится о пороках и добродетелях, свойственных людям на протяжении всей истории человечества. С помощью формы настоящего богословского обобщения вводятся высказывания наиболее авторитетных духовных лиц, усиливается актуальность и современность содержания речи.

Особенностью, характеризующей тексты православных региональных СМИ, является использование глаголов в повелительном наклонении (синтетические и аналитические формы): *Так вот **перестанем** печалиться о всяких благах, которые нам хотелось бы иметь, но которых у нас нет (ПС); Так вот, дорогие мои братья и сестры, **постарайтесь** мы помнить о том, что нас, блуждающих по грешным путям грешного мира сего, Господь ждет с покаянием – когда мы к Нему обратимся (ПС).* Из приведенных выше примеров видно, что использование аналитических форм императива сочетается с «мы»-формами. Такие конструкции имеют значение побуждения к совместному действию (инклюзивный императив), которое позволяет священнослужителю подчеркнуть единство с аудиторией, включенность адресанта речи и ее адресатов в совместную деятельность. При этом необходимо отметить, что императивные формы имеют некатегоричный характер: они выполняют функцию совета, увещания или содержат призыв к выполнению определенного действия.

Синтаксическая характеристика текстов региональных православных СМИ

Синтаксической особенностью текстов региональных печатных изданий является широкое использование двусоставных распространенных предложений, вопросительных конструкций, вопросно-ответных единств, позиционно-лексических повторов, однородных членов предложения. Так, эмоциональность высказываний передается при помощи вопросительных предложений, которые помогают вовлечь читателя в диалог, сподвигнуть его к размышлению: *Он должен поставить перед собой вопрос: если моя жена, мои дети, самый мой близкий друг, мои сослуживцы знали бы*

обо мне то или другое, было бы мне стыдно или нет? Если стыдно – исповедуй. Если то или другое было бы мне стыдно открыться Богу, Который и без того это знает, но от Которого я стараюсь это спрятать, мне было бы страшно? (ЖМ). Приведенный пример представляет собой вопросно-ответное единство – средство, помогающее воздействовать на эмоции читателя, вызвать у адресата душевный отклик, создать эффект сопричастности, а также актуализировать важную для него информацию.

Стилистическим средством экспрессивного синтаксиса, отмеченным в текстах православных региональных изданий, является позиционно-лексический повтор – разновидность повтора, которая предполагает однородность повторяемых синтаксических позиций и тождество их лексического наполнения [Стилистический энциклопедический словарь..., 2006, с. 479]. Например: *Страх Господень чист и пребывает вовек. Страх Божий – самая большая добродетель для каждого из нас. Страх Божий будет в том, если мы будем бояться потерять Божию любовь, бояться оскорбить Бога, бояться сделать что-нибудь вопреки Его воле, что-нибудь подлое, гнусное, пакостное. Страх Божий спасительный и вовеки сохранит верующего человека* (ПС). В приведенном контексте повтор реализует акцентирующую функцию и является средством экспрессивного выделения важной для Православия идеи: страх Божий представляет собой Христианскую добродетель, основанную на благоговении перед Господом и почитании гнева Отца Небесного.

В текстах региональных православных СМИ можно отметить широкое употребление однородных членов предложения: *Упорядочиваются мысли, чувства, желания, всякая чепуха уходит из сознания, и Господь по праву занимает Свое место державного присутствия в нашем сознании, в нашей душе, в нашем сердце* (ПС). В данном примере использованы однородные подлежащие, а также однородные обстоятельства – позиционно-лексический повтор, усиливающий патетическую позицию автора, акцентирующий важные смыслы изложения, создающий определенный ритм, свойственный духовной речи.

Важным средством экспрессивного синтаксиса в текстах религиозных печатных изданий является инверсия. Наиболее частотной инверсивной конструкцией становится постпозиция согласованного определения, исторически обусловленная влиянием архаических синтаксических конструкций, которые воспроизводятся в духовной речи: *царствие Небесное, Отец Небесный, храм Божий, жизнь вечная, душа человеческая* и т. д. Инверсивные конструкции в предложениях используются, по нашим наблюдениям, в семантически наиболее значимых сочетаниях, которые определяют самые важные православные понятия.

Стилистическая характеристика текстов региональных православных СМИ

Особенностью текстов православных печатных СМИ является широкое использование стилистических фигур, усиливающих выразительность речи. Например: *Дело в том, что мы с вами имеем от Бога надежду на вечное благо. Вечное благо верующим в Него Господь обещал дать за верность, за труды праведные, за исповедание веры в истинного Бога* (ПС). В приведенном примере отмечается употребление анадиплосиса – приема, заключающегося в повторе завершающего словосочетания в начале следующей фразы.

Для противопоставления мирского Божественному, грешного благодетельному в текстах часто применяются развернутые антитезы: *вразумленные святыми словами о вечной жизни во исправление своей временной жизни* (ПС); *Так вот, из блудных детей надо через покаяние снова стать достойными чадами Божиими с надеждой получить жизнь вечную* (ПС); *время Великого поста как раз и способствует тому, чтобы подумать обо всем и постараться отместить из жизни всякую суету, сосредоточиться на святых словах, на святых молитвах, обращенных к нашему Богу и Спасителю, и открыть Ему свое сердце* (ПС).

Для усиления выразительного эффекта в материалах православных изданий используется градация: *Желаю, чтобы это было вам в утешение, очищение, спасение и в жизнь*

вечную (ПС); *Благодать Причащения Тела и Крови Господа необычайна: она возвращает, исцеляет и укрепляет ребенка духовно и физически* (ЖМ).

Стилистические фигуры, обладающие высокой степенью выразительности и создающие определенный ритм изложения, появляются в семантически наиболее значимых фрагментах.

Выводы

В текстах региональных православных печатных изданий особенности лексического, морфологического и синтаксического строя обусловлены традициями духовной речи. В составе лексики выделяются стилистически маркированные лексемы тематической группы «Православная сакрально-богослужебная лексика» и церковнославянизмы. Морфологический строй текстов православных изданий имеет преимущественно именной характер. Глаголы представлены формами настоящего времени, выражающими значение богословского обобщения, и формами повелительного наклонения. Синтаксические особенности создаются вопросительными конструкциями, вопросно-ответными единствами, позиционно-лексическими повторами, однородными членами предложения, инверсией. Использование языковых средств, характерных для духовной речи, объясняется стремлением авторов воздействовать на сознание читателей с целью их убеждения в непреложности и незыблемости религиозных истин.

Широкое применение стилистических фигур, обладающих высокой степенью выразительности, акцентирует семантически значимые фрагменты, а также создает особый ритм духовной речи.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ В статье приводятся примеры из следующих источников:

ЖМ – Житейское море : газета Волжского благочиния, по благословению Митрополита Волгоградского и Камышинского Германа. – 2012. – № 3 (38). – 8 полос. – ежемес. – 998 экз.;

НФБ – Новости Фроловского благочиния : газета Фроловского благочиния / учредитель храм

Покрова Пресвятой Богородицы. – 2012. – № 5 (8). – 4 полосы. – ежемес. – 999 экз.;

ПС – Православное слово : ежемесячное издание Волгоградской епархии и Царицынского православного университета преп. Сергия Радонежского / учредитель Волгоградская епархия Русской Православной Церкви. – 2011. – № 3 (221). – 16 полос. – ежемес. – 6000 экз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бакина О. В., 2003. Современная православная журналистика России. Киров : КФ МГЭИ. 221 с.
- Жолудь Р. В., 2002. Начало православной публицистики: Библия, апологеты, византийцы. Воронеж : Воронеж. гос. ун-т. 192 с.
- Ицкович Т. В., 2011. Язык и стиль современных православных СМИ (на материале СМИ Екатеринбургской епархии) // Меди@альманах. № 4 (45). С. 44–48.
- Королева И. А., 2003. Православная сакрально-богослужебная лексика в современном русском языке и в художественном тексте : дис. ... канд. филол. наук / Королева Илона Анатольевна. Волгоград. 186 с.
- Лихачев Д. С., 1979. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука. 360 с.
- Прохватилова О. А., 2006. Экстралингвистические параметры и языковые характеристики религиозного стиля // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 5. С. 19–26.
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка, 2006. Под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. 696 с.
- Шахбазян М. А., 2011. Церковная проповедь как парадигма русской религиозно-философской публицистики // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 1. С. 58–63.

REFERENCES

- Bakina O.V., 2003. *Modern Orthodox journalism in Russia*. Kirov, KV MGEU Publ. 221 p.
- Zholud R.V., 2002. *The Beginning of Orthodox journalism: the Bible, the apologists, the Byzantines*. Voronezh, Voronezh State University Publ. 192 p.
- Itskovich T.V., 2011. Language and style of contemporary Orthodox media (based on materials of Ekaterinburg's diocese mass media). *Medi@almanakh* [Medi@almanah Journal], no. 4 (45), pp. 44–48.

- Koroleva I.A., 2003. *The Orthodox sacred-divine-service vocabulary in the modern Russian language and in the literary text. Dissertation for Candidate of Sciences in Philology Degree.* Volgograd. 186 p.
- Likhachev D.S., 1979. *Poetics of old Russian literature.* Moscow, Nauka Publ. 360 p.
- Prokhvatilova O.A., 2006. Extralinguistic parameters and linguistic characteristics of the religious style. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 5, pp. 19-26.
- Kozhina M.N., ed. 2006. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language.* Moscow, Flinta; Nauka Publ. 696 p.
- Shakhbazyan M.A., 2011. The Church sermon as a paradigm of Russian religious-philosophical publicism. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filologiya i iskusstvovedenie»* [The Bulletin of the Adyghe State University. Series "Philology and the Arts"], vol. 1, pp. 58-63.

Information about the Author

Elena A. Ovechkina, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Journalism and Media Communications, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, ea_ovechkina@volsu.ru, stilvolsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9316-4383>

Информация об авторе

Елена Алексеевна Овечкина, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, ea_ovechkina@volsu.ru, stilvolsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9316-4383>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>

UDC 811.161.1'04
LBC 81.411.2-03

Submitted: 27.11.2017
Accepted: 17.01.2018

THE WAYS OF EMPHASIZING THE INTENSITY OF EMOTIONAL EXPERIENCE IN THE HAGIOGRAPHIC TEXTS OF THE SYNODAL PERIOD¹

Evgeniya G. Dmitrieva

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper provides the analysis of emotive vocabulary usage in the hagiographic texts of the synodal period: *The Life of Dimitry of Rostov*, *The Life of Hilarion of Suzdal*, *The Life of Mitrophan of Voronezh*, and *The Life of Tikhon of Zadonsk*. The factual language material has been analyzed with respect to the complex approach to the language in use, i.e. intralinguistic analysis of language unit structures, paradigmatic and syntagmatic relations at various levels of the language hierarchy, and their functional realizations in the contexts under study.

The markers of one of the most important characteristics of emotional experience – its intensity – include the use of lexical units expressing the emotions of high intensity in direct or figurative meaning, as well as non-emotive verbs with semantics of unusually active action or its abrupt termination to denote the emotional experience of the subject of action; use of words denoting opposite positive and negative emotional experiences or their manifestations in the same context; contextual specifiers of measure and degree; indication of emotional experience's duration, emotional impact's speed, the universality of feelings' manifestations; tautological repetitions; gradation method.

Comparison of the obtained results with the results of analysis of ancient Russian and old Russian texts makes it possible to identify the dynamics of methods of expressing the feelings of high intensity.

Key words: history of the Russian language, hagiographic text, lexis, emotive lexical units, intensity, characterological function.

Citation. Dmitrieva E.G. The Ways of Emphasizing the Intensity of Emotional Experience in the Hagiographic Texts of the Synodal Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 44-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>

УДК 811.161.1'04
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 27.11.2017
Дата принятия статьи: 17.01.2018

СПОСОБЫ УКАЗАНИЯ НА ИНТЕНСИВНОСТЬ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПЕРЕЖИВАНИЯ В ЖИТИЙНЫХ ТЕКСТАХ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА¹

Евгения Геннадьевна Дмитриева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования лексики эмоций в агиографических памятниках синодального периода: Житии Димитрия Ростовского, Житии Илариона Суздальского, Житии Митрофана Воронежского и Житии Тихона Задонского. Анализ языковых фактов проводился с позиций комплексного подхода, предполагающего рассмотрение внутренней системной организации языковых единиц, парадигматических и синтагматических отношений на различных языковых уровнях, а также с учетом особенностей функционирования единиц в контексте.

Выявлены способы передачи одной из важнейших характеристик эмоционального переживания – его интенсивности: употребление лексических единиц, в прямом или переносном значении называющих эмоции высокой степени интенсивности, а также немотивных глаголов с семантикой необычно активного действия или его резкого прекращения для обозначения эмоционального переживания субъекта действия; использование в одном контексте лексем, обозначающих противоположные положительные и отрицательные эмоциональные переживания или их проявления; контекстуальные уточнители меры и степени; указание на длительность эмоционального переживания, на скорость эмоционального воздействия, на всеобщий характер проявления чувства; тавтологические повторы; прием градация.

Сопоставление полученных результатов с результатами анализа древнерусских и старорусских текстов позволило выявить динамику приемов передачи чувств высокой интенсивности.

Ключевые слова: история русского языка, житийный текст, лексика, лексика эмоций, интенсивность, характерологическая функция.

Цитирование. Дмитриева Е. Г. Способы указания на интенсивность эмоционального переживания в житийных текстах синодального периода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 44–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.5>

Интенсивность эмоций в психологии и лингвистике

Выявляя особенности описания людей в житийной литературе конца XIV – XV в., Д.С. Лихачев отмечал, что изображение «психологической жизни» предшествовало открытию характера. Психологические состояния в текстах этого времени «могут меняться с необычайной быстротой, достигая невероятных размеров» [Лихачев, 1956, с. 106]. В этой связи исследование эволюции способов указания на силу эмоционального переживания в древнерусских, старорусских и синодальных житийных текстах приобретает несомненный интерес.

Психологи констатируют, что «чувствам, как и ощущениям, присущи свойства качества и интенсивности» [Вилюнас, 1990, с. 207]. В работах исследователей представлены различные классификации эмоциональных состояний, однако в большинстве источников выделяются особые виды эмоциональных процессов: аффект – стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, и страсть – сильное, стойкое, длительное чувство. Общим для них является «количественный момент интенсивности эмоционального возбуждения» [Рубинштейн, 1999, с. 580]. Таким образом, «если удивление мы называем чувством, то изумление – то же самое по содержанию чувство, доведенное до степени аффекта...; обожание – это любовь, по силе и продолжительности ставшая страстью» [Лук, 1982, с. 30].

Если принять точку зрения, поддерживаемую большинством психологов, согласно которой чувства являются высшими, социальными, а эмоции – низшими, биологическими формами эмоциональных состояний (эмоциональных процессов, эмоций), то, как представляется, различия в глубине эмоций можно сопоставить с различиями эмоций и чувств, тогда как интенсивность будет отличать эмоции и чувства от аффекта и страсти.

В православной традиции количественные различия в силе эмоционального переживания (интенсивность) переосмысляются как качественные и получают соответствующую морально-нравственную оценку. Так, святитель Феофан Затворник писал: «Всякая страсть есть тяжкий и смертный грех, ибо отдаляет от Бога и погашает ревность к богоугодной жизни» [Святитель Феофан Затворник, 2004, с. 12].

В лингвистике интенсификацию признака связывают с реализацией особой семантической категории – интенсивности, исследование которой в отечественном языкознании имеет достаточно длительную традицию (см. об этом: [Бельская, 2004]). Тем не менее ее сущность, статус и место среди других языковых категорий продолжают оставаться предметом научной дискуссии [Родионова, 2004, с. 300–301]. В частности, дискуссионным остается вопрос об объективности / субъективности оценивания интенсивности применительно к силе эмоционального переживания.

Для носителя языка, по мнению Ю.Д. Апресяна, «эмоции отличаются друг от друга по

признакам интенсивности и глубины переживания», причем русскую языковую картину мира характеризуют наличие лексем, описывающих «норму интенсивности» и «большую степень интенсивности», и практически отсутствие антонимически противопоставленных лексем со значением «слабых эмоций» [Апресян, 1995, с. 371].

Языковеды, подчеркивая субъективный характер категории интенсивности, связывают ее с реализацией в семантике языковой единицы компонента ‘очень’, отражающего представления об отклонении от привычного для говорящего порядка вещей.

**Интенсивность
эмоционального переживания
как семантический компонент
лексического значения**

Ранее проведенный нами анализ употребления эмотивных глаголов в древнерусских и старорусских житийных текстах показал, что положительная / нейтральная / отрицательная оценка обозначаемой глаголом эмоции, ее интенсивность (наряду со статусом описываемого субъекта и причиной эмоционального переживания) являются важнейшими факторами, определяющими специфику реализации эмотивным глаголом характерологической функции [Дмитриева, 2011].

Повышенная экспрессивность в выражении эмоциональных переживаний потребовала ее учета и при реконструкции семантической структуры древнерусских и старорусских глаголов эмоций [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 180–240]. Выявляя релевантные признаки в семантике эмотивных глаголов, мы связали силу эмоционального переживания, силу проявления эмоций и чувств с интегральнойемой ‘степень интенсивности эмоционального переживания’, которая может быть реализована в дифференциальных признаках «высокая», «средняя», «низкая». Перечисленные компоненты также обнаруживаются в семантической структуре существительных, прилагательных и наречий, обозначающих психические процессы и состояния (см., например: [Дмитриева, 2017]).

В определении степени интенсивности эмоционального переживания, обозначаемого той или иной лексемой, мы опирались прежде

всего на данные исторических и толковых словарей, позволяющие выстроить синонимические ряды с учетом этого семантического признака, а также на анализ контекста. О низкой степени интенсивности дают возможность судить словарные материалы. В нашей картотеке такие случаи единичны: в частности, глагол *прослезиться* в синонимическом ряду *прослезиться – плакать – рыдать* может быть определен как глагол, обозначающий низкую степень интенсивности. О высокой степени интенсивности переживания свидетельствуют лексикографические данные или контекстуальные уточнители. В случае, когда на высокую или низкую интенсивность эмоционального переживания не указывают ни словарные дефиниции, ни контекст, мы относим такие лексемы к обозначающим переживание средней степени интенсивности.

**Способы указания
на интенсивность эмоций
в житийном тексте**

Ранее было установлено, что в житийных текстах древнерусского и старорусского периодов основными способами передачи интенсивности эмоционального переживания являются: употребление эмотива в прямом или переносном значении; использование неэмотивных глаголов с семантикой необычно активного действия или его резкого прекращения для обозначения эмоционального переживания субъекта действия; контекстуальные уточнители меры и степени; прием градации; тавтологические повторы; антонимы; синонимы, один из которых предполагает обозначение внутреннего переживания, а второй – его внешнее проявление; указание на количественные характеристики, выраженные счетным словом или местоимением.

Объектом для данного исследования послужила лексика эмоций, функционирующая в оригинальных агиографических памятниках синодального периода – Житии Димитрия Ростовского, Житии Илариона Суздальского, Житии Митрофана Воронежского и Житии Тихона Задонского.

В названных текстах были выявлены некоторые особенности употребления эмотивов, дающие представление о способах пере-

дачи степени интенсивности эмоционального переживания.

1. Употребление лексических единиц, в прямом или переносном значении называющих эмоции высокой степени интенсивности.

Семантика высокой степени интенсивности эмоционального переживания может сохраняться в прямом или переносном значении самой леммы. Так, в семантической структуре существительного *ненависть* – «враждебное расположение, зложелательство»; «отвращение» (СЦСиРЯ, т. II, с. 440) реализуется дифференциальный признак ‘состояние эмоционального переживания’, состояние принадлежит к сфере субъекта, а переживание является отрицательным чувством, характеризуется высокой степенью интенсивности и направлено на одушевленный объект. В житийном фрагменте: *Одинъ изъ братіи, уличенный Иларіономъ въ утайкѣ незначительной суммы братскихъ денегъ, воспылалъ такую ненавистью къ игумену, что рѣшился убить его топоромъ* (ЖСИ, с. 13–14), – существительное *ненавистью* реализует приведенное выше прямое значение, о чем свидетельствуют одушевленный, конкретный объект *къ игумену*, а также сочетание *одинъ изъ братіи*, указывающее на конкретный, одушевленный субъект.

В семантической структуре глагола *гневаться* «предаваться гневу, сердиться» (СЦСиРЯ, т. I, с. 269) актуализируется дифференциальный признак ‘процесс эмоционального переживания’, процесс является состоянием-отношением, принадлежащим к сфере субъекта, а переживание – отрицательным чувством, характеризующимся высокой степенью интенсивности и направленным на одушевленный объект. В житийном фрагменте: *Иларіонъ не только не гнѣвался на него, но даже ухаживалъ за нимъ за больнымъ, и когда тотъ умеръ, то самъ отпѣлъ его, похоронилъ своими руками, оплакавъ грѣхи его* (ЖСИ, с. 14), – глагол *гнѣвался* используется в прямом значении.

К традиционным приемам создания образности в житийной литературе можно отнести уподобление чувств человека огню, потоку влаги. Метафоры «чувство – огонь», «эмоции – поток» позволяют охарактеризовать сильные эмоциональные переживания.

Так, в результате семантического развития основного значения глагол *изливать* «лить из чего-либо» (СЦСиРЯ, т. II, с. 114) мог получать значение, не отмеченное в словаре: *Не токмо въ блаженныя дни благочестивыхъ нашихъ предковъ, духомъ по православію горѣвшихъ, умножалъ Господь чудеса Свои, явленіемъ изъ-подъ спуда персти земной свѣтильниковъ Свояя благодати, во благодѣяніе душъ и тѣлесъ притекающихъ къ нимъ съ вѣрою; праведный любяй, и грѣшныя милуяй, и въ наши скудныя вѣрою времена изліялъ на насъ обильную струю той же неизреченной Своей милости, да напоить изсыхающія маловѣрїемъ сердца наши къ прозябенію въ нихъ христіанской добродѣтели, яко въ нареченныхъ чадахъ Своихъ по вѣрѣ православной* (ЖМВ, с. 4). На реализацию эмотивной семантики в житийном контексте указывает употребление абстрактного существительного *милости* со значением «расположение, готовность оказывать благодеяние, снисхождение, пощаду» (СЦСиРЯ, т. II, с. 304); об интенсивности характеризуемого им эмоционального отношения свидетельствует также прилагательное *обильную*, зафиксированное в словаре со значением «богатый, избыточный» (СЦСиРЯ, т. III, с. 13).

В результате семантического развития основного значения глагол *воспылать* мог получать значение: «начать пылать» → «возчувствовать действие сильной страсти» (СЦСиРЯ, т. I, с. 165), ср.: *Одинъ изъ братіи, уличенный Иларіономъ въ утайкѣ незначительной суммы братскихъ денегъ, воспылалъ такую ненавистью къ игумену, что рѣшился убить его топоромъ* (ЖСИ, с. 13–14). О реализации эмотивного значения в житийном контексте свидетельствует употребление словоформы *ненавистью*, на интенсивность эмоционального переживания также указывает последующее действие – *рѣшился убить его топоромъ*.

2. Употребление контекстуальных уточнителей меры и степени. В их качестве, как правило, выступают наречия и прилагательные, сочетающиеся с субстантивными наименованиями эмоций: *Царь Θεодоръ сильно возжелалъ увидѣть пустытника...* (ЖСИ, с. 21); *Пустыжникъ сильно былъ смущенъ...*

(ЖСИ, с. 21); ...но прежде всего и **больше всего** любилъ онъ Господа и внимательно изучалъ пути Его (ЖТЗ, с. 9); а онъ чувствуетъ только одну духовную радость, которая сжимаетъ его сердце и заставляетъ его источать **обильныя** слезы (ЖСИ, с. 18); Съ **большимъ** смущениемъ предстали они къ своему владыкѣ (ЖТЗ, с. 11).

3. Указание на длительность эмоционального переживания, его бесконечность, посредством наречий времени, а также имен существительных и прилагательных: Такимъ образомъ едва не съ младенчества Богу угодно было поставить Иоанна свидѣтелемъ суровыхъ иноческихъ подвиговъ – и здѣсь, въ безмолвіи монастыря, въ постѣ, молитвѣ, послушаніи, хожденіи въ церковь, протекло дѣтство будущаго подвижника Иларіона, и монашескіе подвиги сдѣлались **навсегда** любимымъ занятіемъ отрока Иоанна (ЖСИ, с. 4); **Бесѣда** его, шедшая отъ сердца и растворенная благодатію, такъ восхитила царя, что онъ **навсегда** полюбилъ подвижника благочестія... (ЖСИ, с. 21); Съ такой любовію, съ такимъ отеческимъ вниманіемъ св. Димитрій относился къ питомцамъ своей школы **до конца жизни** (ЖДР, с. 21); Эти тяжелые годы своего печальнаго дѣтства св. Тихонъ вспоминалъ не безъ грусти, даже будучи уже **въ преклонныхъ лѣтахъ** (ЖТЗ, с. 6). Важно, что подобнымъ постоянствомъ характеризуются обычно положительные эмоции. В этой связи последний примеръ является своего рода исключением, поскольку связанъ с переживаніем отрицательного чувства – грусти.

4. Указание на скорость эмоционального воздействия. Контексты, в которыхъ обнаруживается такое указание, немногочисленны и связаны с использованием наречий: **Пустынножители съ радостію** приняли Иоанна, а праведный подвижникъ, старецъ Меѳодій, **скоро** полюбилъ пришельца за его начитанность въ Св. писаніи и предрекъ, что Иоаннъ со временемъ устроитъ здѣсь обитель, которая будетъ **впослѣдствіи** знаменитой (ЖСИ, с. 6–7).

5. Указание на всеобщий характеръ проявления чувства. Для этого в тексте используются формы местоимения **весь**: **Словомъ, онъ былъ такимъ пастыремъ добрымъ и мило-**

стивымъ, что всѣ въ епархіи полюбили его, какъ истиннаго отца (ЖСИ, с. 25); Умный, кроткій и услужливый юноша Иоаннъ **скоро** сдѣлался любимцемъ всей семьи въ с. Кириковѣ... (ЖСИ, с. 5).

6. Употребление немотивныхъ глаголовъ с семантикой необычно активного действия или его резкого прекращения для обозначения эмоционального переживания субъекта действия. Например: **Повергнемся въ прахъ** предъ милующимъ насъ Богомъ и припадемъ ко Господу **благодѣющему** намъ, и въ **восторгѣ** духовныя нашея радости хвалу Ему принося о новомъ и щедромъ Его дарѣ, **воскликнемъ сердцемъ и устами**: не сотвори тако всякому языку, и судьбы Своя, судьбы отеческія Свояя благости къ избраннымъ людемъ Святымъ не яви имъ (ЖМВ, с. 4–5). В приведенныхъ контекстахъ глаголы **повергнемся** и **воскликнемъ** выполняютъ характерологическую функцию, описывая внешние проявления эмоционального переживания.

7. Тавтологические повторы однокоренныхъ слов. Например: ...монашескіе подвиги сдѣлались **навсегда любимымъ** занятіемъ отрока Иоанна. ...здѣсь въ монастырѣ съ **любовію** предавался чтенію св. писанія и душеполезныхъ книгъ. ...и инокъ Антоній думалъ, что **любимый** сынъ его останется **навсегда** въ монастырѣ (ЖСИ, с. 4), а также использование синонимовъ: **Отпѣваніе** его, при многочисленномъ стеченіи **плакавшаго** и **рыдавшаго** народа, произошло 30-го декабря (ЖСИ, с. 27). Значимымъ является выборъ повторяющихся словъ: в подавляющемъ большинстве случаевъ это лексемы с корнемъ -люб-.

8. Употребление в одномъ контексте лексем, обозначающихъ противоположные положительные и отрицательные эмоциональные переживания или их проявления. Такимъ образомъ передаются сильные эмоции и чувства: **Трогательна** была **встрѣча** юнаго инока съ пустынножителями. **Обливаясь слезами**, **встрѣтили** иноки Иларіона, **радуясь**, что Богъ привелъ его исполнить давнишнее **обѣщаніе** (ЖСИ, с. 8). В приведенномъ контексте агиографъ в качестве уточнения образа действия используетъ словоформы **обливаясь** (слезами) и **радуясь**, которые указываютъ на проявление противоположныхъ в бытовомъ представленіи чувствъ. Радость и слезы – это

столкновение проявлений удовольствия и не-удовольствия (положительной и отрицательной эмоций). Это позволяет говорить о том, что в подобных контекстах, совмещающих полярные эмоции, посредством контраста передается не только высокая интенсивность переживаемых чувств, но и сложность внутреннего состояния человека.

9. Прием градации. В житийном тексте для передачи динамики эмоционального переживания используются ряды эмотивных лексем, организованных по принципу нарастания интенсивности эмоционального переживания: *Егда же сей преподобный начнетъ акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ читати, абіе бысть въ то время отъ него нѣкоторый дивный, страшный и умилительный гласъ, отъ его исходящій... громогласень и сладкоглаголивъ и медоточень...* (ЖСИ, с. 18). Агиограф создает разворачивающуюся перед глазами читателя картину нарастающего эмоционального воздействия.

Выводы

Таким образом, анализ функционирования эмотивных лексем в житийных текстах синодального периода показал, что интенсивность выступает значимой характеристикой эмоционального переживания. Особенно важна высокая степень проявления данного признака, для передачи которой агиографическая традиция использует разнообразные конструкции и приемы.

Так, на материале текстов святительских житий рубежа XIX–XX вв. удалось выявить приемы, посредством которых реализуются парадигматические и синтагматические свойства лексических единиц.

Сопоставление с наблюдениями, сделанными на материале древнерусских и старорусских житий, показывает, что основной состав контекстуальных способов указания на интенсивность эмоционального переживания сохраняется, однако если в ранних текстах значительно преобладают такие контекстуальные приемы, как использование уточнителей меры и степени, а также тавтологические повторы, то в агиографических текстах синодального периода автор стремится разнообразить средства выражения интенсивно-

сти, указывая на длительность эмоционального переживания, включенность в него большого количества людей, скорость эмоционального воздействия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-34-01009 (а2) «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д., 1995. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды : в 2 т. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М. : Школа «Языки русской культуры». С. 348–388.
- Бельская Е. В., 2004. Проблема интенсивности в современной отечественной лексикологии // Вестник Томского государственного университета. № 282. С. 202–210.
- Виллонас В. К., 1990. Психологические механизмы мотивации человека. М. : Изд-во МГУ. 288 с.
- Дмитриева Е. Г., 2011. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в древнерусских и старорусских текстах // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 42–55.
- Дмитриева Е. Г., 2017. Об эмоциональном и рациональном в тексте «Русской Правды» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 35–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2017.1.3>.
- Лихачев Д. С., 1956. Изображение людей в житийной литературе конца XIV – XV века // Труды отдела древнерусской литературы. М. : АН СССР. Т. XII. С. 105–115.
- Лук А. Н., 1982. Эмоции и личность. М. : Знание. 176 с.
- Родионова С. Е., 2004. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. М. : МАКС Пресс. Вып. 2. С. 300–313.
- Рубинштейн С. Л., 1999. Основы общей психологии. СПб. : Питер Ком. 720 с.
- Святитель Феофан Затворник, 2004. Страсти и борьба с ними: выдержки из творений и писем. М. : Даниловский благовестник. 326 с.
- Семантика древнерусского глагола..., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-ди-

ахронический аспект : коллектив. моногр. / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова [и др.]; отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

ЖДР – Житие святого Димитрия, митрополита Ростовского. Ростов-Ярославский : Типография А.Х. Оппель, на Окружной улице, 1902. 32 с.

ЖМВ – Житие иже во святых отца нашего Митрофана, в схимонасах Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного чудотворца и Сказание о обретении и открытии честных его мощей, и о благодатных при том знамениях и чудесных исцелениях : Извлеч. из актов и донесений, имеющих в Святейшем Синоде. 13-е изд. Москва : Синод. тип., 1896. 74 с.

ЖСИ – Георгиевский В. Т. Житие и подвиги святителя Илариона, митрополита Суздальского ([ум.] 1707 г.). Петроград : М.Д. Усов, 1914. 28 с.

ЖТЗ – Житие святителя Тихона, епископа Воронежского, Задонского и всея России чудотворца. Одесса : Тип. и хромолит. Е.И. Фесенко, 1895. 36 с.

СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. Санкт-Петербург : В Типографии Императорской Академии наук, 1847.

REFERENCES

- Apresyan Yu.D., 1995. Image of the person according to language: attempt of the system description. *Izbrannye trudy: v 2 t. T. II. Integralnoe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 348-388.
- Belskaya E.V., 2004. The problem of intensity in modern domestic lexicology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 282, pp. 202-210.
- Vilyunas V.K., 1990. *Psychological mechanisms of human motivation*. Moscow, Izd-vo MGU. 288 p.
- Dmitrieva E.G., 2011. Characterological function of the emotional verbal lexicon in ancient Russian and old Russian texts. *Slovo v yazyke i tekste: sb. st. k 85-letiyu so dnya rozhdeniya Sofii Petrovny*

Lopushanskoy. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, pp. 42-55.

Dmitrieva E.G., 2017. On the emotional and the rational in the text of *the Russkaya Pravda*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2017, vol. 16, no. 1, pp. 35-46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.3>.

Likhachev D.S., 1956. The image of people in the hagiographic literature of the late 14th–15th century. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury*. Moscow, AN SSSR Publ., vol. 12, pp. 105-115.

Luk A.N., 1982. *Emotions and personality*. Moscow, Znanie Publ. 176 p.

Rodionova S.E., 2004. Intensity and its place among other semantic categories. *Slavyanskiy vestnik*. Moscow, MAKS Press, iss. 2, pp. 300-313.

Rubinshteyn S.L., 1999. *Fundamentals of General Psychology*. Saint Petersburg, Piter Kom Publ. 720 p.

Theophanes the Recluse, 2004. *Passion and struggle with them: Excerpts from creations and letters*. Moscow, Danilovskiy blagovestnik Publ. 326 p.

Sheptukhina E.M., ed. 2015. *Semantics of the old Russian verb: synchronic and diachronic aspects. Collective monograph*. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 352 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Life of St. Dimitry, Metropolitan of Rostov. Rostov-Yaroslavskiy, Tipografiya A.Kh. Ooppel, na Okruzhnoy ulitse Publ., 1902. 32 p.

Life in the holy fathers of our Mitrofan, in Schemonas of Makarios, the first bishop of Voronezh and the newly-born wonder-worker, and the Tale of finding and revealing his honest relics, and of the gracious signs and miraculous healings: Extracts from the acts and reports of the Holy Synod. Moscow, Sinod. tip. Publ., 1896. 74 p.

Georgievskiy V.T. *Life and feats of St. Hilarion, Metropolitan of Suzdal ([um.] 1707 g.)*. Petrograd, M.D. Usov Publ., 1914. 28 p.

Life of St. Tikhon, Bishop of Voronezh, Zadonsky and All-Russia miracle worker. Odessa, Tip. i khromolit. E.I. Fesenko Publ., 1895. 36 p.

Dictionary of the Church Slavonic and Russian language, compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences. In 4 vols. Saint Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1847.

Information about the Author

Evgeniya G. Dmitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

Информация об авторе

Евгения Геннадьевна Дмитриева, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, eg_dmitrieva@volsu.ru, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.6>

UDC 81'371:27-235
LBC 81.055.51

Submitted: 24.12.2017
Accepted: 15.02.2018

LANGUAGE MEANS OF REPRESENTING NUMINOUS EMOTIONS (BASED ON THE MATERIAL OF THE ENGLISH BIBLE TEXT)

Sergey M. Pashkov

Saint Petersburg State Pedagogical University (Volkhov Branch), Volkhov, Russia

Abstract. The research relevance consists in studying the specific sphere of human life that is poorly studied in linguistics – expression of emotions experienced with respect to the God. We specify substantive content of the term ‘numinousness’ and carry out its analysis from the viewpoint of emotion studies on the material of King James Bible. The necessity of differentiating emotive meanings verbalized in the text of the Bible into numinous (always positive) and anuminous (positive/negative) has been pointed out. As a result, three groups of lexemes representing numinous emotions have been classified: 1) an emotion of creature-consciousness; 2) an emotional cluster ‘Mysterium tremendum’ (awe, fear); 3) an emotional cluster ‘Mysterium fascinans’ (fascination, wonder, bliss, happiness, joy). The research shows that the analyzed lexemes are characterized with either positive occasional (the first and the second groups) or positive usual (the third group) evaluative orientation. It is shown that the reversion of an evaluative component in the language means representing numinous emotions is recurrent. This change is considered as a peculiarity of emotivity category representation in the biblical text. The proposed linguistic analysis of numinous emotions makes it possible to broaden scholarly knowledge of linguistic representation of inner self in the biblical text and to project a new prospect of further research in representing the category of emotivity in sacral texts in general.

Key words: The Bible, biblical text, numinous emotion, diffusion of emotions, emotivity, emotive and evaluative sequence, context, lexis.

Citation. Pashkov S.M. Language Means of Representing Numinous Emotions (Based on the Material of the English Bible Text). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 52-62. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.6>

УДК 81'371:27-235
ББК 81.055.51

Дата поступления статьи: 24.12.2017
Дата принятия статьи: 15.02.2018

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НУМИНОЗНЫХ ЭМОЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТЕКСТА БИБЛИИ)

Сергей Михайлович Пашков

Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
(Волховский филиал), г. Волхов, Россия

Аннотация. Актуальность статьи определяется обращением к мало изученной в лингвистике специфической сфере человеческой жизни – проявлению эмоций, испытываемых человеком по отношению к Богу. Автор уточняет содержательное наполнение понятия нуминозности и рассматривает его в эмотиологическом преломлении на материале текста Библии короля Якова. Постулируется необходимость деления эмотивных смыслов, эксплицируемых в тексте Библии, на нуминозные (всегда положительные) и ануминозные (положительные / отрицательные). В результате исследования были выделены три группы лексем, репрезентирующие нуминозные переживания: 1) эмоцию тварности; 2) эмоциональный кластер «Mysterium tremendum» (благоговение, страх); 3) эмоциональный кластер «Mysterium fascinans» (очарование, удивление, блаженство, счастье, радость). Установлена положительная окказиональная (первая и вторая группы) и узуальная (третья группа) оценочная направленность рассмотренных лексем. Показано, что реверсия оценочного знака у лексем, репрезентирующих нуминозные эмоции, носит рекуррентный характер и рассмат-

ривается автором как проявление специфики репрезентации категории эмотивности в библейском тексте. Полученные результаты позволили расширить научные представления об особенностях языковой репрезентации внутреннего «Я» в библейском тексте и наметить перспективу дальнейшего изучения особенностей репрезентации категории эмотивности в сакральных текстах в целом.

Ключевые слова: Библия, библейский текст, нуминозная эмоция, диффузность эмоций, эмотивность, эмоционально-оценочный ряд, контекст, лексика.

Цитирование. Пашков С.М. Языковые средства репрезентации нуминозных эмоций (на материале англоязычного текста Библии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 52–62. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.6>

Введение

Пристальное внимание современной лингвистики к «моделированию внутреннего человека» (Н.Д. Арутюнова) свидетельствует о сложности эмоциональных процессов и недостаточной разработанности актуальной проблемы «эмоции в языке». В частности, одной из важных исследовательских задач признается выявление специфики репрезентации категории эмотивности в текстах разной типологической отнесенности [Филимонова, 2016]. Думается, что в плане исследования языковых средств, репрезентирующих эмоции человека, библейский текст представляет значительный научный интерес. Во-первых, реализация антропологической программы изучения языка, актуальной для современной науки, предполагает, помимо прочего, рассмотрение человека не имманентно, в его самодостаточном бытии, а как *Homo religiosus* (человека религиозного) [Постовалова, 2014, с. 128–129]. Во-вторых, религия играла и играет «выдающуюся роль в судьбах языков» [Мечковская, 1998, с. 3]. В-третьих, эмотивная функция в религиозной коммуникации характеризуется как одна из ведущих [Бобырева, 2015, с. 53]. В-четвертых, подавляющее количество исследований в области эмотивности языка и речи посвящено языковой репрезентации «междучеловеческих чувств» (М.М. Бахтин), то есть чувств, связывающих человека с другими людьми, однако человек может испытывать эмоции, выходящие за пределы координаты «человек – человек», например эмоции по отношению к Богу [Бахтин, 2002, с. 374] (ср. «религиозная эмоция» у А.А. Ухтомского [Ухтомский, 1996, с. 368]). Среди «религиозных эмоций», репрезентируемых, в частности, в библейских текстах, наиболее значимыми являются «нуминозные эмоции»¹.

Понятие нуминозной эмоции

Нуминозное (от лат. *nimen* – божественное волеизъявление, божество, знак божественного могущества) обозначает данности религиозного опыта, сопряженные с сильным переживанием устрашающего и таинственного присутствия Бога. В религиозном опыте Бог открывает себя как *nimen*, и происходит встреча нуминозного объекта с чувством нуминозного [Энциклопедия..., 2009, с. 613].

Содержательное наполнение понятия нуминозного осмысливается в классическом труде немецкого теолога и философа Р. Отто «Священное» [Энциклопедия..., 2009, с. 613]. Нуминозное переживание – сложная формация, состоящая из нескольких эмоций, или, как пишет философ, «моментов» нуминозного (ср. понимание тревоги как комбинацию нескольких дискретных эмоций у К.Э. Изарда [Изард, 2011, с. 325]). Охарактеризуем наиболее важные из них.

Основная эмоция в составе нуминозного переживания определяется как «чувство тварности»², то есть «чувство твари, которая тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения» [Отто, 2008, с. 18]. Данная эмоция возникает в момент сильной религиозной возбужденности, когда присутствие Бога переживается *his et nunc*. Так, тварность проявляется в ощущениях «падшести», «ничтожности», в «девальвации меня самого». Однако эта эмоция возникает у религиозного человека не от нарушения нравственного закона, хотя это не исключается, а скорее от «безусловной нечестивости» [Отто, 2008, с. 19, 91, 92] (курсив наш. – С. П.).

Нуминозная эмоция тварности свидетельствует о смирении человека перед святостью и онтологическим превосходством

Бога [Отто, 2008, с. 33], а смирение признается одной из главных добродетелей в христианстве. Как следствие, эмоция тварности, в том числе и ее художественный аналог, является положительной. Посягательство человека на равенство с Творцом, описываемое в Библии, наказывается изгнанием прародителей из рая.

Эмоция тварности обуславливает формирование эмоционального кластера «*Mysterium tremendum*» («тайна, повергающая в трепет»), в котором концентрируется нуминозное переживание [Энциклопедия..., 2009, с. 614]. *Numen* может повергать в ужас и дрожь, приводить к странному волнению, смиренному содроганию и онемению твари перед тем, что «в несказанной тайне *возвышается* над всяким творением» [Отто, 2008, с. 22] (курсив наш. – С. П.).

Содержательное наполнение понятия страха в библейской традиции шире, чем то, которое ему приписывается в психологии. Под Страхом Божиим (нуминозный страх) понимается благоговение смешанное с трепетом (ББС, 2005, с. 1208), благоговение же, сошлемся на М.М. Бахтина, коренится в «таинственной области, уходящей в последние глубинные первоосновы человеческой жизни». Благоговение, по мнению мыслителя, сопровождается «*онемением*», которое свидетельствует о достоинстве человека [Бахтин, 2002, с. 376] (курсив наш. – С. П.). Разумеется, в Библии описывается «ануминозный» страх, то есть *страх человека перед опасностью, наказанием за преступления*, однако он не является основным (ББС, с. 1208). Думается, эту разновидность страха имеет в виду Е.В. Бобырева, когда делит эмоциональное поле религиозного дискурса на два блока: блок положительно окрашенных эмоций и блок эмоций, окрашенных отрицательно, относя ко второму блоку, помимо прочего, страх [Бобырева, 2015, с. 53].

Специфичность эмоционального кластера «*Mysterium tremendum*» проявляется в том, что Бог не только ужасает, но и особым образом притягивает, очаровывает, изумляет, общается твари блаженство. Испытывая страх перед Творцом, «тварь в то же время всегда тянется к нему, чтобы как-то с ним соединиться» [Отто, 2008, с. 59]. Этот эмоциональ-

ный кластер (очарование, удивление, блаженство, счастье, радость) в составе нуминозного переживания Р. Отто определяет термином «*Mysterium fascinans*» («тайна очаровывающая»). Важным представляется то, что эта особенность нуминозных эмоций (Бог одновременно ужасает и очаровывает человека) репрезентируется в сакральных текстах и является их важнейшим элементом. Так, И.Т. Касавин пишет об ощущениях «*восторженного ужаса*» и «*ошеломленного поклонения*», репрезентируемых в этих текстах [Касавин, 1998, с. 165] (курсив наш. – С. П.).

Исходя из приведенного понимания нуминозных эмоций, представляется оправданным выделение в эмотивном пространстве библейского текста нуминозных (всегда положительных) и ануминозных (положительных / отрицательных) эмотивных смыслов.

Категория эмотивности, как показано в работах О.Е. Филимоновой, имеет особенности репрезентации в текстах разных типов [Филимонова, 2007; 2016]. Думается, что применительно к тексту Библии этот тезис находит свое обоснование в сфере репрезентации сложных нуминозных переживаний.

Лингвистическое описание текста детерминировано двумя важными факторами: «*сложностью самого текста*», включенного в историко-культурный контекст (ср. текст Библии), и «*сложностью человека*», порождающего, воспринимающего, интерпретирующего и / или исследующего текст [Щирова, 2013, с. 37] (курсив И.А. Щировой. – С. П.). При анализе семантических категорий, в том числе категории эмотивности, важнейшее значение приобретает принцип онтологизма, заключающийся в признании детерминации рассматриваемых категорий восприятием объективной действительности [Бондарко, 1987, с. 31].

С учетом онтологии нуминозных эмоций (они вызваны Божественным присутствием и имеют положительную направленность) нами анализируются:

- языковые репрезентанты нуминозной эмоции тварности;
- языковые репрезентанты эмоционального кластера «*Mysterium tremendum*» (благоговение, страх);
- языковые репрезентанты эмоционального кластера «*Mysterium fascinans*»

(очарование, удивление, блаженство, счастье, радость).

Выделенные группы языковых средств исследуются с применением разработанного лингвистикой эмоций метода эмотивного анализа, который заключается в выделении названных, описанных, выраженных эмоций и определении оценочного знака эмотивов [Шаховский, 2009].

Поскольку нуминозные эмоции возникают в момент сильной религиозной возбужденности (Р. Отто), для лингвистического анализа отобраны фрагменты, в которых изображаются «наиболее религиозные» библейские персонажи, играющие важную роль в библейской истории (Авраам, Давид, Неемия, Соломон, Иов, Исая, Петр). Объем анализируемых в статье микроконтекстов определяется их достаточностью для адекватной интерпретации эмотивно-прагматического содержания языковых средств репрезентации нуминозных эмоций. Источником для отбора материала послужила Библия короля Якова (1611 г.)³.

Репрезентация эмоции тварности

В тексте Библии, описывающем мировой процесс как открытый диалог Творца и творения [Аверинцев, 2006, с. 408], были выделены следующие языковые средства, репрезентирующие нуминозную эмоцию тварности персонажа: а) лексемы с конкретной семантикой, характеризующие тварность человека (*ashes, dust, flesh, creature, clay*); б) лексемы с абстрактной семантикой, характеризующие нечестивость и порочность человека (*filthy, vile, iniquity, unclean, vanity, nothing*). В контексте Библии в семантике этих единиц актуализируется потенциальная / наведенная эмсема 'унижение' со знаком «+» (ср. слова Христа «кто возвышает себя, тот унижен будет, а кто унижает себя, тот возвысится»).

(1) And the LORD said, If I find in Sodom fifty righteous within the city, then I will spare all the place for their sakes. And Abraham answered and said, Behold now, I have taken upon me to speak unto the Lord, which am but dust and ashes (Genesis, 18: 26-27).

В микроконтексте (1) описывается важный для библейской истории диалог Авраама с Богом, в котором патриарх умоляет о поми-

ловании Содома и Гоморры. Лексическая единица (далее – ЛЕ) *the Lord*, номинирующая Бога, а также глаголы говорения (*said, answered, speak*) свидетельствуют об их беседе. Этот контакт с Творцом вызывает у Авраама нуминозную эмоцию тварности, репрезентируемую существительными с конкретной семантикой *dust* и *ashes*, содержащими в своем значении сему 'вещество'. Ср.:

– *dust*: «fine particles of *matter* (as of earth)»;

– *ash(es)*: «the solid residue left when combustible *material* is thoroughly burned or is oxidized by chemical means» (M-W) (здесь и далее в словарных толкованиях курсив наш. – С. П.).

Праведный Авраам идентифицирует себя с прахом и осознает свою онтологическую несопоставимость с Богом. Основанием для такой интерпретации образа можно рассматривать и то, что ЛЕ *dust* и *ashes* актуализируют в тексте, помимо вышеуказанного, еще один компонент значения – сему 'унижение':

– *ash(es)*: «something that symbolizes grief, repentance, or *humiliation*»;

– *dust*: «a state of *humiliation*» (M-W).

Повтор существительных с семой 'унижение' акцентирует безусловную нечестивость Авраама, несмотря на его праведность и богобоязненность.

(2) What is man, that he should be clean? and he which is born of a woman, that he should be righteous? Behold, he putteth no trust in his saints; yea, the heavens are not clean in his sight. How much more abominable and filthy is man, which drinketh iniquity like water? (Job, 15: 14-16).

(3) Then Job answered the LORD, and said, Behold, I am vile; what shall I answer thee? I will lay mine hand upon my mouth (Job, 40: 3-4).

(4) I have heard of thee by the hearing of the ear: but now mine eye seeth thee. Wherefore I abhor myself, and repent in dust and ashes (Job, 42: 5-6).

В микроконтекстах (2), (3), (4) приводится диалог Иова с Богом. Глаголы говорения (*answered, said*) и восприятия (*heard, seeth*), а также местоимения первого и второго лица (*I, thee*) индицируют позиции участников данного коммуникативного акта и маркируют встречу праведника с Творцом. Эмоция тварности выражается ЛЕ с конкретной (*dust*,

ashes) и абстрактной (*filthy, vile, iniquity*) семантикой. В тексте актуализируется свойственная ЛЕ *filthy, vile* и *iniquity* сема 'нечестивость'. Ср.:

- *filthy*: «very evil : morally wrong»;
- *vile*: «morally despicable or abhorrent»;
- *iniquity*: «something that is unfair or evil»

(M-W).

Иов осознает всю ничтожность творения перед Богом, о чем также свидетельствуют его риторические вопросы (*What is man, that he should be clean? and he which is born of a woman, that he should be righteous?*). Анализируемая эмоция, переполняющая праведника благоговением перед Всевышним, имплицитно выражается молчанием (*I will lay mine hand upon my mouth*). Непосредственное выражение чувств, пишет М.М. Бахтин, оскорбляет благоговение, и «единственно достойное выражение человека перед предметом благоговения – молчание» [Бахтин, 2002, с. 376].

(5) Then said I, Woe is me! for I am undone; because I am a man of unclean lips, and I dwell in the midst of a people of unclean lips: for mine eyes have seen the King, the LORD of hosts (Isaiah, 6: 5).

(6) All nations before him are as nothing; and they are counted to him less than nothing, and vanity (Isaiah, 40: 17).

(7) But we are all as an unclean thing, and all our righteousnesses are as filthy rags; and we all do fade as a leaf; and our iniquities, like the wind, have taken us away. <...>. But now, O LORD, thou art our father; we are the clay, and thou our potter; and we all are the work of thy hand (Isaiah, 64: 6).

В микроконтекстах (5), (6), (7) изображается ничтожность великого пророка Исаяи. Перед началом служения Бог (ЛЕ *the King, the LORD of hosts, him*) посещает Своего избранника и наделяет его даром пророчества. Их встреча фиксируется глаголом восприятия *seen* (*mine eyes have seen the King*). Святость и величие Творца сообщают пророку эмоцию тварности, репрезентируемую ЛЕ с конкретной (*clay*) и абстрактной (*iniquities, filthy, unclean, vanity, nothing*) семантикой. В тексте актуализируются свойственные значениям этих слов семы 'нечестивый', 'пустой', 'ничтожность' и 'тело'. Ср., например:

- *unclean*: «morally or spiritually impure»;

- *vanity*: «something that is vain, empty, or valueless»;

- *nothing*: «someone or something of no or slight value or size»;

- *clay*: «the human body as distinguished from the spirit» (M-W).

После восприятия Бога пророк понимает ничтожность тварного человека. Конвергенция стилистических средств – сравнения (*as an unclean thing, as filthy rags, as a leaf, like the wind*), метафоры (*we are the clay, and thou our potter*), эмфатической конструкции с глаголом *do*, усиленной сравнением (*we all do fade as a leaf*), – воссоздает тварное чувство Исаяи и акцентирует нетварность Бога.

Репрезентация нуминозных эмоций кластера «Mysterium tremendum»

Благоговение и страх, формирующие эмоциональный кластер «Mysterium tremendum», репрезентируются через: а) обозначение эмоции (*dread, fear, terribleness*); описание (*afraid, tremble*); выражение (*dreadful, terrible*). Семантика этих языковых единиц подвергается изменениям в библейском тексте. С одной стороны, их узуальная отрицательно-оценочная сема не актуализируется, а с другой – в библейском тексте появляетсяokkaзиональная положительно-оценочная сема. Вне контекста «языковая единица теряет диктуемые смыслом текста возможные дополнительные значения и утрачивает семантическую конкретность и эмоциональную нагруженность» [Щирова, 2013, с. 75] (курсив наш. – С. П.). Это наблюдение получает глубокое обоснование при исследовании эмотивной семантики: она всегда является связанной, в результате чего нередко имеют место случаи реверсии оценочного знака у языковых единиц [Шаховский, 2009, с. 155, 173].

(8) And said, I beseech thee, O LORD God of heaven, the great and terrible God, that keepeth covenant and mercy for them that love him and observe his commandments. <...>. O Lord, I beseech thee, let now thine ear be attentive to the prayer of thy servant, and to the prayer of thy servants, who desire to fear thy name (Nehemiah, 1: 5, 11).

В приведенном микроконтексте описывается молитва Неемии, набожного израиль-

тянина, узнавшего о разрушении Иерусалима. Личные местоимения первого и второго лица (*I, thee, thy, thine*), а также глагол говорения (*beseech*) маркируют диалог героя с Творцом и сигнализируют о нуминозном страхе персонажа. Он выражается прилагательным *terrible* и описывается глаголом *to fear*. О нуминозности страха свидетельствует и семантическая связь эпитета *great*, изображающего Бога, с прилагательным *awesome* (Roget, p. 271). Методом многоступенчатого дефиниционного анализа в структуре его значения были выявлены семы 'страх' и 'благоговение':

– *awesome* (1 ступень анализа): «causing feelings of awe»;

– *awe* (2 ступень анализа): «an emotion variously combining *dread, veneration, and wonder* that is inspired by authority or by the *sacred or sublime*» (M-W).

Во второй дефиниции фиксируются также актуализируемые в тексте семы 'святой' и 'возвышенный', подтверждающие нуминозность переживаний Неемии. Отрицательная оценочная нагруженность эмотивов *terrible* и *fear* нивелируется благодаря их сочетаемости с глаголом *desire*, в семантике которого актуализируются семы 'желание' и 'интенсивность эмоции' – ср.: «a *strong hope or wish*» (LDCE), и глаголом *love*, описывающим положительное чувство, которое испытывает человек по отношению к Богу. Исполненный любви к Всевышнему, Неемия жаждет благоговеть и трепетать перед именем Творца (*desire to fear thy name*). В библейском тексте имя и личность Бога неразрывно связаны между собой (ББС, с. 576).

(9) The fear of the LORD is clean, enduring for ever: the judgments of the LORD are true and righteous altogether (Psalm, 19: 9).

(10) O taste and see that the LORD is good: blessed is the man that trusteth in him. O fear the LORD, ye his saints: for there is no want to them that fear him (Psalm, 34: 8-9).

(11) The LORD reigneth; let the people tremble: he sitteth between the cherubims; let the earth be moved. The LORD is great in Zion; and he is high above all the people. Let them praise thy great and terrible name; for it is holy (Psalm, 99: 1-3).

(12) Blessed is every one that feareth the LORD; that walketh in his ways. For thou shalt eat the labour of thine hands: happy shalt thou be, and it shall be well with thee (Psalm, 128: 1-4).

В микроконтекстах (9), (10), (11), (12) изображается благоговение и страх Давида перед величием и святостью Творца. Эти эмоции обозначаются существительным *fear*, описываются глаголами *tremble* и *feareth* и выражаются эмоционально-усилительными прилагательными *great* и *terrible*. Семы 'страх' и 'интенсивность эмоции', свойственные значениям ЛЕ *terrible* и *tremble*, свидетельствуют о религиозной возбужденности Давида. Ср.:

– *terrible*: «exciting *extreme* alarm or intense *fear*»;

– *tremble*: «to be affected with *great fear* or anxiety» (M-W).

Отрицательная оценочная нагруженность языковых репрезентантов нуминозного страха нейтрализуется положительной оценкой, которая выражена эпитетами *clean* и *holy*, характеризующими чистоту Страха Божия и святость Его имени (*The fear of the LORD is clean, thy great and terrible name; for it is holy*). Ср.:

– *holy*: «*exalted* or worthy of complete devotion as one *perfect in goodness and righteousness*»;

– *clean*: «*free from moral corruption* or *sinister connections* of any kind» (M-W).

Страх Божий гарантирует каждому человеку блаженство, счастье и процветание. Стилистическая инверсия (*Blessed is every one, happy shalt thou be*) позволяет акцентировать эту причинно-следственную связь. Эмоции благоговения, страха, блаженства и счастья, описываемые в приведенных микроконтекстах, диффундируют, а эксплицирующие их ЛЕ *great, blessed, feareth, tremble* и *happy* образуют единый эмоционально-оценочный ряд. Особую значимость приобретает призыв бояться Бога в (10): *O fear the LORD, ye his saints*. Поскольку он обращен к святым (*saints*), то исключает возможность интерпретировать изображенную эмоцию как ануминозный страх, то есть страх перед наказанием за преступления.

(13) In the fear of the LORD is strong confidence: and his children shall have a place of refuge. The fear of the LORD is a fountain of life, to depart from the snares of death (Proverbs, 14: 26-27).

(14) The fear of the LORD tendeth to life: and he that hath it shall abide satisfied; he shall not be visited with evil (Proverbs, 19: 23).

В микроконтекстах (13), (14) Соломон, один из ключевых библейских персонажей, размышляет о нуминозном страхе (он обозначен ЛЕ *fear*). Оказиональная положительная оценка этой эмоции обеспечивается метафорой *a fountain of life*, уподобляющей Страх Божий источнику жизни. О положительной оказиональной оценке, выраженной лексемой *fear*, свидетельствуют существительное *confidence*, обозначающее надежду, и причастие *satisfied* со значением «удовлетворение». Именно в Страхе Божиим человек приобретает уверенность, удовлетворение и безопасность в жизни (*place of refuge, depart from the snares of death, he shall not be visited with evil*). Эпитет *strong*, интенсифицирующий сему 'уверенность' в ЛЕ *confidence*, а также стилистическая инверсия (*In the fear of the LORD is strong confidence*) обеспечивают важный текстовый смысл – нуминозный страх гарантирует надежность и безопасность в жизни. Кроме того, согласно данным идеографического словаря, ЛЕ *confidence* семантически коррелирует с ЛЕ *courage* (Roget, p. 127), которая определяется как «*mental or moral strength to venture, persevere, and withstand danger, fear, or difficulty*» (M-W). Страх перед Богом сообщает смелость, позволяющую противостоять любому ануминозному страху в жизни. В психологии отмечается, что страх сопровождается чувством неуверенности и незащищенности [Изард, 2011, с. 324], которые, как показывает языковой материал текста Библии, несвойственны нуминозному страху, являющемуся художественной моделью реальных религиозных переживаний.

Репрезентация нуминозных эмоций кластера «Mysterium fascinans»

Языковая репрезентация эмоционального кластера «Mysterium fascinans» (очарование, удивление, блаженство, счастье, радость) в тексте Библии осуществляется через его: а) обозначение (*amazement, gladness, joyfulness*); б) описание (*happy, blessed, glad, amazed, delighteth, rejoice*); в) выражение (*wonderfully, marvelous*). Эти языковые репрезентанты с узуальной положительной оценкой формируют единый эмоционально-оценочный ряд с языковыми репрезентантами нуми-

нозных эмоций кластера «Mysterium tremendum», которые, как было показано выше, наделяются оказиональной положительной оценкой в тексте Библии. Этот вывод коррелирует с наблюдениями В.И. Шаховского относительно закономерностей эмотивного текста, а именно: для данного текста, как правило, не характерна совместность эмотивов с полярными оценочными знаками [Шаховский, 2009, с. 154].

(15) Be wise now therefore, O ye kings: be instructed, ye judges of the earth. Serve the LORD with fear, and rejoice with trembling (Psalm, 2: 10-11).

(16) Praise ye the LORD. Blessed is the man that feareth the LORD, that delighteth greatly in his commandments (Psalm, 112: 1).

(17) I will praise thee; for I am fearfully and wonderfully made: marvellous are thy works; and that my soul knoweth right well (Psalm, 139: 14).

В приведенных микроконтекстах в молитвенном обращении к Творцу (*thee, thy, the LORD*) Давид переживает комплекс нуминозных эмоций, входящих в кластер «Mysterium fascinans». Эти эмоции (радость, очарование, блаженство) описываются глаголами *rejoice, delighteth, praise* и выражаются эмоционально-усилительным наречием *wonderfully* и прилагательным *marvelous*. В библейском тексте в значении этих ЛЕ актуализируются свойственные им семы указанных эмоций ('удовольствие', 'радость', 'удовлетворение', 'восторг'), а также сема 'интенсивность эмоции'. Ср.:

- *rejoice*: «to feel joy or great delight»;
- *delighteth*: «a high degree of gratification or pleasure»;
- *wonderful(ly)*: «extremely good»;
- *praise*: «to express thanks to or love and respect for (God)»;
- *marvelous*: «extremely good or enjoyable» (M-W).

Давид очарован могуществом Творца, проявляемым в Его делах (*I am fearfully and wonderfully made: marvellous are thy works*). ЛЕ *rejoice, blessed, wonderfully, marvellous* образуют единый эмоционально-оценочный ряд с ЛЕ, репрезентирующими нуминозные эмоции кластера «Mysterium tremendum» (*fear, trembling, feareth*). Давид призывает служить Господу со страхом и радоваться с трепетом (*Serve the LORD with fear, and*

rejoice with trembling). Положительная оценочная направленность ЛЕ *fear, trembling, feareth* подтверждается включением в описание анализируемых эмоций причастия *Blessed*, характеризующего блаженство тех, кто имеет страх Божий.

(18) And they departed quickly from the sepulcher with fear and great joy; and did run to bring his disciples word. And as they went to tell his disciples, behold, Jesus met them, saying, All hail. And they came and held him by the feet, and worshipped him (Matthew, 28:8-9).

В микроконтексте (18) описывается нуминозная эмоция ликования жен-мироносиц, узнавших о воскресении Иисуса Христа (*Jesus*); она описывается предложным словосочетанием *with great joy*. Интенсивность этой эмоции маркируется ЛЕ *great*. Воскресение, манифестирующее всемогущество Бога, вселяет в женщин страх и благоговение, на что указывают словосочетание *with fear* и глагол *worshipped*. В значении глагола *worshipped* содержится сема 'божество' и 'благоговение': «to honor or reverence as a divine being or supernatural power» (M-W), сигнализирующие о нуминозности переживаний персонажей. Эта диффузность репрезентируемых нуминозных эмоций (страх, благоговение, ликование) отражает онтологию религиозного опыта.

(19) I was in the city of Joppa praying: and in a trance I saw a vision, A certain vessel descend, as it had been a great sheet, let down from heaven by four corners; and it came even to me <...>. And I heard a voice saying unto me, Arise, Peter; slay and eat. But I said, Not so, Lord: for nothing common or unclean hath at any time entered into my mouth (Acts, 11: 5).

В микроконтексте (19) описывается видение апостола Петра и его диалог с Богом. Глаголы восприятия (*heard, saw*), говорения (*praying, said, answered*), а также адресативы (*Lord, Peter*) маркируют их беседу. Нуминозная эмоция очарования, обозначаемая ЛЕ *trance*, семантически коррелирует с ЛЕ *spell* (Roget, p. 603) и в толковом словаре дефинируется как «a state of *enchantment*» (M-W). В приведенном определении фиксируется актуализируемая в тексте сема 'очарование'. Бог, разговаривающий с апостолом, изумляет его.

(20) And immediately he rose up before them, and took up that whereon he lay, and departed to his own house, glorifying God. And they were all amazed, and they glorified God, and were filled with fear, saying, We have seen strange things to day (Luke, 5: 25-26).

В этом микроконтексте изображается одно из чудес Христа (исцеление больного), которое изумляет свидетелей чуда. Эта эмоция репрезентируется ЛЕ *amazed* и *glorified*. Фиксируемая в словарной дефиниции глагола *glorified* сема 'восторг' – «to make glorious by bestowing honor, praise, or admiration» (M-W) – актуализируется в тексте. Глагол *amaze(d)* имеет семантическую связь с глаголом *fascinate* (Roget, p. 28) и в толковом словаре определяется как «to attract greatly» (M-W). Однако помимо очарования Христом люди испытывают также трепет перед могуществом Спасителя, на что указывает предложное словосочетание *with fear*. Эпитет *strange*, характеризующий деяния Христа (*strange things*), имеет в своем значении сему 'awe' – *strange*: «exciting wonder or awe» (M-W). Именно она и актуализируется в тексте. Страх и благоговение переполняют людей. Полисиндетонная связь лексем, репрезентирующих эмоции очарования, восторга и трепета (*And they were all amazed, and they glorified God, and were filled with fear*), акцентирует нуминозную охваченность творения перед всемогуществом Творца.

Выводы

Религия, являясь одной из фундаментальных бытийных ориентаций человека, реализуется в религиозном дискурсе. Уникальность данного дискурса состоит в том, что его участником является Бог [Карасик, 2002, с. 221]. Контакт с Творцом вызывает у человека нуминозные эмоции, репрезентируемые языковыми средствами с эмотивной семантикой различного статуса – денотативного, коннотативного, потенциального и наведенного. Языковые репрезентанты исследуемых эмоций характеризуются узуальной / окказиональной положительной оценкой. Анализ микро- и макроконтекстов исследуемого текста свидетельствует об окказиональных смысловых наслоениях в семантике проанализированных языковых единиц.

Глубинное познание реальности, отличающее XX–XXI вв., реализуется в синтезе научного, философского, художественного и религиозного подходов. В результате холистического взгляда на мир обретается целостное видение человека [Постовалова, 2012, с. 55]. Эмотиологическое исследование нуминозности позволяет углубить научные представления о *homo sentiens*, переживающего мир не только в горизонтальной (человек – человек), но и вертикальной (человек – Бог) плоскостях своего бытия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В связи с отсутствием в психологии единой трактовки понятий «ощущение», «эмоция» и «чувство» в статье термин «эмоция» используется как родовой, то есть включающий в себя понимание чувства и ощущения.

² Безусловно, эмоция тварности не является собственно эмоцией. Она представляет собой интеллектуальную эмоцию, под которой в психологии понимается «специфическое переживание, возникающее у человека в процессе мыслительной деятельности» [Ильин, 2001, с. 190] (ср. номинацию В.И. Шаховского «эмоция-мысль персонажа» [Шаховский, 2010, с. 69]).

³ Текст цитируется по изданию: King James Bible. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> (date of access: 20.01.2018).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверинцев С. С., 2006. Судьба // София-Логос. Словарь : собр. соч. / под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сигова. Київ : Дух і ліра. С. 404–410.
- Бахтин М. М., 2002. Рабочие записи // Собрание сочинений : в 6 т. М. : Русские словари. Языки русской культуры. Т. 6. С. 371–431.
- Бобырева Е. В., 2015. Когнитивно-эмоциональное пространство религиозной коммуникации // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates Т. 1, № 2 (2). С. 51–59.
- Бондарко А. В., 1987. Введение. Основания функциональной грамматики // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л. : Наука. С. 5–39.
- Изард К. Э., 2011. Психология эмоций. СПб. : Питер. 461 с.
- Ильин Е. П., 2001. Эмоции и чувства. СПб. : Питер. 752 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Касавин И. Т., 1998. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. СПб. : РХГИ. 408 с.
- Мечковская Н. Б., 1998. Язык и религия. М. : Агентство «ФАИР». 352 с.
- Отто Р., 2008. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во Санкт.-Петербург. ун-та. 272 с.
- Постовалова В. И., 2012. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири «Magister Dixit». № 4 (12). С. 54–101.
- Постовалова В. И., 2014. Религиозные концепты в православном мирозерцании (опыт теолингвистического анализа) // Критика и семиотика. № 2. С. 127–148.
- Ухтомский А. А., 1996. Интуиция совести: Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб. : Петерб. писатель. 528 с.
- Филимонова О. Е., 2007. Эмотиология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб. : Книжный Дом. 448 с.
- Филимонова О. Е., 2016. Репрезентация эмоций в стихотворениях Шела Силверстейна // STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXV. Актуальные вопросы языка и текста в современных филологических исследованиях : сб. науч. тр. СПб. : Политехника-сервис. С. 183–189.
- Шаховский В. И., 2009. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М. : ЛИБРОКОМ. 208 с.
- Шаховский В. И., 2010. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М. : ЛИБРОКОМ. 128 с.
- Щирова И. А., 2013. Текст сквозь призму сложного. СПб. : Политехника-сервис. 216 с.
- Энциклопедия..., 2009. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М. : «Канон» РООИ «Реабилитация». 1248 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- ББС – Большой библейский словарь, 2005 / под ред. У. Элзулла, Ф. Камфорты. СПб. : Библия для всех. 1503 с.
- LDCE – Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary> (date of access: 15.01.2018).
- M-W – Merriam-Webster Dictionary. URL: <http://www.merriamwebster.com> (date of access: 15.01.2018).

Roget – *Roget's Superthesaurus* by Marc McCutcheon, 2003. Cincinnati : Writer's digest books. 667 p.

REFERENCES

- Averintsev S.S., 2006. Destiny. Averintseva N.P., Sigov K.B., eds. *Collection of works. Sofiya-Logos. Glossary*. Kiev, Dukh i litera Publ., pp. 404-410.
- Bakhtin M.M., 2002. Notes. *Collection of works in 6 vols. Vol. 6*. Moscow, Russkie slovari Publ.; Yazyki slavyanskoy kultury Publ., pp. 371-431.
- Bobyreva E.V., 2015. Cognitive and emotional space of religious communication. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates* [Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates], vol. 1, no. 2 (2), pp. 51-59.
- Bondarko A.V., 1987. Introduction. Fundamentals of functional grammar. *Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis*. Leningrad, Nauka Publ., pp. 5-39.
- Izard K.E., 2011. *Psychology of emotions*. Saint Petersburg, Piter Publ. 461 p.
- Ilyin E.P., 2001. *Emotions and feelings*. Saint Petersburg, Piter Publ. 752 p.
- Karasik V.I., 2002. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kasavin I.T., 1998. *Migration. Creativity. Text. Problems of non-classical theory of cognition*. Saint Petersburg, RHGI Publ. 408 p.
- Mechkovskaya N.B., 1998. *Language and religion. A manual for students of humanities universities*. Moscow, Agentstvo FAIR. 352 p.
- Otto R., 2008. *The sacred. On the irrational in the idea of the Holy and its correlation with the rational*. Saint Petersburg, ANO St. Petersburg university Publ. 272 p.
- Postovalova V.I., 2012. Theolinguistics in modern humanities: origins, basic ideas and trends. *Nauchno-pedagogicheskiy zhurnal Vostochnoy Sibiri «Magister Dixit»* [Scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia "Magister Dixit"], no. 4 (12), pp. 54-101.
- Postovalova V.I., 2014. Religious concepts in Orthodox Christian Worldview (A theolinguistic analysis). *Kritika i semiotika* [Critique and semiotics], no. 2, pp. 127-148.
- Ukhtomskiy A.A., 1996. The intuition of conscience. Letters. Notes. Notes on the margin. Saint Petersburg, Peterburgskiy pisatel Publ. 528 p.
- Filimonova O.E., 2007. *The Emotiology of text. The analysis of representing emotions in English text*. Saint Petersburg, Knizhnyy Dom Publ. 448 p.
- Filimonova O.E., 2016. Representation of emotions in Shel Silverstein's poetry. *STUDIA LINGUISTICA. Aktualnye voprosy yazyka i teksta v sovremennykh filologicheskikh issledovaniyakh. Sb. nauchnykh trudov* [STUDIA LINGUISTICA. Relevant issues of language and text in modern philological studies. Collection of scientific works], no. XXV, pp. 183-189.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Categorization of emotions in the lexico-semantic system of language*. Moscow, LIBROCOM Publ. 208 p.
- Shakhovskiy V.I., 2010. *Emotions: prelinguistics, linguistics, linguoculturology*. Moscow, LIBROCOM Publ. 128 p.
- Shchirova I.A., 2013. *Text through the prism of complexity*. Saint Petersburg, Politehnika-servis Publ. 216 p.
- Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*, 2009. Moscow, 'Kanon+' ROOI 'Reabilitatsihttps://https://ya' Publ. 1248 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Eluel U., Kamfort F., 2005. *Tyndale Bible dictionary*. Illinois, Tyndale house Publ. 1503 p.
- KingJames Bible*. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org/>. (accessed 20 January 2018).
- Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary>. (accessed 15 January 2018).
- Merriam-Webster Dictionary*. URL: <http://www.merriamwebster.com>. (accessed 15 January 2018).
- Roget's Superthesaurus by Marc McCutcheon*. Cincinnati, Writer's digest books, 2003. 667 p.

Information about the Author

Sergey M. Pashkov, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Humanities Education and Pedagogical Technologies, Saint Petersburg State Pedagogical University (Volkhov Branch), Oktyabrskaya naberezhnaya St., 1a, 187403 Volkhov, Russia, s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

Информация об авторе

Сергей Михайлович Пашков, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарного образования и педагогических технологий, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Волховский филиал), ул. Октябрьская наб., 1а, 187403 г. Волхов, Россия, s.p.n1980@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7552-7304>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.7>

UDC 81'373
LBC 81.053

Submitted: 02.12.2017
Accepted: 30.01.2018

FUNCTIONING OF EMOTIONAL AND EVALUATIVE LEXICON IN ST. JOHN CHRYSOSTOM'S HOMILIES

Anna Petrikova

University of Preshov, Preshov, Slovakia

Abstract. The research is centered on the analysis of the emotional and evaluative lexicon, its functioning in homilies by St. John Chrysostom, the greatest Saint of Christian East and the whole Church. The paper highlights approaches to the study of the preaching style in Slovak linguistics. The terms 'sermon' and 'homily' as the main genres of religious communication and their place in preaching practice are analyzed. The subject of our research is emotionally colored lexicon, reflecting the individual world and its representation in the homily as well as the category of evaluation in Russian linguistics and its implementation in the text. The methodology of the analysis of the evaluation and emotionality in the homily text is presented. In St. John Chrysostom's homilies there are negative and positive emotional codes of the language. It is shown that verbs with negative evaluation often express the semantics of intensity. The emotional words in the Christian communication obtain a different connotation as compared to their use in secular communication.

The methodological basis of the research is the integrative approach of text linguistics, functional stylistics, linguopragmatics, philosophical hermeneutics, Orthodox and Catholic theology. We proceed from the works of eminent scholars of the Slovak and Czech Republics, Poland, Russia and other countries, such as Josef Mlatsek, Josef Mistryk, Frantisek Rushchak, Maria Voitak, Olga Aleksandrovna Prokhvatilova, Elena Mikhailovna Volf, Mikhail Mikhailovich Bakhtin, Olivier Clement, and others.

Key words: communication of Christians, lexicon, emotions, evaluation, homily, homiletics, sermon, John Chrysostom.

Citation. Petrikova A. Functioning of Emotional and Evaluative Lexicon in St. John Chrysostom's Homilies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 63-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.7>

УДК 81'373
ББК 81.053

Дата поступления статьи: 02.12.2017
Дата принятия статьи: 30.01.2018

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ ЛЕКСИКИ В ГОМИЛИЯХ СЯТИТЕЛЯ ИОАННА ЗЛАТОУСТА

Анна Петрикова

Прешовский университет, г. Прешов, Словакия

Аннотация. В центре исследования находится языковая личность христианина, вербальные проявления его эмоций и оценки. Особенности функционирования эмоционально-оценочной лексики в проповедях святителя Иоанна Златоуста – величайшего святого христианского Востока и всей Церкви – рассматриваются на материале огласительных гомилией, переведенных на современный русский язык. Методологической основой исследования послужил интегративный подход, объединяющий достижения лингвистики текста, функциональной стилистики, лингвопрагматики, философской герменевтики, православного и католического богословия. В статье анализируются подходы к изучению проповеднического стиля в словацкой и российской лингвистике, характеризуются проповедь как основной жанр религиозной сферы общения и гомилия как особая форма проповеди, определяется место гомилией в проповеднической практике. При анализе лексем, выражающих эмоции, учитывается специфика религиозной коммуникации и особенности религиозного сознания. Выявлено, что в огласительных гомилией св. Иоанна Златоуста находят выражение эмотивные коды языка, отражающие как положительные, так и отри-

цательные эмоции и оценки. При этом показано, что глагольные единицы, эксплицирующие отрицательную оценку, часто выражают семантику интенсивности. Установлено, что в христианской коммуникативной сфере эмотивные лексемы приобретают в сравнении с профанной коммуникативной сферой иную коннотацию.

Ключевые слова: коммуникация христиан, лексика, эмоции, оценка, гомилия, гомилетика, проповедь, Иоанн Златоуст.

Цитирование. Петрикова А. Функционирование эмоционально-оценочной лексики в гомилиях святителя Иоанна Златоуста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 63–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.7>

Введение в лингвистическую проблематику религиозной сферы общения

Религиозная коммуникация, межличностное общение христиан, представляющие собой феномен (*loci communes*), рассматриваются в рамках лингвистики, философии, социологии, психологии, богословия и других наук. Так, в лингвистике, в том числе и в словацкой, активно обсуждаются вопросы (не)выделения религиозного стиля как отдельного функционального стиля, религиозной сферы коммуникации как самостоятельного вида коммуникации. В частности, Я. Финдра не считает возможным рассматривать религиозный и проповеднический стили как отдельные функциональные стили, поскольку, по его словам, речь идет только о жанрах, текстах ораторского стиля [Findra, 2009, s. 91]. Однако Ф. Мико, обращая внимание на существование религиозно мотивированного модуса речи, сферы религиозной языковой коммуникации, еще в 1973 г. писал о необходимости выделения религиозного стиля [Miko, 1973, s. 186]. Схожей точки зрения придерживается М. Езефович, который считает, что «религиозный стиль – старейший стиль словацкого языка» («náboženský štýl patrí k najstarším štýlom v slovenčine») [Jozefovič, 2006, s. 67] (здесь и далее перевод наш. – А. П.).

Истоки описания сакрального стиля можно найти в трудах словацкого ученого, проповедника и переводчика Й. Кутника Шмалова. Мысли из его неизданных работ «Принципы сакрального стиля» («Zásady sakrálného štýlu», 1953 г.), «Сакральный стиль» («Sakrálny štýl», 1965 г.) проникли в статью «К вопросам о национальном литургическом языке» («K otázkam národného liturgického jazyka»), опубликованную в журнале «Duchovný pastier» в 1965 г. (об этом: [Mlasek, 1998, s. 103]). Й. Кутник Шмалов не только выделил сакральный стиль, но и опре-

делил его стилистические категории. По мнению исследователя, сакральный стиль занимает самое высокое место в иерархии стилей и отражает самую высокую языковую культуру, так как: 1) сакральный стиль используется во время богослужения («sakrálny štýl sa upotrebuva pri službe Bohu»); 2) сакральный стиль внутренне богат, полифункционален: один стиль употребляется в молитве-восхвалении, другой – в молитве благодарственной, третий – в молитве-прошении («sakrálny štýl má vnútornú bohatosť, je evidentne polyfunkčný: iný štýl vyžaduje modlitba chvály, iný modlitba vďaka, iný modlitby prosby...») (цит. по: [Pašteka, 1998, s. 449]); 3) сакральный стиль и литургический язык обусловлены соответствующими стилем и регистром латинского языка («podmienenosť nášho sakrálného štýlu a liturgického jazyka príslušným štýlom a registrom latinčiny»); 4) сакральный стиль и литургический регистр словацкого языка сохраняют все особенности, определенные принципы построения текстов, которым соответствуют и специфические языковые средства («náš sakrálny štýl a liturgický register nášho jazyka musí zachovať isté osobitosti, isté zásady výstavby týchto textov, ktorým majú zodpovedať aj špecifické jazykové prostriedky»); 5) определенные принципы построения текстов и средства выражения, свойственные стилю, находятся в соответствии друг с другом («ide o súlad, prepojenie istých zásad štýlu aj prostriedkov na vyjadrovanie, realizáciu týchto zásad»); 6) символичность, метафоричность, синонимичность, логичность, объективность, восхваление и всемогущество – первичные принципы сакрального стиля («symbolickosť a metaforickosť, synonymickosť, logickosť, objektivita, velebnosť a mohutnosť – popredné zásady sakrálného štýlu»); 7) сакральный стиль имеет лексические и словообразовательные особенности, особенности порядка слов, конструкций

(«osobitostí v slovníku, v tvarosloví, v slovoslede, vo väzbách») (цит. по: [Mlacek, 1998, s. 103]). Итак, сакральный стиль и литургический регистр языка (имеется в виду латинский) должны обладать особыми принципами построения текстов и специфическими языковыми средствами.

Из этого следует важное для нашего исследования методологическое положение: при изучении речевого жанра недостаточно описать его языковое воплощение, необходимо также учитывать его реализацию в речи.

Й. Мистрик одним из первых в Словакии охарактеризовал религиозный стиль, который отличается гимничностью, эмоциональностью, пафосом и помпезностью [Mistrík, 1991, s. 164]. Ученый определяет религиозный стиль как стиль субъективного характера, подчеркивая его близость к художественному и ораторскому стилям. В качестве стилеобразующих факторов, детерминирующих форму религиозных высказываний, Й. Мистрик называет: 1) книжность и риторичность, наблюдаемые в библейских текстах, гомилетике и других составных частях литургии, 2) диалогичность: в ходе молитвы осуществляется диалог человека с Богом, а в рамках культа – диалог священника с Богом или с верующими, 3) участие внеязыковых средств выражения, 4) предмет богослужения, 5) эстетическое измерение религиозного акта [Mistrík, 1992, s. 83]. Он считает, что католическую религиозную коммуникацию отличает «invariantnosť», которая присуща коммуникации в иных конфессиях («komunikácii v iných náboženských spoločnostiach») [Mistrík, 1992, s. 83]). Й. Мистрик понимает стиль как «sú generis», акцентируя внимание на интерсемиотической природе религиозных выражений («náboženských prejavov»).

Существуют статьи, в которых религиозный стиль представлен как особый стиль. Э. Красновска, исследуя вопросы кодификации словацкого языка в проповеднических произведениях XIX в., отмечает, что выбор лексических средств пастырем соответствовал способностям восприятия паствы: его речь была понятной, с простой терминологией, тема проповеди побуждала верующих к раздумьям над содержанием главных молитв; используемые лексические единицы часто заимство-

вались из живых диалектов, например, слово *baba* (бабка) употреблялось в значении «stará matka, matkina matka (бабушка. – А. П.)» [Krasnovská, 2006, s. 28].

Описание религиозно-церковного стиля на русском материале представлено в работах профессора Л. Бенедиковой. Исследователь констатирует, что исходя из специфики содержания, жанров и используемых языковых средств в религиозно-церковном стиле можно выделить несколько подстилей и микроязыков.

Библейский (евангельский) подстиль характеризуется весьма специфическим словарем и фразеологией. Текстам Священного Писания свойственна образность, метафоричность и аллегоричность. Влияние библейских текстов на русскую речь находит свое выражение в обильном использовании библейских цитат, фразем и образных средств. Особой популярностью пользуются Псалтыри, что обусловлено их поэтическими качествами и религиозным лиризмом.

Литургический, богослужебный подстиль – это язык евхаристии, благодеяния. Языком славянских литургических обрядов в православной Церкви вплоть до XX в. был церковнославянский язык.

Житийный подстиль представляет собой весьма оригинальное сочетание речевых средств церковно-книжного языка и русской речи; бытует он в житиях святых, отцов церкви, старцев.

Проповеднический подстиль имеет ряд разновидностей, свойственных проповедям, поучениям, наставлениям. В текстах этого подстиля отмечается большое количество риторических фигур, метафор, сравнений [Бенедикова, 2001, s. 30].

Л. Бенедикова определяет не только религиозно-церковный стиль, разные подстили, но и дает характеристику состава лексем, наиболее употребительных в текстах данного стиля. В ее статье «Язык русского православия» мы находим одно из положений, актуальных для нашей работы, посвященной лингвистическим особенностям современной проповеди: «Языковые средства религиозно-церковного стиля являются весьма значимым пластом в лексике русского языка. Они обслуживают духовную и церковную сферу жиз-

ни человека, но содержательной силой, меткостью своей образности, спецификой применяемых языковых средств оказывают большое влияние на русский язык, являясь одним из источников его развития и обогащения» [Бенедикова, 2001, с. 31].

В работе «Символика и виды религиозных фразем» Л. Бенедикова подчеркивает необходимость исследования религиозного стиля, его выразительных языковых средств. Это, по мнению ученого, является актуальной задачей славистической лингвистики, так как «за последние десятилетия двадцатого века выразительные языковые средства словацкой и русской духовной и церковной жизни были подавлены и табуированы» [Benediková, 2001, s. 71].

Однако не все исследователи согласны с выделением особого религиозно-церковного стиля. Так, Ф. Рушчак сомневается в существовании каких-либо дистинктивных признаков для выделения категории «религиозный стиль», призывая, таким образом, к выявлению оснований такого утверждения [Ruščák, 2001, s. 8]. Рассматривая данные проблемы, Й. Босак обращается к коммуникации и относит религиозные тексты к коммуникативной сфере конфессионального типа [Bosák, 1995]. Й. Млачек в свою очередь считает, что сфера религиозной коммуникации гораздо шире, чем стиль обрядов, стиль проповедей [Mlaček, 1998, s. 105]. Мы разделяем данную точку зрения. Действительно, понятие «стиль» довольно узкое для того, чтобы постичь широкий состав специфических черт религиозной коммуникации.

Проповеднический vs гомилетический стиль

Проповедь выступает как фундаментальный, первичный жанр религиозной коммуникации [Прохватилова, 1999, с. 123]. В труде «Стилистика» Й. Мистрик, выделяя первичные и вторичные стили, к последним относит библейский, проповеднический и литургический [Mistrík, 1997], считая, что проповеднический стиль имеет более адресованный характер, чем гомилетический стиль, в рамках которого языковые средства выражения используются с целью толкования, объяснения тек-

стов Священного Писания. Проповеднический же стиль, по мнению ученого, более требовательный в смысле соблюдения заповедей Божьих, опирается на этические законы в соответствии с прагматикой. В реальной жизни проповедничество понимается как воздействующая коммуникация между коммуникантами разных интеллектуальных уровней. Он находится между толкованием и предписанием [Mistrík, 1997, s. 551].

В современных трудах словацких ученых по гомилетике отмечается, что в воскресенье обязательна гомилия как единственная форма проповеди. Гомилия – это изъяснительная беседа. Это самый древний вид церковной проповеди [Vrablec, Fabian, 2001]. В 40-х гг. прошлого века архиеп. Аверкий (А.П. Таушев) в «Руководстве по Гомилетике» выразил сожаление по поводу того, что гомилия вышла из употребления. Он говорил о том, что неизвестны случаи, когда с церковного амвона изъяснялась бы постепенно целиком та или другая книга Священного Писания. Причиной этого архиепископ считал упадок прежнего живого интереса к священным книгам и предлагал восстановить древний образ проповеди: «Не так ли поступали древние учителя христианские? Св. Златоуст избирал для своих бесед не темы, не отдельные тексты из того или другого места Писания – нет, он избирал целые книги библейские и избранную дотоле не оставлял, пока не разобрал всю ее пред своими слушателями. Только этою методою можно ввести слушателей в дух Писания, и только при этой методе можно сделать Писание учебною книгою для народа христианского» [Аверкий].

Исчезновение гомилии в нынешней проповеднической практике, по мнению архиеп. Аверкия, – это большое опущение в нашей церковной жизни, которое влечет за собой много печальных и вредных последствий, в особенности развитие и укрепление сектантства, а затем и безбожия [Аверкий].

Архиеп. Аверкий в «Руководстве по Гомилетике» подразделяет проповеди в зависимости от исходного материала на четыре вида: 1) гомилия, или изъяснительная беседа, которая ставит своей задачей толкование Священного Писания; 2) слово, которое берет свое содержание из идей церковного года; 3) кате-

хизическое поучение, которое излагает элементарные уроки веры, нравоучения и богослужения; 4) публицистическая проповедь, которая отвечает на вопросы современности и исходной точкой для себя имеет современные воззрения, модные веяния и болезни века [Аверкий, 2001, с. 46].

Гомилия по своим функциональным задачам сближается с жанром научного комментария и, таким образом, соотносится с научным стилем; слово и катехизическое поучение имеют, скорее, научно-популярный характер; особенности публицистической проповеди отражены в самом ее названии. Распределение проповедей носит условный характер, во многом детерминированный индивидуальной особенностью конкретного текста (см. об этом: [Плисов, 2005, с. 159]).

Гомилии святителя Иоанна Златоуста как образец проповеди

В период патристики (II–VII вв.) существовало два способа изъяснения Священного Писания: александрийский и антиохийский. Представителем второго направления, антиохийского, является Св. Иоанн Златоуст, архиепископ Константинопольский, исходящий из того, что если кто-то не понимает, что есть литературный контекст и определенные обстоятельства, когда происходит действие, то никогда не сделает верного описания, не предложит правильного значения и употребления в жизни человека («*кто nerozumie literárnym súvislostiam a určitému prostrediu, kde sa príbeh odohral, nikdy neurobí ani dobrý výklad a neponúkne ani správny význam a aplikácie pre človeka*») [Vrablec, Fabian, 2001, s. 28]. Методом этой школы была типология: открытие более высокого, досконального значения персонажей, их поступков и героических событий («*odhaľovanie vyššieho, dokonalejšieho významu osôb, skutkov a hrdinských udalostí*») [Vrablec, Fabian, 2001, s. 28]. Св. Иоанн Златоуст особенно любил и умел извлекать из каждого места Священного Писания нравственные уроки, поэтому по содержанию его проповеди могут быть охарактеризованы как нравственно-практические. Проповедь у Иоанна Златоуста является главным средством воспитания пасомых; заботы о пасо-

мых буквально как отца о своих детях; содействия, к которому привлекал благочестивых членов своей паствы, увещывая их заботиться о спасении ближних; обличений, которые не касались конкретно лиц, а только их поступков.

В проповедях он, избегая буквализма, сначала объясняет историко-грамматический смысл того или иного фрагмента Священного Писания, а затем указывает высший таинственный смысл по отработанной структуре: вступление, изъяснение и нравственное приложение. Ему как экзегету-проповеднику (по преимуществу нравоучительному проповеднику) нет равных во всей христианской церковной истории.

Он считался и до сих пор считается совершеннейшим образцом для всех проповедников (сохранилось более 800 его проповедей).

С какой целью Иоанн Златоуст «разбирал целые библейские книги», общаясь с христианским народом? Несомненно, как выразился архиеп. Аверкий в «Руководстве по Гомилетике», при помощи такого метода святитель преподносил мирянам Священное Писание как книгу жизни для христиан. Кроме того, при таком подходе священника формируется личность христианина, манифестирующая свое коммуникативное намерение в процессе общения как «единения отдельных человеческих личностей. Это совершается действием любви, хранительницы Истины» [Клеман, 2006, с. 16]. Главной чертой бытия человека становится способность услышать Бога (*potentia obedientialis*). Православный теолог Оливье Клеман говорит, что «человек является образом Бога. И, как Бог, он представляет собою любовь и тайну» [Клеман, 2006, с. 109]. Итак, человек является личностью, субъектом, трансцендентным существом, способным устанавливать связь с Богом, слышать его, общаться с Ним. Индивид, христианин действует в условиях конкретных ситуаций общения в соответствии с заповедями Блаженства, в которых господствует любовь и смирение. Заметим, что сознание взаимодействующих субъектов-христиан можно рассматривать как способность человека понимать, что цель христианской жизни есть стяжание Духа Святого, воспринимать окружающий мир как результат промыслительного

действия Господа Бога. Христианин, верующий человек – это прежде всего субъект религиозной деятельности. Такой человек на вопрос о вере отвечает: «Я – католик», «Я – иудей», «Я – православный» и т. д. Для православного верующего идеалом является претворение церковного учения в каждый момент его жизни. Такая личность веру в Бога принимает как милость Божию.

Оценочность и эмоциональность как лингвистические категории

Категория оценки (оценочности, ценности) рассматривается не только в логико-филологических (Аристотель в «Большой этике», «Никомаховой этике»), но и в языковедческих трудах. В лингвистике оценочность изучается в разных аспектах: семантическом, формальном, функциональном, прагматическом. Одним из известнейших западных исследователей данной проблематики является Р.М. Хеар (R.M. Hare), начавший в работе «Язык морали» («The Language of Morals») дискуссию о дезидеративном понимании имени прилагательного *добрый*, а также о характере моральных суждений, в основе которых должны лежать универсальные императивы, а не когнитивные суждения, поддающиеся верификации и на этом основании обладающие истинностным значением. Поскольку этические суждения не могут быть верифицированы, единственное требование к ним должно состоять в их логической непротиворечивости [Hare, 1952]. Исследуя язык морали как одного из видов прескриптивного языка и не претендуя на универсальность, Р.М. Хеар вводит свою классификацию предписывающих формулировок, представляющих собой императивы (индивидуальные / универсальные), оценочные суждения (неморальные / моральные).

Вопросы, связанные с аксиологией языка, активно рассматриваются и в словацкой лингвистике. Так, О. Оргонева и Ю. Долник понимают оценочность как исходный и центральный концепт, определяющий теоретико-методологическую основу исследования (см.: [Orgoňová, Dolník, 2010]). При этом предмет исследования, по мнению ученых, должен затрагивать три основных вопроса: 1) каким образом в структуру языка и его функциониро-

вание (включая изменения языка) транслируется оценочная способность, деятельность человека; 2) как используется язык при оценивании (главным образом оценочные речевые акты); 3) как проявляются оценочные суждения при совершенствовании языка [Orgoňová, Dolník, 2010, s. 184]. Важнейшими понятиями в концепции Ю. Долника являются аксиологический концепт (ментальная схема оценочности), аксиологическая компетенция носителя языка, в которой отражена оценочная деятельность человека в языке, а также в отношении использования языка (см.: [Dolník, 1992]).

В российской лингвистике вопросы выражения оценки в языке рассматриваются в работах Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюновой, Л.В. Васильевой, Е.В. Падучевой и др., отражающих разные подходы к анализу данной категории и классификации оценки. Например, Е.М. Вольф исходит из классификации типов оценки, которую предложил Х. фон Вригт [Вольф, 1985, с. 27].

В основе классификации Н.Д. Арутюновой лежат два типа аксиологического значения: общеоценочный и частнооценочный. Первый тип реализуется «прилагательными *хороший* и *плохой*, а также их синонимами с разными стилистическими и экспрессивными оттенками» [Арутюнова, 1988, с. 75]. Второй тип более обширный, и в него входит три группы частнооценочных значений. В первую группу, так называемую сенсорную оценку, входят сенсорно-вкусовые и психологические (интеллектуальные и эмоциональные) оценки. Вторую группу, сублимированные (абсолютные) оценки, формируют эстетические и этические оценки. Третью группу, рационалистические оценки, связанные с практической деятельностью человека, составляют утилитарные, нормативные и телеологические оценки.

Соотношение эмоциональности и оценочности в структуре слова

Эмоции представляют уникальную чувственную реакцию человека, возникающую в ответ на внешние сигналы. Слово *эмоция* происходит от латинского *emovere*, что значит «волновать, возбуждать» (БТСРЯ, 1998, с. 1522). Вопрос соотношения языка и эмоций

как психологического феномена изучается в эмотивной лингвистике. Концепцию лингвистики эмоций впервые сформулировал В.И. Шаховский, который считает, что «имеются как минимум две семиотические системы эмоций – *Body language* и *Verbal language*, находящиеся в соотношениях, которые науке еще предстоит изучить и описать. В общих чертах уже установлено, что первичная семиотическая система превосходит вторичную (вербальную) по надежности, скорости, прямоте, степени искренности и качества (силы) выражения и коммуникации эмоций, а также по адекватности их декодирования получателем» [Шаховский, 2008, с. 5].

В науке о языке одним из важнейших продолжает оставаться вопрос о соотношении эмоциональности и оценочности в слове. Так, В.И. Шаховский, выделяя «положительно оценочные эмотивные знаки и эмотивы с отрицательной оценочной семантикой» [Шаховский, 2008, с. 5], показывает, что в семантике любого слова присутствуют семы «эмоция» и «оценка». Е.М. Вольф разводит понятия «эмоциональность» и «оценочность», рассматривая их как часть и целое [Вольф, 1985, с. 38]. И.А. Стернин также разграничивает данные понятия, считая, что эмоции и оценка, образующие коннотативный компонент значения, не обязательно присутствуют в значении совместно [Стернин, 1990, с. 47]. По его мнению, эмоциональность и оценочность – это различные ментальные пространства, пересекающиеся, но имеющие разную онтологическую сущность. «Оценка является формой выражения приписываемой данному предмету или явлению ценности, эмоция – выражение испытываемых говорящим чувств, душевных переживаний по отношению к предмету или явлению» [Стернин, 2013, с. 89].

Взаимосвязанность и взаимообусловленность оценки и эмоции представлены в работах Е.М. Галкиной-Федорук, которая подчеркивает наличие «единства трех факторов психической деятельности человека: интеллектуальной, эмоциональной и волевой», поскольку «познание действительности всегда сопровождается эмоциональной оценкой того, что познается» [Галкина-Федорук, 1958, с. 104]. Л.Г. Бабенко также отмечает взаимосвязанность рассматриваемых категорий, утверждая, что это

«взаимосвязанные... нерасторжимые категории», это единый эмоционально-оценочный компонент значения [Бабенко, 1989, с. 9].

Считается, что оценка чаще всего дается с позиции разума, образцом которой является некий идеал, стандарт, и отличается отсутствием вербализации мотивов оценки. Н.Д. Арутюнова пишет о том, что мотивы некоторых видов оценки «с трудом поддаются экспликации» [Арутюнова, 1989]. К таковым относятся эмоциональные оценки в сфере межличностных отношений. Эмоционально-оценочное отношение человека к человеку очень часто опосредовано общим приятием или неприятием объекта оценки [Арутюнова, 1984]. Однако, для *Homo Mysticus* (личности христианина с мистическим опытом) такое утверждение не совсем приемлемо. Общающиеся друг с другом и с Богом люди обретают внутренний (мистический) опыт общения с «живым» Богом, дающий соприкосновение с духовным, Божественным миром, и через такую «сакральную» призму оценивают действительность.

Для мистической дискурсивной личности эмоциональная оценка не вступает в противоречие с рациональной оценкой, между рационально-научным взглядом на мир и «иррационально»-религиозным (или парарелигиозным) не существует конфликтной природы. Так, в трудах святителей (Иоанна Златоуста, И. Лествичника и др.) функционирует лексика с оценочной семантикой, морфологические, стилистические средства, выполняющие функцию эмоционального воздействия на реципиентов. В частности, в седьмом «Слове о радостотворном плаче» И. Лествичника находим оксюморон *радостотворный плач*, соединяющий два контрастных по смыслу слова: *радость* и *плач*. Автор использует данную стилистическую фигуру, видимо, для того, чтобы человек получил желание задуматься об истинном смысле жизни, сделал выбор между добром и злом, оценил действительность.

Во-первых, в тексте использована лексика положительного оценивания: *безгневие, непамятозлобие, смиренномудрие, неосуждение согрешающих, милосердие, утешение, безбоязненность*. Во-вторых, перечисленные лексемы можно отнести к энергетически мощным, поскольку они выражают

эмоциональное состояние, приносящее благо человеку и окружающим его.

В семантическое поле лексемы *радость* входят следующие единицы:

– **синонимичные значения**

духовный смех души, радоваться душевным смехом;

– **антонимичные значения**

печаль заключают в себе радость и веселие; благодатный плач; плач не от болезни сердца, а от любви к Богу.

Любовь является одним из самых главных эмоциональных переживаний в христианской (русской) картине мира. Иоанн Златоуст характеризует любовь как главную добродетель человека: любовь «есть глава, корень, источник и мать всех благ...» (Святитель Иоанн Златоуст, 2013, с. 388). Цитируя высказывание Апостола Павла, он отмечает, что «любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится... пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1 Кор. 13.8, 13).

Лексема *плач* используется для объяснения эмоционального состояния радости. Плач в профанном значении – внешнее проявление недовольства чем-то, недовольство, уныние, отрицательная физиологическая реакция на конкретный объект. В сакральном дискурсе плач исходит из внутреннего состояния христианина, например подвижника, который так выражает глубокое сердечное сокрушение о своих грехах и грехах других людей.

Плач может творить, созидать положительные эмоции: радость, умиротворенность, спокойствие, надежду, любовь, выраженные в тексте посредством таких лексем, как *радость, смех, веселье, любовь, утешение*. Слезы могут быть слезами радости, в христианском дискурсе слезы приобретают особую значимость, ведь иметь *дарование слез* обозначает *получить этот дар от Бога*.

Эмоционально-оценочная лексика в огласительных гомилиях св. Иоанна Златоуста

Рассмотрим оценочные высказывания в гомилиях св. Иоанна Златоуста, предполагая, что

эмоционально-оценочные высказывания были созданы под влиянием его жизненной позиции, ценностной установки и коммуникативной ситуации. Мы считаем, что лексика с оценочной семантикой, лексические стилистические средства, а также синтаксические и морфологические средства выполняют функцию эмоционального воздействия на реципиентов.

Материалом для изучения послужили огласительные (мистагогические) гомилии, которые Иоанн Златоуст произносил в процессе подготовки оглашенных к принятию крещения. В основном святитель объяснял Символ веры и церковные таинства в интенции «чтобы и в нашем отсутствии оно отдавалось (ἐνῆχῃ) в вашем помышлении» (Святитель Иоанн Златоуст), то есть в отсутствие проповедника его слова должны отражаться в сердцах слушателей.

В центре нашего внимания находятся эмоционально-оценочные глаголы, которые используются для выражения отношения как более длительного и устойчивого проявления чувств.

Эмоция любви репрезентируется посредством глагола *любить*, который использован в следующем высказывании: *Бог повелел любить даже врагов, а ты отверщаешься от того, кто ничем тебя не обидел, не имея ничего, в чем винить его, и не помышляешь, сколь это смешно, сколь стыдно, а тем более сколь опасно?*

Глагол *любить* является оценочным глаголом со знаком «плюс». Эмоциональное воздействие на слушателей осуществляется через отрицательный образ врага: *любить даже врагов*.

Переживание любви является составной частью мистического опыта личности христианина, он (опыт) является «результатом», плодом стяжания Духа, так же как и *радость, мир, долготерпение, благодать, доброта, кротость, воздержание*. Глагол *любить* не только содержит положительную оценку, но и обозначает положительные эмоции.

Противоположную языковую оценку святитель вкладывает в глагол *ненавидеть*: *Мы ненавидели друг друга, таково было презобилие злобы! Бог же нас, ненавидящих друг друга, не возненавидел, но пребывающих в такой непристойности, в таком безобразном состоянии души спас*.

Глагол *ненавидеть* является оценочным глаголом со знаком «минус». Он содержит отрицательную оценку, отождествляется с такими экспрессивными языковыми средствами, как *козни Дявола, склонности ко злу: велики козни дявола, ибо он не только хочет, чтобы мы лишились добродетели и склонились ко злу, но и выдумывает способы внушить нам ненависть к добродетели и презрение к тем, кто за ней следует.*

Существительные с отрицательной коннотацией *козни, дявол, зло* вызывают у христиан неприятные эмоции, презрение, настаивают, ведут к бдительности и в речевом поведении.

Высказываясь против заклинаний и ношения амулетов, Иоанн Златоуст использует рассматриваемый глагол, подчеркивая свое отношение к женщине, увлекающейся амулетами: *Потому-то я особенно и ненавижу ее и отвергаюсь от нее, что она употребляет имя Божие в оскорбление Ему, что, называя себя христианкой, совершает языческие дела.*

Экспликация эмоции негодования, отвращения осуществляется через сравнение женщины с бесами: *И бесы произносили имя Божие, но оставались бесами, и они так говорили Христу: Знаем Тебя, кто Ты, Святой Божий (Мк. 1:24), однако Он запретил им и изгнал их.*

Освобождение от отрицательного поступка, греха может прийти только через Иисуса Христа, через покаяние, исповедь.

Положительную оценку в гомилиях св. Иоанн Златоуст дает тем, кто является добродетельным: *Ведь как тот, кто поступает добродетельно, ожидает воздаяния не только за собственные труды, но и получает награду за помощь другим, приводя многих к ревности и подражанию собственной добродетели...*

Положительно оценивается тот, кого характеризует совокупность следующих добрых дел: *пренебрежение к деньгам, щедрость к бедным, скромность, кротость, любознательность, мирное и безмятежное настроение души, отсутствие стремления к славе настоящей жизни, устремленность взора к вышнему, непрестанная забота о тамошнем и стремление к тамошней славе...*

Быть добродетельным – значит иметь определенную жизненную позицию, основанную на учении Христа. Св. Иоанн Златоуст, однако, предупреждает, что добродетелен не тот человек, который клянется: *Но кто-нибудь скажет: «Вот такой-то – человек добродетельный, имеет сан священства, живет целомудренно и благочестиво, однако клянется». Не говори мне об этом добродетельном, благоразумном, благочестивом и имеющем сан священства...*

Такой «добродетельный» человек вызывает у святителя отрицательную оценку, не совместимую с учением Христа об акте клятвы: *ревностно предостерегает от этого и уделяет столько внимания этому вопросу, так что поставил клянущегося наравне с лукавым...*

Клянущийся оценивается отрицательно и сравнивается с лукавым. Аксиологический знак субстантивированного имени прилагательного *клянущийся* – «минус».

Языковой оценкой христианского поведения по отношению к ближнему является *добро*. Оно относится к числу абсолютных оценок: *...помня о безмерном даре человеколюбивого Бога, заранее приготовьте себя к воздержанию от зла и совершению добрых дел. Ибо к этому призывает и пророк, говоря: Уклоняйся от зла и делай добро (Пс. 36:27).*

В заключительных наставлениях св. Иоанн Златоуст уделяет внимание радости. Е.А. Зуева характеризует радость как максимально желаемую эмоцию. Исследователь утверждает, что радость как эмоция «является скорее побочным продуктом действий и условий, чем результатом стремления испытать ее. Состояние радости связано с чувством уверенности и собственной значимости» [Зуева, 2006, с. 152]. Эмоциональное состояние радости значимо для православного языкового сознания, лексема *радость* и ее производные доминируют в названиях православных икон, в церковных службах, в молитвах святым и акафистах: иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость», «Нечаянная радость», в текстах молитв и тропарей «...радуйся, обрадованная», «Слуху моему да си радость и веселие; возрадуются кости смиренные».

Эмотив *радость* воздействует на личность положительно, активизируя человека, стимулируя его на осуществление деятельности. Св. Иоанн Златоуст призывает слушателей принять не просто радость, а «сладкую» радость: *насладиться великой радостью...*

Кроме того, под воздействием радости плотский человек *окрыляется, веселится*, а духовный – *торжествует*: *Ибо, подобно тому, как любящая мать, видя своих чад, окружающих ее, радуется, веселится и окрыляется от этой радости, таким же точно образом и эта духовная мать, взирая на своих детей, радуется и торжествует, видя себя словно многоплодную ниву...*

Локализация духовной радости относится к небесным сферам, но ликование, веселье, происходит в материальном мире, когда плотский человек, христианин прославляет Бога: *Ибо если об одном кающемся грешнике бывает радость на небе, то гораздо более подобает нам ликовать и веселиться о таком множестве и прославлять человеколюбивого Бога за Его неизреченный дар.*

Выводы

Итак, в центре данного исследования находится языковая личность христианина, проявление его эмоций и оценки, их вербализация в огласительных гомилиях св. Иоанна Златоуста. На основании проведенного анализа мы можем сделать вывод о том, что в христианской коммуникативной сфере, по сравнению с профанной, эмотивные лексемы могут приобретать иную коннотацию. Подтверждением этого является лексема *плач*, которая в религиозном (мистическом) дискурсе обозначает эмоцию, становящуюся следствием внутреннего состояния христианина и оказывающуюся в одном ряду с радостью и любовью.

В гомилиях святителя Иоанна Златоуста находят выражение положительные и отрицательные эмотивные коды языка.

Для убедительности гомилии святитель использует разные глаголы, обозначающие положительные эмоции и оценки: *любить, веселиться, радоваться, ликовать, прославлять, благоволять*. При этом в гомилиях И. Златоуста функционируют и глагольные

единицы, выражающие отрицательную оценку и часто содержащие сему интенсивности: *ненавидеть, возненавидеть, презирать, гневаться, порицать, браниться, клясться, лгать, оскорблять, сквернословить, насмехаться, грешить*. Эти глаголы обозначают такие действия христианина, которые связаны с нарушением заповедей Блаженства, произнесенных Иисусом Христом, воспроизведенных в Новом Завете и завещанных его «наследникам».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкий (Таушев Александр Павлович, архиеп. Сиракузско-Троицкий). Руководство по Гомилетике. История проповедничества. URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/aver6/Main.htm> (дата обращения: 12.01.2018).
- Аверкий (Таушев Александр Павлович, архиеп. Сиракузско-Троицкий), 2001. Руководство по гомилетике. М. : Православный Свято-Тихоновский Богословский институт, 2001. 142 с.
- Арутюнова Н. Д., 1984. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики. М. : Наука. С. 5–24.
- Арутюнова Н. Д., 1988. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. : Наука. 338 с.
- Арутюнова Н. Д., 1989. Фактор адресата // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 47, № 7. С. 45–53.
- Бабенко Л. Г., 1989. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та. 184 с.
- Бенедикова Л., 2001. Язык русского православия // O jazykových, literárnych a kulturologických kontaktoch Európy a sveta. Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie v Prešove (27.–28. septembra 2000). Prešov : Filozofická fakulta PU. S. 30–38.
- Вольф Е. М., 1985. Функциональная семантика оценки. М. : Наука. 228 с.
- Галкина-Федорук Е. М., 1958. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М. : Наука. С. 103–124.
- Зуева Е. А., 2006. Эмоции как объект лингвистических исследований // Иностранные языки в профессиональном образовании: лингвометодический контекст : материалы межвуз. науч.-практ. конф. (Белгород, 17–18 мая 2006 г.). Белгород : Белгор. ун-т потреб. кооперации. С. 148–154. URL: <http://dspace.bs.u.edu.ru/handle/123456789/6151> (дата обращения: 10.01.2018).

- Клеман О., 2006. Рим. Взгляд со стороны. М. : СКИМЕНЬ. 128 с.
- Плисов Е. В., 2005. Проповедь как тип текста: коммуникативно-функциональный аспект (на материале немецкого языка) // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр.* Орел : ОГИИК. Вып. 2. С. 157–167.
- Прохватилова О. А., 1999. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 364 с.
- Стернин И. А., 1990. Оценочность слова в языке и речи // *Исследования по семантике. Системно-функциональное описание и преподавание языка.* Уфа : БГУ. С. 43–51.
- Стернин И. А., 2013. Эмоциональность и оценочность в аспекте семной семасиологии // *Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике : сб. науч. тр., посвящ. 75-летию проф. В.И. Шаховского.* Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 87–97.
- Шаховский В. И., 2008. Что такое лингвистика эмоций // *Мир лингвистики и коммуникации.* № 3 (12). С. 5–11. URL: <http://tverlingua.ru/> (дата обращения: 10.01.2018).
- Benediková L., 2001. Podoby a symbolika náboženských frazém (rusko-slovenský aspekt) // *K aktuálnym otázkam frazeológie. Materiály z konferencie Intersemiotický aspekt frazeológie konanej v Nitre (dňa 7. – 8. decembra 1999) / Zost. E. Krošláková – E. Kralčák. 1. vyd. Nitra : Univerzita Konštantína Filozofa. S. 71–79.*
- Bosák J., 1995. Sociolingvistická stratégia výskumu slovenčiny // *Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Sociolingvistika Slovaca I. / ed. S. Ondrejovič. M. Šimová. Bratislava : Veda. S. 17–42.*
- Dolník J., 1992. Axiologické slová // *Jazykovedný časopis. Roč. 43, č. 2. S. 91–98.*
- Findra J., 2009. Jazyk v kontextoch a textoch. Banská Bystrica : Univerzita Mateja Bala. 316 s.
- Hare R. M., 1952. *The Language of Morals.* Oxford : Clarendon Press. URL: <http://www.ditext.com/hare/lm.html> (date of access: 10.01.2018).
- Jozefovič M., 2006. Jazykový rozbor šiestich kázni Franka Viťazoslava Sasínka // *Slovenská kazateľská tvorba 19. storočia v dejinných súvislostiach a v spoločenskom kontexte obdobia.* Trnava : Spolok svätého Vojtecha. S. 62–71.
- Krasnovská E., 2006. Kodifikácia a norma jazyka v katolíckej kazateľskej tvorbe 19. storočia // *Slovenská kazateľská tvorba 19. storočia v dejinných súvislostiach a v spoločenskom kontexte obdobia.* Trnava : Spolok svätého Vojtecha. S. 20–41.
- Miko F., 1973. Štylové kríženie v barokovej poézii // *Od epiky k lyrike.* Bratislava : Tatna. S. 182–212.
- Mistrík J., 1991. Náboženský štýl // *Studia Academica Slovaca. 20. Bratislava : Univerzita Komenského. S. 163–175.*
- Mistrík J., 1992. Religiózný štýl // *Stylistika. I. Opole : Uniwersytet Opolski. S. 82–105.*
- Mistrík J., 1997. *Štylistika. Tretie vydanie.* Bratislava : SPN. 598 s.
- Mlacek J., 1998. K štylistike náboženskej komunikačnej sféry a k jazyku súčasnej duchovnej piesne // *Studia Academica Slovaca. 27. Bratislava : Univerzita Komenského. S. 101–117.*
- Orgoňová Ľ., Dolník J., 2010. Používanie jazyka. Bratislava : Univerzita Komenského. 229 s.
- Pašteka J., 1998. *Mnohostranná osobnosť J. Kútnika Šmálova // Kútnik Šmálov J. Litánie loretánske.* Bratislava : Lúč. S. 435–460.
- Ruččák F., 2001. Biblický text ako archetipálna dimenzia náboženskej komunikácie // *Text a kontext v náboženskej komunikácii. Studia philologica. Annus VIII. Prešov : FHPV PU. S. 6–9.*
- Vrablec J., Fabian R., 2001. *Homiletika I–II.* Trnava : SSV. 434 s.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Библия, 1997. Книги священного Писания Ветхого и Нового завета. М. : Российское библейское общество. 1008 с.
- Лествица или Скрижали духовные. URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/lestvica/> (дата обращения: 11.01.2018).
- Святитель Иоанн Златоуст, 2013. Святитель Иоанн Златоуст: житие, поучения, церковное почитание, молитвы, акафист, канон / сост. В. Чернов. М. : Николин день : Артос-Медиа. 576 с.
- Святитель Иоанн Златоуст. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Joann_Zlatoust/oglasitelnye-gomilii/#0_2 (дата обращения: 10.01.2018).
- БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка, 1998. СПб. : Норинт. 1536 с.

REFERENCES

- Averkiy (Alexander Taushev, Syracusan and Troitsk archbishop), 2007. *Guide to Homiletics. History of Preaching.* URL: <http://www.wco.ru/biblio/books/aver6/Main.htm>. (accessed 12 January 2018).
- Averkiy (Alexander Taushev, Syracusan and Troitsk archbishop), 2001. *Guide to homiletics.* Moscow, Orthodox Sacred and Tychonoff Theological institute. 142 p.
- Arutyunova N.D., 1984. Axiology in the mechanisms of lafe and language. *Problemy strukturnoy lingvistiki.* Moscow, Nauka Publ., pp. 5-24.

- Arutyunova N. D., 1988. *Types of language values. Assessment. Event. Fact.* Moscow, Nauka Publ. 338 p.
- Arutyunova N.D., 1989. The factor of recipient. *Izvestiya Akademiyi Nauk SSSR. Seriya Literatury i Yazyka*, vol. 47, no. 7, pp. 45-53.
- Babenko L.G., 1989. *Lexical means of designating emotions in the Russian language.* Sverdlovsk, Izd-vo Ural un-ta. 184 p.
- Benedikova L., 2001. The language of Russian Orthodoxy. *O jazykových, literárnych a kulturologických kontaktoch Európy a sveta. Zborník materiálov z medzinárodnej konferencie v Prešove (27-28 septembra 2000).* Prešov, Filozofická fakulta PU, pp. 30-38.
- Volf E.M., 1985. *Functional semantics of assessment.* Moscow, Nauka Publ. 228 p.
- Galkina-Fedoruk E.M., 1958. On expressiveness and emotionality in the language. *Sbornik statey po yazykoznaniiyu.* Moscow, Nauka Publ., pp. 103-124.
- Zueva E.A., 2006. Emotions as an object of linguistic research. *Inostrannyye yazyki v professionalnom obrazovanii: lingvometodicheskiy kontekst: materialy mezhdvuz. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 17-18 May 2006).* Belgorod, Belgor. un-t potreb. kooperatsii, pp. 148-154. URL: <http://dspace.bsu.edu.ru/handle/123456789/6151>. (accessed 10 January 2018).
- Kleman O., 2006. *Rome. Look from outside.* Moscow, SKIMEN Publ. 128 p.
- Plisov E.V., 2005. Sermon as a type of text: communicative and functional aspect (based on the material of the German language). *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i mediynom diskurse: Mezhdvuz. sb. nauch. tr.* Orel, OGIK Publ., iss. 2, pp. 157-167.
- Prokhvatilova O.A., 1999. *An orthodox sermon and a prayer as phenomena of the modern sounding speech.* Volgograd, Izd-vo VolGU. 364 p.
- Sternin I.A., 1990. Word's evaluativity in language and in speech. *Issledovaniya po semantike. Sistemno-funktsionalnoe opisaniye i prepodavaniye yazyka.* Ufa, BGU Publ., pp. 43-51.
- Sternin I.A., 2013. Emotionality and evaluativity in seme semasiology. *Chelovek v kommunikatsii: ot kategorizatsii emotsiy k emotivnoy lingvistike: Sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennykh 75-letiyu professora V.I. Shakhovskogo.* Volgograd, Volgogradskoe nauchnoye izd-vo, pp. 87-97.
- Shakhovskiy V.I., 2008. What is the linguistics of emotions. *Mir lingvistiki i kommunikatsii* [World of Linguistics and Communication], no. 3 (12), pp. 5-11. URL: http://tverlingua.ru/archive/012/shakhovskiy_03_12.htm. (accessed 10 January 2018).
- Benediková L., 2001. Podoby a symbolika náboženských frazém (rusko-slovenský aspekt). Krošláková E., Kralčák L., eds. *K aktuálnym otázkam frazeológie. Materiály z konferencie Intersemiotický aspekt frazeológie konanej v Nitre (dňa 7-8 decembra 1999).* Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa, pp. 71-79.
- Bosák J., 1995. Sociolingvistická stratégia výskumu slovenčiny. Ondrejovič S., Šimová M., eds. *Sociolingvistické aspekty výskumu súčasnej slovenčiny. Sociolingvistika Slovaca I.* Bratislava, Veda, pp. 17-42.
- Dolník J., 1992. Axiologické slová. *Jazykovedný časopis*, roč. 43, č. 2, pp. 91-98.
- Findra J., 2009. *Jazyk v kontextoch a textoch.* Banská Bystrica, Univerzita Mateja Bala. 316 p.
- Hare R.M., 1952. *The Language of Morals.* Oxford, Clarendon Press. URL: <http://www.ditext.com/hare/lm.html>. (accessed 10 January 2018).
- Jozefovič M., 2006. Jazykový rozbor šiestich kázni Franka Viťazoslava Sasinka. *Slovenská kazateľská tvorba 19. storočia v dejinných súvislostiach a v spoločenskom kontexte obdobia.* Trnava, Spolok svätého Vojtecha, pp. 62-71.
- Krasnovská E., 2006. Kodifikácia a norma jazyka v katolíckej kazateľskej tvorbe 19. storočia. *Slovenská kazateľská tvorba 19. storočia v dejinných súvislostiach a v spoločenskom kontexte obdobia.* Trnava, Spolok svätého Vojtecha, pp. 20-41.
- Miko F., 1973. Štylové kríženie v barokovej poézii. *Od epiky k lyrike.* Bratislava, Tatrina, pp. 182-212.
- Mistrík J., 1991. Náboženský štýl. *Studia Academica Slovaca. 20.* Bratislava, Univerzita Komenského, pp. 163-175.
- Mistrík J., 1992. Religiózný štýl. *Stylistika. I.* Opole, Uniwersytet Opolski, pp. 82-105.
- Mistrík J., 1997. *Stylistika.* Bratislava, SPN. 598 p.
- Mlacek J., 1998. K stylistike náboženskej komunikačnej sféry a k jazyku súčasnej duchovnej piesne. *Studia Academica Slovaca 27.* Bratislava, Univerzita Komenského, pp. 101-117.
- Orgoňová Ľ., Dolník J., 2010. *Používanie jazyka.* Bratislava, Univerzita Komenského. 229 p.
- Pašteka J., 1998. Mnohostranná osobnosť J. Kútnika Šmálova. Doslov. Kútnik Šmálov J., ed. *Litánie loretánske.* Bratislava, Lúč., pp. 435-460.
- Ruščák F., 2001. Biblický text ako archetipálna dimenzia náboženskej komunikácie. *Text a kontext v náboženskej komunikácii. Studia philologica. Annus VIII.* Prešov, FHPV PU, pp. 6-9.
- Vrablec J., Fabian R., 2001. *Homiletika I-II.* Trnava, SSV. 434 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

Bible, 1997. *Knigi svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo zaveta* [Books of the Scripture of the Old and New Testament]. Moscow, Russian bible society. 1008 p.

Lestvitsa ili Skrizhali dukhovnye [Ladder or Tables of the Covenant]. URL: <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/lestvica/>. (accessed 11 January 2018).

Svyatitel Ioann Zlatoust, 2013. *Svyatitel Ioann Zlatoust: zhitie, poucheniya, tserkovnoe*

pochitanie, molitvy, akafist, kanon [Prelate John Chrysostom: life, preaching, church honoring, prayers, acathist, canon]. Ed. by V. Chernov. Moscow, Nukolin den; Artos-Media Publ. 576 p.

Svyatitel Ioann Zlatoust [Prelate John Chrysostom]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/oglasitelnye-gomilii/#0_2. (accessed 10 January 2018).

Big explanatory dictionary of the Russian language. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1536 p.

Information about the Author

Anna Petrikova, PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Studies, University of Preshov, 17 novembra St., 1, 08001 Preshov, Slovakia, anna.petrikova@unipo.sk, <https://orcid.org/0000-0003-0949-7167>

Информация об авторе

Анна Петрикова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики, Прешовский университет, ул. 17. новембра, 08001 Прешов, Словакия, anna.petrikova@unipo.sk, <https://orcid.org/0000-0003-0949-7167>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.8>

UDC 811.161.1'37

LBC 81.411.2-31

Submitted: 19.12.2017

Accepted: 16.02.2018

THE REGRESSION AS THE BASIS OF THE FORMATION OF THE INNOVATIVE MEANING OF DENOMINATIVE VERB ¹

Nadezhda A. Solomka

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The paper is devoted to the relevant problem of the vocabulary development in the Russian language. The regression as one of the most popular ways of innovative meaning formation within denominative verbs is characterized using the texts of modern mass media as a source of material. The study of verbs' semantics is based on the reconstruction and comparison of hierarchically organized semantic structures of generating and derived words. Two groups of verbs-innovations are revealed depending on the semantics of the generating noun. The set of semantic components and their status in the structure of generating noun and derivative verb is defined. We prove the importance of contextual qualifiers of the action at redistribution of components of the semantic structure of the derived verb, i.e. at actualization or neutralization of individual semes, resulting in the formation of new intra-structural relations. The mechanism of innovative meaning formation in regression is characterized. The generating noun nominates the result as a single process, the verb names disparate actions, returning the recipient to the action that motivated the appearance of the generating noun's meaning.

The derived verb obtaining innovative meaning, which appears in the context as a result of regression, has the potential to enter the active vocabulary as a lexical-semantic variant. This is facilitated by the components of the meaning of the generating noun, on the basis of which the meaning of the innovation verb is formed.

Key words: denominative verb, innovative meaning, semantic structure, way of meaning formation, seme, intra-structural relations, word-formation, regression.

Citation. Solomka N.A. The Regression as the Basis of the Formation of the Innovative Meaning of Denominative Verb. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 76-84. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.8>

УДК 811.161.1'37

ББК 81.411.2-31

Дата поступления статьи: 19.12.2017

Дата принятия статьи: 16.02.2018

РЕГРЕССИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ЗНАЧЕНИЯ ОТСУБСТАНТИВНОГО ГЛАГОЛА ¹

Надежда Анатольевна Соломка

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме развития словарного состава русского языка. На материале текстов современных средств массовой информации охарактеризована регрессия как один из

распространенных способов формирования инновационных значений отсубстантивных глаголов. Исследование семантики глагольных единиц базируется на реконструкции и сопоставлении иерархически организованных семантических структур производящего и производного слов. В зависимости от семантики производящего существительного выявлены две группы глаголов-инноваций. Определен набор семантических компонентов и их статус в структуре производящего существительного и производного глагола. Установлена значимость контекстуальных уточнителей действия при перераспределении компонентов семантической структуры производного глагола: актуализации или нейтрализации отдельных сем, в результате которых образуются новые внутривидовые связи. Охарактеризован механизм формирования инновационного значения при регрессии: производящее существительное номинирует результат как единый процесс, глагол называет разрозненные действия, возвращая реципиента к действию, которое мотивировало появление значения производящего существительного.

Производный глагол в инновационном значении, появившемся в рамках контекста в результате регрессии, обладает потенциальной возможностью войти в активный словарный запас в качестве лексико-семантического варианта. Этому способствуют компоненты значения производящего существительного, на основе которых формируется значение инновации-глагола.

Ключевые слова: отсубстантивный глагол, инновационное значение, семантическая структура, способ формирования значения, сема, внутривидовые связи, словообразование, регрессия.

Цитирование. Соломка Н. А. Регрессия как основа формирования инновационного значения отсубстантивного глагола // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 76–84. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.8>

Введение

Язык средств массовой информации постоянно находится в фокусе современной лингвистики, так как, отражая различные стороны жизни российского общества и будучи инструментом идеологического воздействия на членов социума [Рацибурская, Самыличева, Шумилова, 2014, с. 150], подвергается различным модификациям. «Словарное толкование не является исчерпывающим» [Падучева, 2004, с. 27], любая лексическая единица обладает потенциальными возможностями, которые реализуются в различных сочетаниях при употреблении слов в речи.

В изучении трансформаций лексических элементов особый интерес представляют глаголы, которые, как показано в многочисленных лингвистических исследованиях, обладают грамматической и лексической сложностью, занимают особое положение в синтаксической структуре предложения. Так, В.В. Виноградов писал о семантической сложности глагола, которая обуславливается многообразием синтаксических возможностей. Характеризуя труды своих предшественников (А.М. Пешковского, К.С. Аксакова, А.А. Потебни и др.), ученый отмечал, что А.А. Потебня создал «философию глагольности», в основу которой положена концепция глагола как наиболее отвлеченной, конструктивной и про-

грессирующей категории языка, которая главенствует в системе частей речи, а непрерывное оглаголивание, наблюдающееся в языке, его развивает [Виноградов, 2001, с. 350–354].

Объект нашего исследования – глаголы, производные от имен существительных, семантика которых одновременно включает значения предмета и процесса.

Отсубстантивные глаголы изучаются в разных аспектах. Так, С.В. Ильясова, анализируя отыменные глаголы как продукт мотивации и псевдомотивации, обращает внимание на то, что данные единицы создаются не только узуальными способами, но и игровыми приемами, что позволяет им отражать основные черты языка СМИ [Ильясова, 2016]. И.Ю. Макарова на материале английского языка выявляет принципы формирования отсубстантивных глаголов, выделяя два знания, которые положены в основу концептуальной структуры отсубстантивного глагола: первое соотносится с мотивирующим существительным, второе передается контекстом, различия заключаются в доминирующей роли либо первого, либо второго знания [Макарова, 2007, с. 19]. М.М. Каширина определяет типы значения отсубстантивного глагола на основе соотнесения значения мотивированного глагола и денотата мотивирующей части существительного. В результате исследователь выделяет прямую,

ложную и семантическую мотивации [Каширина, 2015].

Однако до сих пор остаются вопросы, требующие дополнительных исследований отсубстантивного глагола.

Цель нашей работы – охарактеризовать способ формирования инновационного значения отсубстантивных «инноваций-глаголов» (подробно о термине см.: [Шкварцова, 2015]), которое, по нашему мнению, можно определить как значение, формируемое в контексте на базе мотивирующего существительного и обладающее потенциальной возможностью войти в активный словарный запас как лексико-семантический вариант языковой единицы.

Рассматриваемые глагольные лексемы образованы по продуктивным словообразовательным моделям от имен существительных, поэтому значение этих языковых единиц потенциально предсказуемо. Однако контекстное окружение таких глаголов способствует интеграции сем анализируемых лексических единиц с семами контекстных уточнителей, что приводит к формированию инновационного значения, наделенного экспрессией и выразительностью. Таким образом, авторы, использующие в текстах инновации-глаголы, имеют возможность акцентировать внимание реципиента на определенных фактах, событиях, процессах.

Методология

Анализ отсубстантивных глаголов базируется на реконструкции семантической структуры мотивирующего существительного, при этом учитывается, что семантическая структура слова имеет составной характер (см., например: [Контрастивная лексикология и лексикография, 2006; Морковкин, Богачева, 2011; Ольшанский, 1983; Стернин, 1979; Уфимцева, 1968]).

Рассматривая семантическую структуру производящего существительного, мы опираемся на многоаспектную классификацию сем В.В. Морковкина и Г.Ф. Богачевой. В ней семы дифференцированы, во-первых, с учетом их статуса в иерархически организованной семантической структуре слова: 1) сигнификативные семы, подразделяющиеся на интегральные, объединяющие, присущие груп-

пе слов, и дифференциальные, различающие сходные лексические единицы; 2) фоновые семы, относящиеся к области сигнификативного фона, имеющие нулевую или близкую к нулю различительную силу, но при этом служащие основанием для семантической деривации. Во-вторых, разделение сем основано на характере отражаемого признака денотата: 1) реально-атрибутивные (признаки, объективно имеющиеся у денотата безотносительно к чему-либо); 2) ассоциативные («побочные» представления, вызываемые у носителей языка денотатом соответствующего слова) [Морковкин, Богачева, 2011].

При анализе инноваций-глаголов тип сем в их семантической структуре определяется нами на основании толкования слова, данного в словарях.

Языковой материал извлечен из газетно-журнальных текстов за 2000–2017 годы и составляет более 200 отсубстантивных глаголов, употребленных в неузвальном значении. Посредством словообразовательного анализа этих единиц выявлено, что в 24 % случаев их семантика формируется на основе регрессии.

Результаты и обсуждение

При регрессивном, то есть направленном от последующего слова к предыдущему [Ахманова, 1969, с. 381], образовании значения мотивирующее существительное соотносится с каким-либо процессом, а семантика формирующегося значения глагола отсылает реципиента к этому процессу.

Языковой материал мы разделили на две группы. В первую группу вошли глаголы, образованные от существительных, называющих результат каких-либо действий, а именно: состояние, ситуацию, положение, вещь и т. п. Например: *анаграммироваться*, *волокутить*, *коллапсировать*, *откопмлимментить*, *репрессировать идентичность личности*, *смить*, *сфоткать* и т. д. Вторую группу составляют глаголы, образованные от существительных, называющих лицо, которому свойственны определенные действия. Например: *побюрократить*, *поробинзонить*, *революционерить*, *сатрапствовать*, *спродюсировать* и т. д.

Рассмотрим каждую группу глаголов подробнее.

Для глаголов **первой группы** производящими являются существительные, называющие результат, к которому привели какие-либо действия. При формировании значений глаголов этой группы семы мотивирующего существительного и семы контекстных уточнителей интегрируются, образуя новые внутрисконструктурные связи. Регрессия направлена не на само производящее существительное, а на процессы, результат которых называет мотивирующее существительное.

(1) Пишу это вовсе не для того, чтобы разозлить поклонниц Ахерн, чья фамилия так соблазнительно **анаграммируется**, а с досады: дабы составить представление о ней, я купил «Не верю. Не надеюсь. Люблю» и «Люблю твои воспоминания», и гонорар за эти строки едва окупит расходы, а вера в человечество вообще невозвратна (Новая газета, 17.04.2009, № 40).

Глагол *анаграммируется* мотивирован существительным *анаграмма*, то есть «слово или словосочетание, образованное перестановкой букв в другом слове» (НСИС). Семантическую структуру этого существительного составляют компоненты: ‘слово’, ‘словосочетание’ – интегральные, реально-атрибутивные семы; ‘перестановка’, ‘сочетание букв’ – дифференциальные, реально-атрибутивные семы. Интегральные семы отражают общие признаки единиц лексико-семантической группы, к которой относятся. Например, сема ‘слово’ общая для существительных *анаграмма* (слово, образованное перестановкой букв), *комплимент* (приятные слова), *оскорбление* (обидные слова) и т. п. Дифференциальные семы называют признаки, по которым различаются слова одной лексико-семантической группы; реально-атрибутивные – реально имеющиеся у денотата признаки; ассоциативные – ассоциативные признаки, имеющиеся у денотата с точки зрения носителя языка.

Глагол *анаграммируется* образован с помощью суффикса *-рова-* «наделять признаками мотивирующего существительного» [Русская грамматика, 1980, с. 336] и обозначает некое действие, отсылающее реципиента к другому действию, которое мотивирова-

ло формирование значения существительного *анаграмма*. Под влиянием контекстных уточнителей *Ахерн*, *фамилия* дифференциальные семы мотивирующего существительного ‘перестановка’, ‘сочетание букв’ в значении образованного глагола отражают различные признаки действия, результат которого эксплицирован в существительном. Эти семы оказываются ярко выраженными, а интегральные семы ‘слово’, ‘словосочетание’ нейтрализуются.

Под ярко выраженными (центральными) семами мы понимаем такие элементы структуры, которые являются основой формирующегося значения. Инновационное значение, рассматриваемое в данной работе, создается в рамках контекста, который отражает экстралингвистические факторы, поэтому семантика глагольной единицы в сознании реципиента может варьироваться. Это связано с тем, что носители языка имеют неодинаковый набор фоновых знаний, различное восприятие действительности.

Значение глагола *анаграммируется* «процесс создания слова путем перестановки букв другого слова» под влиянием контекстных уточнителей *Ахерн*, *вера не возвратна*, кроме того, наделяется отрицательной коннотацией и приобретает дополнительное значение, которое сформулируем как «грубое искажение фамилии с целью выразить определенную точку зрения». В семантической структуре глагола *анаграммируется* выделяется сема ‘искажение’, которую мы определяем как фоновую, ассоциативную.

(2) Почти сразу после Высоцкого рухнула Таганка, уехали Любимов и Андрей Тарковский, умер Трифонов, умер Эфрос, загнанный той же системой в ловушку, а дальше система уже знай себе **коллапсировала** – генсек за генсеком падали, как кегли (Эхо планеты, 2010, № 28).

Глагол *коллапсировала* мотивирован существительным *коллапс* – «резкий спад в деятельности чего-либо, состояние развала в чем-либо» (ПСИС). В семантическую структуру производящего существительного входят семы: ‘состояние’ – интегральная, реально-атрибутивная сема; ‘кризис’, ‘резкий спад’, ‘развал’ – дифференциальные, реально-атрибутивные семы.

Мотивирующее существительное *кол-лапс* обозначает состояние, вызванное определенными процессами. Суффикс *-ирова-* наделяет словоформу признаком действия и возвращает реципиента к процессу, результат которого заключен в семантике существительного. Между семами мотивирующего существительного, контекстных уточнителей и значением суффикса формируются новые внутривидовые связи. Под влиянием уточнителей *рухнула, уехали, умер, падали* дифференциальные семы мотивирующего существительного, отражающие признаки кризиса, актуализируются в семантике глагола и характеризуют признаки действия, интегральная сема производящего существительного 'состояние' в структуре глагола является фоновой. Таким образом, формируется значение «процесс разрушения, развала чего-либо». Глагол называет не состояние разрухи, а те действия, которые ведут к этому состоянию.

(3) Узнав об этом, Марушевская заподозрила подчиненных в том, что они сознательно **волоки-тят** груз, вынуждая собственника дать взятку (Огонек, 2016, № 45).

Семантическую структуру существительного *волоки-та* – «затягивание дела для решения какого-либо вопроса, медленное течение дела, осложненное выполнением мелких формальностей» (Ожегов, с. 94) – составляют следующие компоненты: 'ситуация', – интегральная сема, реально-атрибутивная; 'затягивание дела', 'решение вопроса', 'течение дела', 'осложнение', 'мелкие формальности' – дифференциальные, реально-атрибутивные семы.

Мотивирующее существительное *воло-ки-та* называет ситуацию, в которой совершаются действия определенного рода. Глагол, образованный с помощью суффикса *-и-* «наделять признаками того, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика, 1980, с. 332], отсылает к процессу, который мотивировал образование значения существительного. В рамках контекста в семантической структуре глагола дифференциальные семы мотивирующего существительного оказываются ярко выраженными, а интегральная сема становится фоновой, то есть глагол называет не ситуацию, а те действия,

которые совершаются в ситуации, названной мотивирующим словом. Кроме того, под влиянием контекстных уточнителей *вынуждая, взятка* в значении глагола актуализируется ассоциативная сема 'вымогательство'.

В значениях глагольных единиц *коллапсировала* и *волоки-тят* объединяются семы, отражающие как действия, так и результат этих действий: контекстные уточнители указывают на конкретные действия, мотивирующие существительные, имея определенные семы в своей структуре, их характеризуют, а глаголы *волоки-тят* и *коллапсировала* заключают в себе представление об этих действиях как едином процессе, который обладает определенными характеристиками. Таким образом, языковые единицы наделяются дополнительной экспрессией и образностью.

(4) Как все-таки телевизор портит, в жизни ты совсем другая! – в ответ **откомплиментил** тот... (Комсомольская правда, 26.11.2004).

Комплимент – «любезные, приятные слова, лестный отзыв» (СЕМ, т. 3). Семантическая структура этого слова включает компоненты: 'слова' – интегральная, реально-атрибутивная сема; 'приятные', 'любезные', 'лестные' – дифференциальные, реально-атрибутивные семы, 'произнесение' – фоновая сема.

В приведенном предложении со значением «говорить любезности в ответ на какие-либо действия» зафиксирован глагол *отком-плиментил*. В семантической структуре глагольного слова фоновая сема 'произнесение' занимает центральное положение, образуя новые внутривидовые связи между семами мотивирующего существительного и значением приставки *от-* «действие в ответ на какое-либо действие» [Русская грамматика, 1980, с. 363]. Кроме того, семантика контекстуального уточнителя *телевизор портит* вступает в противоречие с семами 'приятные', 'любезные', 'лестные'. Таким образом, формируется значение «произнесение слов, которые не являются приятными, лестными». Так, в семантической структуре глагола появляются ассоциативные семы 'неприятные', 'нелюбезные'. Однако сочетание контекстуальных уточнителей, отражающих экстралингвистические факторы, *в жизни, совсем другая* и *телевизор портит* позволяет выявить в гла-

голе как положительную, так и отрицательную коннотации.

Вторую группу инноваций-глаголов, значение которых образовано посредством регрессии, составляют единицы, мотивированные существительными, называющими какое-либо лицо (персона, занимающая какую-либо должность или обладающая определенными качествами, литературный герой и т. п.). Как и у глаголов первой группы, формирование значений глаголов второй группы основано на интеграции сем мотивирующего существительного и контекстных уточнителей, в результате чего образуются новые внутривидовые связи. Однако регрессия здесь направлена на мотивирующее существительное, поскольку процесс, который обозначает производный глагол, отражает действия, свойственные лицу, названному мотивирующим существительным.

(5) Пошел на три года **побюрократил**. Потом ему надоело быть замгубернатора, он воспользовался связями, которые успел приобрести на гражданке, и ушел замдиректором по безопасности в какой-то банк. Причем понятно, что захочется еще разок **побюрократить**, может, и вернется во власть (Огонек, 2016, № 50).

Мотивирующее существительное *бюрократ* – «крупный чиновник, человек, приверженный к бюрократизму» (СЕМ, т. 1). Бюрократизм – «управление, при котором деятельность органа исполнительной власти излишне осложнена и направлена на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества; пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей» (СЕМ, т. 3). Семантическую структуру составляют компоненты: ‘лицо’, ‘чиновник’ – интегральные, реально-атрибутивные семы; ‘крупный’, ‘ведомственные интересы’, ‘ущерб для общества’, ‘соблюдение формальностей’ – дифференциальные, реально-атрибутивные семы; ‘власть’, ‘господство’ – ассоциативные семы.

Мотивирующее существительное *бюрократ* называет должностное лицо с присущим ему набором определенных действий, признаки которых отражены в семантике производящего существительного. Словоформы *побюрократил* и *побюрократить*, образованные с помощью суффикса *-и-* «действия,

свойственные тому, что названо мотивирующим существительным» [Русская грамматика, 1980, с. 332] и префикса *по-* «действия в течение некоторого времени (чаще недолгого)» [Русская грамматика, 1980, с. 365], возвращают реципиента к действиям, которые свойственны лицу, приверженному бюрократизму. Контекстное окружение рассматриваемых глаголов способствует тому, что семы мотивирующего существительного ‘ущерб для общества’, ‘соблюдение формальностей’, ‘ведомственные интересы’, характеризующие действие, в семантической структуре глагола актуализируются, а сема ‘чиновник’ оказывается слабо выраженной, то есть в структуре глагола она становится фоновой, а сема ‘власть’ оказывается ярко выраженной, то есть становится основой формируемого значения глагола. Таким образом, создается инновационное значение «руководящие действия, направленные на обеспечение ведомственных интересов в ущерб интересам общества».

(6) Бари Алибасов **спродюсирует** высококоммерческую группу... «Ни-ни» (Новая газета, 02.02.2009, № 10).

Мотивирующее существительное *продюсер* – «лицо осуществляющее организационно-финансовый, часто также художественный, контроль над постановкой, организацией концертов, гастролей и т. д.» (НСИС). Семантическую структуру составляют компоненты: ‘лицо’, ‘должность’ – интегральные, реально-атрибутивные семы; ‘финансирование’, ‘организация’, ‘представление’, ‘шоу’, ‘фильм’ – дифференциальные, реально-атрибутивные семы.

Значение глагола *спродюсирует* в приведенном предложении сформировано по тому же принципу, что и значение глагола *побюрократить* в примере (5). В семантической структуре глагола *спродюсировать*, употребленного в значении «процесс организации и финансирования фильма, шоу-программы», яркими (центральными) семами оказываются ‘финансирование’ и ‘организация’, которые в рамках контекста образуют новые внутривидовые связи с семами ‘представление’, ‘шоу’, ‘фильм’ и значением префикса *с-* «совершить действие (довести до результата), названное мотивирующим существительным»

[Русская грамматика, 1980, с. 369]. Однако под влиянием контекстного уточнителя *Бари Алибасов* глагол приобретает дополнительное значение «основание музыкального коллектива», поскольку имя собственное называет человека, не только руководившего музыкальной группой, но и создавшего ее. Следовательно, в семантической структуре глагола выделяются ассоциативные семы ‘создание’, ‘осуществление’.

Выводы

Итак, выявленные механизмы образования инновационного значения отсубстантивных глаголов позволяют утверждать, что такие лексические единицы, сформированные на основе регрессии суффиксальным или приставочно-суффиксальным способами, обозначают действия, результат которых отражается в семантике мотивирующего существительного как единый процесс, либо действия, свойственные лицу, которое названо производящим существительным. Кроме того, в семантической структуре отсубстантивного глагола под влиянием контекстных уточнителей происходит перераспределение сем, которое приводит к образованию новых внутривидовых связей, в результате чего формируется инновационное значение глагольной словоформы. При этом сигнификативные (интегральные и дифференциальные) семы производящего существительного становятся в семантической структуре глагола фоновыми, а фоновые семы производящего существительного оказываются сигнификативными в семантической структуре глагольного слова.

Основу инновационного значения составляют компоненты значения мотивирующего существительного, интегрируясь с семами слов из контекстного окружения инновационного глагола. Они способствуют появлению дополнительных оттенков семантики, образности, формированию противоположных смыслов производных глаголов.

Инновационное значение, появляющееся в рамках контекста в результате регрессии, обладает потенциальной возможностью войти в активный словарный запас как лексико-семантический вариант языковой единицы. Этому способствуют компоненты значения произ-

водящего существительного, на основе которых формируется значение инновации-глагола.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1969. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия. 608 с.
- Виноградов В. В., 2001. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. М. : Русский язык. 720 с.
- Ильясова С. В., 2016. Отыменные глаголы как продукт мотивации и псевдомотивации // Филология и культура. № 4 (46). С. 44–48.
- Каширина М. М., 2015. Типы мотивации отсубстантивных глаголов и их связь с выразительностью речи // Современные исследования социальных проблем. № 6 (50). С. 212–221. URL: <http://www.sisp.nkras.ru> (дата обращения: 17.08.2017). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-6-18.
- Контрастивная лексикология и лексикография, 2006. Под ред. И. А. Стернина и Т. А. Чубур. Воронеж : Истоки. 341 с.
- Макарова И. Ю., 2007. Отсубстантивные глаголы и принципы формирования их значений // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. № 7 (51). С. 12–19.
- Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., 2011. Семы и их типологическое разнообразие в аспекте словарной лексикологии // Русский язык за рубежом. № 6. С. 65–70.
- Ольшанский И. Г., 1983. Взаимодействие семантики слова и предложения // Вопросы языкознания. № 3. С. 52–62.
- Падучева Е. В., 2004. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. М. : Языки славянской культуры. 608 с.
- Рабибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В., 2014. Специфика современного медийного словотворчества // Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст. Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. С. 150–229.
- Русская грамматика, 1980. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. М. : Наука. 789 с.

- Стернин И. А., 1979. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та. 123 с.
- Уфимцева А. А., 1968. Слово в лексико-семантической системе языка. М. : Наука. 287 с.
- Шкварцова Т. В., 2015. Словообразование как источник повышения креативности публицистического текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. № 1. С. 32–37.

СЛОВАРИ

- НСИС – Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В., 2003. Новый словарь иностранных слов. М. : Азбуковник. URL : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232> (дата обращения: 17.08.2017).
- Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 2003. Толковый словарь русского языка. М. : ИТИ ТЕХНОЛОГИИ. 944 с.
- ПСИС – Музрукова Т. Г., Нечаева И. В. Популярный словарь иностранных слов / под ред. И. В. Нечаевой. М. : Азбуковник. URL : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=231> (дата обращения: 17.08.2017).
- СЕМ – Русский семантический словарь, 1998. В 4 т. / под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Азбуковник. URL : <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235> (дата обращения: 17.08.2017).

REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1969. *Dictionary of linguistic terms*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 608 p.
- Vinogradov V.V., 2001. The Russian language (Grammatical learning about the word). Moscow, Russkiy yazyk Publ. 720 p.
- Ilyasova S.V., 2016. Denominative verbs as a result of motivation and pseudomotivation. *Filologiya i kultura* [Philology and culture], no. 4 (46), pp. 44-48.
- Kashirina M.M., 2015. Types of motivation verbs formed from nouns and their connection with expressive speech. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Research of Social Problems], no. 6 (50), pp. 212-221. URL: <http://www.sisp.nkras.ru>. (accessed 17 August 2017). DOI: 10.12731/2218-7405-2015-6-18.
- Contrastive lexicology and lexicography*, 2006. Ed. by I.A. Sternin, T.A. Chubur. Voronezh, Istoki Publ. 341 p.
- Makarova I. Yu., 2007. Denominative verbs and the way they form their meanings. *Vestnik Tambovskogo*

- universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], no. 7 (51), pp. 12-19.
- Morkovkin V.V., Bogacheva G.F., 2011. Semes and their types from the viewpoint of dictionary lexicology. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 6, pp. 65-70.
- Olshanskiy I.G., 1983. The interaction of the semantics of words and sentences. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], no. 3, pp. 52-62.
- Paducheva E.V., 2004. *Dynamic models in the semantics of the lexis*. Moscow, LRC Publ. 608 p.
- Ratsiburskaa L.V., Samycheva N.A., Shumilova A.V., 2014. The specificity of modern media word creation. *Russkiy yazyk nachala XXI veka: leksika, slovoobrazovanie, grammatika, tekst*. Nizhniy Novgorod, Izd-vo NNGU im. N.I. Lobachevskogo. pp. 150-229.
- Russian grammar, 1980. Vol. 1. Phonetics. Phonology. The emphasis. Intonation. Introduction to morphemic. Word formation. Morphology*. Moscow, Nauka Publ., 789 p.
- Sternin I.A., 1979. *The problem of analyzing the structure of meaning of the word*. Voronezh, VGU Publ. 123 p.
- Ufimtseva A.A., 1968. *The word in the lexical-semantic system of language*. Moscow, Nauka Publ. 287 p.
- Shkvartsova T.V., 2015. Word formation as a source of increasing creativity in the journalistic text. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaja filologiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series. Russian philology], no. 1, pp. 32-37.

DICTIONARIES

- Zaharenko E.N., Komarova L.N., Nechaeva I.V., 2003. *New dictionary of foreign words*. Moscow, Azbukovik Publ. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232>. (accessed 17 August 2017).
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 2003. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, ITI TEKHNologii Publ. 944 p.
- Muzrukova T.G., Nechaeva I.V. *Popular dictionary of foreign words*. Moscow, Azbukovnik Publ. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=231>. (accessed 17 August 2017).
- Shvedova N.Yu., ed. *Russian semantic dictionary. In 4 vols*. Moscow, Azbukovnik Publ., 1998. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?s=0&p=235>. (accessed 17 August 2017).

Information about the Author

Nadezhda A. Solomka, Postgraduate Student, Department of Russian Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-5051>

Информация об авторе

Надежда Анатольевна Соломка, аспирант кафедры русской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, iryas@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-5051>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>

UDC 811.161.1:336.632
LBC 81.411.2-006

Submitted: 30.11.2017
Accepted: 25.01.2018

**SPECIFICS OF RUSSIAN SPEAKERS' COMMUNICATIVE BEHAVIOR
IN INTERPERSONAL COMMUNICATION
(BASED ON THE FINDINGS OF EXPERIMENTAL RESEARCH)**

Kseniya S. Kardanova-Biryukova
Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The paper focuses on the findings of the experiment, which involved Russian native speakers aged between 17 and 24 (both males and females). The objective of the experiment was to derive an algorithm of communicative behavior of interpersonal communication's participants and to determine the sequence of verbal / non-verbal actions of a communicant in various situations. The experiment is based upon the theoretical foundations of the autopoiesis theory by H. Maturana and F. Varela, which views communication as a natural response of the living system to a dissonance occurring between it and its niche. On the basis of this theoretical premise we can model communicative behavior of a person as a non-linear sequence of verbal / non-verbal actions. Their features and the very number of such actions hinge on the relevance of dissonance-triggering factors for the communicant.

The statistical analysis and the interpretation outlined in the paper help unveil whether such communicative behavior is stereotypical or is determined by the communicant's personality. To uncover group-related characteristics of communicative behavior with a focus on gender and society-determined characteristics, the cluster of subjects has been further subdivided into smaller and more unified clusters. The trends identified have been scrutinized, interpreted and supported with relevant examples of the subjects' responses.

Key words: interpersonal communication, communicative behavior, experiment, autopoiesis theory, verbal action, non-verbal action, communication situation.

Citation. Kardanova-Biryukova K.S. Specifics of Russian Speakers' Communicative Behavior in Interpersonal Communication (Based on the Findings of Experimental Research). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 85-97. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>

УДК 811.161.1:336.632
ББК 81.411.2-006

Дата поступления статьи: 30.11.2017
Дата принятия статьи: 25.01.2018

**ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА В МЕЖЛИЧНОСТНОМ ОБЩЕНИИ
(ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова
Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты эксперимента, проведенного с носителями русского языка. Цель эксперимента заключалась в том, чтобы алгоритмизировать коммуникативное поведение участников межличностного общения, выстроив последовательность речевых / неречевых действий коммуниканта в различных коммуникативных ситуациях. Теоретическую основу экспериментального исследования составляет теория аутопоэза, в которой коммуникация – один из видов взаимодействия между членами социума – понимается как естественная реакция живой системы на дисбаланс, возникший между нею и ее

средой. Опора на этот постулат позволяет моделировать коммуникативное поведение человека как нелинейную последовательность речевых / неречевых действий, характер и количество которых определяются релевантностью факторов, спровоцировавших дисбаланс, для коммуниканта. Представленные в статье статистическая обработка данных и интерпретация полученных результатов позволяют оценить, является ли коммуникативное поведение в предъявленных в эксперименте ситуациях социально маркированным и стереотипным или детерминируется индивидуальными характеристиками коммуниканта. Для выявления гендерно и социально маркированных особенностей коммуникативного поведения экспериментальная выборка была разбита на несколько подгрупп. Обнаруженные тренды были детально проанализированы, проинтерпретированы и подкреплены соответствующими примерами.

Ключевые слова: межличностная коммуникация, коммуникативное поведение, эксперимент, теория аутопоэза, речевое действие, неречевое действие, коммуникативная ситуация.

Цитирование. Карданова-Бирюкова К.С. Особенности коммуникативного поведения носителей русского языка в межличностном общении (экспериментальное исследование) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 85–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.9>

Введение

Одна из центральных проблем изучения коммуникации состоит в выявлении универсальных закономерностей коммуникативного поведения человека, которые можно экстраполировать на весь языковой коллектив. Исследования, посвященные этой проблеме, можно разделить на три группы. Первая группа объединяет работы, в которых изучается то, как происходит передача информации от адресанта к адресату в пределах одного речевого действия (К. Шеннон, У. Уивер, Н. Винер, Ч. Осгуд, М. Дефлюэр и др.). При этом говорящий и слушающий рассматриваются как конечные точки коммуникативного взаимодействия, между которыми располагаются технические приспособления, опосредующие коммуникацию (кодирующие и декодирующие ее), шумы и прочие элементы акта коммуникации. Опираясь на эту схему, исследователь может, например, высчитывать (часто используя математические методы) то, какое количество информации было утеряно в процессе передачи. При этом учитывается влияние шумов (см., например, [Шеннон, 1963] и др.), различия структуры и содержания сознания говорящего и слушающего и несоответствия их коммуникативного опыта.

Вторая группа включает исследования, характеризующие коммуникацию как комплексный нелинейный процесс, результат которого состоит в поддержании и / или развитии социальной организации (К.-О. Апель, Ю. Хабермас и др.). Такие исследования часто носят

философский характер и не предполагают описания частных речевых действий.

Третью группу составляют исследования уже реализованного акта коммуникации. В них предложены классификации речевых актов и коммуникативных стратегий, используемых носителями языка (Дж. Серль, Дж. Остин, О.С. Иссерс, Ю.К. Пирогова и др.). Эти классификации позволяют выявить наиболее частотные стратегии, однако они не приближают нас к ответу на вопрос о том, какие факторы способствуют тому, что человек совершает те или иные речевые действия, выбирает те или иные коммуникативные стратегии в тех или иных ситуациях общения.

Однако в вышеназванных исследованиях всех трех групп не учитывается процессуальность коммуникации и не решается задача алгоритмизации последовательности речевых действий участников межличностного общения, предполагающая рассмотрение коммуникации как комплексного процесса, развитие которого определяется и внешними (условия и формат общения), и внутренними (социокогнитивные характеристики коммуникантов) факторами.

Как представляется, решение этой задачи возможно при трактовке коммуникации как гибкого, нелинейного динамического взаимодействия. Теоретическую основу этого подхода формирует теория аутопоэза, в которой коммуникация понимается как процесс постоянной адаптации живой системы (в частности, человека) к постоянно изменяющейся среде [Матурана, Варела, 2001; Maturana, 1978; Maturana, Varela, 1980 и др.]. Поскольку

и живая система, и среда обладают гибкостью и адаптивностью, равновесие, при котором живая система пребывает в состоянии покоя и неактивна, является временным (эмерджентным). В моменты, когда равновесие нарушено, система начинает совершать действия, направленные на восстановление баланса со средой, что, в свою очередь, приводит к ответной адаптации со стороны среды. Следовательно, коммуникация как один из видов взаимодействия между членами социума – естественная реакция живой системы на дисбаланс, возникший между нею и ее средой. В результате и в живой системе, и в среде происходит определенная структурная перестройка, приводящая к их эволюции.

Для того чтобы ответить на исследовательский вопрос «Какие факторы определяют последовательность речевых действий коммуниканта? Являются ли они универсальными или индивидуальными?», был проведен эксперимент с носителями русского языка. Цель эксперимента состояла в том, чтобы выстроить последовательность речевых / неречевых действий коммуниканта в ряде ситуаций бытового межличностного общения.

Описание эксперимента

Согласно проверяемой экспериментальной гипотезе, *коммуникант идентифицирует социальный дисбаланс исходя из собственного актуального состояния, которым задается алгоритм коммуникации*. Предполагаем, что различие актуальных состояний ряда коммуникантов будет определять различные сценарии их коммуникативного поведения.

Для проверки гипотезы было разработано экспериментальное задание, в котором испытуемым предложен ряд коммуникативных ситуаций, предполагающих ответное действие, в том числе речевое (для взаимной верификации полученных данных). В описании каждой ситуации был назван некий «раздражитель», который может вывести участника социального взаимодействия из состояния равновесия:

Ситуация 1. *К Вам обратился с вопросом мужчина на улице. Вы не расслышали вопрос. Ваши действия.*

Ситуация 2. *В метро Вас буквально внесли в переполненный вагон. Вы кого-то случайно задели рукой. Вам сделали замечание. Ваши действия.*

Ситуация 3. *Вы общаетесь со знакомым/ой на остановке автобуса. Человек, также ожидающий автобус, слышит, о чем Вы говорите, и начинает участвовать в разговоре. Ваши действия.*

Ситуация 4. *Вы отвечаете на комментарий к Вашей фотографии в социальной сети. В комментарии содержится критика. Ваши действия.*

При выполнении экспериментального задания испытуемым было предложено описать последовательность речевых / неречевых действий в предъявленных им экспериментальных ситуациях.

Вместе с тем предполагалось, что, в соответствии со свойствами коммуникантов, такой «раздражитель» мог оказаться не основным, а испытуемыми могли быть выявлены иные раздражающие факторы. Анализ предложенных испытуемым сценариев поведения позволяет определить, становится ли заложенный в предъявленной ситуации раздражитель основным для выстраивания сценария дальнейшего поведения. Более того, статистическая обработка ответов испытуемых дает возможность установить степень унификации коммуникативного поведения представителей разных групп, обладающих теми или иными гендерными, возрастными и социо-когнитивными характеристиками.

Экспериментальную выборку составляют 144 испытуемых в возрасте от 17 до 24 лет, разделенные на две экспериментальные группы по гендерному признаку (85 женщин vs. 59 мужчин). Выделение двух гендерных групп обусловлено необходимостью верифицировать выдвинутое на этапе планирования эксперимента предположение о том, что наиболее выраженные особенности адаптивного поведения наблюдаются на стыке групп, обладающих разными социо-когнитивными характеристиками (гендерными, возрастными, профессиональными, социальными и пр.).

Результаты эксперимента

Статистическая обработка ответов испытуемых происходила в несколько этапов: на

первом этапе ответы были распределены в группы в зависимости от того, какое количество ответных речевых / неречевых действий прогнозирует потенциальный участник коммуникации в заданной экспериментальной ситуации, на втором этапе были подсчитаны те ответы, в которых предлагались нелинейные сценарии коммуникативного поведения, далее были выявлены частные особенности выстраиваемого участниками эксперимента коммуникативного поведения, которые определялись конкретной экспериментальной ситуацией. На основании выявленных трендов была проведена интерпретация результатов эксперимента и установлены межгрупповые и внутригрупповые особенности коммуникативного поведения участников межличностного общения.

Экспериментальная группа I (85 женщин в возрасте от 17 до 24 лет).

Анализ ответов испытуемых этой группы показал, что количество ответных речевых / неречевых действий, прогнозируемых участниками эксперимента, определяется рядом факторов.

1. Типичность коммуникативной ситуации (чем более шаблонной является коммуникативная ситуация, тем меньше ответных речевых / неречевых действий прогнозируют участники эксперимента). Так, наиболее шаблонной является ситуация, описывающая замечание в вагоне поезда в метро, поэтому количество прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий в этой ситуации минимально: одно либо два ответных действия, три действия отмечены только в одном ответе, а четыре действия не выстраиваются в принципе (табл. 1). Ср.: одно ответное речевое / неречевое действие (*Вежливо извинюсь*¹ (сохранена авторская орфография и пунктуация, индекс обозначает порядковый номер речевого / неречевого действия, называемого испытуемым);

*Закачу глаза*¹; *Пожелать хорошего дня!*¹); два ответных речевых / неречевых действия (*Извинюсь*¹ и *буду улыбаться*²; *Извинюсь*¹ и *скажу*², *что сделала это не специально*); три ответных речевых / неречевых действия (*Я смущусь*¹, *тихо извинюсь*² и *буду еще долго из-за этого переживать*³).

2. Характер взаимодействия (чем более дистанционным является взаимодействие, тем чаще испытуемые не воспринимают раздражитель как часть своей среды). Так, в экспериментальной ситуации № 4 моделируется взаимодействие между участниками интернет-общения, в котором коммуниканты обладают определенной свободой выбора, с кем и как долго общаться. Предоставляемая интернет-средой свобода коммуникативного взаимодействия позволяет участникам интернет-коммуникации выстраивать свою среду в соответствии с собственными желаниями и потребностями, как включая в нее дополнительные средовые факторы или исключая (нивелируя) их. Анализ экспериментальных данных показал, что испытуемые прогнозируют минимальное количество ответных речевых / неречевых действий: одно либо два действия (см. табл. 2). Это также подтверждается наличием сравнительно большого количества отказов (9 %). Дополнительным аргументом в поддержку этой точки зрения являются ответы, в которых участники эксперимента специально оговаривают, что они готовы отвечать на критические комментарии только знакомых людей: *Если критика чужого человека, то не стану обращать внимание и удалю комментарий. Если знакомый, то напишу ему в л.с. и поговорю с ним; Оценю, кем является комментатор, знаю ли я его, и насколько близко мы общаемся. Если это незнакомый человек, то не буду отвечать на комментарий, если же комментарий друга или знакомого, то, возможно, прислушаюсь к критике.*

Таблица 1

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 2)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	59 (69,4 %)
Два речевых / неречевых действия	25 (29,4 %)
Три речевых / неречевых действия	1 (1,2 %)
Четыре речевых / неречевых действия	–

Таблица 2

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 4)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	67 (79 %)
Два речевых / неречевых действия	10 (12 %)
Три речевых / неречевых действия	–
Четыре речевых / неречевых действия	–
Отказ	8 (9 %)

В тех ситуациях, когда коммуникативное взаимодействие инициировано человеком, который непосредственно обращается к субъекту коммуникативного взаимодействия (как в экспериментальных ситуациях № 1 и № 3), равновесие между живой системой и средой, как правило, нарушается. В связи с этим субъект коммуникативного взаимодействия обязан учитывать данный средовый фактор и совершать ответные речевые / неречевые действия для восстановления баланса со средой. При этом количество прогнозируемых ответных действий будет большим, чем в экспериментальных ситуациях 2 и 4 (табл. 3, 4). Ср.: одно ответное речевое / неречевое действие (*Переспрошу вопрос¹; Игнорирую его¹; Замолчу¹*); два ответных речевых / неречевых действия (*Извинюсь¹ за то, что не расслышала вопрос, и переспрошу²; Спокойно выслушаю¹ то, о чем он говорит,*

если это будет что-то нормально и подходящее, то, что возможно, продолжу беседу² с его участием; Переспрошу¹ и попытаюсь помочь²); три ответных речевых / неречевых действия (*Я остановлюсь¹ и вежливо переспрошу². Если я знаю ответ на вопрос, я постараюсь помочь³ этому человеку; Сначала оценю¹ адекватность собеседника, не представляет ли он опасности, затем попрошу² повторить его вопрос, и постараюсь оказать нужную помощь³*); четыре ответных речевых / неречевых действия (*Посмотрю¹ на него с диким удивлением, переглянусь² с другом, посмеюсь³, отойду⁴ вместе с другом; Вытащу¹ наушники, улыбнусь², извинюсь³, попрошу повторить⁴*).

Следует особо отметить случаи, когда участники эксперимента называют одно или два ответных речевых / неречевых действия,

Таблица 3

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 1)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	32 (38 %)
Два речевых / неречевых действия	42 (49 %)
Три речевых / неречевых действия	10 (19 %)
Четыре речевых / неречевых действия	1 (1 %)

Таблица 4

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 3)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	49 (58 %)
Два речевых / неречевых действия	31 (36 %)
Три речевых / неречевых действия	3 (4 %)
Четыре речевых / неречевых действия	1 (1 %)
Отказ	1 (1 %)

поскольку это показывает, что коммуникант моделирует коммуникативную ситуацию сравнительно поверхностно, с учетом только базовых элементов. В число таких элементов входят очевидные, легко прогнозируемые речевые / неречевые действия. При этом количество таких элементов минимально: *Переспрошу*; *Попросить повторить вопрос*; *Переспрошу, что он хотел* (экспериментальная ситуация № 1); *Извиниться*; *Попрошу прощения*; *Подумаю, что не мне* (экспериментальная ситуация № 2); *Послушать нового собеседника*; *Выслушать человека*; *Продолжу разговор*; *Попрошу не влезать в чужие дела* (экспериментальная ситуация № 3); *Удалить комментарий*; *Приму к сведению критику в мой адрес*; *Поблагодарить за критику*; *Поставлю грустный смайлик* (экспериментальная ситуация № 4).

Наиболее показательны те случаи, когда испытуемые в принципе не воспринимают заложенный в экспериментальной ситуации раздражитель как создающий дисбаланс между живой системой (самим коммуникантом) и его средой. Вероятно, у такого коммуниканта раздражитель не входит в выстраиваемую им нишу.

Так, при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации № 1 были получены следующие ответы, предполагающие, что раздражитель не был включен в среду: *Не обращаю внимание*; *Если хорошее настроение – переспрошу. Если плохое – сделаю вид, что не заметила, пойду дальше*; *Прошла бы дальше. Если хорошее настроение, сниму наушники и помогу; Это зависит от моего настроения. Я могу переспросить, а могу сделать вид, что не услышала его, и пройти мимо*; *Остановлюсь и попрошу повторить вопрос. Если данная ситуация происходит на безлюдной улице, то пойду дальше*; *Вежливо переспрошу: – промолчу, – переспрошу, – отвечу*; *Сделаю вид, что не поняла вопроса, и пойду дальше*; *Переспрошу (если на улице темно, то убежу)* и др. Следует обратить внимание на то, что часто такое ответное действие рассматривается как составляющая нелинейного сценария.

При предъявлении участникам эксперимента экспериментальной ситуации № 2 было получено сравнительно много ответов, в которых, в сущности, содержится отказ от со-

вершения ответного речевого / неречевого действия: *Проигнорирую* или *извинюсь (зависит от ситуации)*; *Промолчу*; *В зависимости от настроения. Могу извиниться, могу промолчать, могу ответить в грубой форме*; *Если бы я задела рукой, то сразу бы извинилась. А если бы мне сделали после этого еще замечание, сделала бы вид, что не услышала, но более вероятно просто промолчала*; *Либо проигнорирую, либо извинюсь*; *Проигнорирую, не вижу смысла вступать в перепалки в таких условиях*; *Промолчу* и др.

Наименьшее количество ответов, содержащих отказ от совершения ответного речевого / неречевого действия, было получено при предъявлении экспериментальной ситуации № 3, что, вероятно, связано с тем, что в данной ситуации функцию раздражителя выполняет непосредственно человек в ситуации социальной коммуникации. Непосредственное обращение к коммуниканту требует совершения ответного речевого действия, которое, в свою очередь, может быть как предполагающим дальнейшую коммуникацию, так и препятствующим дальнейшему взаимодействию. Тем не менее раздражитель как таковой в абсолютном большинстве случаев становится частью среды коммуниканта и предполагает совершение какого-либо ответного речевого / неречевого действия. В связи с этим отказ от взаимодействия содержался только в единичных ответах: *Промолчать*; *Игнорировать*; *Промолчу, никак неотреагирую* и др. При этом такие сценарии, как правило, являются линейными.

В экспериментальной ситуации № 4 количество ответов, в которых содержится отказ от совершения ответного речевого / неречевого действия, является наибольшим в силу специфики предъявленной коммуникативной ситуации (общение в интернет-среде). Как отмечалось выше, коммуникант считает возможным не рассматривать раздражитель как часть своей среды в тех случаях, когда коммуникативное взаимодействие является дистантным и обезличенным. С этим, как представляется, связано и значительное количество отказов (9 %), и большое число ответов, в которых содержится отказ от совершения ответного действия: *Равнодушие*; *Я ее про-*

игнорирую. Критика чего-либо в социальных сетях – абсолютно несерьезно; Проигнорирую; Если критика обоснована – «спасибо». Если нет – даже комментировать не стану; Я, как правило, не отвечаю на подобные сообщения; и др. Подобные действия (отказы от действий) часто представлены как вариант развития нелинейного сценария, при этом критерием выбора того или иного коммуникативного поведения является оценка степени «адекватности» критики, то есть субъективное восприятие критики как обоснованной или необоснованной.

Экспериментальная группа II (59 мужчин в возрасте от 17 до 24 лет).

В экспериментальной группе II количество прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий зависит от ряда факторов.

1. Стереотипность коммуникативного поведения. Анализ экспериментальных данных показал, что статистически значимое количество развернутых ответных коммуникативных сценариев (в которые вошло больше двух речевых / неречевых действий) было получено только при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации № 1: *Обратить внимание на мужчину¹, поздороваться² и попросить повторить его вопрос³. В любом случае попытаться помочь ему⁴, даже если не знаешь точного ответа на вопрос; Остановлюсь¹, переспрошу вопрос². В случае возможности помочь помогу³, если нет – пойду дальше³; Извиняюсь¹ переспрошу², постараюсь как можно подробнее дать ответ³, если не смогу ответить, «горячо» извинюсь³; Остановиться¹, поздороваться², вежливо переспросить вопрос³ и попытаться помочь⁴; Попрошу повторить вопрос¹, внимательно выслушаю² и постараюсь ответить насколько это возможно³.* Это связано с

характером моделируемого социального взаимодействия: обратиться к прохожему за помощью рассматривается как норма социального взаимодействия (неагрессивное проникновение раздражителя в среду живой системы), что требует соответствующего ответного речевого / неречевого поведения. Именно поэтому участники эксперимента моделируют сценарии вежливого коммуникативного поведения, в которые входит достаточное количество шагов для достижения социального равновесия (табл. 5).

В ответах, полученных при предъявлении остальных экспериментальных ситуаций, развернутых сценариев коммуникативного поведения было существенно меньше (в некоторых случаях они отсутствовали) (см. табл. 6–8).

2. Вежливость как социальная норма. Анализ экспериментальных данных показал, что для мужчин в возрасте от 17 до 24 лет важно моделировать сценарии вежливого коммуникативного поведения. Испытуемые специально оговаривают, что в заданной экспериментальной ситуации их ответные действия будут вежливыми: *Вежливо переспросить, после чего постараться ответить на вопрос; Вежливо переспрошу мужчину, если человек выглядит достаточно доброжелательно; Вежливо попросить повторить, извинившись за невнимательность; Переспросить в вежливой форме и помочь (экспериментальная ситуация № 1); Вежливо извинюсь; Вежливо, хладнокровно извинюсь (экспериментальная ситуация № 2); Ответить вежливо, но достаточно равнодушно, так, чтобы ожидающий понял, что его вмешательство нежелательно; Отойти, в вежливой форме показать человеку, что он лезет не в свое дело; Вежливо покажу человеку, что он является лишним в разговоре; Вежливо скажу, что мы не интересу-*

Таблица 5

Количество речевых / неречевых действий, требуемых для восстановления равновесия со средой (экспериментальная ситуация № 1)

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	29 (49,2 %)
Два речевых / неречевых действия	19 (32,2 %)
Три речевых / неречевых действия	9 (15,2 %)
Четыре речевых / неречевых действия	2 (3,4 %)

Таблица 6

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 2)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	45 (76,3 %)
Два речевых / неречевых действия	12 (20,3 %)
Три речевых / неречевых действия	1 (1,7 %)
Четыре речевых / неречевых действия	–
Отказ	1 (1,7 %)

Таблица 7

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 3)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	43 (72,9 %)
Два речевых / неречевых действия	12 (20,3 %)
Три речевых / неречевых действия	2 (3,4 %)
Четыре речевых / неречевых действия	1 (1,7 %)
Отказ	1 (1,7 %)

Таблица 8

**Количество речевых / неречевых действий,
требуемых для восстановления равновесия со средой
(экспериментальная ситуация № 4)**

Количество действий	Количество ответов испытуемых
Одно речевое / неречевое действие	43 (72,9 %)
Два речевых / неречевых действия	7 (11,9 %)
Три речевых / неречевых действия	3 (5,1 %)
Четыре речевых / неречевых действия	–
Отказ	6 (10,2 %)

емя в этом мнении; Если разговор идет на личные темы, то показать, что его речи неуместны **в вежливой форме**, или поставить его в тупик ответным вопросом. Если разговор на общие темы, выслушать его мнение и, возможно, обсудить (экспериментальная ситуация № 3). Только при предъявлении испытуемым экспериментальной ситуации № 4 подобные сценарии отсутствовали, что, вероятно, связано с дистантностью подобной коммуникации (общение в интернет-пространстве).

3. Степень социальной приемлемости коммуникативной ситуации. Как показали результаты эксперимента, в ответах мужчин фактически отсутствуют агрессивные сценарии коммуникативного поведения. В отличие от девушек, входящих в эту же возрастную группу, молодые люди расценивают предъявленные им экспериментальные ситуации как социально

приемлемые и готовы идти на контакт с другими участниками заданных коммуникативных ситуаций, не отвечая на раздражитель агрессией. Агрессивные сценарии наблюдались только в единичных случаях: *Я отвечаю агрессией, так как это было не по моей вине; Взгляну с презрением и промолчу* (экспериментальная ситуация № 2); *Осуждающе посмотрю на встречающего в разговор и прекращу данный разговор* (экспериментальная ситуация № 3). Как представляется, агрессивный сценарий прогнозируемого коммуникативного поведения отражает желание коммуниканта сохранить целостность своей среды и вытеснить раздражитель из своего личного пространства без совершения каких-либо адаптивных действий. Судя по результатам эксперимента, подобная поведенческая стратегия в большей степени свойственна молодым женщинам, нежели мужчинам.

Сравнительный анализ ответов мужчин и женщин в возрасте от 17 до 24 лет выявил следующие особенности этих экспериментальных групп.

При предъявлении экспериментальной ситуации № 1 мужчины предлагают ответы, содержащие меньше речевых / неречевых действий, чем женщины: они рассматривают данную ситуацию как стереотипную и перечисляют только базовые составляющие коммуникативного поведения (только основные речевые / неречевые действия). Так, в экспериментальной группе № 1 одно ответное речевое / неречевое действие содержится в 38 % ответов, два ответных речевых / неречевых действия – в 49 % случаев, три ответных речевых / неречевых действия – в 12 % ответов, четыре ответных речевых / неречевых действия – в 1 % случаев, а в экспериментальной группе № 2 одно ответное речевое / неречевое действие содержится в 49,2 % случаев, два ответных речевых / неречевых действия – в 32,2 % ответов, три ответных речевых / неречевых действия – в 15,2 % ответов, четыре ответных речевых / неречевых действия – в 3,4 % случаев. Такое распределение ответов демонстрирует, что молодые мужчины предлагают ответы, содержащие меньше ответных действий (большинство ответов содержит всего одно ответное действие), чем женщины в возрасте от 17 до 24 лет. Однако при этом участники экспериментальной группы № 2 предлагают сравнительно много развернутых сценариев коммуникативного поведения. Это, в частности, демонстрирует, что молодые мужчины воспринимают такую ситуацию как норму социального поведения, требующую совершения достаточного количества ответных речевых / неречевых действий. Ответы молодых женщин также содержат сравнительно много развернутых сценариев, тем не менее количество таких сценариев статистически менее значимо, чем в случае с мужчинами.

При предъявлении экспериментальной ситуации № 2 молодые мужчины прогнозируют шаблонные последовательности ответных речевых / неречевых действий, содержащие преимущественно одно или два действия. В целом количество ответных действий, включенных в заданную коммуникативную

ситуацию, у них меньше, чем у женщин из этой возрастной группы (ср.: одно речевое / неречевое действие – 76,3 % ответов мужчин в возрасте до 24 лет vs. 69 % ответов женщин в возрасте до 24 лет; два речевых / неречевых действия – 20,3 % ответов мужчин vs. 29 % ответов женщин. При этом следует отметить большое количество отказов от совершения ответного речевого действия в ответах молодых мужчин (ср.: *Взгляну с презрением и промолчу; Извиниться. Если касание незначительное – проигнорировать; Буду стоять дальше; Если замечание вежливо, извиниться, если грубое – оставить без внимания; Отойду в сторону*).

Как и в экспериментальной группе женщин, ответы молодых мужчин распределяются в две полярные группы: «вежливые» и «грубые»: *Вежливо извинюсь; Извиниться перед человеком, объяснить ситуацию, что вы не виноваты в этом; Взгляну с презрением и промолчу; Буду стоять дальше; Я отвечу агрессией, так как это было не по моей вине* и др. Однако в целом женщины в большей степени склонны агрессивно реагировать на подобный раздражитель.

При предъявлении экспериментальной ситуации № 3 молодые мужчины склонны прогнозировать единичные ответные речевые / неречевые действия (одно ответное речевое действие – 72,9 % в группе мужчин vs. 58 % в группе женщин; два ответных речевых / неречевых действия – 20,3 % в группе молодых мужчин vs. 36 % в группе женщин; три ответных речевых / неречевых действия – 3,4 % vs. 4 % соответственно). Простая коммуникативная ситуация, заложенная в данном экспериментальном задании, вероятно, по мнению молодых людей, не требует совершения большого количества ответных действий для восстановления равновесия со средой. Женщинам из этой возрастной группы свойственно желание оправдаться, объяснить свои действия: *Я не очень люблю, когда незнакомые люди вмешиваются в разговор. Из вежливости, я отвечу на его комментарий, но не буду задавать ему вопросов, которые могли бы вытянуть его в дальнейшее обсуждение какого-либо вопроса со мной; Удивлюсь его поведению, и, если он / она выглядит странно, отойду в сторону, од-*

нако, если его слова на данную тематику «очень в тему», ответу на его / ее слова; Сначала оценю внешний вид человека и манеру его общения и возраст, если человек будет адекватным и вежливым, то, возможно, продолжу беседу, если же нет – вежливо попрошу не вмешиваться в разговор и др.

В этой экспериментальной ситуации молодые мужчины предлагают меньше агрессивных сценариев, чем молодые женщины: *Не лезьте в наш разговор*. Более того, в их ответах, полученных при предъявлении этой экспериментальной ситуации, часто маркирована вежливость: *Вежливо покажу человеку, что он является лишним в разговоре; Отойти, в вежливой форме показать человеку, что он лезет не в свое дело; Постараюсь понять, знаю ли я этого человека. Если нет, то жестко, но в рамках приличия попрошу его не вступать в разговор* и др. Следовательно, мужчины в возрасте от 17 до 24 лет воспринимают заданную коммуникативную ситуацию как социально приемлемую и не возражают против «вторжения» в личный разговор третьего коммуниканта. Они открыты для социального взаимодействия, в то время как девушки в том же возрасте в меньшей степени готовы поддержать диалог с незнакомцем в социально детерминированной ситуации общения.

Экспериментальную ситуацию № 4 и мужчины, и женщины из исследуемой возрастной группы воспринимают как простую, поэтому последовательность прогнозируемых ответных речевых / неречевых действий в ответах испытуемых включает не более одного / двух действий (мужчины: одно ответное действие – 72,9 %; два ответных действия – 11,9 %, три ответных действия – 5,1 %, отказы – 10,2 %; женщины: одно ответное действие – 79 %; два ответных действия – 12 %, отказы – 9 %).

Значительное количество отказов от совершения ответного речевого / неречевого действия, полученных при предъявлении именно этой экспериментальной ситуации, связано, как отмечалось выше, с возможностями, открываемыми особой коммуникационной платформой – Интернетом: коммуникант может регулировать состав и иерархию средо-

вых факторов и исключать те раздражители, которые препятствуют сохранению равновесия между живой системой (коммуникантом) и его средой. Иными словами, коммуникант не расценивает раздражитель в предъявленной экспериментальной ситуации как релевантный для совершения ответного речевого / неречевого действия. Отсюда и большое число ответов, содержащих отказ от совершения ответного действия, в обеих экспериментальных группах, а в тех случаях, когда сценарий ответного коммуникативного поведения моделируется, входящие в него действия являются простыми: *Ответить; Пошутить в ответ; Если критика адекватна – приму к сведению, иначе – проигнорирую; Отшучусь; Поблагодарю за критику (за честность); Ответу с шуткой, сарказмом* и др.

На следующем этапе анализа были изучены ответы испытуемых из экспериментальной группы I, содержащие нелинейные сценарии.

Нелинейные сценарии, которые предлагают участники эксперимента, отражают зависимость выбора адаптационных механизмов от актуального состояния коммуниканта (живой системы). Так, если испытуемый указывает, что его коммуникативное поведение в той или иной экспериментальной ситуации зависит от ряда обстоятельств (настроения, характера взаимодействия, типа раздражителя и др.), он стремится проанализировать собственное состояние на момент вступления в коммуникацию. Такие нелинейные сценарии являются особенно информативными, поскольку они маркируют степень внутригрупповой неоднородности. В каждой экспериментальной группе было подсчитано количество нелинейных сценариев, а результаты статистической обработки были представлены в виде таблиц (см. табл. 9, 10).

Как представляется, нелинейный сценарий коммуникативного взаимодействия выстраивается испытуемым на основе предшествующего коммуникативного опыта, поскольку коммуникант моделирует уже известный ему сценарий коммуникативного поведения в знакомой ему ситуации общения. У участников эксперимента таких шаблонных сценариев сравнительно немного. Ср.: участники женского пола выстраивают нелинейные сценарии в

Таблица 9

**Тип коммуникативного сценария, выстраиваемый коммуникантом
(женщины, 17 лет – 24 года)**

Номер экспериментальной ситуации	Тип коммуникативного сценария	Количество ответов испытуемых
1	Линейный сценарий	68 / 85 (80 %)
	Нелинейный сценарий	17 / 85 (20 %)
2	Линейный сценарий	75 / 85 (88 %)
	Нелинейный сценарий	10 / 85 (12 %)
3	Линейный сценарий	58 / 85 (68 %)
	Нелинейный сценарий	27 / 85 (32 %)
4	Линейный сценарий	56 / 85 (66 %)
	Нелинейный сценарий	29 / 85 (34 %)

Таблица 10

**Тип коммуникативного сценария, выстраиваемый коммуникантом
(мужчины, 17 лет – 24 года)**

Номер экспериментальной ситуации	Тип коммуникативного сценария	Количество ответов испытуемых
1	Линейный сценарий	52 / 59 (88,1 %)
	Нелинейный сценарий	7 / 59 (11,9 %)
2	Линейный сценарий	44 / 59 (74,6 %)
	Нелинейный сценарий	15 / 59 (25,4 %)
3	Линейный сценарий	31 / 59 (52,5 %)
	Нелинейный сценарий	28 / 59 (47,5 %)
4	Линейный сценарий	37 / 59 (62,7 %)
	Нелинейный сценарий	22 / 59 (37,3 %)

20 % случаев (экспериментальная ситуация № 1), 12 % случаев (экспериментальная ситуация № 2), 32 % случаев (экспериментальная ситуация № 3), 34 % случаев (экспериментальная ситуация № 4).

Линейный же сценарий, напротив, демонстрирует то, что испытуемый ориентируется на стереотипную коммуникативную ситуацию. Он исходит прежде всего из известных ему стереотипных ситуаций, с которыми он вовсе необязательно сталкивался в личном опыте. Так, отвечая на задание, относящееся к экспериментальной ситуации № 2, молодые женщины редко предлагали нелинейные сценарии коммуникативного поведения (в 12 % ответов). Это, вероятно, связано с тем, что в этой экспериментальной ситуации отражена крайне типичная ситуация социального взаимодействия, предполагающая шаблонные ответные речевые / неречевые действия: *Извинюсь; Попрошу прощения; Закачу глаза; Пройгнорирую или извинюсь (зависит от ситуации); Нахамлю; Промолчу* и др.

Сопоставительный анализ ответов мужчин и женщин из экспериментальной выборки

показал, что молодые мужчины предлагают значительно больше нелинейных сценариев, чем молодые женщины тогда, когда им предьявляется экспериментальная ситуация № 2 (25,4 % vs. 12 %). При этом выбор сценария коммуникативного поведения определяется рядом факторов: реакция человека, которого Вы задели (*Извиниться за это и если человек жаждет объяснений, то попытаться рассказать ему, что это было случайностью; Может попросу прощения (зависит от реакции того человека)*); характер касания (*Извиниться. Если касание незначительное – проигнорировать*); характер замечания (*Если замечание вежливо, извиниться, если грубое – оставить без внимания*). В ряде случаев выбор поведенческого сценария не мотивируется: *Либо не обратить внимание, либо ответить на замечание замечанием; Извинюсь или проигнорирую замечание; Попрошу прощения или промолчу*.

Женщины в возрасте от 17 до 24 лет предлагают довольно много развернутых ответов, описывающих последовательность ре-

чевых / неречевых действий: *Постараюсь уйти от нежелательного собеседника, стараясь не обидеть человека и сменить тему беседы* (экспериментальная ситуация № 3); *Обратить внимание этого человека на то, как много людей в вагоне, и сказать, что я не обязана извиняться* (экспериментальная ситуация № 2). Вероятно, это демонстрирует то, что испытуемые из этой экспериментальной группы выстраивают некий сценарий поведения в рамках заданной коммуникативной ситуации без опоры на шаблонные ответные действия из своего предшествующего коммуникативного опыта. При этом в ряде случаев описываются не конкретные речевые / неречевые действия, а эмоциональные реакции на них: *Извинюсь и буду улыбаться* (экспериментальная ситуация № 2); *Извинюсь, конечно же, и постараюсь стать как можно меньше, не причиняя дискомфорт окружающим* (экспериментальная ситуация № 2); *Извинюсь и буду долго переживать по этому поводу* (экспериментальная ситуация № 2). Такие ответы, вероятно, отражают желание испытуемых из этой экспериментальной группы выстроить более широкий контекст собственного речевого / неречевого поведения (при этом испытуемые отступают от экспериментального задания, расширяя его рамки).

Анализ всей совокупности экспериментальных анкет женщин показал, что их ответы часто бывают полярными. Так, некоторые из них входят в полярные группы: «вежливые»: *Извинюсь и скажу, что сделала это не специально* (экспериментальная ситуация № 2); *Попрошу прощения и сделаю невинное выражение лица (как у котика из «Шрека»)* (экспериментальная ситуация № 2); *Поддержу тему* (экспериментальная ситуация № 3) и др. и «грубые»: *Закачу глаза* (экспериментальная ситуация № 3); *Попрошу, чтобы человек отстал* (экспериментальная ситуация № 3); *Нахамлю* (экспериментальная ситуация № 3) и др.

Некоторые ответы можно распределить на шкале «развернутый нелинейный сценарий – минимум действий (отказ от ответных действий)». Так, в первую группу входят ответы, построенные по модели *если... то...*, например: *Если критика по существу, поблагодарю человека за то, что указал на что-*

то важное, если нет – удалю комментарий (экспериментальная ситуация № 4); *Если это не очень личная тема, проявлю интерес к этому человеку; если тема личная, переключусь на другую, чтобы человек понял, что я не желаю обсуждать это с ним* (экспериментальная ситуация № 3). Во вторую группу были включены ответы, содержащие одно ответное речевое / неречевое действие или предполагающие отказ от совершения ответного речевого действия, например: *Игнор* (экспериментальная ситуация № 4); *Извинюсь* (экспериментальная ситуация № 2); *Промолчу* (экспериментальная ситуация № 2).

Некоторые ответы испытуемых из экспериментальной группы I вошли в кластер «оценка ситуации как социально приемлемой», например: *Продолжу разговор втроем, часто сама комментирую и вступаю в разговор третьих лиц* (экспериментальная ситуация № 3). Альтернативу этому кластеру составили ответы, вошедшие в кластер «оценка ситуации как социально неприемлемой», например: *Сделаю замечание о том, что это некультурно; попрошу знакомого / ую отойти в другое место / в сторону* (экспериментальная ситуация № 3).

Участники эксперимента мужского пола в возрасте от 17 до 24 лет предлагают преимущественно неразвернутые ответы, отражающие минимум ответных речевых / неречевых действий: *Извинюсь* (экспериментальная ситуация № 2); *Начнем общаться вместе с ним* (экспериментальная ситуация № 3); *Ответить* (экспериментальная ситуация № 4); *Удалю комментарий* (экспериментальная ситуация № 4).

При этом ответы молодых мужчин демонстрируют в целом положительное отношение участников этой группы к предъявленным экспериментальным ситуациям: они открыты для коммуникативного взаимодействия, не реагируют на обращенное к ним речевое действие негативно, не конфликтны. Ср.: *Ответить так, чтобы не развивать конфликт* (экспериментальная ситуация № 2); *Ничего не имею против, пусть включается в разговор* (экспериментальная ситуация № 3); *Обсудить, спросить, что не так с фотографией, чтобы стать лучше* (экспериментальная ситуация № 4). Это, несомненно, свиде-

тельствует об их открытости для социального взаимодействия, о готовности участвовать в коммуникации.

Выводы

Проведенный анализ ответов испытуемых, полученных в ходе эксперимента, позволяет говорить о том, что наиболее выраженные различия наблюдаются на стыке экспериментальных групп (следует отметить, что в эксперименте также контролировались параметры «возраст» и «социальный статус», которые не были рассмотрены в данной статье). Однако внутригрупповая однородность также является сравнительно невысокой, что позволяет говорить о том, что коммуникация определяется индивидуальными характеристиками живой системы (коммуниканта). Как показали результаты эксперимента, чем более многочисленна группа, тем более выражены различия (больше испытуемых было в группе женщин в возрасте от 17 до 24 лет, и именно в ней наблюдаются самые выраженные расхождения).

Дополнительным подтверждением того, что характер взаимодействия часто определяют индивидуальные особенности коммуниканта, которые в теории аутопоэза называются актуальными состояниями живой системы, выступает то, что в ответах испытуемые часто указывают на субъективные факторы, которые детерминируют характер ответного речевого / неречевого действия (Ср. *если не в настроении...*).

Эти наблюдения подтверждают выдвинутую на этапе планирования эксперимента гипотезу, согласно которой *коммуникант иден-*

тифицирует социальный дисбаланс исходя из собственного актуального состояния, которым определяется алгоритм коммуникации, и позволяют говорить о значимости выявления индивидуальных характеристик коммуникантов прежде, чем приступить к анализу их коммуникативной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Матурана У., Варела Ф., 2001. Древо познания. М. : Прогресс-традиция. 224 с.
- Шеннон К., 1963. Работы по теории информации и кибернетике. М. : Изд-во иностр. лит. 830 с.
- Maturana H. R., 1978. Biology of language: the epistemology of reality // *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. N. Y. : Academic Press. P. 27–63.
- Maturana H. R., Varela F., 1980. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living // *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Dordrecht : D. Reidel Publishing Co. Vol. 42. 143 p.

REFERENCES

- Maturana H.R., Varela F., 2001. *The tree of knowledge*. Moscow, Progress-traditsiya Publ. 224 p.
- Shannon K., 1963. *Papers on information theory and cybernetics*. Moscow, Izd-vo inostrannoy literatury. 830 p.
- Maturana H.R., 1978. Biology of language: the epistemology of reality. *Psychology and Biology of Language and Thought: Essays in Honor of Eric Lenneberg*. New York, Academic Press, pp. 27-63.
- Maturana H.R., Varela F., 1980. Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Dordrecht, D. Reidel Publishing Co., vol. 42. 143 p.

Information about the Author

Kseniya S. Kardanova-Biryukova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow City University, Maly Kazenny pereulok, 5B, 105064 Moscow, Russia, kardanova81@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

Информация об авторе

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и переводоведения, Московский городской педагогический университет, Малый Казенный пер., 5Б, 105064 г. Москва, Россия, kardanova81@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6773-1129>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.10>

UDC 81'25:811.111
LBC 81.18

Submitted: 05.12.2017
Accepted: 01.02.2018

THE PROBLEM OF TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT: APPROACHES TO SOLUTION

Alina Yu. Ivleva

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The main principles of translation quality assessment worked out within the linguistic and communicative-functional approaches to translation are discussed in the paper. It is shown that the theory of translation determines text as the main unit of the whole translation process. The main attention is given to the pure language peculiarities. Therefore, translation assessment implies that the equivalence parameters are predominant and are considered to be vital. The analysis of the various points of view connected with the problems discussed in the paper has allowed for making the following conclusion: when assessing the translation, one should take into consideration different parameters of the communicative situation, such as purpose of translation, author of the original text, translation consumer, recipient of translation. Another conclusion is connected with the supposition that equivalence and adequacy should be sharply differentiated. Otherwise, the mixture of these categories may lead to global misunderstanding, and this can be the reason of new disputable issues appearing within the field of the problem discussed. Assessing translation as a result of concrete substantive work makes such an assessment objective, because it reveals the roots of the communicative situation behind the translated text. Thus, such an assessment reflects both the linguistic and extralinguistic conditions, in which original and target texts exist.

Key words: translation, translation quality, assessment of the translation quality, linguistic approach to translation, communicative and functional approach to translation, translation purpose, communicative situation, parameters of communicative situation.

Citation. Ivleva A. Yu. The Problem of Translation Quality Assessment: Approaches to Solution. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 98-106. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.10>

УДК 81'25:811.111
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 05.12.2017
Дата принятия статьи: 01.02.2018

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ПЕРЕВОДА: ПОДХОДЫ К РЕШЕНИЮ

Алина Юрьевна Ивлева

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, г. Саранск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены принципы оценки качества перевода, выработанные в рамках лингвистического и коммуникативно-функционального подходов к переводу и переводческой деятельности.

Показано, что лингвистическая теория перевода ориентирована на текст с его языковыми особенностями, поэтому при оценке качества перевода наиболее важными являются параметры, определяемые переводческой эквивалентностью. При коммуникативно-функциональном подходе эквивалентность как нормативно-оценочная категория не отрицается, однако актуальной становится категория адекватности: перевод предлагается оценивать не только с текстовых позиций, но и с позиций функционирования конкретного переведенного фрагмента в рамках предметной деятельности коммуникантов и их целей. Проведенный анализ существующих в переводоведении основных точек зрения по поводу подходов к оценке качества перевода позволил сделать вывод о том, что на современном этапе развития социума при оценке качества перевода необходимо учитывать параметры коммуникативной ситуации (цель перевода, автор исходного сообщения, инициатор перевода, получатель переводного текста), что будет способствовать объективности оценки перевода. Особое внимание уделено учебному переводу как форме переводческой деятельности и выявлены преимущества применения коммуникативно-функционального подхода при определении его качества.

Ключевые слова: перевод, качество перевода, оценка качества перевода, лингвистический подход к переводу, коммуникативно-функциональный подход к переводу, цель перевода, коммуникативная ситуация, параметры коммуникативной ситуации.

Цитирование. Ивлева А.Ю. Проблема оценки качества перевода: подходы к решению // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 98–106. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.10>

Введение

В современном ли мире, в век новых технологий и всеобщей нестабильности, в эпоху ли Просвещения, в Средневековье или Античности, качество переводного текста всегда имело значение, поскольку от качества перевода зависела и зависит эффективность предметной деятельности получателя перевода, его успешное взаимодействие с представителями иной культуры. Поэтому оценка качества перевода – это всегда животрепещущая проблема. Она по-разному решалась в разное время, однако до сих пор остается актуальной.

Цель статьи – охарактеризовать разработанные в науке подходы к оценке качества перевода (лингвистический и коммуникативно-функциональный) с учетом картины мира современного человека, уровня развития современной коммуникации и особенностей рынка переводческих услуг.

Лингвистический подход к оценке качества перевода

В отечественном переводоведении, возникшем на основе лингвистической теории перевода, качество перевода долгое время оценивалось с точки зрения соответствия перевода оригиналу.

Множество теорий эквивалентности появилось в Советском Союзе: теоретики перевода искали формальные признаки соответ-

ствий, присущих конкретной паре языков. Проведенная в то время классификационная работа позволила сформулировать ценные рекомендации для переводчиков. Постепенно создалась такая ситуация, когда категория качества перевода вышла на первый план в авторитетных переводоведческих исследованиях, предопределив, таким образом, место иных категорий теории перевода, низведя их до уровня подчинения.

Выдающийся отечественный переводовед В.Н. Комиссаров утверждал, что отношения эквивалентности между текстами устанавливаются после осуществления перевода. Ученый предлагал сравнивать фрагменты оригинала и перевода для выявления степени переданности объема содержания текста оригинала в переводном тексте. Перевод признавался ошибочным, если отношения эквивалентности установлены не на оптимальном уровне [Комиссаров, 2009]. Важно отметить, что ученый признавал возможности переводящего языка неограниченными, а следовательно, считал неизбежными ограничения при переводе, которые, по его мнению, не являлись нарушением эквивалентности. Теория уровней эквивалентности, предложенная В.Н. Комиссаровым, с одной стороны, выступает в качестве главного критерия оценки качества перевода, но, с другой стороны, не дает полного представления о качестве перевода, так как не учитывает особенностей получателя: его устремлений, надежд, потребностей и запро-

сов. Очевидно, что при выраженных достоинствах всякая теория эквивалентности не затрагивает функциональной составляющей перевода.

Выявленные лингвистами закономерности и факторы, влияющие на процесс перевода, в современных исследованиях стали оцениваться преимущественно в аспекте их влияния на создаваемый переводческий продукт. Лингвисты-переводоведы определяли подходы к оценке качества перевода и классифицировали критерии оценки качества переводного текста [Воеводина, 1979; Гарбовский, 2016; Княжева, 2010; Комиссаров, 1973; Ланчиков, 2011; Сдобников, 2015; Швейцер, 1988; Штанов, 2006], вырабатывали типологию переводческих ошибок [Бродский, Скворцов, 2007; Бузаджи и др., 2009]; рассматривали проблему разграничения содержательной составляющей понятий «эквивалентность» и «адекватность» [Алексеева, 2008; Блох, 2012]. Несмотря на разнообразие выражаемых точек зрения, общими для большинства работ по переводоведению стали положение о том, что качество перевода можно оценить при сопоставлении текста оригинала с текстом перевода, и объединение учебного и профессионального перевода, обусловленное текстоцентрическим подходом к переводу.

Все операции, производимые над текстом оригинала согласно лингвистической теории, предопределяются самим текстом, преимущественно только им. Тем не менее еще В.Н. Комиссаров писал о переводческой сверхзадаче, связывая работу переводчика с особенностями культуры языков оригинала и перевода. Отметим также, что последователи ученого обязательно упоминали о так называемых экстралингвистических факторах. Хотя все параметры, связанные с текстом не напрямую, а опосредованно, рассматривались как некий *Post Scriptum*.

В области оценки качества перевода (именно это интересует нас в рамках данной статьи) представлена оригинальная модель оценки качества перевода, предложенная Дж. Хаус [House, 2001]. Ученый выделяет функционально-прагматическую эквивалентность, которую характеризует как предельно оценочную. Достигнуть такой эквивалентности можно при сохранении функции оригинала

при переносе смысла из одного языка и культуры в другой язык и культуру. Перевод для исследователя – это некая реконтекстуализация текста оригинала в семантически и прагматически эквивалентный переводной текст. При этом функция текста понимается как применение текста в определенной коммуникативной ситуации. Следовательно, текст соотносится с заданной ситуацией, вне которой он существовать не способен. Ситуация разложима на три компонента, которыми можно управлять, это: *Field, Tenor, Mode*. Первый включает в себя тему дискуссии, второй связан с социальными, временными и интеллектуальными отношениями между коммуникантами, третий предопределен типом коммуникации и уровнем вовлеченности коммуникантов в процесс общения. Для более точного определения функции текста ученый предлагает использовать еще один компонент – *Genre*, связывающий конкретный текст с макротекстом культурного сообщества, в котором обычно используется текст. Хаус считает, что жанр выступает в роли плана содержания регистра, в то время как регистр выражает жанр [House, 2001].

Мы остановились столь подробно на данной концепции, чтобы понять, как она влияет на понимание ученым объективной оценки качества перевода. Дж. Хаус предлагает различать два типа перевода – *overt translation* и *covert translation*. При первом создается текст, который воспринимается рецептором как перевод, при этом не утрачивается изначальная функция текста оригинала и ее роль в исходной культуре, хотя переводной текст иначе функционирует в принимающих языке и культуре. Второй тип перевода предполагает создание текста, который замещает оригинал в принимающих языке и культуре, более того, функции оригинала и перевода совпадают. Несмотря на стремление Дж. Хаус использовать возможности функционального подхода, все же в рамках концепции последовательно отстаивается лингвистическая позиция, при которой оценить перевод можно с помощью тщательного лингвистического анализа. Таким образом, нельзя считать, что предложенная критика перевода выходит за рамки лингвистического подхода к переводу, как, впрочем, и схожая концепция, отстаиваемая

Ф. Шлейермахером, который выделяет скрытый и явный переводы, что, в свою очередь, соотносится с известными в отечественном переводоведении понятиями форенизации и доместикации.

**Понятия эквивалентности
и адекватности как основа
коммуникативно-функционального
подхода к оценке качества перевода**

Основными терминами, которыми оперируют сторонники коммуникативно-функционального подхода при оценивании качества перевода, являются термины «эквивалентность» и «адекватность». Оговоримся, что в отечественном переводоведении термин «адекватность» отличают многозначность и многообразие трактовок, что вряд ли может способствовать ясному пониманию его содержания. Так, В.В. Биbihин понимает под «адекватным» нечто среднее, стремящееся к компромиссу [Биbihин, 1973]. Через пятнадцать лет после выхода в свет работы В.В. Биbihина Ю.В. Ванников обосновывает концепцию адекватности, предлагая дифференцировать семантико-стилистическую, функциональную, дезиративную и волюнтативную адекватность. Такая классификация отражает специфику работы переводчика, который в разных условиях, решая разные задачи, создает на переводящем языке неодинаковые по своей направленности тексты [Ванников, 1988]. Определение адекватности в сопоставлении с понятием эквивалентности представлено в работах В.В. Сдобникова. Критически оценивая концепцию А.Д. Швейцера, в которой смещаются области речевого произведения и области коммуникативной ситуации [Швейцер, 1988], В.В. Сдобников пишет о том, что правомерным было бы считать эквивалентность характеристикой речевых произведений, в то время как все факторы, определяемые коммуникативной ситуацией, – считать условиями реальной действительности, в которой осуществляется перевод [Сдобников, 2015]. Таким образом, эквивалентность принадлежит зоне языка, а адекватность соотносится с коммуникацией.

Разграничив понятия адекватности и эквивалентности и высказав несогласие с мне-

нием Швейцера о том, что объектом категории адекватности выступает перевод как процесс, В.В. Сдобников пошагово разъясняет, что процесс перевода – субъективное понятие, ибо его нельзя пронаблюдать, поэтому невозможно считать его объектом оценки качества [Сдобников, 2007]. Оценивать можно только конкретный результат, который показывает нам, как (ошибочно или правильно) протекал процесс перевода. В итоге ученый приходит к следующему заключению: «...и эквивалентность, и адекватность как нормативно-оценочные категории характеризуют результат перевода» [Сдобников, 2015, с. 44]. Оно представляется нам вполне обоснованным. Действительно, если эквивалентность обусловлена характеристиками, предопределенными языковыми особенностями текста оригинала, то адекватность включает в себя такое оценивание, которое происходит с учетом основных параметров коммуникативной ситуации: цель перевода, адресат, адресант, заказчик, ожидания всех упомянутых выше коммуникантов. По сути, коммуникативно-функциональный подход постулирует: переводной текст эквивалентен тексту оригинала в силу своего существования, а степень его адекватности можно определить только в конкретной коммуникативной ситуации; если переводной текст соответствует ожиданиям коммуникантов и бесполезен на практике, то есть благодаря переводу предметная деятельность коммуникантов не прерывается, а протекает на достаточном уровне или даже интенсифицируется, то его можно оценить как адекватный перевод.

Правомерность применения коммуникативно-функционального подхода к оценке качества перевода проиллюстрируем примером из нашей переводческой практики. В 2015 г. в г. Саранск прибыли представители фармацевтической компании с целью рекламирования и распространения как можно большего количества производимых ею медикаментов. Было проведено три лекции перед тремя разными аудиториями. Первая лекция была прочитана для представителей аптек города и фармацевтов, вторая – для врачей, третья – для пациентов стационара одной из городских больниц. На лекциях была воспроизведена одна и та же презентация и оратором произ-

носился сопутствующий ей неизменный текст. Работая в качестве приглашенного переводчика, мы осуществляли три перевода этого текста. В первой аудитории в силу ее профессиональной подготовленности явных трудностей при понимании переводного текста не возникло. С первых минут работы во второй аудитории мы осознали, что многие термины требуют пояснения, и, оценив коммуникативную ситуацию, переводили в соответствии с выработанной стратегией, учитывая фактор адресата и цель оратора. В третьей аудитории мы значительно изменяли текст оригинала, не меняя последовательности высказываний оратора и не искажая их смысл. Отметим, что заказчик, ораторы (представители компании) и слушатели из разных аудиторий не предъявили претензий к переводчику и коммуникация была эффективной. Полагаем, что осуществленный нами перевод можно оценить как адекватный при соотнесении его с конкретной коммуникативной ситуацией. Если бы была произведена оценка перевода без учета основных параметров коммуникативной ситуации, то есть в рамках лингвистического (текстоцентрического) подхода, его адекватность была бы подвергнута сомнению.

Сторонники лингвистического и коммуникативно-функционального подходов по-разному оценивают текстовые границы эквивалентности. Так, А.Д. Швейцер, крупнейший представитель лингвистического подхода к переводу, полагал, что текст может быть эквивалентным на всем своем протяжении. Однако В.В. Сдобников считает, что эквивалентность устанавливается прежде всего между отдельными сегментами исходного текста и текста перевода [Сдобников, 2015, с. 44]. Действительно, если воспринимать эквивалентность как максимально возможное соответствие оригинала переводу, то оценивать подобное соответствие в принципе невозможно на уровне всего текста. Близость плана содержания текстов оригинала и перевода устанавливается на уровне предложения [Митягина, 2014]. Причем каждое из предложений может быть переведено на разных уровнях эквивалентности. Все это приводит нас к мысли о том, что эквивалентность на уровне текста вряд ли возможна, в отличие от адекватности, которая, вероятно, соотносится со всем

текстом, поскольку отражает глобальную близость перевода к условиям коммуникативной ситуации. Следовательно, адекватность и эквивалентность взаимосвязаны: достижение оптимального уровня эквивалентности на уровне предложения приводит к адекватному переводу.

Критерии оценки качества перевода в коммуникативно-функциональном аспекте

Дифференцировав категории эквивалентности и адекватности, остановимся на проблеме выделения критериев оценки перевода. Оно связано с понятием «переводческая ошибка». В трудах по переводоведению предлагаются разнообразные классификации переводческих ошибок (см., например: [Бузаджи и др., 2009; Сапожникова, 2009; Убин, Пушнов, 2001]). Наиболее полной из них нам представляется классификация Н.К. Гарбовского, который выявляет причинно-следственные связи между ошибкой и пониманием исходного сообщения. Ученый выделяет ошибки на нескольких уровнях, создавая иерархию переводческих заблуждений: ошибки на уровне простого понятия, на уровне сложного понятия, на уровне суждения, на уровне представления о предметной ситуации [Гарбовский, 2016, с. 514–536]. Однако эта классификация, как и указанные выше, текстоцентрична, то есть отражает лингвистический подход к переводу. Критерии, выработанные переводоведами и переводчиками, позволяющие присваивать каждой ошибке свой «вес», способствуют повышению качества перевода.

Принципиальные отличия оценивания качества перевода при коммуникативно-функциональном подходе к переводу по сравнению с лингвистическим состоят в его приближенности к Человеку. Главный критерий оценки качества перевода состоит в способности переводного текста удовлетворить потребности участников коммуникативной ситуации межъязыкового общения. При этом не всегда только получатель переводного текста выступает субъектом оценки качества перевода. Разные коммуникативные ситуации выдвигают разные требования. Оценивать перевод можно и с позиции автора исходного текста, и

с позиции реципиента переводного текста, и с позиции заказчика. Следовательно, оценки качества одного и того же перевода не всегда могут совпасть.

На первый план, как мы уже говорили, в коммуникативно-функциональном подходе к переводу выходит Человек с его потребностями (в нашем случае, с потребностью в качественном переводе), поэтому степень адекватности перевода напрямую зависит от степени удовлетворенности рецептора качеством переводного сообщения. Задача профессионального переводчика заключается в обеспечении максимальной адекватности перевода [Ивлева, 2015]. Практически к этому можно подойти путем установления оптимальной для конкретной ситуации, в которой протекает перевод, эквивалентности на всех уровнях текста. Отметим, что В.В. Сдобников подробно описывает механизмы оценки качества перевода в зависимости от типа коммуникативной ситуации, что, несомненно, имеет практическую ценность, поскольку дает переводчикам выверенную схему действий при осуществлении перевода.

Возможности коммуникативно-функционального подхода при оценивании качества перевода в учебной деятельности

В 1995 г. появляются работы, авторы которых обращают внимание на различия профессионального и учебного переводов, поскольку качество учебного перевода предопределено преподавателем, в идеале – в тандеме со студентами. Учебный перевод, как показано, например, в работе К. Клауди, направлен на то, чтобы совместными усилиями в аудитории выработать наиболее адекватный перевод, найти наилучшие переводческие решения, выявить типичные ошибки, чтобы впоследствии избегать их, сформировать в конечном итоге у студентов профессиональные умения [Klaudy, 1995]. Развивая идею К. Клауди, отметим, что в ситуации учебного перевода преподаватель преследует еще одну цель – определить уровень сформированности столь актуальных в современной системе высшей школы России профессиональных компетенций студентов. Вывод очевиден:

учебный перевод нацелен на процесс перевода, а не на результат (в отличие от профессионального перевода, когда значение имеет именно готовый перевод, то есть итог принимаемых в процессе перевода действий, направленных на создание адекватного переводческого продукта).

Полученный в аудитории перевод, как правило, не используется в качестве средства, обеспечивающего коммуникацию между разноязычными участниками общения, поскольку студенты и преподаватель говорят на одном языке. В связи с этим К. Клауди утверждает, что в учебном переводе переводческий процесс замыкается на преподавателе [Klaudy, 1995]. Мы полностью согласны с ученым: методические приемы и успешные попытки воссоздания реальных условий переводческой деятельности не могут поставить учебный перевод в одну линию с профессиональным, учебный перевод – это ситуация, которую следует считать педагогической деятельностью. Однако нельзя не согласиться и с мнением крупнейшего представителя коммуникативно-функционального подхода к переводу в России В.В. Сдобникова, который пишет: «Учебная переводческая деятельность должна строиться так, чтобы создавалась имитация реальной переводческой деятельности. Подобного рода имитация создается путем соотнесения учебного перевода с условиями в реальной действительности. <...> Другими словами, учебный перевод должен мысленно помещаться в условия реальной жизни, должен учитывать эти условия, в том числе и возможные ожидания предполагаемого инициатора / получателя перевода» [Сдобников, 2015, с. 29–30].

Нам представляется очевидным тот факт, что оценка учебного перевода с точки зрения коммуникативно-функционального подхода может способствовать реальной самооценке студента и подготовить его к предметной деятельности не только в области процесса перевода, но и в области его результативности. Несмотря на то что учебная переводческая деятельность отличается от реальной, воссоздание условий профессионального перевода и оценка перевода преподавателем, заранее обговорившим свою роль (заказчика, реципиента, автора) со студентами, хотя бы в

игровой форме погружает студентов в реальную действительность коммуникативной ситуации с использованием перевода. Особенно показательным в нашем преподавательском опыте является попытка приблизить ситуацию учебного перевода к ситуации профессионального на занятиях по устному переводу, проводимых с бакалаврами, со специалистами и магистрантами. Оценивает перевод не всегда преподаватель, часто это делает студент (правда с последующим комментарием его оценки преподавателем). Для большей объективности перевод записывается на диктофон и воспроизводится для участников занятия. Мы предлагаем оценивать перевод в рамках коммуникативно-функционального подхода, используя категории эквивалентности и адекватности. Запись студентов на диктофон приводит к положительным результатам. Во-первых, студенты привыкают к повышенному вниманию, которое является неотъемлемым условием работы переводчика. Во-вторых, студенты учатся говорить четко и достаточно громко, поскольку многократное прослушивание ими собственного голоса приводит их к осознанию необходимости развития риторических навыков. В-третьих, регулярно прослушивая себя и сравнивая себя с одноклассниками, студенты осознают необходимость совершенствования своих языковых и общепереводческих компетенций. В-четвертых, регулярное прослушивание собственных переводов и знакомство с их оценкой, сделанной преподавателем и товарищами, способствует росту самооценки студента.

Выводы

В рамках коммуникативно-функционального подхода к оценке качества перевода учитывается цель перевода и все параметры коммуникативной ситуации. Зависимость перевода от коммуникативной ситуации предопределяет стратегию перевода, поэтому качество перевода, «вынутого» из коммуникативной ситуации, вряд ли может быть оценено, ибо ценность перевода и переводного текста состоит в том, чтобы максимально удовлетворить потребность субъектов, являющихся участниками коммуникативной ситуации с участием перевода. Что касается теории, то,

как мы смогли убедиться, коммуникативно-функциональный подход не отвергает терминов «эквивалентность» и «адекватность», внося тем не менее некоторую ясность в их употребление. Эквивалентность находится в области лингвистики, а адекватность – в поле предметной деятельности участников коммуникации.

Для автора статьи очевидно: сколько бы мы ни опирались на достижения лингвистического подхода к переводу, которые неоспоримо значительны, состояние современного рынка переводческих услуг, изменение картины мира современного человека приводят как теоретиков, так и практиков перевода к необходимости выхода на новый уровень переводоведческих исследований. Такой новой парадигмой в переводоведении, на наш взгляд, является коммуникативно-функциональный подход к переводу, последовательно и логично решающий большинство актуальных задач, связанных с теорией и практикой перевода, в том числе и задачу оценки качества перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С., 2008. Текст и перевод. Вопросы теории. М. : Международные отношения. 184 с.
- Бибихин В. В., 1973. К проблеме определения сущности перевода // Тетради переводчика: науч.-теорет. сб. М. : Международные отношения. Вып. X. С. 3–14.
- Блох М. Я., 2012. Эквивалентность и адекватность в переводческой проблематике // Новое в переводоведении и лингвистике : материалы междунар. науч.-практ. конф. Орехово-Зуево : МГОИ. С. 3–7.
- Бродский М. Ю., Скворцов О. Г., 2007. Типология ошибок в свете компетентностного подхода // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. Вып. 1. С. 18–28.
- Бузаджи Д. М., Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В., 2009. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок / под ред. д-ра филол. наук, проф. И. И. Убина. М. : ВЦП. 120 с.
- Ванников Ю. В., 1988. Проблемы адекватности перевода: типы адекватности, виды перевода и переводческой деятельности // Текст и перевод. М. : Наука. С. 34–37.

- Воеводина Т. В., 1979. О соответствии перевода жанровым традициям ПЯ в свете социологической теории перевода // Тетради переводчика. Вып. 16. М. : Международные отношения. С. 83–91.
- Гарбовский Н. К., 2016. О переводе. М. : Форум. 752 с.
- Ивлева А. Ю., 2015. Основные этапы обучения переводу // Перевод в меняющемся мире : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Саранск, 19–20 марта 2015 г.). М. : Азбуковник. С. 307–312.
- Княжева Е. А., 2010. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 190–195.
- Комиссаров В. Н., 1973. Слово о переводе (Очерк лингвистического учения о переводе). М. : Международные отношения. 216 с.
- Комиссаров В. Н., 2009. Лингвистика перевода. М. : УРСС. 170 с.
- Ланчиков В. К., 2011. Язык переводов как отражение их коммуникативной специфики // Проблемы теории, практики и дидактики перевода : сб. науч. тр. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 14, т. 1. С. 58–66.
- Митягина В. А., 2014. Коммуникативное действие как фактор перевода // Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслятологии : сб. ст. / отв. ред. В. А. Митягина. Волгоград : Изд-во ВолГУ. Вып. 7. С. 3–10.
- Сапожникова О. С., 2009. Критика перевода: поиски объективных критериев // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета. Вып. 6. С. 11–18.
- Сдобников В. В., 2007. Критерии оценки качества перевода и типология переводческих ошибок // Проблемы лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации : сб. науч. тр. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Нижний Новгород : НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. Вып. 8. С. 183–198.
- Сдобников В. В., 2015. Оценка качества перевода (коммуникативно-функциональный подход). М. : ФЛИНТА : Наука. 112 с.
- Убин И. И., Пушинов И. А., 2001. Перевод в Европейском Сообществе: объем перевода и оценка качества перевода. Обзор / под. ред. И. И. Убина. М. : Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации. 56 с.
- Швейцер А. Д., 1988. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М. : Наука. 280 с.
- Штанов А. В., 2006. Критерии оценки учебных письменных переводов с русского языка на иностранный // Проблемы обучения переводу в языковом вузе : тезисы V Междунар. науч.-практ. конф. М. : МГЛУ. С. 155–157.
- House J., 2001. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation // Meta. 2001. Vol. XLVI, № 2. P. 243–257.
- Klaudy K., 1995. Quality Assessment in School vs Professional Translation // Teaching Translation and Interpreting-3: New Horizons. Papers from the Third Language International Conference (Elsinore, Denmark 9-11 June, 1995) / ed. by Gay Dollerup, Vibeke Appel. Amsterdam & Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 197–204.

REFERENCES

- Alekseeva I.S., 2008. *Text and Translation. Issues of theory*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 184 p.
- Bibikhin V.V., 1973. On the problem of determining the essence of translation. *Tetradı perevodchika: nauchno-teoreticheskiy sbornik*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 10 pp. 3-14.
- Blokh M.Ya., 2012. Equivalence and adequacy in translation activity. *Novoe v perevodovedenii i lingvistike: materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* Orekhovo-Zuevo, MGOGI Publ., pp. 3-7.
- Brodskiy M.Yu., Skvortsov O.G., 2007. Mistakes classification from the viewpoint of competence approach. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University], iss. 1, pp. 18-28.
- Buzadzi D.M., Gusev V.V., Lanchikov V.K., Psurtsev D.V., 2009. *New scope of translation mistakes classification*. Moscow, VCP. 120 p.
- Vannikov Yu.V., 1988. *Problems of translation adequacy: types of adequacy, types of translation and translation activity*. Moscow, pp. 34-37.
- Voevodina T.V., 1979. On compliance of a translated text to genre features of target language from the viewpoint of sociological translation theory. *Tetradı perevodchika*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 16, pp. 83-91.
- Garbovskiy N.K., 2016. *On translation*. Moscow, Forum Publ. 752 p.
- Ivleva A. Yu., 2015. The main stages of translation teaching. *Perevod v menyayushchemsya mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (Saransk, 19–20 marta 2015 g.)*. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 307-312.
- Knyazheva E.A., 2010. Assessment of translation quality: problems of theory and practice. *Vestnik*

- Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication], no. 2, pp. 190-195.
- Komissarov V.N., 1973. *On translation (sketch on the linguistic approach to translation)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 216 p.
- Komissarov V.N., 2009. *Linguistics of translation*. Moscow, URSS Publ. 170 p.
- Lanchikov V.K., 2011. Language of translation as a reflection of the communicative situation. *Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda: sbornik nauchnykh trudov. Seriya «Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya»*. Nizhny Novgorod, NGLU im. N.A. Dobrolyubova, iss. 14, vol. 1, pp. 58-66.
- Mityagina V.A., 2014. Communicative act as a factor of translation. Mityagina V.A., ed. *Homo Loquens: Voprosy lingvistiki i translyatologii: Sb. st. Volgograd, Izd-vo VolGU*, vol. 7, pp. 3-10.
- Sapozhnikova O.S., 2009. Translation Criticism: In Search of Objective Criteria. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University]. Nizhny Novgorod, NGLU im. N.A. Dobrolyubova, vol. 6, pp. 11-18.
- Sdobnikov V.V., 2007. Translation quality assessment criteria and classification of translation mistakes. *Problemy lingvistiki, perevoda i mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. nauch. tr. Seriya "Yazyk. Kultura. Kommunikatsiya"*. Nizhny Novgorod, NGLU im. N.A. Dobrolyubova, vol. 8, pp. 183-198.
- Sdobnikov V.V., 2015. *Assesment of translation quality (communicative and functional approach. Monograph)*. Moscow, FLINTA; Nauka Publ. 112 p.
- Ubin I.I., Pushnov I.A., 2001. *Translation in the European Community: capacity for translation and translation quality assessment*. Moscow, Vserossiyskiy tsentr perevodov nauchno-tekhnicheskoy literatury i dokumentatsii. 56 p.
- Shveytser A.D., 1988. *Translation theory: status, problems, aspects*. Moscow, Nauka Publ. 280 p.
- Shtanov A.V., 2006. Educational translation assessments criteria of the written translation from Russian into a foreign language. *Problemy obucheniya perevodu v yazykovom vuze: tezisy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Moscow, MGLU Publ.*, pp. 155-157.
- House J., 2001. Translation Quality Assessment: Linguistic Description versus Social Evaluation. *Meta*, vol. XLVI, no. 2, pp. 243-257.
- Klaudy K., 1995. Quality Assessment in School vs Professional Translation. Dollerup G., Appel V., eds. *Teaching Translation and Interpreting-3 / New Horizons. Papers from the Third Language International Conference. Elsinore, Denmark 9-11 June, 1995*. Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 197-204.

Information about the Author

Alina Yu. Ivleva, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head of Department of Theory of Speech and Translation, Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St., 68, bld. 1, 430005 Saransk, Russia, a.ivleva77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6571-7083>

Информация об авторе

Алина Юрьевна Ивлева, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой теории речи и перевода, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68, корп. 1, 430005 г. Саранск, Россия, a.ivleva77@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6571-7083>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.11>

UDC 81'25:811.111
LBC 81.18

Submitted: 16.10.2017
Accepted: 12.02.2018

TRANSLATION OF METAPHORISED TERMS (THE CASE OF PATENTS)

Natalya V. Sokolova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract. The paper focuses on the aspects of translating specialised lexical units of technical texts. Metaphorised means of cognitive information, namely terms, are of particular interest within the framework of technical texts characterized by the presence of cognitive information, which is dominant in such texts. Our hypothesis is that modern technical patents registering copyright for specific latest inventions may contain terms formed as a result of the metaphoric transfer with the purpose of rendering the cognitive information. Drawing upon English-language patents presenting discoveries in the area of nanotechnology and nanomaterials and selected from PATENTSCOPE database of the World Intellectual Property Organisation by the continuous sampling method, this paper highlights the techniques of translating metaphorised terms into Russian. To achieve the set goal, the comparative and descriptive methods have been utilized. The analysis of patents and their Russian translations has revealed that the following methods have been used to translate metaphorised terms: metaphorisation, with the meaning transfer method being retained; remetaphorisation, with the meaning transfer method being changed; demetaphorisation; demetaphorisation or metaphorisation of one and the same metaphorised term. The research demonstrates that remetaphorisation is the least used technique. The practical value of this paper consists in the use of the terminology research outcomes for translation purposes and in translation theory and practice courses.

Key words: translation, term, metaphorised term, patent, cognitive information, metaphorisation, demetaphorisation, remetaphorisation.

Citation. Sokolova N.V. Translation of Metaphorised Terms (the Case of Patents). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 107-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.11>

УДК 81'25:811.111
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 16.10.2017
Дата принятия статьи: 12.02.2018

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕТАФОРИЗИРОВАННЫХ ТЕРМИНОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАТЕНТОВ)

Наталья Владимировна Соколова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода специальной лексики, функционирующей в технических текстах. Объектом исследования избраны метафоризированные термины как носители когнитивной информации, доминирующей в технических текстах. В качестве материала для изучения послужили размещенные в базе PATENTSCOPE Всемирной организации интеллектуальной собственности (World Intellectual Property Organisation) современные англоязычные технические патенты, удостоверяющие авторство на конкретные новейшие изобретения в области нанотехнологий и наноматериалов, и их переводы на русский язык. Для достижения поставленной цели – выявить и охарактеризовать приемы перевода метафоризированных терминов – применялись сопоставительный и дескриптивный методы. Установлено, что в качестве приемов перевода метафоризированных терминов использовались: 1) метафоризация с сохранением способа переноса значения, 2) реметафоризация со сменой способа переноса значения, 3) деметафоризация,

4) деметафоризация или метафоризация одного и того же метафоризированного термина, что способствует появлению синонимичных терминов в русском языке. В рамках проведенного исследования можно говорить о меньшей востребованности приема реметафоризации. Практическая ценность работы определяется возможностью использования результатов исследования терминов, созданных на основе метафорического переноса, в переводческой деятельности, а также в курсах теории и практики перевода.

Ключевые слова: перевод, термин, метафоризированный термин, патент, когнитивная информация, метафоризация, деметафоризация, реметафоризация.

Цитирование. Соколова Н. В. Приемы перевода англоязычных метафоризированных терминов (на материале патентов) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 107–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.11>

Введение

В последние десятилетия метафора изучается не столько в качестве средства создания образности, сколько как когнитивный механизм работы нашего сознания, который находит свое отражение в естественном языке: «Для большинства людей метафора является инструментом поэтического воображения и риторических излишеств – частью какого-то особенного, а не повседневного языка. По этой причине множество людей считает, что они прекрасно обходятся без метафор. Вопреки этому мнению мы обнаружили, что метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 27].

О разграничении художественной метафоры и метафоры как средства познания и осмысления действительности писал еще В.В. Виноградов: «Языковые метафоры – это знаки группировки понятий в идеологической системе языка и запечатления бытийных связей в процессе завоевания мира. А метафоры художественной речи, особенно те, которые не проносятся, как метеор, по полю произведения, а тянут за собою, как комета, обрывки своих словесных сфер, – эти метафоры есть продукт чисто словесных сочетаний» [Виноградов, 1980, с. 248–249].

Современные исследователи обращаются к рассмотрению функционирования метафоры в нехудожественных текстах: публицистических [Шебеко, 2012], научно-технических [Лосева, 2015; Finatto, 2010], научно-популярных [Уткина, 2006] и т. д. Ученые описывают особенности перевода метафоризиро-

ванных лексических единиц, вводимых авторами для репрезентации прагматически переработанного научного знания и не являющихся при этом терминами [Уткина, 2006; Шебеко, 2012; Finatto, 2010], а также непосредственно метафоризированные термины и предлагают их классификации по способам образования в исходном языке [Горохова, 2014; Лосева, 2015]. В частности, в статье О.М. Лосевой приводится подробная классификация терминов машиностроительной отрасли, образованных путем метафорического переноса на основании сходства с частями и функциями человеческого организма [Лосева, 2015, с. 120]. В статье Н.В. Гороховой тщательно анализируются морфологические и семантические способы образования метафоризированных терминов трубопроводного транспорта [Горохова, 2014].

При этом проблемы, связанные с переводом метафоризированных терминов, остаются недостаточно изученными.

Материал и методы исследования

Если рассматривать метафору как средство познания и осмысления действительности, то необходимо учитывать тот факт, что такая метафора может и должна нести не столько эстетическую и эмоциональную, сколько когнитивную информацию, или объективные сведения об окружающей действительности. Характер передаваемой информации становится значимым параметром при классификации текстов, ориентированной на перевод. Так, И.С. Алексеева в одной из своих работ приводит таблицу «Значимые признаки текста», в которой представлено убывание когнитивной информации в текстах разной стилиевой отнесенности – от научных к ху-

дожественным [Алексеева, 2008, с. 38]. В рамках научно-технических текстов с доминирующей в них когнитивной информацией особый интерес составляют ее метафоризированные носители, в частности метафоризированные термины.

Следует отметить, что в лингвистической литературе понятие «технический текст» традиционно толкуется с точки зрения экстралингвистической и стилистической доминанты научного стиля как «научно-технический». Так, в авторитетный «Стилистический энциклопедический словарь русского языка» под редакцией М.Н. Кожинной включена статья «Научный стиль» (СЭСРЯ, 2006, с. 244–247), однако статья, посвященная техническому тексту и его стилистическим и языковым особенностям, в нем не представлена.

Мы считаем, что при общности стиливых черт и средств их выражения, которой обладают научные и технические тексты, именно их сосуществование в противопоставлении друг другу, то есть дихотомия, позволяет выявить ключевые различия между ними (см. таблицу).

В таблице стилеобразующие факторы, стилевые черты и средства их выражения, свойственные научному тексту, представлены с опорой на сведения, приведенные в СЭСРЯ, а стилевые параметры технического текста выявлены нами.

Как видим, технические тексты имеют существенное отличие от научных: стилеобразующим фактором для них является опре-

деленность, или конкретность, которая проявляется в стилевых чертах и в наборе языковых средств их выражения в тексте.

Одним из жанров технических текстов является патент, основная стилевая черта которого – определенность, или конкретность, противопоставлена обобщенной отвлеченности, или абстрагизации, научных текстов.

Мы предполагаем, что современные технические патенты, удостоверяющие авторство на конкретные изобретения, могут содержать термины, образованные с помощью метафорического переноса с целью передачи когнитивной информации. Цель нашего исследования – выявить приемы перевода на русский язык таких метафоризированных терминов. В качестве основных методов исследования используются сопоставительный и дескриптивный методы.

Материалом для изучения послужили патенты из базы PATENTSCOPE Всемирной организации интеллектуальной собственности, или ВОИС (World Intellectual Property Organisation). Отрасль нанотехнологий является междисциплинарной, отражающей новейшие достижения и открытия в области техники, что позволяет предположить наличие в патентах из сферы нанотехнологий новых, специфичных для данной отрасли терминов, которые могут быть образованы путем метафорического переноса.

Методом сплошной выборки были отобраны 15 патентов, относящиеся к области наноматериалов и нанотехнологий, а затем

Стилевая характеристика научного и технического текста

НАУЧНЫЙ ТЕКСТ	ТЕХНИЧЕСКИЙ ТЕКСТ
Экстралингвистические стилеобразующие факторы	
Объективность	Объективность
Отвлечение от конкретного и случайного	Наличие конкретного, отвлечение от случайного
Логическая доказательность и последовательность изложения	Логическая доказательность и последовательность изложения
Стилевые черты	
Обобщенно-отвлеченность, или абстрагизация	Определенность, или конкретность
Подчеркнутая логичность	Подчеркнутая логичность
Точность	Точность
Средства выражения	
Глагольные формы несовершенного вида настоящего времени со значением настоящего вневременного для описания свойств объекта	Глагольные формы совершенного вида для описания имевших место конкретных, определенных ситуаций, проведенных испытаний и пр.
Страдательный залог, сложноподчиненные предложения, обобщенно-личные предложения, безличные предложения	Страдательный залог, сложноподчиненные предложения, определительно-личные предложения
Термины	Термины

использованные в них метафоризированные термины (всего 15 единиц). После того в текстах перевода этих патентов на русский язык были выявлены русскоязычные эквиваленты метафоризированных терминов и определены приемы перевода, использованные переводчиками.

Результаты

Англоязычные метафоризированные термины из области наноматериалов и нанотехнологий переведены на русский язык с использованием различных приемов.

Метафоризация с сохранением способа переноса значения (4 лексические единицы).

(1) The channel layer includes a semiconductor layer and a graphene layer in direct contact with the semiconductor layer, and the graphene layer includes a plurality of **graphene islands** spaced apart from each other (Lee, 2017).

Канальный слой включает в себя полупроводниковый слой и графеновый слой в непосредственном контакте с полупроводниковым слоем, а слой графена включает в себя множество **островков графена**, расположенных на некотором расстоянии друг от друга (перевод ВОИС) (Ли, 2017).

Импульсом к созданию множества метафоризированных терминов в области нанотехнологий стало открытие двумерной формы углерода – графена (*graphene*). Двухкомпонентный термин *graphene island* образован посредством метафорического переноса на основании сходства формы (остров, островок). В переводе такая метафоризация сохраняется.

Реметафоризация со сменой способа переноса значения (2 лексические единицы).

(2) The quantum dots 7 may comprise a nanocrystal in which there is **quantum confinement** in all three dimensions (White, 2010).

Квантовые точки 7 могут содержать нанокристаллы, в которых имеется **квантовая ловушка** по всем трем измерениям (перевод ВОИС) (Уайт, 2010).

Термин *quantum confinement* образован посредством метафорического переноса на основе сходства функции. При переводе использована иная метафора – **квантовая ловушка**, хотя речь идет не о том, что для кван-

тов ставятся некие ловушки: суть явления состоит в ограничении движения самих квантов по трем измерениям [Анищик и др., 2008].

Деметафоризация (5 лексических единиц).

(3) The invention relates to a **self-healing** and scratch resistant shape memory polymer system (Xie, 2010).

Изобретение относится к **самовосстанавливающейся** и устойчивой к царапинам полимерной системе с памятью формы (перевод ВОИС) (Кси, 2010).

Термин *self-healing* образован посредством метафорического переноса на основании сходства функции, однако в переводе наблюдается деметафоризация с калькированием морфологической структуры слова.

Метафоризация или деметафоризация (4 лексические единицы).

При переводе одного метафоризированного термина наблюдается использование и метафоризации, и деметафоризации.

(4) The **sacrificial substrate** includes a plurality of collagen fibers reinforced with a supporting material and intersecting with each other to form a network of collagen fibers having a plurality of openings (Locke, 2017).

Жертвенная подложка включает в себя множество коллагеновых волокон, армированных поддерживающим материалом и пересекающихся друг с другом с образованием сетки коллагеновых волокон, имеющей множество отверстий (перевод ВОИС) (Лок, 2017).

При переводе *sacrificial* возможна метафоризация с сохранением способа переноса значения по функции, что наблюдается при передаче на русский язык словосочетания *sacrificial substrate* как **жертвенная подложка**.

(5) The disclosed technology generally relates to forming a semiconductor structure and more particularly to forming a stack of layers of a semiconductor structure using a **sacrificial layer** that is removed during deposition of a functional layer (Swerts, 2016).

Раскрытая технология в общем относится к формированию полупроводниковой структуры и, в частности, к формированию пакета слоев полупроводниковой структуры с использованием **временного слоя**, который удаляется во время осаждения функционального слоя (перевод ВОИС) (Свертс, 2016).

Компонент *sacrificial* в составе словосочетания *sacrificial layer* переводится как *временный*, следовательно, в переводе имеет место деме́тафоризация.

Выводы

В патентах как одном из жанров технического текста находит отражение информация о новейших открытиях и достижениях. Проведенное на материале патентов исследование показало, что метафорический перенос лежит в основе образования ряда ключевых терминов области наноматериалов и нанотехнологий, а метафоризированные термины передают когнитивную информацию. В переводе таких терминов на русский язык могут быть задействованы механизмы метафоризации, реметафоризации, деме́тафоризации, а также возможны переводы одного и того же термина с использованием как метафоризации, так и деме́тафоризации, что ведет к использованию в русском языке двух вариантов термина. При этом в рамках проведенного исследования можно говорить о меньшей представленности такого приема, как реметафоризация.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С., 2008. Транслатологические типы текста. Опыт классификации. Ч. II // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. Вып. 3, ч. I. С. 32–40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/translatologicheskie-tipy-teksta-opyt-klassifikatsii-ch-ii> (дата обращения: 11.02.2018).
- Анищик В. М., Борисенко В. М., Жданов С. А., Толочко Н. К., Федосюк В. М., 2008. Наноматериалы и нанотехнологии / под ред. В. Е. Борисенко и Н. К. Толочко. Минск : Изд. центр БГУ. 372 с.
- Виноградов В. В., 1980. О теории литературных стилей // Избранные труды. О языке художественной прозы. М. : Наука. С. 240–249.
- Горохова Н. В., 2014. Метафоризация как процесс семантического развития терминов в дискурсе специалиста трубопроводного транспорта // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Вып. 6 (102). С. 210–217. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-kak-protsess-semanticheskogo-razvitiya-terminov-v-diskurse-spetsialista-truboprovodnogo-transporta.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).

razvitiya-terminov-v-diskurse-spetsialista-truboprovodnogo-transporta.pdf (дата обращения: 11.02.2018).

- Лакофф Дж., Джонсон М., 2004. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозова ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М. : Едиториал УРСС. 256 с.
- Лосева О. М., 2015. Метафора в научно-техническом тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 8 (50), ч. III. С. 118–121. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_8-3_34.pdf.
- Уткина Т. И., 2006. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе: семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2006. 210 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/metafora-v-nauchno-populyarnom-meditsinskom-diskurse-semioticheskii-kognitivno-kommun> (дата обращения: 11.02.2018).
- Шебеко Н. С., 2012. Метафора при переводе англоязычных нехудожественных текстов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Вып. 17 (650). С. 60–71. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metafora-pri-perevode-angloyazychnyh-nehudozhestvennyh-tekstov> (дата обращения: 25.06.2017).
- Finatto M. J. B., 2010. Metaphors in scientific and technical languages: challenges and perspective // Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada. Vol. 26. P. 645–656. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-44502010000300012 (date of access: 28.08.2017). DOI: 10.1590/S0102-44502010000300012.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Кси, 2010 – Кси Т., Ксяо Кс., Чен Ян Т. Самовосстанавливающаяся и устойчивая к царапинам полимерная система с памятью формы / пер. с англ. ВОИС // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=CN83933205&recNum=8&office=&queryString=FP%3A%28graphene+self-healing%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=9> (дата обращения: 27.06.2017).
- Ли, 2017 – Ли К., Хео Дж., Ю В., Шин Й. Графеновое электронное устройство с канальным слоем, включающим островки графена, а также способ его изготовления / пер. с англ. ВОИС // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US192509690&recNum=1&maxRec=7&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=>

- FP%3A%28%22graphene+island%22%29&tab=NationalBiblio (дата обращения: 27.06.2017).
- Лок, 2017* – Лок К. Б., Робинсон Т. М., Кален Б. М. Пограничный слой, модулирующий протеазу, для использования при лечении ран отрицательным давлением / пер. с англ. ВОИС // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=EP199525481&recNum=15&office=&queryString=FP%3A%28sacrificial+layer%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=12823> (дата обращения: 28.06.2017).
- Свертс, 2016* – Свертс Дж., Мертенс С. Способ формирования пакета слоев с использованием временного слоя / пер. с англ. ВОИС // PATENTSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US177999988&recNum=7&office=&queryString=EN_ALLTXT%3A%28A+method+comprises+depositing+a+sacrificial+layer+%29&prevFilter=&sortOption=Relevance&maxRec=62773 (дата обращения: 28.06.2017).
- ЭСРЯ* – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2006. 696 с.
- Уайт, 2010* – Уайт Р., Малик С., Аллен М., Бейли М. Устройство и способ для восприятия анализируемого вещества с использованием графенового канала, квантовых точек и электромагнитного излучения / пер. с англ. ВОИС // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2017072399&recNum=8&maxRec=17452&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28graphene%29&tab=PCTDescription> (дата обращения: 27.06.2017).
- Lee, 2017* – Lee K., Heo J., Yu W., Shin Y. Graphene electronic device having channel layer including graphene islands and method of fabricating the same // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US192509690&recNum=1&maxRec=7&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28%22graphene+island%22%29&tab=NationalBiblio> (date of access: 27.06.2017).
- Locke, 2017* – Locke Chr. Br., Robinson T. M., Cullen B. M. Protease modulating wound interface layer for use with negative pressure wound therapy // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=EP199525481&recNum=15&office=&queryString=FP%3A%28sacrificial+layer%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=12823> (date of access: 28.06.2017).
- Swerts, 2016* – Swerts J., Mertens S. Method of forming a stack of layers using a sacrificial layer // PATENTSCOPE. URL: https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US177999988&recNum=7&office=&queryString=EN_ALLTXT%3A%28A+method+comprises+depositing+a+sacrificial+layer+%29&prevFilter=&sortOption=Relevance&maxRec=62773 (date of access: 28.06.2017).
- Xie, 2010* – Xie T., Xiao X., Cheng Yang T. Self-healing and scratch resistant shape memory polymer system // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=CN83933205&recNum=8&office=&queryString=FP%3A%28graphene+self-healing%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=9> (date of access: 27.06.2017).
- White, 2010* – White R., Malik S., Allen M., Bailey M. Apparatus and method for sensing an analyte, using a graphene channel, quantum dots and electromagnetic radiation // PATENTSCOPE. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2017072399&recNum=8&maxRec=17452&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28graphene%29&tab=PCTDescription> (date of access: 27.06.2017).

REFERENCES

- Alekseeva I.S., 2008. Translatological text types. A classification. Part II. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologija. Vostokovedenie. Zhurnalistika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental Studies. Journalism], iss. 3, part I, pp. 32-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/translatologicheskie-tipy-teksta-opyt-klassifikatsii-ch-ii> (accessed February 11, 2018).
- Anishchik V.M., 2008. *Nanomaterials and nanotechnology*. Minsk, BSU Publishing Center. 372 p.
- Vinogradov V.V., 1980. On the theory of literature styles. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works. On the Language of Fiction]. Moscow, Nauka Publ., pp. 240-249.
- Gorokhova N.V., 2014. Metaphorical meaning formation as a process of terms' semantic development in the discourse of pipeline transport specialist. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University], iss. 6 (102), pp. 210-217. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metaforizatsiya-kak-protsess>

- semanticheskogo-razvitiya-terminov-v-diskurse-spetsialista-truboprovodnogo-transporta.pdf (accessed February 11, 2018).
- Lakoff G., Johnson M., 2004. *Metaphors we live by*. Moscow, Editorial URSS. 256 p.
- Loseva O.M., 2015. The metaphor in the scientific-technical text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], no. 8 (50), part III, pp. 118-121. URL: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-2911_2015_8-3_34.pdf.
- Utkina T.I., 2006. *The metaphor in the popular-scientific medical discourse: semiotic, cognitive-communicative, pragmatic aspects. Dissertation for Candidate of Sciences in Philology Degree*. Perm, PGU. 210 p. URL: <http://www.dissercat.com/content/metafora-v-nauchno-populyarnom-meditsinskom-diskurse-semioticheskii-kognitivno-kommun> (accessed 11 February 2018).
- Shebeko N.S., 2012. The metaphor and the translation of English non-fiction texts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [MSLU's Vestnik], iss. 17 (650), pp. 60-71. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/metafora-pri-perevode-angloyazychnyh-nehudozhestvennyh-tekstov> (accessed 25 June 2017).
- Finatto M.J.B., 2010. Metaphors in scientific and technical languages: challenges and perspective. *Documentação de Estudos em Lingüística Teórica e Aplicada*, vol. 26, pp. 645-656. URL: http://www.scielo.br/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0102-44502010000300012 (accessed 28 August 2017). DOI: 10.1590/S0102-44502010000300012.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Xie T., Xiao X., Cheng Yang T. Samovosstanavlivayushchayasya i ustoychivaya k tsarapinam polimernaya sistema s pamyatyu formy [Self-Healing and Scratch Resistant Shape Memory Polymer System]. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=CN83933205&recNum=8&office=&queryString=FP%3A%28graphene+self-healing%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=9> (accessed 27 June 2017).
- Lee K., Heo J., Yu W., Shin Y. Grafenovoe elektronnoe ustroystvo s kanalnym sloem, vklyuchayushchim ostrovki grafena, a takzhe sposob ego izgotovleniya [Graphene Electronic Device Having Channel Layer Including Graphene Islands, and the Method of Its Production]. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US192509690&recNum=1&maxRec=7&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28%22graphene+island%22%29&tab=NationalBiblio> (accessed 27 June 2017).
- Locke Chr. Br., Robinson T.M., Cullen B.M. Protease modulating wound interface layer for use with negative pressure wound therapy. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US192509690&recNum=1&maxRec=7&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28%22graphene+island%22%29&tab=NationalBiblio> (accessed 27 June 2017).
- Locke Chr. Br., Robinson T.M., Cullen B.M. Pogranichnyy sloy, moduliruyushchiy proteazu, dlya ispolzovaniya pri lechenii ran otritsatelnyim davleniem [Protease Modulating Wound Interface Layer for Use with Negative Pressure Wound Therapy]. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=EP199525481&recNum=15&office=&queryString=FP%3A%28sacrificial+layer%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=12823> (accessed 28 June 2017).
- Swerts J., Mertens S. Sposob formirovaniya paketa sloev s ispolzovaniem vremennogo sloya [Method of Forming a Stack of Layers Using a Sacrificial Layer]. *PATENTSCOPE*. URL: https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US177999988&recNum=7&office=&queryString=EN_ALLTXT%3A%28A+method+comprises+depositing+a+sacrificial+layer+%29&prevFilter=&sortOption=Relevance&maxRec=62773 (accessed 28 June 2017).
- Kozhina M.N., ed. 2006. *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 696 p.
- White R., Malik S., Allen M., Bailey M. Ustroystvo i sposob dlya vospriyatiya analiziruemogo veshchestva s ispolzovaniem grafenovogo kanala, kvantovykh toчек i elektromagnitnogo izlucheniya [Apparatus and Method for Sensing an Analyte, Using a Graphene Channel, Quantum Dots and Electromagnetic Radiation]. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2017072399&recNum=8&maxRec=17452&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28graphene%29&tab=PCTDescription> (accessed 27 June 2017).
- Lee K., Heo J., Yu W., Shin Y. Graphene electronic device having channel layer including graphene islands and method of fabricating the same. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US192509690&recNum=1&maxRec=7&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28%22graphene+island%22%29&tab=NationalBiblio> (accessed 27 June 2017).
- Locke Chr. Br., Robinson T.M., Cullen B.M. Protease modulating wound interface layer for use with negative pressure wound therapy.

- PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=EP199525481&recNum=15&office=&queryString=FP%3A%28sacrificial+layer%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=12823> (accessed 28 June 2017).
- Swerts J., Mertens S. Method of forming a stack of layers using a sacrificial layer. *PATENTSCOPE*. URL: https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=US17799988&recNum=7&office=&queryString=EN_ALLTXT%3A%28A+method+comprises+depositing+a+sacrificial+layer+%29&prevFilter=&sortOption=Relevance&maxRec=62773 (accessed 28 June 2017).
- White R., Malik S., Allen M., Bailey M. Apparatus and method for sensing an analyte, using a graphene channel, quantum dots and electromagnetic radiation. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2017072399&recNum=8&maxRec=17452&office=&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&queryString=FP%3A%28graphene%29&tab=PCTDescription> (accessed 27 June 2017).
- Xie T., Xiao X., Cheng Yang T. Self-healing and scratch resistant shape memory polymer system. *PATENTSCOPE*. URL: <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=CN83933205&recNum=8&office=&queryString=FP%3A%28graphene+selfhealing%29&prevFilter=&sortOption=Pub+Date+Desc&maxRec=9> (accessed 27 June 2017).

Information about the Author

Natalya V. Sokolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Prosp. Komsomolsky, 29, 614990 Perm, Russia, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Соколова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, просп. Комсомольский, 29, 614990 г. Пермь, Россия, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.12>

UDC 811.111'37
LBC 81.432.1-002

Submitted: 30.11.2017
Accepted: 21.02.2018

CLASSIFICATION OF SEMANTIC RELATIONS OF THE TWO-STEP EPITHET'S COMPONENTS IN PARADIGMATIC AND SYNTAGMATIC ASPECTS

Olga L. Lyubovskaya

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The paper reveals structural and semantic peculiarities of the two-step epithet. Within the frames of studying the linguistic nature of the two-step epithet, we give its definition, distinguish four morphological-syntactic models, reveal the affective and expressive potential of these lexical units. It has also been stated that standard semantic classifications of epithets prove to be inconsistent from the viewpoint of their application in the analysis of the two-step epithets due to their dual nature. Taking its paradigmatic and syntagmatic characteristics into consideration, our classification of two-step epithet describes semantic relations in its structure in complete and consistent way. Two-step epithets have been subdivided into metaphoric and metonymic on the basis of paradigmatic criterion. From the viewpoint of syntagmatics, we have distinguished specifying, synonymic, and oxymoron epithets, in which the relations between their components are those of mutual complementarity, identity and contrast. Apart from these types, a number of rarely used two-step epithets can be distinguished. The semantic relations between their components are represented as tautology, inequality, quality, quantity, and irony. We mark the flexibility of boundaries between the types of semantic relations in the structure of the two-step epithet.

The research material is represented with 540 two-step epithets sampled from original English fiction of the 19th – 20th centuries.

Key words: two-step epithet, semantic relations, paradigmatic aspect, syntagmatic aspect, English language.

Citation. Lyubovskaya O.L. Classification of Semantic Relations of the Two-Step Epithet's Components in Paradigmatic and Syntagmatic Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 115-123. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.12>

УДК 811.111'37
ББК 81.432.1-002

Дата поступления статьи: 30.11.2017
Дата принятия статьи: 21.02.2018

КЛАССИФИКАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КОМПОНЕНТОВ ДВУХСТУПЕНЧАТОГО ЭПИТЕТА В ПАРАДИГМАТИЧЕСКОМ И СИНТАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Ольга Леонидовна Любовская

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья раскрывает структурные и семантические особенности двухступенчатого эпитета. В рамках исследования лингвистической природы эпитета данного типа предложено авторское определение рассматриваемого феномена, выделены четыре морфолого-синтаксические модели двухступенчатых эпитетов, раскрыт эмоционально-оценочный и экспрессивный потенциал этих образований. Показано, что традиционные семантические классификации эпитетов не могут быть применены при анализе двухступенчатого эпитета в силу его двусторонней природы. Предложенная автором семантическая классификация двухступенчатых эпитетов, учитывающая их парадигматические и синтагматические свойства, позволяет полно и

непротиворечиво описать семантические связи в их структуре. На основе парадигматического критерия двухступенчатые эпитеты подразделяются на метафорические и метонимические. На основе синтагматического критерия выделены широко представленные в текстах уточняющие, синонимические, оксюморонные эпитеты, в которых отношения между компонентами реализуются как взаимодополнительность, тождество, контраст, а также ряд мало употребительных эпитетов, в которых отношения между компонентами основаны на тавтологии, неравенстве, качестве, количестве, иронии. Отмечена гибкость границ между видами семантических связей в структуре двухступенчатого эпитета.

Материалом исследования послужили 540 двухступенчатых эпитетов, извлеченных методом сплошной выборки из произведений англоязычной художественной литературы XIX–XX веков.

Ключевые слова: двухступенчатый эпитет, семантические отношения, парадигматический аспект, синтагматический аспект, английский язык.

Цитирование. Любовская О. Л. Классификация семантических отношений компонентов двухступенчатого эпитета в парадигматическом и синтагматическом аспектах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 115–123. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.12>

Введение

Основной задачей данной статьи является классификация семантических отношений между компонентами двухступенчатого эпитета (далее – ДЭ). В качестве материала исследования избраны произведения англоязычной художественной литературы XIX–XX веков. Прежде чем приступить к решению поставленной задачи, необходимо уточнить, что представляет собой двухступенчатый эпитет, в чем заключается его лингвистическая природа. ДЭ прежде не был предметом отдельного изучения. В работах отечественных и зарубежных языковедов, посвященных вопросам теории эпитета в целом, ДЭ рассматривается лишь как один из структурных типов эпитета (см., например: [Арнольд, 1999; Гальперин, 1958; Жирмунский, 1992; Corbett, 1969; Murphy, 2003]) и упоминается в некоторых грамматических классификациях эпитета. В частности, И.Р. Гальперин выделяет модель *adverb + adjective*, которую называет «наречием при прилагательном» (*her eyebrows were boldly black, a hellish dull empty room*). Данная модель характерна для художественных текстов [Гальперин, 1958, с. 140–141]. Л.А. Турсунова в своей классификации называет этот вид эпитета «эпитетом, усиленным наречием» или «эпитетом к эпитету» (*dreadfully unsympathetic smile, burningly intimate whisper*) [Турсунова, 1973, с. 27]. В классификации В.А. Кухаренко данный эпитет назван собственно двухступенчатым эпитетом («two-step epithet») (*unnaturally mild day*) [Kukharencov, 1986, с. 81]. Исследовате-

ли выделяют ДЭ как отдельный структурный тип эпитета на основе его морфолого-синтаксических характеристик и рассматривают его в рамках грамматических классификаций.

Двухступенчатый эпитет представляет собой ядерное словосочетание с зависимыми компонентами: наречием образа действия и прилагательным или причастием, имеющими фиксированное положение относительно друг друга. ДЭ формируются в соответствии с четырьмя основными моделями:

– *adverb + adjective + noun / pronoun*: *painfully clear head* (Kipling-3, с. 199);

– *adverb + participle + noun / pronoun*: *stupidly frightened eyes* (Conrad);

– *noun / pronoun + adverb + adjective*: *eyes inquisitively sharp* (Dickens-2, p. 416);

– *noun / pronoun + adverb + participle*: *something savagely damaging* (Dickens-1, p. 122).

Наличие адвербиального и атрибутивного компонентов в структуре ДЭ позволяет говорить о том, что исследуемый тип эпитета семантически и стилистически сложнее простого эпитета. В нем один или оба компонента обладают эмоционально-оценочными и экспрессивными оттенками и могут образно характеризовать определяемое слово. Например, в составе ДЭ *ball... lunarly pale* (Updike), *wildly virginal sea* (Fitzgerald), *misleadingly fastidious mouth* (Fowles-1, с. 47) адвербиальный и атрибутивный компоненты являются художественно-выразительными средствами с метафорическими или метонимическими характеристиками. Следовательно, ДЭ имеет тропический характер. Несмотря на то что гораздо чаще встречаются структуры, где только один из

компонентов является экспрессивным и создает образ, например: *arrogantly curled tips* (Kipling-2, p. 147), *smile inexpressibly sweet* (Lewis), *inappropriately bourgeois teeth* (Fitzgerald), такие эпитеты необходимо отнести к ДЭ по структурному признаку.

Помимо грамматических и семантических особенностей, ДЭ могут характеризоваться необычным звуковым строем. Так, ДЭ *darkly distrustful eyes* (Dickens-2, p. 518); *dreadfully dull house* (James, p. 130) представляют собой высказывания, характеризующиеся аллитерацией.

Адвербиальный и атрибутивный компоненты в структуре ДЭ способствуют большей актуализации двуплановости изображения, вторичной семантической функции, семантической асимметрии компонентов, свойственной эпитету в целом, а также разнообразию семантических отношений в его структуре, что позволяет выделить ДЭ как отдельный тип эпитета.

Учитывая грамматические, семантические и стилистические характеристики эпитетов указанного типа, мы предлагаем определение двухступенчатого эпитета как языкового средства с морфолого-синтаксической структурой «наречие + прилагательное / причастие», компоненты которого имеют семантические признаки, отличающие эпитет в целом, могут обладать эмоционально-оценочными и экспрессивными коннотациями и способны дать образную характеристику определяемому объекту или явлению.

Методика исследования

Общий объем проанализированного материала составляет 540 ДЭ. Источником материала являются более 300 оригинальных художественных произведений XIX–XX веков. Отбор материала осуществлялся методом сплошной выборки и методом корпусного анализа в тех случаях, когда возникала необходимость установления частотности употребления конкретного ДЭ или сочетаемости компонента атрибутивной группы. Корпусы были проиндексированы при помощи программы *dtSearch*, имеющей гибкую систему поисковых настроек. В качестве дополнительного источника данных в исследовании использо-

ван Корпус современного американского варианта английского языка (The Corpus of Contemporary American English).

Грамматическая осложненность эпитетов данного типа обуславливает необходимость анализа семантических связей компонентов ДЭ с применением подходов парадигматической и синтагматической семасиологии.

Природа семантических отношений раскрывается в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов. В частности, А. Круз определяет семантические отношения как отношения между понятиями, точнее, между понятийными единствами, которые могут быть связаны синтагматическими, парадигматическими и производными отношениями (*discrete conceptual units: paradigmatic, syntagmatic, derivational*) [Cruse, 2011, p. 125]. Вопрос о специфике парадигматических и синтагматических связей между единицами языка отражен в работах отечественных и зарубежных исследователей (см., например: [Сусов, 1970; Peters, Weller, 2008]).

Традиционно выделяются два основных типа эпитетов: постоянный эпитет и перенесенный эпитет. Так, к постоянным эпитетам Б.В. Томашевский относит эпитеты тавтологические, буквально повторяющие определяемое слово (*чудо чудное, тьма тьмуца*), типические (*море синее, сырая земля*), идеализирующие (*солнце красное*) [Томашевский, 2010, с. 187].

Перенесенный эпитет имеет образную составляющую. А.Н. Веселовский называет перенесенные эпитеты синкретическими, указывая на то, что они вызваны ассоциациями наших чувственных восприятий [Веселовский, 1989]. К данному типу относят эпитеты метафорические [Веселовский, 1989; Томашевский, 2010] и метонимические [Веселовский, 1989; Сандакова, 2006].

Несколько иначе семантическая классификация эпитетов представлена в работах И.Р. Гальперина: эпитеты делятся на ассоциированные и неассоциированные [Galperin, 1971, p. 153]. Ассоциированными называются эпитеты, указывающие на такие признаки предмета, которые присущи ему по природе: *triumphant pleasure, malignant torture*. Крайней степенью ассоциированности характеризуется тавтологический эпитет, который по-

вторяет признак, заложенный в самом определяемом компоненте: *the heartless brutality*. Неассоциированным является эпитет, указывающий на признаки, не присущие предмету. Неассоциированные эпитеты ввиду широкого разнообразия семантических отношений делятся на образные, то есть такие, в основе которых лежит какой-то зрительный, звуковой, тактильный и т. п. образ, и безобразные. В группе образных эпитетов можно выделить метафорический, синестетический и звукообразный эпитет. К группе безобразных эпитетов относятся перенесенный, оксюморонный, гиперболический и антономасийный эпитет.

Иначе строится классификация семантических связей компонентов ДЭ. Типология семантических отношений в структуре ДЭ опирается на классификацию стилистических ресурсов, представленную в работе Ю.М. Скребнева, обусловлена особенностями эпитетов исследуемого типа и осуществлена в парадигматико-синтагматическом аспекте [Скребнев, 2003, с. 149–160; Skrebnev, 1994, p. 97–122, 143–167].

Парадигматика как одна из отраслей стилистики рассматривает проблемы выбора номинации, исходя из того, что язык представляет собой множество парадигм. Слова и выражения, традиционно используемые для характеристики определенного класса объектов, могут быть использованы по отношению к объектам другого класса. В связи с этим Ю.М. Скребнев видит задачу парадигматической семасиологии в том, чтобы классифицировать семантические типы переноса и логические законы, по которым эти переносы осуществляются, и выделяет фигуры качества, к которым относит метафору, метонимию и иронию, и фигуры количества, включающие гиперболу и мейозис.

В отличие от парадигматической синтагматическая семасиология связана со стилистическими функциями отношений между единицами в текстах и изучает типы линейной организации значений. В данном ракурсе Ю.М. Скребнев выделяет возможность реализации эпитетом семантических отношений тождества, неравенства, взаимодополнительности и контраста.

ДЭ в силу своей структуры является средством семантически более сложным, чем простой эпитет, поскольку, с одной стороны, его заданная морфолого-синтаксическая структура усиливает его синтагматическую природу, с другой стороны, наличие в нем адвербиального и атрибутивного компонентов позволяет реализовать больше вариантов семантических отношений, усиливая его парадигматические характеристики. Поэтому с учетом двойственной природы ДЭ его классификация осуществлена в двух ракурсах: парадигматическом и синтагматическом. Данный подход позволяет полно и непротиворечиво описать стилистические ресурсы языка.

В парадигматическом ракурсе можно выделить

- метафорический ДЭ;
- метонимический ДЭ.

В рамках синтагматической семасиологии с учетом морфолого-синтаксических характеристик компонентов в составе ДЭ выявлены следующие виды преобладающих отношений:

- отношения взаимодополнительности (уточняющий ДЭ);
- отношения тождества (синонимический ДЭ);
- отношения контраста (оксюморонный ДЭ).

В ДЭ могут быть реализованы и другие отношения.

Так, в рамках парадигматики выделены:

- отношения количества (гиперболический ДЭ);
- отношения, реализующие иронию (иронический ДЭ).

В синтагматическом аспекте можно выделить:

- отношения неравенства (антиклимакс);
- тавтологические отношения (тавтологический ДЭ);
- отношения качества (антономасийный ДЭ).

Однако ДЭ с такими видами семантической связи представлены единичными случаями и требуют дальнейшего изучения.

Установленные синтагматические связи могут наблюдаться как между атрибутивной группой и определяемым компонентом, так и внутри атрибутивной группы.

Двухступенчатый эпитет в парадигматическом аспекте

Метафорический и метонимический виды ДЭ выделяются по признаку переноса значения по сходству (для метафорического) и смежности (для метонимического). Метафорический и метонимический ДЭ выполняют функцию актуализации, выявляя существенный признак предмета или явления.

В структуре ДЭ метафорический перенос осуществляется в рамках значения одного из компонентов атрибутивной группы. Так, в эпитетах *weirdly antiquated slang* (Fowles-1, с. 49), *icily jealous wife* (Collins) наречие *icily* и прилагательное *antiquated* становятся метафорическими предикатами, употребленными по отношению к определяемому компоненту на основе сходства. В составе ДЭ неметафорический компонент может частично эксплицитировать метафору, выполнять пояснительную или конкретизирующую функцию. В метафорическом ДЭ *diabolically silent laugh* (Dickens-2, p. 545) единица *diabolically* в контексте высказывания на основе предметно-логического значения «characteristic of the Devil, or so evil as to recall the Devil» (OALD) реализует переносное значение «horrible, fearful». Таким образом, в основе лежит метафора *diabolical laugh*, которая широко представлена в художественной литературе. Прилагательное *silent*, конкретизируя наречие *diabolically*, усиливает выразительность эпитета.

Примеры метафорического ДЭ составляют 11 % от общего объема изученного материала.

Метонимия в ДЭ реализуется на основе ассоциативной связи определяемого компонента и его свойства, выраженного наречием: *arrogantly curled tips* (Kipling-2, p. 147) или прилагательным: *clergyman's inappropriately bourgeois teeth* (Fitzgerald). В некоторых случаях метонимический перенос реализуется между определяемым компонентом и его свойствами или признаками, выраженными атрибутивными компонентами: *eyelids*, *dispassionately bored* (Fitzgerald), *the nose politely inconspicuous* (Fitzgerald). Чаще всего объектом метонимии являются черты внешнего облика, посредством описания ко-

торых раскрываются особенности характера и поведения, эмоциональное состояние персонажа. Как показал корпусный анализ, метонимический эпитет является одним из наиболее распространенных видов ДЭ. Для многих эпитетов с рассматриваемым видом семантических отношений характерна определенная степень устойчивости в англоязычной художественной литературе. Частотность их употребления, фиксированность метафорического значения одного или двух компонентов атрибутивной группы в словарях приводит к тому, что постепенно такой эпитет приобретает стертый характер, зачастую утрачивая свою художественно-выразительную ценность. К стертым ДЭ этой группы относятся, например, *kindly shining eyes* (Maugham, с. 95), *mutually vivid memory* (Fitzgerald), *her faintly tired beauty* (Fitzgerald), *face unnaturally pale* (Fitzgerald).

В парадигматическом аспекте по количеству примеров преобладает метонимический ДЭ (33 %).

Двухступенчатый эпитет в синтагматическом аспекте

Отношения взаимодополнительности реализуются в структуре ДЭ в том случае, если его компоненты уточняют или поясняют друг друга. Такие отношения реализуются между атрибутивной группой и определяемым компонентом. Наречие и прилагательное уточняют, конкретизируют, проясняют значение определяемого компонента, описывая его более точно и полно. Компоненты являются ко-референтными, то есть характеризующими один объект. Например, в составе уточняющего ДЭ *disgustingly happy family* (Fowles-2, с. 185) атрибутивные компоненты семантически неоднородны и реализуют разные значения. Наречие *disgustingly* указывает на внешний оценочный признак: «extremely unpleasant or unacceptable» (CALD), тогда как компонент *happy* выражает внутреннее состояние персонажей: «feeling pleased or satisfied» (MED). Тем не менее весь семантический комплекс формирует целостное представление об объекте изображения.

Отношения взаимодополнительности являются преобладающими – 30 % от обще-

го числа проанализированных ДЭ относятся к уточняющему типу эпитета.

Отношения тождества наблюдаются в структуре синонимического ДЭ. Они возникают в тех случаях, когда компоненты ДЭ реализуют близкие значения, имеют общие семантические признаки, выполняют функцию уточнения и в определенных контекстах способны замещать друг друга. Так, значения атрибутивных компонентов в ДЭ *recklessly daring heroes* (Kipling-1) пересекаются по общему признаку: *risky* – «doing something dangerous and not worrying about the risks and the possible results» (CALD), *daring* – «brave and taking risks» (CALD). В составе синонимического ДЭ отношения сходства реализуются внутри атрибутивной группы, то есть между наречием и прилагательным, и только при наличии у них общей семы.

Случаи использования полных синонимов в ДЭ, например: *drowsily languid utterance* (Collins), в исследуемом материале единичны.

Синонимический тип ДЭ составляет 12 % от общего количества ДЭ.

Отношения контраста основаны на антонимичности компонентов ДЭ. Они реализуются в тех случаях, когда в структуре ДЭ соединяются лексические единицы, выражающие два противоположных понятия, актуализируются два противоположных значения. ДЭ с таким типом взаимодействия компонентов можно называть оксюморонным. В оксюморонном эпитете основное предметно-логическое значение атрибутивной группы в большей или меньшей степени подчиняется экспрессивности. Например, в таком ДЭ, как *painfully clear head* (Kipling-3, с. 199), выражение субъективного отношения автора к описываемому предмету преобладает над основным предметно-логическим значением атрибутивных компонентов, которое реализуется лишь частично. Компонент *painfully* в контексте высказывания реализует значение «causing emotional pain» (CALD) и отчасти значение «laborious, exacting, difficult» (MED); компонент *clear* метонимически реализует значение «free from doubt or confusion» (MED). Отношения контраста между этими компонентами реализуются на периферии их семантических значений по признакам «difficult, hard» – «effortless, easy».

Частотность использования оксюморонного ДЭ составляет 10 % от общего числа ДЭ.

Другие виды семантических отношений между компонентами ДЭ реализуются редко и представлены отдельными примерами. В ходе исследования были обнаружены ДЭ, характеризующиеся отношениями неравенства: антиклимакс – *immaculately clean Quaker bed* (Beecher Stowe); тавтологическими отношениями – *obscenely well obscenity* (Hemingway); отношениями качества: антономасийный ДЭ – *beastly English pride* (Kipling-2, p. 192); отношениями количества: гипербола – *microscopically small footboy* (Dickens-2, p. 475), отношениями, реализующими иронию – *handcuffs invitingly extended* (Dickens-1, p. 30). ДЭ с перечисленными выше видами связи составляют 4 % от общего количества проанализированных двухступенчатых эпитетов. Особенности грамматической структуры ДЭ не допускают таких видов семантической связи, как каламбур, хиазм или зевгма, поскольку они основаны на соотношении семантических и синтаксических средств и предполагают более свободную структурную организацию.

Принимая во внимание структурно-семантические особенности ДЭ, необходимо учесть, что границы между разными видами ДЭ не жесткие, иногда трудно устанавливаемые. Так, сложно разграничить синонимический и уточняющий ДЭ в таких выражениях, как, например, (1) *tremulously uncertain hands* (Wilde, с. 220) или (2) *strictly restrained zeal* (Bronte), в которых определяющие единицы могут как конкретизировать объект, так и реализовать отношения синонимии. Более того, ДЭ (1) с позиций парадигматики можно рассматривать как метонимический эпитет, а семантические отношения между атрибутивными компонентами и объектом в ДЭ (2) можно рассматривать как отношения контраста по признакам «passionless – passionate». В некоторых ДЭ за счет усилительного наречия может быть актуализирован элемент гиперболизации, например, в оксюморонном ДЭ *amusements intolerably dull* (Thackeray), метафорическом ДЭ *water deadly still* (Conrad) или синонимическом ДЭ *dreadfully severe stare* (Dickens-1, p. 141).

Выводы

Итак, ДЭ представляет собой выразительное средство с заданной морфолого-синтаксической структурой, которая в значительной степени детерминирует его семантические характеристики и выразительный потенциал, обуславливая широкий спектр семантических связей между его компонентами. Предложенная в статье классификация семантических отношений между компонентами ДЭ отличается от общепринятых классификаций эпитетов и строится с учетом его двойственной лингвистической природы, а именно наличия у него, с одной стороны, грамматической структуры, определяющей его синтагматическую специфику, а с другой – широкого семантического потенциала. В связи с этим с опорой на классификацию стилистических ресурсов Ю.М. Скребнева семантические отношения между компонентами ДЭ рассмотрены в аспекте парадигматики (метафорический и метонимический ДЭ) и синтагматики (уточняющий, синонимический и оксюморонный и другие ДЭ). При этом граница между тем или иным типом семантической связи не является жесткой: один ДЭ может одновременно реализовать несколько видов семантических отношений. Помимо преобладающих типов семантической связи (взаимодополнительности, тождества и контраста) в структуре ДЭ могут быть реализованы тавтологические отношения, а также отношения неравенства (антиклимакс), качества (антономасия), количества (гипербола) и иронии. Однако данные виды семантической связи представлены единичными примерами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арнольд И. В., 1999. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность : сб. ст. СПб. : Изд-во СПбГУ. 443 с.
- Веселовский А. Н., 1989. Историческая поэтика. М. : Высшая школа. 408 с.
- Гальперин И. Р., 1958. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз. 459 с.
- Жирмунский В. М., 1992. К вопросу об эпитете // Памяти В.Н. Сакурина : сб. ст. М. : Наука. С. 52–60.
- Сандакова М. В., 2006. Метонимия качественного прилагательного и его синтаксическая позиция // Актуальные проблемы лингвистики

- XXI века : сб. тез. и ст. по материалам Международ. науч. конф. (г. Киров, 6–7 дек. 2006 г.). Киров : Изд-во Вят. гос. гуманит. ун-та. С. 222–229.
- Скребнев Ю. М., 2003. Основы стилистики английского языка. М. : Астрель, АСТ. 221 с.
- Сусов И. П., 1970. О двух концепциях парадигматического анализа в синтаксисе // Синтагматика, парадигматика и их взаимоотношения на уровне синтаксиса : материалы науч. конф. Рига : [б. и.]. С. 169–173. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/IPS1970d.html> (дата обращения: 14.09.2017).
- Томашевский Б. В., 2010. Стилистика / отв. ред. А. Б. Муратов. М. : ЛИБРОКОМ. 282 с.
- Турсунова Л. А., 1973. Структурные типы и стилистические функции эпитета в языке английской художественной литературы XX века : дис. ... канд. филол. наук. М. 198 с.
- Corbett E. P. J., 1969. Rhetorical Analysis of Literary Works. London : Oxford University Press, Inc. 272 p.
- Cruse D. A., 2011. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. Great Britain, Oxford : Oxford University Press. 131 p.
- Galperin I. R., 1971. Stylistics. Moscow : Higher school. 343 p.
- Kukharencov V. A., 1986. A Book of Practice in Stylistics. М. : Высшая школа. 144 с.
- Murphy M. L., 2003. Semantic Relations and the Lexicon. UK, Cambridge : Cambridge University Press. 292 p.
- Peters I., Weller K., 2008. Paradigmatic and Syntagmatic relations in Knowledge Organisation Systems // Information-Wissenschaft und Praxis. Vol. 59, № 2. P. 100–107. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e041/b7c5cca6968300c1a96a8020aabdc54f4a47.pdf> (date of access: 14.09.2017).
- Skrebnev Yu. M., 1994. Fundamentals of English stylistics. Moscow : Editorial YPCC, 1994. 240 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Beecher Stowe – Beecher Stowe H. Uncle Tom's Cabin. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=160502> (date of access: 09.12.2016).
- Bronte – Bronte Ch. Jane Eyre. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm> (date of access: 09.12.2016).
- CALD – Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 1584 p.
- Collins – Collins W. The Woman in White. URL: <http://www.freeclassicebooks.com/Wilkie%20Collins/>

- The%20Woman%20in%20White.pdf (date of access: 24.02.2018).
- Conrad* – Conrad J. Lord Jim. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5658/5658-h/5658-h.htm> (date of access: 09.12.2016).
- Dickens-1* – Dickens Ch. Great Expectations. Penguin Books Ltd., 1994. 443 p.
- Dickens-2* – Dickens Ch. Little Dorrit. Penguin Books Ltd., 1994. 848 p.
- Fitzgerald* – Fitzgerald F. S. The Beautiful and Damned. URL: https://fictionbook.ru/author/francis_scott_fitzgerald/the_beautiful_and_damned/read_online.html (date of access: 09.12.2016).
- Fowles-1* – Fowles J. The Ebony Tower. М. : Прогресс, 1974. 250 с.
- Fowles-2* – Fowles J. The Enigma. М. : Прогресс, 1974. 250 с.
- Hemingway* – Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. URL: https://royallib.com/read/heminguey_ernest/For_Whom_The_Bell_Tolls.html#0 (date of access: 09.12.2016).
- James* – James H. The Portrait of a Lady. Wordsworth Classics, 1999. 504 p.
- Kipling-1* – Kipling R. With the Main Guard. Indian Tales. URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/8indt10h.htm> (date of access: 09.12.2016).
- Kipling-2* – Kipling R. Kim. Wordsworth Classics, 1995. 247 p.
- Kipling-3* – Kipling R. The Light That Failed. М. : Прогресс, 1975. 285 с.
- Lewis* – Lewis M. The Monk. URL: https://royallib.com/read/Lewis_Matthew/the_monk.html#0 (date of access: 09.12.2016).
- Maugham* – Maugham W. S. Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard. М. : Менеджер, 2006. 256 с.
- MED* – Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / ed. by M. Shovel. Oxford, 2007. 1854 p.
- OALD* – Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. McIntosh J. Turnbull. Oxford University Press, 2005. 1952 p.
- Thackeray* – Thackeray W. M. Vanity Fair. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm> (date of access: 09.12.2016).
- Updike* – Updike J. Rabbit, Run. URL: https://royallib.com/read/Updike_John/Rabbit_Run.html#0 (date of access: 09.12.2016).
- Wilde* – Wilde O. The Picture of Dorian Gray // Избранные произведения : в 2 т. М. : Прогресс, 1979. Т. 1. 346 с.
- Veselovskiy A.N., 1958. *Historical Poetics*. Moscow, Vysshaya Shkola Publ. 408 p.
- Galperin I.R., 1958. *Essays on Stylistics of the English Language*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 459 p.
- Zhirmunskiy V.M., 1992. On the Epithet. *Sbornik statei pamyati V.N. Sakurina* [Collected Papers in the Memory of V.N. Sakurin]. Moscow, NaukaPubl., pp. 52-60
- Sandakova M.V., 2006. Metonymy of the Qualitative Adjective and Its Syntactic Position. *Aktualnye problem lingvistiki XXI veka: sb. tez. i st.* [Essential Problems of Linguistics of the 21st Century: Collected Theses and Papers]. Kirov, Izd-vo VGGU, pp. 222-229.
- Skrebnev Yu.M., 2003. *Fundamentals of Stylistics of the English Language*. Moscow, Astrel; AST Publ. 221 p.
- Susov I.P., 1970. On Two Conceptions of Paradigmatic Analysis in Syntax. *Sintagmatika, paradigmatika i ikh vzaimootnosheniya na urovne sintaksisa: materialy nauch. konf.* [Syntagmatics, Paradigmatics and Their Interrelations at the Syntactic Level. Proceedings of Academic Conference]. Riga, pp. 169-173. URL: <http://homepages.tversu.ru/~ips/IPS1970d.html> (accessed September 14, 2017).
- Tomashevskiy B.V., 2010. *Stylistics*. Moscow, LIBROCOM Publ. 282 p.
- Tursunova L.A., 1973. *Structural Types and Stylistic Functions of Epithet in the Language of Fiction of the 20th Century. Dissertation for Candidate of Sciences in Philology Degree*. Moscow. 198 p.
- Corbett E.P.J., 1969. *Rhetorical Analysis of Literary Works*. London, Oxford University Press, Inc. 272 p.
- Cruse D.A., 2011. *Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press. 131 p.
- Galperin I.R., 1971. *Stylistics*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 343 p.
- Kukharenskiy V.A., 1986. *A Book of Practice in Stylistics*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 144 p.
- Murphy M.L., 2003. *Semantic Relations and the Lexicon*. Cambridge, Cambridge University Press. 292 p.
- Peters I., Weller K., 2008. Paradigmatic and Syntagmatic relations in Knowledge Organisation Systems. *Information-Wissenschaft und Praxis*, vol. 59, no. 2, pp. 100-107. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/e041/b7c5cca6968300c1a96a8020aabdc54f4a47.pdf> (accessed September 14, 2017).
- Skrebnev Yu.M., 1994. *Fundamentals of English stylistics*. Moscow, Editorial URSS Publ. 240 p.

REFERENCES

Arnold I.V., 1999. *Semantics. Stylistics. Intertextuality*. Saint Petersburg, Izd-vo St. Petersburg. un-ta. 443 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Beecher Stowe H. *Uncle Tom's Cabin*. URL: <http://booksonline.com.ua/view.php?book=160502> (accessed December 9, 2016).
- Bronte Ch. *Jane Eyre*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/1260/1260-h/1260-h.htm> (accessed December 9, 2016).
- Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Cambridge University Press, 2005. 1584 p.
- Collins W. *The Woman in White*. URL: <http://www.freeclassicebooks.com/Wilkie%20Collins/The%20Woman%20in%20White.pdf> (accessed February 24, 2018).
- Conrad J. *Lord Jim*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/5658/5658-h/5658-h.htm> (accessed December 9, 2016).
- Dickens Ch. *Great Expectations*. Penguin Books, 1994. 443 p.
- Dickens Ch. *Little Dorrit*. Penguin Books Ltd., 1994. 848 p.
- Fitzgerald F.S. *The Beautiful and Damned*. URL: https://fictionbook.ru/author/francis_scott_fitzgerald/the_beautiful_and_damned/read_online.html (accessed December 9, 2016).
- Fowles J. *The Ebony Tower*. Moscow, Progress Publ., 1974. 250 p.
- Fowles J. *The Enigma*. Moscow, Progress Publ., 1974. 250 p.
- Hemingway E. *For Whom the Bell Tolls*. URL: https://royallib.com/read/heminguey_ernest/For_Whom_The_Bell_Tolls.html#0 (accessed December 9, 2016).
- James H. *The Portrait of a Lady*. Wordsworth Classics, 1999. 504 p.
- Kipling R. *With the Main Guard. Indian Tales*. URL: <http://www.gutenberg.org/dirs/etext05/8indt10h.htm> (accessed December 9, 2016).
- Kipling R. *Kim*. Wordsworth Classics, 1995. 247 p.
- Kipling R. *The Light That Failed*. Moscow, Progress Publ., 1975. 285 p.
- Lewis M. *The Monk*. URL: https://royallib.com/read/Lewis_Matthew/the_monk.html#0 (accessed December 9, 2016).
- Maugham W.S. *Cakes and Ale or the Skeleton in the Cupboard*. Moscow, Manager Publ., 2006. 256 p.
- Shovel M., ed. *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. Oxford, 2007. 1854 p.
- McIntosh J.T., ed. *Oxford Advanced Learner's Dictionary*. Oxford University Press, 2005. 1952 p.
- Thackeray W.M. *Vanity Fair*. URL: <http://www.gutenberg.org/files/599/599-h/599-h.htm> (accessed December 9, 2016).
- Updike J. *Rabbit, Run*. URL: https://royallib.com/read/Updike_John/Rabbit_Run.html#0 (accessed December 9, 2016).
- Wilde O. *The Picture of Dorian Gray*. O. Wilde. Selected works. In 2 vols. Moscow, Progress Publ., 1979, vol. 1. 346 p.

Information about the Author

Olga L. Lyubovskaya, Candidate of Sciences (Philology), Assistant, Department of the English Language for the Faculty of Arts, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russia, spbu@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9476-3644>

Информация об авторе

Ольга Леонидовна Любовская, кандидат филологических наук, ассистент кафедры английского языка для факультета искусств, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, spbu@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9476-3644>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.13>

UDC 811.111'36
LBC 81.432.1-2

Submitted: 27.11.2017
Accepted: 12.01.2018

TEMPORAL ADVERBIALS AS ELEMENTS OF THE VERBAL CODE REPRESENTING THE MNEMONIC FUNCTION

Irina V. Tivyaeva

Tula State University, Tula, Russia

Abstract. Accepting W. Chafe's ideas regarding memory's representability via language categories expressed in grammatical forms, the author aims at analyzing temporal adverbials as grammatical markers of mnemonic processes, establishing their status in this quality and assessing their potential. To provide a thorough and accurate description of temporal adverbials consistent with the goal of the present study, two relevant parameters are set: direct involvement in marking of specific mnemonic processes at the grammatical level and the type of temporal reference assigned to the mnemonic event.

In accordance with the temporal characteristic of the mnemonic event, two subclasses of temporal adverbials are differentiated: localizers specifying the position of the mnemonic event on the time axis in relation to the fixed or conditional reference point and correlators indicating the position of the mnemonic event in relation to other events.

An analysis of communicative contexts representing interaction between the subject of a mnemonic situation with other participants yielded results indicating absence of correlation between subclasses of temporal adverbials and specific mnemonic processes as well as functional inequality as representation of mnemonic function at the grammatical level.

The findings suggest involvement of temporal adverbials in setting the timeline framework of a mnemonic utterance regardless of their discretionary status and validity as grammatical markers of mnemonic function in general as opposed to specific memory types and procedures.

Key words: memory, temporal adverbial, mnemonic process, mnemonic situation, mnemonic utterance.

Citation. Tivyaeva I.V. Temporal Adverbials As Elements of the Verbal Code Representing the Mnemonic Function. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 124-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.13>

УДК 811.111'36
ББК 81.432.1-2

Дата поступления статьи: 27.11.2017
Дата принятия статьи: 12.01.2018

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АДВЕРБИАЛЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ВЕРБАЛЬНОГО КОДИРОВАНИЯ МНЕМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ирина Владимировна Тивьяева

Тульский государственный университет, г. Тула, Россия

Аннотация. Основываясь на идеях У. Чейфа о принципиальной репрезентируемости памяти языковыми категориями, воплощающимися в грамматических структурах, автор ставит цель охарактеризовать статус и потенциал темпоральных адвербиалов как грамматических маркеров мнемической деятельности. В качестве параметров, релевантных для описания темпоральных адвербиалов в данной функции, выделяются участие в маркировании конкретных процессов памяти и способ темпоральной характеристики мнемического события.

В соответствии с типом временного ориентира дифференцированы два класса темпоральных адвербиалов: локализаторы, определяющие положение мнемического события на оси времени относительно фиксированного или условного ориентира, и корреляторы, локализирующие мнемическое событие относительно другого события. В результате анализа контекстов, репрезентирующих коммуникативное взаимо-

действие англоязычных участников мнемической ситуации, установлено, что выделенные классы темпоральных адverbials не связаны корреляционными отношениями с мнемическими процессами, при этом возможности отдельных классов рассматриваемых единиц как грамматических маркеров процессов памяти неодинаковы.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что темпоральные адverbials принимают участие в формировании темпорального плана мнемического высказывания, не являясь его облигаторным компонентом, и могут рассматриваться как грамматические маркеры индивидуальной мнемической деятельности в целом, а не отдельных процессов или видов памяти.

Ключевые слова: память, темпоральный адverbial, мнемический процесс, мнемическая ситуация, мнемическое высказывание.

Цитирование. Тивьяева И. В. Темпоральные адverbials как элемент вербального кодирования мнемической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 124–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.13>

Введение

Изучение «репрезентации ментальных структур в вербальных произведениях» входит в круг актуальных проблем отечественного языкознания, которое, как верно отмечает В.А. Пищальникова, объективно движется «в сторону психолингвистической и когнитивной парадигм» [Пищальникова, 2004, с. 161]. Предпринятое нами исследование посвящено одной из конкретных задач в рамках указанного направления, а именно выявлению и описанию специфики репрезентации процессов памяти на грамматическом уровне.

Проблема взаимоотношения памяти и языка в равной степени интересует и психологов, и лингвистов, и языковедов. При этом как в лингвистических, так и в психологических исследованиях мнемической деятельности в качестве вербальной формы фиксации и трансляции памяти традиционно рассматриваются две языковые единицы: лексема и текст (см., например, [Переходцева, 2012; Попова, Егорова, 2015; Ребрина, 2008; Центнер, 2012; Erlл, 2011]). Изучение лексики, номинирующей мнемические процессы, и мемориальных текстов, в первую очередь нарративов, позволяет приблизиться к пониманию принципов функционирования единого механизма памяти в ее индивидуальном и надындивидуальном измерении.

Между тем известно, что мнемическая деятельность субъекта манифестируется в языке не только на лексическом и текстовом уровнях. Она способна проявляться и в грамматических категориях, на что первым из лингвистов указал У. Чейф, убедительно

продемонстрировав, что при изложении событий прошлого выбор позиции обстоятельства времени в английском предложении определяется когнитивным контекстом, а именно принадлежностью информационного актанта к определенному типу памяти: «speakers must have some cognitive basis for making the discrete choice between weak and strong temporal adverbs» [Chafe, 1973, p. 272] – «выбор говорящим сильного или слабого темпорального адverbialа определяется некоторым когнитивным основанием» (здесь и далее перевод наш. – *И. Т.*). Он подробно описал, какие инференции формируются у коммуниканта в процессе интерпретации сообщения о событии из прошлого в зависимости от наличия / отсутствия ориентиров, локализирующих событие во времени, и их позиции в высказывании. По У. Чейфу, в английском языке грамматически кодируются три вида памяти: поверхностная (surface), кратковременная (shallow) и долговременная (deep). Их сигналами на уровне высказывания выступают темпоральные адverbials (temporal adverbs): сильные (strong), занимающие инициальную позицию в предложении, и слабые (weak), занимающие финальную позицию. При этом отсутствие темпорального адverbialа также является значимым и интерпретируется как маркер поверхностной памяти. Анализируя различные высказывания, вербализующие прошлый опыт субъекта, и их инференции, У. Чейф приходит к следующему заключению: «material from deep memory must be reported with a strong adverb, that material from shallow memory may be reported with either a strong or a weak adverb,

and that material from surface memory may be reported with a strong adverb, a weak adverb, or no adverb at all» [Chafe, 1973, p. 272] – «при вербализации содержимого долговременной памяти используется сильный адвербиал, при вербализации содержимого кратковременной памяти могут использоваться как сильные, так и слабые адвербиалы, при вербализации содержимого поверхностной памяти адвербиалы могут отсутствовать или могут использоваться и сильные, и слабые адвербиалы».

Бесспорным достоинством концепции У. Чейфа является подтверждение принципиальной репрезентируемости памяти на грамматическом уровне, ограничение же концепции, на наш взгляд, связано с отождествлением ретроспективной памяти, фактически положенной в основу разработанной У. Чейфом типологии памяти и ее языковых маркеров, с памятью индивидуальной, представленной не только воспоминанием, но и процессами помещения, хранения и утраты информации.

В настоящей работе предпринимается попытка преодолеть данное ограничение и определить роль темпоральных адвербиалов в процессе вербального кодирования любой мнемической деятельности англоязычного субъекта. Следует отметить, однако, что в фокусе исследования находятся в первую очередь темпоральные адвербиалы, репрезентирующие «собственно темпоральную адвербиальность» в терминологии Ц.Д. Бидагаевой [Бидагаева, 2011], тогда как адвербиальные единицы, выражающие аспектуальную и таксисную адвербиальность, остались за рамками работы. Данное решение обусловлено главным образом ориентацией автора на устоявшуюся в междисциплинарном пространстве memory studies трактовку категории темпоральности как единства трех измерений – настоящего, прошлого и будущего (см., например: [Dalla Varba, 2012]). Таким образом, в статье ставится цель выявить и описать классы темпоральных адвербиалов, участвующих в маркировании различных процессов памяти посредством указания на временную локацию мнемического события, установить их статус в этом качестве и оценить их потенциал как грамматических маркеров мнемической деятельности.

Материал и методика исследования

В соответствии с поставленной целью исследования был осуществлен сбор эмпирических данных, а именно коммуникативных контекстов, иллюстрирующих взаимодействие англоязычных коммуникантов в «мнемической ситуации», обязательными компонентами которой являются субъект, осуществляющий мнемическую деятельность, вербализуемый процесс памяти и его информационный актант (подробное описание мнемической ситуации как инструмента анализа языковой репрезентации процессов памяти представлено в работах Р.Ф. Исаковой, Е.Г. Хомяковой [Исакова, Хомякова, 2009] и Ю.Н. Рогачевой [Рогачева, 2002]).

Источниками фактического материала послужили современные англоязычные художественные и документальные произведения разных жанров, прежде всего, мемуары и автобиографии (источники первого типа), а также тексты сферы публичной, массовой (источники второго типа) и компьютерно опосредованной коммуникации (источники третьего типа). Общее количество текстовых фрагментов, вошедших в эмпирическую базу исследования, составляет 7 500, при этом указанные типы источников представлены в равных долях, то есть на каждый тип источника приходится 2 500 коммуникативных фрагментов.

На первом этапе обработки фактических данных отобранные текстовые фрагменты были распределены в соответствии с типом мнемического процесса, манифестируемого в рамках мнемической ситуации (запоминание, хранение, воспоминание и забывание), что позволило выявить возможность темпоральных адвербиалов кодировать процессы памяти.

На втором этапе зарегистрированные в эмпирической базе фрагменты были маркированы как содержащие или не содержащие темпоральные адвербиалы, которые локализуют мнемическое событие на шкале времени. Количество высказываний, содержащих интересующие нас единицы, составило 5 097, что соответствует 67,96 % от общей выборки. Необходимо отметить, что общее количество темпоральных адвербиалов в зарегист-

рированных фрагментах превышает данное число, так как в границах одного фрагмента нами было зафиксировано до пяти темпоральных адвербиалов.

Отобранные в результате описанной процедуры контексты были проанализированы нами в соответствии со следующими параметрами: 1) способ темпоральной характеристики мнемического события, 2) роль в процессе вербального кодирования мнемической деятельности.

Поскольку класс темпоральных адвербиалов изначально достаточно разнороден и среди лингвистов нет единого мнения относительно его конститuentов, мы считаем необходимым уточнить, какие именно единицы мы причисляем к данному классу и какой из его подклассов представляет интерес для нашего исследования. Принимая за основу определение адвербиала Н.А. Слюсаревой, которая характеризует его как единицу, «связанную не только со сказуемыми, но и со всем предложением в целом» [Слюсарева, 1986, с. 116], в данной работе под темпоральным адвербиалом мы понимаем обстоятельство времени, функция которого в предложении не ограничивается указанием временных координат действия, выраженного глаголом, но расширяется до передачи временного фона описываемой предложением ситуации.

Среди исследователей нет единства в определении состава темпоральных адвербиалов. Так, И.М. Богуславский включает в состав темпоральных адвербиалов единицы разных лексико-грамматических категорий, объединенные общей адвербиальной функцией (наречия, частицы, предлоги, союзы) [Богуславский, 1996]. Ц.Д. Бидагаева причисляет к группе темпоральных адвербиалов наречия, наречные слова, предложные группы и субстантивные группы [Бидагаева, 2004]. Дж. Лич и Я. Свартвик относят к темпоральным адвербиалам наречия, предложные группы, субстантивные группы и придаточные времени с подчинительными союзами [Leech, Svartvik, 1983].

При интерпретации результатов, полученных в ходе обработки эмпирических данных, мы опираемся на типологию, предложенную зарубежными лингвистами, как наиболее полную. В качестве темпоральных адвербиалов, маркирующих мнемическую деятельность

субъекта, мы рассматриваем наречия, именные и предложные группы, а также придаточные времени, выполняющие обстоятельственную функцию и соотносящие мнемическое событие, кодируемое посредством мнемического высказывания, с некоторым фиксированным или условным временным ориентиром.

Результаты и обсуждение

В ходе анализа коммуникативных контекстов, входящих в нашу картотеку, с опорой на классификацию Ц.Д. Бидагаевой [Бидагаева, 2004, с. 18–20] было выделено два класса темпоральных адвербиалов в соответствии со способом темпоральной характеристики мнемического события: **адвербиалы-локализаторы**, соотносящие мнемическое событие с некоторым фиксированным или условным временным ориентиром, и **адвербиалы-корреляторы**, характеризующие мнемическое событие относительно какого-либо другого события.

Адвербиалы-локализаторы представлены двумя типами: абсолютные и относительные.

Абсолютные локализаторы указывают на точное время мнемического события. В качестве таких локализаторов используются наречия и именные группы (с предлогом или без предлога), обозначающие часовое время, дату числом, дату годом, части суток, времена года, дни недели, месяцы, праздники, знаменательные события, возраст, периоды человеческой жизни и пр.

Например:

(1) I recall seeing her first as Nina in *The Seagull* at the Lyric Hammersmith **in 1985** (Billington).

(2) Ultimately, I can't remember everything. But I do remember leaving barefoot **at 2am** (Anonymous).

Фрагменты (1) и (2) – отрывки из мнемических монологов, вербализующих процессы воспоминания и хранения информации в памяти соответственно. В обоих случаях мнемическое событие, как реконструируемое из памяти, так и удерживаемое в ней, имеет четкую точечную локализацию на временной оси, не зависящую от момента речи и позиции субъекта мнемической ситуации. В примере (1) абсолютным временным ориентиром

является указание на год совершения действия, в примере (2) функцию абсолютного темпорального маркера выполняет указание на часовое время.

Относительные локализаторы представляют собой дейктические маркеры, локализирующие мнемическое событие по отношению к говорящему или к моменту речи. Такие локализаторы выражены главным образом наречиями и именными группами, указывающими на краткие или продолжительные временные интервалы, синхронные моменту речи, предшествующие ему или следующие за ним.

(3) I remember **as a child** that I used to worry about her (Higgins Clark, p. 320).

(4) “The last thing I remember is going out with some friends from work **last night**” (Kinsella, p. 29–30).

Во фрагментах (3) и (4) мнемический процесс хранения информации в памяти маркируется относительными адвербиалами, а именно локализаторами предшествования. В обоих примерах субъект мнемической ситуации заявляет об удержании в памяти информации о ситуациях в прошлом, положение которых на оси времени относительно условного ориентира, то есть момента говорения, отмечено темпоральными адвербиалами, конкретизирующими возраст говорящего и время суток.

(5) I’ll **never** forget this one (Patterson).

В примере (5) относительный темпоральный адвербиал *never* выполняет функцию локализатора следования, характеризуя мнемический процесс как направленный в будущее относительно текущего момента.

(6) I still remember the hours I sat at that desk, the Blue Danube softly playing, clicking between the different views from my space ship, watching the stars dart by, watching the empty circle planets rotate. I paid J15 for Elite and another J15 for the joystick. It was so much money to me **back then**. But while there were other games that looked better and were more exciting, I don’t remember many of them **now** (Stuart).

В мнемическом монологе (6) (структурно-семантические особенности мнемических монологов и других типов мнемического высказывания подробно описаны в: [Тивьяева,

2013]) темпоральные адвербиалы *back then* и *now* подчеркивают границу между двумя временными планами – планом воспоминаний и планом настоящего. *Now* как локализатор синхронности задает точку отсчета в текущем времени, *back then* отсылает к некоторому временному промежутку в прошлом, предшествующему моменту говорения.

Адвербиалы-корреляторы, в отличие от абсолютных и относительных локализаторов, задающих точку или интервал мнемического события или указывающих на его положение относительно фиксированного или условного временного ориентира, дают темпоральную характеристику мнемическому событию через отсылку к моменту другого события.

Например,

(7) My earliest cinematic memory is watching a film one afternoon **in the mid 1970s** with my mother **before I started primary school** (Gray).

Во фрагменте (7) мнемическое событие, о котором вспоминает говорящий, локализуется во времени посредством абсолютного локализатора *in the mid 1970s*, задающего определенный интервал в прошлом, граница которого далее конкретизируется коррелятором предшествования, выраженным придаточным времени *before I started primary school*. Таким образом, темпоральный коррелятор, уточняющий координаты мнемического события относительно другого действия, служит дополнительным маркером вербализации мнемической деятельности и позволяет локализовать информационный акт процесса памяти с большей точностью.

В следующем высказывании, вербализующем процесс запоминания, мнемическое событие принадлежит сфере планируемого субъектом:

(8) Well, the key I will begin **from now on** to learn it by heart; it is only four digits and thus no problem, I will memorize it, **until I know it by heart**, or maybe I will write it on the wall in a corner of the house so I do not lose it. And I will record it inside, in my head. That is the best... to memorize it (Jensen, p. 77).

В приведенном фрагменте мнемическое событие получает двойную темпоральную характеристику, позволяющую с большей точностью определить его место на временной

шкале будущего посредством локализатора следования *from now on* и коррелятора предшествования *until I know it by heart*.

(9) “I remember Jimmy **when we were in the seventh grade**,” he wrote (Higgins Clark, p. 182).

В примере (9), иллюстрирующем процесс хранения в памяти, коррелятор синхронности, выраженный придаточным времени, локализует мнемическое событие посредством указания на другое действие, протекавшее параллельно с ним.

(10) <...> Mommy **when I start school and I am scared**, God will take my hand and I will remember you. Mommy, **when I want to see a ball game I will save a seat**. I will remember you. Mommy, **when I want to learn to ride a bike and don't know what to do**. I will remember you. Mommy, **when I want to protect my little sisters and show them what to do**, I will remember you. Mommy, I know we have family that care and family that love us, but I will remember you <...> (Lang).

В мнемическом монологе (10) корреляторы следования дают темпоральную характеристику процессу хранения информации в памяти, определяя его как непрерывный и перманентный, не имеющий конца в обозримом будущем.

В результате анализа эмпирического материала установлено, что возможности различных конstituентов класса темпоральных адвербиалов относительно манифестации мнемических процессов неодинаковы. Так, абсолютные локализаторы были зарегистрированы нами в мнемических высказываниях, репрезентирующих процессы воспоминания и за-

бывания, но не были зафиксированы как маркеры запоминания и хранения в памяти, что, на наш взгляд, объясняется, прежде всего, природой мнемических процессов. Ретроспективно направленные процессы воспоминания и забывания, как правило, оперируют информацией об уже свершившихся фактах, которые поддаются абсолютной темпоральной локализации, тогда как мнемическое событие, обрабатываемое процессами хранения и помещения в память, часто ориентировано на текущий момент или на перспективу, и при описании такого события связи с временным ориентиром манифестируются относительными локализаторами или корреляторами.

Максимальным потенциалом при маркировании мнемической деятельности обладают темпоральные корреляторы, поскольку локализации через последующее, синхронное или предшествующее действие поддаются информационные актанты всех процессов памяти, как проспективно, так и ретроспективно ориентированных. Полученные данные, отражающие возможности темпоральных локализаторов и корреляторов в отношении манифестации отдельных процессов памяти, представлены в таблице 1.

Частота встречаемости временных локализаторов и корреляторов как маркеров мнемической деятельности также варьируется в различных типах мнемического высказывания – мнемическое диалогическое единство (МДЕ), мнемический монолог (ММ), мнемический нарратив (МН). Количественные показатели, отражающие употребление темпоральных адвербиалов в МДЕ, ММ и МН, входящих в нашу картотеку, представле-

Таблица 1

Потенциал темпоральных адвербиалов при маркировании различных процессов памяти

Темпоральные адвербиалы	Маркируемый мнемический процесс			
	Помещение информации в память	Хранение информации в памяти	Восстановление информации из памяти	Утрата информации из памяти
Локализаторы	–	–	–	–
<i>абсолютные</i>	–	–	+	+
<i>относительные</i>	–	+	+	+
Корреляторы	–	–	–	–
<i>предшествование</i>	–	+	+	+
<i>одновременность</i>	–	+	+	+
<i>следование</i>	+	+	+	+

ны в таблице 2. В абсолютном выражении указано количество мнемических высказываний каждого типа, в состав которых входит хотя бы один соответствующий темпоральный адвербиал. Процентные показатели отражают долю мнемических высказываний, содержащих локализатор или коррелятор, среди общего числа мнемических высказываний того же типа.

Минимальные значения были зарегистрированы нами для МДЕ, а максимальные – для мнемического нарратива. Такое распределение показателей мы склонны связывать с особенностями формата высказывания-вербализатора. В частности, специфика мнемического нарратива заключается в его объеме, политематичности и политемпоральности, поэтому смещение акцента в сторону той или иной тематики, переход от одного мнемического события к другому, смена темпорального плана требуют дополнительных сигналов, снижающих риск потери или искажения информации при передаче сообщения от нарратора получателю. МДЕ, напротив, не отличается значительным объемом, характеризуется монотематичностью и обладает монотемпоральной или битемпоральной структурой, которая формируется в первую очередь глагольными формами, поэтому в грамматической структуре МДЕ темпоральные адвербиалы играют второстепенную роль.

Преобладание временных корреляторов над локализаторами во всех типах мнемических высказываний мы связываем с их более высоким потенциалом в маркировании отдельных мнемических процессов.

Статус темпоральных адвербиалов как грамматических маркеров мнемической деятельности также подтверждается тем фактом, что зона действия задаваемого ими интервала не ограничивается рамками предло-

жения. Полученные результаты позволяют утверждать, что установленный темпоральным адвербиалом временной интервал действителен в пределах мнемического высказывания, за исключением тех случаев, когда он отменяется или модифицируется другим темпоральным адвербиалом.

Рассмотрим следующий пример:

(11) He later explained that **the following year, when I was seven**, the shit hit the fan. This may explain why I do not have any recollection of that year, save for vague memories of late-night screaming matches and crashings about in the dining room, when my parents returned from the theater. I was usually reading under the covers, and one night a strange stench of alcohol came from the kitchen, which I followed to find my mother pouring a number of bottles of booze down the sink. That year is a blank, aside from my seventh birthday party (I got a splinter in my nose). The next thing I remember comes **a year later**, when I was abruptly informed that we were moving, without apparent reason, to Minnesota (Hornbacher, p. 33–34).

В отрывке представлены воспоминания нарратора о детстве, верхняя граница которого обозначена относительным темпоральным локализатором *the following year* в сочетании с коррелятором *when I was seven*, а нижняя граница – относительным локализатором *a year later*. Действие заданного временного интервала поддерживается дважды повторяющейся лексической единицей *year*, принадлежащей к тематической группе слов со значением прошлого опыта, выступающих в качестве контекстуальных сигналов мнемической переработки личного опыта.

Заключение

Многопараметрический анализ мнемических высказываний, репрезентирующих

Таблица 2

Распределение темпоральных адвербиалов по различным типам мнемических высказываний в общей выборке

Темпоральные адвербиалы	Мнемическое диалогическое единство		Мнемический монолог		Мнемический нарратив	
	Кол-во контекстов	Доля среди общего кол-ва МДЕ	Кол-во контекстов	Доля среди общего кол-ва ММ	Кол-во контекстов	Доля среди общего кол-ва МН
Локализаторы	289	19,67 %	3 799	67,98 %	397	89,62 %
Корреляторы	467	31,79 %	4 252	76,09 %	402	90,74 %

мнемическую деятельность субъекта в процессе англоязычной коммуникации, позволяет сделать следующие выводы.

1. Темпоральные адverbиалы принимают участие в формировании темпорального плана мнемического высказывания, указывая на локализацию мнемического события относительно фиксированного или условного ориентира, однако не являются облигаторным компонентом мнемического высказывания.

2. В соответствии с типом временного ориентира среди темпоральных адverbиалов, маркирующих мнемическую деятельность, выделяются класс локализаторов и класс корреляторов, причем последние количественно и функционально доминируют, что обусловлено природой манифестируемого мнемического процесса.

3. Классы темпоральных адverbиалов не связаны корреляционными отношениями с определенными мнемическими процессами, а следовательно, темпоральные адverbиалы являются грамматическими маркерами индивидуальной мнемической деятельности в целом, а не отдельных процессов или видов памяти. Данную функцию рассматриваемые единицы приобретают в общем контексте мнемической ситуации, взаимодействуя с языковыми средствами других уровней, участвующими в вербальном кодировании результатов работы механизма индивидуальной памяти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бидагаева Ц. Д., 2004. Темпоральные адverbиалы в английском предложении: языковой процесс выражения смысла. Улан-Удэ : Изд-во ВСГТУ. 187 с.
- Бидагаева Ц. Д., 2011. Адverbиальность как категория широкой семантики // *Magister Dixit*. № 2. С. 26–33.
- Богуславский И. М., 1996. Сфера действия лексических единиц. М. : Школа «Языки русской культуры». 460 с.
- Исхакова Р. Ф., Хомякова Е. Г., 2009. Память и восприятие: некоторые аспекты языковой репрезентации // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. журналистика*. Вып. 1, ч. 1. С. 84–89.
- Переходцева О. В., 2012. Концепции памяти в современном западном литературоведении // *Вест-*

- ник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Вып. 1 (17). С. 157–164.
- Пищальникова В. А., 2004. К проблеме определения языковой способности // *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты* / под ред. В. А. Пищальниковой. М. : МГЭИ. Вып. 7. С. 159–169.
- Попова Л. Г., Егорова В. О., 2015. О сущности и возможностях установления культурной памяти слов (сопоставительный аспект) // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 9-1 (51). С. 143–145.
- Ребрина Л. Н., 2008. Лексические средства репрезентации операций памяти в немецком языке: принципы лингвистического анализа // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение*. № 2. С. 112–118.
- Рогачева Ю. Н., 2002. Специфические черты фрейма «память» в современном английском языке // *VI Царскосельские чтения. Университетская наука – образованию России : материалы междунар. конф.* СПб. : ЛГОУ им. А.С. - Пушкина. С. 115–117.
- Слюсарева Н. А., 1986. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М. : Наука. 216 с.
- Тивьяева И. В., 2013. Мнемическое высказывание и процедура его идентификации // *Вестник Томского государственного университета*. № 372. С. 45–48.
- Центнер А. С., 2012. Репрезентация представлений о процессах памяти в немецком языке // *Критика и семиотика*. Вып. 17. С. 224–232.
- Chafe W., 1973. *Language and Memory* // *Language*. № 49 (2). P. 261–281.
- Dalla Barba G., 2012. *Memory, Consciousness and Temporality*. N. Y. : Springer Science and Business Media. 224 p.
- Erl A., 2011. *Memory in Culture*. Basingstoke : Palgrave Macmillan. 209 p.
- Leech G., Svartvik J., 1983. *A Communicative Grammar of English*. M. : Просвещение. 304 с.

ИСТОЧНИКИ

- Anonymous* – Anonymous. A letter to... the friend who raped me // *The Guardian*. 2015. Aug. 15. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/aug/15/a-letter-to-the-friend-who-raped-me>.
- Billington* – Billington M. Natasha Richardson's death is a tragedy for theater // *The Guardian*. 2009. Mar. 19. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2009/mar/19/natasha-richardson-death-tragedy-theatre>.

- Gray – Gray S. My earliest cinematic memory... // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-204010,00.html>.
- Higgins Clark – Higgins Clark M. Before I say goodbye. N. Y. : Pocket Books, 2001. 371 p.
- Hornbacher – Hornbacher M. Wasted: a memoir of anorexia and bulimia. N. Y. : HarperCollins Publishers, Inc., ebook, 2005. 308 p.
- Jensen – Jensen S., Ronsbo H. Histories of Victimhood. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 2014. 280 p.
- Kinsella – Kinsella S. Remember Me? N. Y. : Dial Press, 2008. 390 p.
- Lang – Lang A. Fears and Tears. Bloomington : Trafford Publishing, 2014. 48 p.
- Patterson – Patterson J., Roughan H. You've Been Warned. URL: <http://www.twirpx.com/file/1839808/>.
- Stuart – Stuart K. No Man's Sky is Elite for the 21st century. Pointless? Maybe – but also sublime // The Guardian. 2016. Aug. 19. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/aug/19/no-mans-sky-elite>.

REFERENCES

- Bidagaeva Ts.D., 2004. *Temporal adverbials in English sentence: linguistic process of expressing ideas*. Ulan-Ude, Izd-vo VSGTU. 187 p.
- Bidagaeva Ts.D., 2011. Adverbiality as a category of broad semantics. *Magister Dixit*, no. 2, pp. 26-33.
- Boguslavskiy I.M., 1996. *The domain of lexical units*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 460 p.
- Iskhakova R.F., Khomyakova E.G., 2009. Memory and Perception: Some Aspects of Linguistic Representation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*, vol. 1, part 1, pp. 84-89.
- Perekhodtseva O.V., 2012. The concepts of memory in contemporary Western literature studies. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], no. 1 (17), pp. 157-164.
- Pishchalnikova V.A., 2004. On the problem of defining linguistic competence. Pishchalnikova V.A., ed. *Yazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekt* [Linguistic Reality of Man and Ethnos: Psycholinguistic and Cognitive Aspects]. Moscow, MGEI Publ., iss. 7, pp. 159-169.
- Popova L.G., Egorova V.O., 2015. On the essence of cultural memory of the words and the possibilities to identify it (comparative aspect). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 9-1 (51), pp. 143-145.
- Rebrina L.N., 2008. Lexical means of representing mnemonic operations in German: principles of linguistic analysis. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2, pp. 112-118.
- Rogacheva Yu.N., 2002. Specific Features of Frame "Memory" in contemporary English. *VI Tsarskoselskie chteniya. Universitetskaya nauka – obrazovaniyu Rossii: materialy mezhdunar. konf.* Saint Petersburg, LGOU im. A.S. Pushkina, pp. 115-117.
- Slyusareva N.A., 1986. *Problems of modern English functional morphology*. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Tivyaeva I.V., 2013. Mnemonic utterance and the process of its identification. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 372, pp. 45-48.
- Tsentner A.S., 2012. Representation of viewpoints on mnemonic processes in German. *Kritika i semiotika* [Critique & Semiotics], iss. 17, pp. 224-232.
- Chafe W., 1973. Language and Memory. *Language*, no. 49 (2), pp. 261-281.
- Dalla Barba G., 2012. *Memory, Consciousness and Temporality*. New York, Springer Science and Business Media. 224 p.
- Erl A., 2011. *Memory in Culture*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 209 p.
- Leech G., Svartvik J., 1983. *A Communicative Grammar of English*. Moscow, Prosveshhenie Publ. 304 p.

SOURCES

- Anonymous. A letter to ... the friend who raped me. *The Guardian*, August 15, 2015. URL: <https://www.theguardian.com/lifeandstyle/2015/aug/15/a-letter-to-the-friend-who-raped-me>.
- Billington M. Natasha Richardson's death is a tragedy for theater. *The Guardian*, March 19, 2009. URL: <https://www.theguardian.com/culture/2009/mar/19/natasha-richardson-death-tragedy-theatre>.
- Gray S. My earliest cinematic memory... *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/notesandqueries/query/0,-204010,00.html>.
- Higgins Clark M., 2001. *Before I say goodbye*. New York, Pocket Books. 371 p.
- Hornbacher M., 2005. *Wasted: a memoir of anorexia and bulimia*. HarperCollins Publishers, Inc., ebook. 308 p.
- Jensen S., Ronsbo H., 2014. *Histories of Victimhood*. University of Pennsylvania Press. 280 p.

Kinsella S., 2008. *Remember Me?* New York, Dial Press. 390 p.

Lang A., 2014. *Fears and Tears*. Trafford Publishing. 48 p.

Patterson J., Roughan H. *You've Been Warned*. URL: <http://www.twirpx.com/file/1839808/>.

Stuart K. No Man's Sky is Elitist for the 21st century.

Pointless? Maybe – but also sublime. *The Guardian*, August 19, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2016/aug/19/no-mans-sky-elite>.

Information about the Author

Irina V. Tivyaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Linguistics and Translation Studies, Tula State University, Prosp. Lenina, 92, 300012 Tula, Russia, tivyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

Информация об авторе

Ирина Владимировна Тивьяева, кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и перевода, Тульский государственный университет, просп. Ленина, 92, 300012 г. Тула, Россия, tivyaeva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6316-784X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.14>

UDC 81'23
LBC 81.006

Submitted: 19.09.2017
Accepted: 15.12.2017

NEGATIVE CONCEPTS IN HEARING AND HEARING-IMPAIRED TEENS' MIND ¹

Nina I. Kolodina

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Abstract. The paper presents the method for identifying the level of concept awareness and the level of moral competence based on experimental data obtained during the survey of hearing and hearing impaired teenagers. The author carries out the componential analysis of dictionary definitions and the teenagers' responses and identifies those semes in the teenagers' responses, which coincide with the semes of dictionary definitions. To calculate the levels accordingly to the mentioned method, the mathematical formula and the percentage scale proposed are given, including three levels: high, medium and low to be interpreted. The level of awareness of the moral concept is tied with the individual's ability to give an interpretation of the concept close to the dictionary definition. The level of moral competence is determined by the individual's ability to assess somebody's action according to the analogical moral concept. The processed results show that teenagers are not always aware of concepts in terminological use and substitute one concept with another. The author reveals low levels of concept awareness and moral competence on the developed percentage scale, as well as the teenagers' inability to evaluate somebody's action in correlation with the same concept. To analyze the process of concepts substitution, the correspondence table has been worked out, which includes, on the one hand, the main semes of concepts studied and semes of synonymous concepts presented, and on the other hand, the analogical feelings/emotions as those mentioned in psychology. Such a representation of moral concepts and their equivalents in the form of feelings allows us to find out the very feelings respondents describe, as well as the cases of concepts substitution. Linguistic and psychological concept correspondences presented by hearing and hearing-impaired teenagers are discussed and compared.

Key words: hearing-impaired teenagers, hearing teenagers, concept awareness, moral competence, word's lexical meaning, psycho-linguistic experiment.

Citation. Kolodina N.I. Negative Concepts in Hearing and Hearing-Impaired Teens' Mind. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 134-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.14>

УДК 81'23
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 19.09.2017
Дата принятия статьи: 15.12.2017

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОНЯТИЯ В СОЗНАНИИ СЛЫШАЮЩИХ И СЛАБОСЛЫШАЮЩИХ ПОДРОСТКОВ ¹

Нина Ивановна Колодина

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Аннотация. В работе апробируется методика выявления уровня осознанности понятия и уровня нравственной компетентности. Материалом для изучения послужили экспериментальные данные, полученные в ходе анкетирования слышащих и слабослышающих подростков. Осознанность нравственного понятия предпо-

лагает способность индивида дать характеристику понятия, близкую словарному толкованию лексемы, его номинирующей. Уровень нравственной компетентности определяется тем, что индивид может оценить чей-либо поступок соответственно нравственному понятию. В соответствии с указанной методикой посредством компонентного анализа выявляются соотносимые с признаками понятия семы, которые эксплицированы в словарных толкованиях лексемы, его номинирующей, и в ответах респондентов. Расчет уровней (высокий, средний, низкий) производится по математической формуле. Обработанные результаты демонстрируют низкий уровень осознанности понятия и нравственной компетентности как слышащих, так и слабослышащих учащихся: респонденты обеих групп не способны оценивать чей-либо поступок в корреляции с аналогичным понятием. Обнаружены случаи подмены одного понятия другим, причины которой определены с опорой на созданную автором таблицу соответствий компонентов лексического значения слова *злость* и его синонимов и признаков понятия «злость» и смежных с ним понятий, представленных в исследованиях по психологии.

Ключевые слова: слабослышащие подростки, слышащие подростки, осознанность понятия, нравственная компетентность, лексическое значение слова, психолингвистический эксперимент.

Цитирование. Колодина Н. И. Отрицательные понятия в сознании слышащих и слабослышащих подростков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 134–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.14>

Введение

В современном мире осознание нравственных понятий и аналогичных им чувств не является социальным, политическим или физиологическим требованием. Тем не менее неспособность индивида осознать то или иное понятие влечет за собой неадекватную оценку поступка индивида, тогда как осознанность нравственных понятий индивидом запускает механизм перекодирования всей структуры концептуальных знаний, в основе которого лежит переоценка жизненных ценностей.

Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью выявления уровня осознанности нравственного понятия и уровня нравственной компетентности, которые показывают, насколько индивид способен идентифицировать понятие и адекватно оценить поступок кого-либо в корреляции с этим понятием. Уровень осознанности нравственного понятия определяется способностью индивида дать толкование понятия и номинирующей его лексемы, близкое словарной дефиниции. Уровень нравственной компетентности определяется тем, что индивид может оценить чей-либо поступок соответственно нравственному понятию. Для выявления указанных уровней была разработана психолингвистическая методика [Колодина, 2016].

Цель работы – представить методику установления уровней осознанности нравственного понятия и сформированности нравственной компетентности на примере анали-

за понятия «злость». Материалом для изучения послужили данные, полученные в результате анкетирования подростков общеобразовательных учреждений.

Лексемы, называющие нравственные понятия, в толковых словарях часто определяются с помощью синонимов, что не позволяет дифференцировать их. Эта проблема приводит к необходимости выявления дифференциальных признаков понятия посредством анализа его трактовок в литературе по психологии. Методика установления уровня осознанности понятия и уровня нравственной компетентности включает набор методов и алгоритм действий, отраженный в следующих задачах:

– выявить основные семы, формирующие значение лексемы *злость* и эксплицированные в ее словарном толковании (компонентный анализ, лексический метод);

– провести анкетирование учащихся общеобразовательных заведений и выявить в полученных данных существенные признаки понятия «злость» (метод анкетирования, компонентный анализ, лексический и сравнительный методы);

– в соответствии с разработанной математической формулой и процентной шкалой определить уровень осознанности понятия и уровень нравственной компетентности учащихся (математический и сравнительный методы);

– составить таблицу соответствий и установить адекватность представленных уча-

щимися данными номинируемым понятиям с точки зрения лингвистики и психологии (психолингвистический и сравнительный методы).

Практическая значимость работы заключается в возможности определить уровень осознанности понятия учащимися и уровень их нравственной компетентности, выявить лексические единицы, на основании которых произошла возможная подмена одного понятия другим; уточнить эмоции / чувства, которые описывал учащийся в случае недостаточного осознания проверяемого понятия.

Исследование проводилось в соответствии с разработанным алгоритмом на материале анкетирования учащихся 10 и 11 классов следующих учебных заведений: МБОУ СОШ № 9 г. Воронежа, МБОУ СОШ № 16 г. Воронежа, школа-интернат для слабослышащих детей № 6 г. Воронежа; ТОГБОУ «Центр психолого-педагогического сопровождения и коррекции “Гармония”» г. Рассказово Тамбовской области; КОУВО «Бобровская специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат 1–2 вида для обучающихся, воспитанников с ограниченными возможностями здоровья» г. Боброва Воронежской области, КОУВО «Павловская школа-интернат № 1 для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья» г. Павловска Воронежской области. Общее количество анкетизируемых подростков составило 122 человека (слышащих – 65 человек, слабослышащих – 57 человек).

Участие слабослышащих учащихся в анкетировании было направлено, с одной стороны, на получение данных о способности детей с патологией слуха объяснять нравственное понятие, номинирующее эмоцию, а с другой – на выявление совпадений и различий в уровнях осознанности понятия слышащими и слабослышащими подростками.

Эксперимент

Шаг 1. Выявлены основные семы, формирующие значение лексемы *злость* и отраженные в словарных толкованиях. В «Новом словаре русского языка» приводится следующее определение: «а) Чувство гневного раздражения, враждебности по отношению к кому-л.; злоба. б) Выражение такого чувства; гнев, бешенство» (Ефремова). В «Толковом

словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой *злость* толкуется как «1. Злое, раздраженно-враждебное чувство, настроение. 2. Стремление действовать активно, бороться, боевое настроение» (Ожегов, 2001, с. 231). В «Толковом словаре Дмитрия Ушакова» *злость* трактуется как «полное раздраженной враждебности настроение» (Ушаков).

Таким образом, основными семами в значении лексемы, номинирующей исследуемое понятие, являются: ‘чувство раздражения’, ‘чувство гнева’, ‘враждебное чувство’, ‘боевое настроение’.

Шаг 2. Проведено анкетирование; учащимся общеобразовательных и специальных учебных заведений было предложено ответить на вопрос и выполнить задание:

1. Что Вы понимаете под словом *злость*?
2. Опишите ситуацию, когда Вы чувствовали злость.

Шаг 3. Полученные данные обработаны с применением указанных выше методов. В результате анализа ответов учащихся установлены семы, совпадающие с семами, выявленными на основе анализа словарных толкований слова *злость*.

На вопрос «Что Вы понимаете под словом *злость*?» от участников эксперимента были получены следующие ответы:

- гнев внутри тебя, непонятное чувство, когда хочется закричать, либо ударить, чтобы выпустить гнев;
- это раздраженное, враждебное настроение;
- проявление агрессии, состояние ярости, раздражения;
- отсутствие добра, гнев, раздражительность, ненависть;
- враждебное настроение;
- это ярость, гнев, зависть, раздражение.

В результате проведенного компонентного анализа ответов слышащих учащихся были выявлены семы, близкие тем, которые обнаруживаются в словарном толковании слова *злость*, и их количественные показатели: ‘раздражение’ (11), ‘гнев’ (7), ‘враждебность’ (2).

Слабослышащие подростки в силу их психофизиологических особенностей написали словосочетания или короткие предложения:

- понимаю, потому что связано с характером;

– командует сильно, бьет кого-то;
 – пьет водку и бой;
 – сердитый, грубость, псих, ссора, жестокость;
 – грубость, жестокость, сердитость, су-машество;
 – нервничает, злится, ненавидит, грубит.
 Обработка полученных ответов привела к выделению одной семы ‘бой’ (2), которая близка семе, представленной в словарном толковании, – ‘боевое настроение’.

В результате анализа выполненного задания «Опишите ситуацию, когда Вы чувствовали злость» выявлена нравственная компетентность респондентов по исследуемому понятию.

Слышащие подростки писали: «Когда я получил плохую оценку; при раздражительных ситуациях, конфликтах; когда что-то не получается, чувствую раздражение; когда дразнят; когда люди придираются; готов убить, когда меня предают; когда начинаю нервничать и ругаться; когда проиграла наша футбольная команда; когда сорвались планы; когда кто-то портит мои планы; когда мне что-то постоянно навязывают; если обсуждают меня за спиной и подсмеиваются, я потом испытываю злость и пытаюсь отомстить».

В процессе компонентного анализа высказываний были выделены семы ‘раздражение’ (12), ‘враждебность’ (7), которые близки семам словарного толкования.

Анализ ответов слабослышащих подростков на второе задание позволил выявить одну сему ‘раздражение’ (5), близкую семе словарного толкования. Поскольку у слабослышащих учащихся семантическая память ограничена, в ответах они использовали односложные фразы и короткие предложения: «меня раздражает, когда меня дразнят; Коля раздражает меня; я всегда раздраженный, злюсь, когда драка; Света плохая, злая; не знает ответ злой, раздраженный; жадный и злой; бьет злой; я не злой; не знаю раздражение; я добрый; люблю всех».

Шаг 4. Проведен расчет уровня осознанности понятия и уровня нравственной компетентности учащихся.

Семы ‘чувство раздражения’, ‘чувство гнева’, ‘враждебное чувство’, ‘боевое настроение’, представленные в словарных толкованиях, принимаются за 100 %. Для установления уровня

осознанности нравственного понятия производится подсчет по ответам на первый вопрос. Для определения уровня нравственной компетентности производится подсчет по высказываниям, данным в ходе выполнения второго задания.

Получение результата по определению каждого уровня соответствует пошаговому выполнению расчетов по следующей формуле:

$$y_i = \frac{z_i * 100 \%}{x},$$

где x – общее количество анкетированных в каждой группе; z_i – количество человек, в ответах которых выявлена сема, соответствующая семе словарного толкования (например, в ответах 11 человек была выявлена сема ‘чувство раздражения’, то есть $(11 * 100 \%) / 65 = y_i$); y_i – процентное выражение количества реализаций семы, совпавшей в ответах респондентов и в словарном толковании, то есть $(11 * 100 \%) / 65 = 16,93 \%$.

Поскольку по одной словарной дефиниции выявлено несколько сем, то необходимо суммировать все полученные результаты, поэтому далее проводим такой же подсчет на каждую выявленную сему и суммируем полученные проценты: $\sum y_i = y_1 + y_2 + y_3 + \dots + y_n$, где $\sum y_i$ – общее количество совпавших сем в процентах.

Итак, получена следующая формула:

$$\sum y_i = \sum \left(\frac{z_i * 100 \%}{x} \right).$$

Количественные данные таковы:

– ‘раздражение’ – $(11 * 100) / 65 = 16,93 \%$;
 – ‘гнев’ – $(7 * 100) / 65 = 10,77 \%$;
 – ‘враждебность’ – $(2 * 100) / 65 = 3,08 \%$.

Затем суммируем все процентные значения: $16,93 \% + 10,77 \% + 3,08 \% = 30,78 \%$. Полученный процент (30,78 %) показывает уровень нравственной осознанности понятия слышащими подростками.

Подобный расчет проводим с результатами, полученными в ходе анкетирования слабослышащих учащихся:

– ‘бой’ – $(2 * 100) / 57 = 3,6 \%$.

Обработка высказываний слышащих респондентов, выполнивших второе задание, позволяет произвести расчет по приведенной выше математической формуле:

– ‘раздражение’ – $(12 * 100) / 65 = 18,47 \%$;
 – ‘враждебность’ – $(7 * 100) / 65 = 10,77 \%$.

Суммируем полученные данные: $18,47\% + 10,77\% = 29,24\%$.

Полученный процент (29,24 %) показывает уровень нравственной компетентности слышащих подростков.

Анализ высказываний слабослышащих подростков, выполнивших второе задание, позволил рассчитать количественный показатель уровня нравственной компетентности по приведенной формуле: $(5 * 100) / 57 = 8,8\%$. Полученный процент отражает уровень сформированности нравственной компетентности слабослышащих подростков.

Шаг 5. Установлены уровни осознанности понятия и нравственной компетентности учащихся в соответствии с процентной шкалой, представленной ниже (табл. 1). Чем больше процент совпадений, тем выше уровень осознанности понятия и нравственной компетентности. Адекватное оценивание поступка показывает достаточный уровень адаптации в обществе.

Согласно приведенной шкале, уровень осознанности нравственного понятия «злость» в группе слышащих подростков составил **30,78 %**, что соответствует низкому уровню, то есть подростки не осознают исследуемое нравственное понятие и подменяют его другими смежными понятиями. Уровень нравственной компетентности составил **29,24 %** и также соответствует низкому уровню, который интерпретируется как «индивид не может оценить поступок или поведение соответственно данному понятию».

Поскольку у слабослышащих подростков по первому вопросу в ответах была обнаружена одна сема 'бой', которую можно признать близкой семе в словарном толковании 'боевое

настроение', а количественный показатель ее выражения равен **3,6 %**, то уровень осмысления понятия является низким. Количественный показатель нравственной компетентности слабослышащих подростков равен **8,8 %**, что также соответствует низкому уровню.

Шаг 6. Для выявления механизма мыслительной деятельности, приводящей к подмене одного понятия другим, создана таблица соответствий, где приведены основные семы исследуемого понятия и смежных с ним понятий и даны описания аналогичных чувств / эмоций в литературе по психологии.

Подобное представление нравственного понятия и его эквивалента в виде чувства дало возможность установить, какие именно чувства описывали респонденты и где произошла подмена одного понятия другим.

Обсуждение соответствий

ЗЛОСТЬ. Анализ ответов слышащих учащихся позволяет утверждать, что подростки не дифференцируют отрицательные эмоции соответственно понятиям. Так, при описании слышащими старшеклассниками чувств, которые они испытывали в различных ситуациях, выяснилось, что под «злостью» подростки понимают несколько отрицательных чувств. Они писали: «злость – это проявление агрессии»; «это состояние ярости»; «гнев внутри тебя»; «ненависть»; «раздраженное, враждебное настроение». В таблице 2 видно, что словарное толкование слова *злость*, номинирующего соответствующее понятие, не совпадает с психологическим объяснением чувства злости.

Таблица 1

Шкала определения уровня осознанности нравственного понятия и уровня нравственной компетентности

Уровни осознанности понятия и компетентности	Показатель уровня (%)	Интерпретация уровня осознанности понятия	Интерпретация уровня компетентности
Высокий	75–100	Имеет четкое представление о нравственном понятии, может дать определение номинирующего его слова, близкое словарному толкованию	Может оценить поступок или поведение в соответствии с нравственным понятием
Средний	35–74	Имеет приблизительное представление о нравственном понятии, но не может идентифицировать относительно других смежных понятий	Может оценить поступок или поведение в соответствии со смежным нравственным понятием
Низкий	1–34	Не осознает нравственное понятие, подменяет нравственное понятие другими понятиями	Не может оценить поступок или поведение в соответствии с данным или смежным понятием

Таблица 2

Разноаспектная характеристика понятия «злость» и смежных с ним понятий²

Дефиниции слов, объективирующих эмоции / чувства (по словарным толкованиям)	Характеристика эмоции / чувства в психологии	Проявления эмоции / чувства в поступке
<i>Злость</i> – злое, раздраженно-враждебное чувство, боевое настроение	Злость выступает результатом выражения какого-либо неудовлетворения: ожиданий, желаний или действий. Часто, когда человек не может выплеснуть злость, у него возникает обида, под которой понимается острая отрицательная эмоция, вызываемая переживаниями	Злость – короткое чувство, которое вспыхивает и проходит в ответ на неполучение желаемого. Злость не имеет цели причинить вред тому, источником которого она является. Человек может повысить голос, сказать что-то неприятное в ответ, но, как правило, люди подавляют злость. Основной причиной этого подавления является страх быть отвергнутым теми, на кого направлена эта эмоция
<i>Агрессивность</i> – открытая неприязнь, вызывающая враждебность	Агрессивность – поведение, ориентированное на нанесение вреда объектам, в качестве которых могут выступать живые существа или неодушевленные предметы. Агрессивное поведение служит формой реагирования на физический или психический дискомфорт, стресс, от которых человек хочет освободиться	В поступке могут быть проявлены разные виды агрессии: 1) <i>физическая</i> – использование физической силы против другого лица или объекта с целью нанесения вреда; 2) <i>вербальная</i> – ссора до крика с визгом, угрозой, проклятием и пожеланием самого худшего человеку
<i>Ненависть</i> – чувство сильной вражды, злобы	Ненависть – интенсивная, длительная и нередко необоснованная враждебность, озлобленность по отношению к кому- или чему-либо. Характеризуется следующими основными признаками: а) страстным желанием и упорными попытками причинять как можно больший вред, ущерб объекту ненависти; б) злорадством, удовольствием от неудач, страдания или разрушения объекта ненависти; в) мстительностью, неспособностью прощать, проявлять снисходительность, великодушие. Ненависть, наряду с другими эмоциями, входит также в состав чувства ревности	Человек, охваченный ненавистью, способен на любые поступки, так как его разум перестает контролировать чувства. В худшем случае человек становится одержимым ненавистью. Ненавидящий может спровоцировать драку, ссору, пытаясь унижить объект ненависти, продемонстрировать неуважение, оскорбить, попытаться показать свое превосходство
<i>Гнев</i> – чувство сильного негодования, возмущения, раздражения, недовольства	Гнев выражается как чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо, чем-либо (обычно бурно проявляющееся) и является более сильным (интенсивным) вариантом злости	Гнев часто идентифицируется совокупностью физических реакций, включая определенную мимику, жесты, позы. Хочется что-то быстро сделать или сказать что-то грубое, чтобы выплеснуть эмоцию гнева. Гнев сложнее контролируется, чем злость, и человек в состоянии гнева высказывает больше негатива
<i>Враждебность</i> – вражда, отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью	Враждебность – длительное, устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. Может проявляться как в гнев, так и в постоянном отрицательном отношении к окружающему миру. Немотивированная враждебность проявляется в виде навязчивых мыслей и суждений. Она не поддается контролю или воспитанию, в таких случаях говорят о заболевании и требуется участие врача-психиатра	Проявлениям враждебности характерны: вспышки гнева; крики, швыряние вещами; импульсы причинять телесные повреждения, боль; импульсы ломать или крушить. Враждебность может протекать вяло и тогда отрицательное отношение к окружающим проявляется в постоянном осуждении окружающих, в распространении нелепых сплетен
<i>Раздражение</i> – озлобленное возбуждение, гнев, досада, недовольство	Раздражение – недовольное состояние, когда что-то злит, вызывает сильную болезненную реакцию, вплоть до скандала. Из-за раздражения любая мелочь превращается в конфликт, раздражение мешает пониманию и чувствуемому окружающим, снижает ясность мышления, разумность решений	Раздражение провоцируется действиями или общением, когда постоянно задевают что-то большое: большие точки в душе, большие темы в общении. Раздражение возникает как реакция на неудавшиеся шутки, подшучивания, неприятные «комплименты»; когда кто-то пристает с разными глупостями, а мы этого не хотим; когда делаем ошибки. В таком состоянии хочется ответить резко или уйти от общения

АГРЕССИВНОСТЬ. Выполняя задание, подростки писали о готовности причинить физическую боль, когда их предадут. В словарном толковании лексемы *агрессивность* в качестве основных эксплицируются семы 'открытая неприязнь', 'вызывающая враждебность'. В психологии агрессивность рассматривается как «использование физической силы против другого лица с целью нанесения вреда». Таким образом, в ответах учащихся была репрезентирована агрессивность, а не злость, то есть произошла подмена одного понятия другим.

НЕНАВИСТЬ. Обнаруживается совпадение психологических описаний эмоции ненависти с толкованием лексемы, номинирующей аналогичное нравственное понятие и содержащей семы 'вражда', 'злоба'. Ученики указывали, что в ситуациях, когда их дразнят и обсуждают за спиной, они начинают мстить и ненавидят тех, кто является источником злости. Согласно таблице 2, чувство ненависти объясняется желанием человека причинить ущерб объекту ненависти, что в данном случае и было описано респондентами.

РАЗДРАЖЕНИЕ. Словарное толкование лексемы *раздражение* лишь частично совпадает с психологическими описаниями соответствующего состояния, имея в составе сему 'недовольство'.

Выполняя второе задание, учащиеся писали: «чувствую злость, когда дразнят». В психологическом описании подобный процесс представлен как накопительный, связанный с постоянным задеванием «больных» точек. В таких ситуациях человек чувствует раздражение. Лексема *раздражение* в толковых словарях объясняется как «озлобленное возбуждение», что не соответствует представлению о злости в психологическом аспекте. Полагаем, подмена понятия «злость» произошла в силу того, что учащиеся не осознают признаки, дифференцирующие два смежных понятия, а основой подмены понятий стала сема 'гнев' в значении слов *злость* и *раздражение*.

ГНЕВ. Семы, выявленные в словарном толковании лексемы *гнев* – 'чувство сильного негодования', 'чувство возмущения', 'чувство крайнего раздражения', 'чувство недовольства', представлены и в психологическом объяснении аналогичной эмоции. Однако про-

явление гнева в поступке всегда имеет характерные признаки, позволяющие отличить чувство гнева от других эмоциональных состояний. Это физическая реакция на объект раздражения, выражающаяся в резком, грубом поведении, в мимике, жестах. Гнев плохо контролируется индивидом, в отличие от злости. В высказываниях подростков обнаружено следующее описание чувства гнева: «гнев внутри тебя, когда хочется закричать, ударить; ссора, жестокость, драка». Основой для подмены понятия «злость» понятием «гнев» стала сема 'чувство гнева', она эксплицирована в словарной дефиниции лексемы *злость*.

ВРАЖДЕБНОСТЬ. В лингвистическом толковании лексемы *враждебность* выделены семы 'отношения и действия, проникнутые неприязнью', 'отношения и действия, проникнутые ненавистью'. В психологическом объяснении враждебность – это длительное, устойчивое негативное отношение или система оценок, применяемая к окружающим людям, предметам и явлениям. Враждебность предполагает постоянное отрицательное отношение к окружающему миру, осуждение окружающих, распространение нелицеприятных сплетен, наговоров. В ответах учащихся на вопрос и задание анкеты эксплицирована сема 'враждебность', но высказывания учащихся не совпали ни с лингвистическим толкованием слова *враждебность*, ни с психологическим объяснением данного чувства и его проявления в поступке. Подмена понятия произошла на основе семы 'враждебность', которая обнаруживается в толковании лексемы *злость*.

Выводы

Исследования, проведенные по разработанной методике, позволили сделать вывод о том, что современные подростки не осознают своих эмоциональных состояний и объясняют аналогичные им нравственные понятия либо синонимичными лексемами, либо словами, не имеющими общих семантических признаков с лексемой, называющей толкуемое понятие. У слышащих подростков и их сверстников с патологией слуха был установлен низкий уровень осознанности нравственного понятия «злость» и низкий уровень нравственной компетентности. Полученный результат свидетельствует, с

одной стороны, о том, что неспособность осмысления нравственных понятий ведет к смещению ценностных ориентиров в сторону оправдания себя (респонденты объясняют агрессивность тем, что их «довели до такого состояния»), с другой стороны, о том, что мыслительная деятельность подростков упрощается до уровня оперирования одним понятием, которое в их представлении соответствует многим другим, более сложным. Толковые словари не дают дифференцированного представления о всей гамме признаков нравственных понятий, переживаемых индивидом как эмоции и чувства. Тем не менее, окончив общеобразовательное учреждение, молодой человек считается нравственно сформированной личностью, готовой к самостоятельной жизни и способной нести ответственность за свои поступки. В этом ракурсе возникает необходимость обучения подростков осознанию нравственных понятий и эквивалентных им эмоций. Можно полагать, что подобное обучение явится ступенью к грамотности иного уровня, нежели правильное написание слов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00057 «Структурированность нравственных понятий» (“Structuredness of moral notions”).

² Для составления таблицы использовались лексикографические издания, указанные в списке словарей (см. ниже), а также материалы следующих изданий:

7 способов подавления злости. URL: <https://psiman.ru/7-sposobov-podavleniya-zlosti/> (дата обращения: 10.02.2017).

Влияние гнева на нашу жизнь // Лаборатория исследования лжи / International Academy of Research of Lie. URL: <http://www.iarltula.ru/publics1.html>.

Ненависть. Ее виды и причины // Психология человека. URL: <https://psiman.ru/nenavist-ee-vidy-i-prichiny/> (дата обращения: 14.02.2017).

Приступы агрессии: в чем корень зла // Психология. URL: <http://www.jlady.ru/psixologiya-lichnosti/prichiny-agressii.html> (дата обращения: 10.02.2017).

Энциклопедический словарь по психологии и педагогике // Словари и энциклопедии на Академике. URL: http://psychology_pedagogy.academic.ru/ (дата обращения: 10.02.2017).

Ястребов В. С., Солохина Т. А., Анохина В. В. Словарь терминов для пользователей психиатричес-

кой помощи «от А до Я» / под ред. проф. В. С. Ястребова. М. : МАКС Пресс, 2008. 32 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колодина Н. И., 2016. Методика определения уровня осознанности понятия и уровня нравственной компетентности (на материале анкетирования слабослышащих и слышащих подростков по понятию «уважение») // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. № 10 (64), ч. 1. С. 87–92. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/31.html>.

СЛОВАРИ

Ефремова – Ефремова Т. Ф., 2000. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М. : Русский язык. URL: <http://www.efremova.info/word/nenavist.html> (дата обращения: 25.01.2017).

Ожегов – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 2001. Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник. 944 с.

Ушаков – Толковый словарь Дмитрия Ушакова. URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/nenavist/35318> (дата обращения: 25.01.2017).

REFERENCES

Kolodina N.I., 2016. Methods to identify the level of conception understanding and moral competence level (by the results of the survey of hearing-impaired and hearing teenagers on the concept “esteem”). *Filologicheskie nauki. Voprosu teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 10 (64), part 1, pp. 87-92. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2016/9-1/31.html>.

DICTIONARIES

Efremova T.F., 2000. *New explanatory and word-formation dictionary of the Russian language*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. URL: <http://www.efremova.info/word/nenavist.html> (accessed 25 January 2017).

Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 2001. *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow, Azbukovnik Publ. 944 p.

Ushakov D.S. *Explanatory dictionary of the Russian language*. URL: <http://ushakova-slovar.ru/description/nenavist/35318> (accessed 25 January 2017).

Information about the Author

Nina I. Kolodina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the English Language, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St., 8, 394043 Voronezh, Russia, verteria@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3269-4030>

Информация об авторе

Нина Ивановна Колодина, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 8, 394043 г. Воронеж, Россия, verteria@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3269-4030>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.15>

UDC 811.111'373
LBC 81.432.1-324

Submitted: 14.10.2017
Accepted: 11.12.2017

SYNONYMY IN DEVELOPING TERM SYSTEMS (USING THE EXAMPLE OF THE TERM *MOBBING* IN MODERN ENGLISH)

Olga A. Bursina

Vologda State University, Vologda, Russia

Abstract. The paper elucidates the reasons for terminology synonymy. The example of the term *mobbing* is shown, that this phenomenon is especially characteristic of new developing term systems. It is revealed that the term *mobbing* belongs to several related term systems and has a number of synonyms. The following reasons for terminology synonymy are observed in the work: terms polysemy, introduction of a term by different scholars and publicists in different periods and countries, the ability of a term to have a broader meaning, enlargement of the form of a term.

The three main components of the meaning of the term *mobbing* given in the scientific and reference literature are distinguished as a result of the definition analysis. In case the semantic structure of other terms nominating this social psychological phenomenon comprises these components, one can state that they are synonymous. It is proved in the paper that some terms which are considered to be synonyms of the term *mobbing* in specialist literature are actually not its synonyms. The semantic analysis of the synonymic row with the head term *mobbing* and the analysis of their semantic structure prove that it is necessary to regulate the micro term system *Mobbing*.

Key words: term, terms' synonymy, term system, term microsystem, context, term's semantics, term structure, synonymic row.

Citation. Bursina O.A. Synonymy in Developing Term Systems (Using the Example of the Term *Mobbing* in Modern English). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 143-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.15>

УДК 811.111'373
ББК 81.432.1-324

Дата поступления статьи: 14.10.2017
Дата принятия статьи: 11.12.2017

СИНОНИМИЯ В ФОРМИРУЮЩИХСЯ ТЕРМИНОСИСТЕМАХ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНА *MOBBING* В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Ольга Алексеевна Бурсина

Вологодский государственный университет, г. Вологда, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам возникновения синонимии в современных терминологических системах. На примере термина *mobbing* показано, что синонимические отношения характерны для формирующихся терминосистем. Установлено, что термин *mobbing* входит в несколько терминосистем смежных областей знания и имеет большое количество синонимов. В качестве причин появления у термина *mobbing* синонимов определены следующие: возникновение терминологической многозначности; введение термина учеными и публицистами разных стран в разное время; способность термина обозначать широкие понятия; усложнение формальной структуры термина.

В результате дефиниционного анализа определений термина *mobbing*, приведенных в научной и справочной литературе, выделены три основных компонента его значения. Их наличие в семантике других единиц, которые номинируют исследуемый социально-психологический феномен, является критерием для установления отношений синонимии между терминами. В работе показано, что некоторые термины, квалифицированные в научной литературе как синонимы термина *mobbing*, таковыми не являются. В результате

семантического анализа синонимического ряда во главе с термином *mobbing* и анализа структуры единиц, входящих в него, делается вывод о необходимости упорядочения микротерминосистемы *Mobbing*.

Ключевые слова: термин, терминологическая синонимия, терминосистема, микротерминосистема, контекст, семантика термина, структура термина, синонимический ряд.

Цитирование. Бурсина О. А. Синонимия в формирующихся терминосистемах (на примере термина *mobbing* в современном английском языке) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 143–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.15>

Введение

Проблема синонимии терминов вызывает дискуссии среди лингвистов, оставаясь актуальной на протяжении долгого времени. В научном сообществе аккумулируется все больше практического и теоретического знания относительно специальной лексики. На фоне меняющейся научной картины мира терминологическую синонимию не следует рассматривать как недопустимое в терминосистеме лексико-семантическое явление. Практика показывает, что существует большое количество терминов-синонимов, особенно в формирующихся терминосистемах.

В условиях быстрого и большого потока информации появляются новые области научно-технического знания и, соответственно, зарождаются и развиваются новые терминосистемы. Некоторые ученые утверждают, что терминологическая синонимия – признак не зарождающейся, а, напротив, бурно развивающейся науки. Так, В.А. Татаринов отмечает, что «чем выше уровень развития науки, тем синонимичнее мышление специалиста» [Татаринов, 1996, с. 227]. Однако большинство исследователей, и мы разделяем их мнение, склонны считать, что наличие лексико-семантических отношений между терминологическими единицами, в частности отношений синонимии, особенно характерно для терминосистем на этапах их формирования (см., например: [Гринев-Гриневиц, 2008; Даниленко, 1977; Загоровская, 2011; Ткачева, 1987]).

Терминосистемы социально-гуманитарных наук имеют свою специфику. (см., например: [Лейчик, 2006; Цвиллинг, 1989]). Они интересны для изучения с методологической точки зрения, так как «отличаются обобщенностью, тесной связью с общеупотребительной лексикой и терминосистемами

смежных дисциплин, некоторой смысловой разветвленностью, отсутствием унифицированности, неустойчивостью значений, эмоциональной и субъективно-оценочной окраской, контекстной зависимостью, стилистической окраской, ограниченностью форм, не экономичностью, нередко отсутствием научного обоснования» [Бурсина, 2010, с. 98]. Перечисленные особенности терминосистем социально-гуманитарного направления способствуют развитию лексико-семантических отношений среди терминов, в том числе отношений синонимии.

В данной работе рассматривается синонимический ряд во главе с термином *mobbing* в формирующейся и развивающейся микротерминосистеме *Mobbing*, которая относится к области социально-гуманитарных знаний.

Моббинг как социально-психологическое явление появился гораздо раньше, чем привлек к себе общественный и научный интерес (в странах Западной Европы и США этот феномен обсуждается в обществе и исследуется учеными с начала 1980-х гг., в последние десятилетия проблема моббинга получила широкий общественный резонанс и в России).

В настоящее время данная проблема привлекает внимание ученых разных областей знания и практической деятельности: психологии, социальной работы, права, экономики, образования и др., поэтому термин *mobbing* входит в разные терминосистемы. Человек является членом коллектива или группы, начиная с детских лет и всю взрослую жизнь (группа детского сада, школа, детский дом, университет, общежитие, армия, трудовой коллектив, социальные сети). Такое широкое экстралингвистическое предметно-понятийное терминологическое поле (область или контекст) предполагает наличие соответствующего лингвистического терминологического аппарата, который должен представ-

лять собой целостную микротерминосистему, используемую для описания проблемы моббинга и поиска возможных путей ее решения.

Происхождение и употребление термина *mobbing*

С лингвистической точки зрения важно проследить возникновение термина *mobbing*, который происходит от английского глагола *to mob* – «to crowd about and attack or annoy» (MWOD). С.А. Дружилов отмечает, что термин *mobbing* был введен в 1958 г. К. Лоренцем и обозначал феномен группового нападения нескольких мелких животных на более крупного противника. Термин получил известность в 60-х гг. XX в. после публикации работы шведского врача П. Хайнемана, который сравнивал жестокое поведение детей по отношению к сверстникам с агрессивным поведением животных. В современном значении термин впервые употребил практический психолог и инженер-экономист Г. Лейман, изучавший в начале 80-х гг. XX в. особенности поведения людей на работе, в трудовом коллективе [Дружилов, 2011, с. 75].

Обратимся к дефиниции термина, предложенной доктором Г. Лейманом:

mobbing – hostile and unethical communication, which is directed in a systematic way by one or a few individuals mainly towards one individual who, due to mobbing, is pushed into a helpless and defenceless position, being held there by means of continuing mobbing activities (Leymann).

Данное определение является основой более современных дефиниций, предлагаемых новейшими англоязычными словарями и энциклопедиями. Например, краткая энциклопедия по сестринскому делу под ред. Г. Фельдмана, изданная в 2011 г., содержит следующую дефиницию:

mobbing – an aggressive antagonistic behavior implemented by a group of people toward one or more individuals that aims to humiliate, discredit, and marginalize a targeted individual (Feldman).

Русскоязычные толковые и специальные словари приводят определения моббинга, аналогичные процитированному. Например, толковый словарь русского языка, изданный в

2011 г. под ред. Т.Ф. Ефремовой, дает следующее определение:

моббинг – **психологический террор, интриги** в отношении того, кто может составить конкуренцию (в условиях рыночной экономики) (Ефремова).

В учебном словаре терминов рекламы и публик рилейшенз 2007 г. находим более развернутое определение:

моббинг – (от англ. *mobbing*) **несправедливое отношение** (создание для работника заведомо невыгодных условий) **к работнику, издевательство** над ним или его **дискриминация со стороны работодателя или других работников** (Радченко).

В научных работах по психологии предлагается следующая дефиниция:

моббинг – (*mobbing* – от англ. глагола *to mob* – грубить, нападать толпой, стайей, травить) – **форма психологического насилия** в виде травли **сотрудника в коллективе с целью его последующего увольнения**; проявляется в виде психологических притеснений работника, происходящих на протяжении длительного времени и включающих в себя негативные высказывания, необоснованную критику в адрес работника, его социальную изоляцию, распространение о работнике заведомо ложной информации и т. п. (Дружилов, с. 119).

Научное сообщество однозначно понимает феномен моббинга, именно поэтому термины *mobbing* и *моббинг* имеют схожие дефиниции, в которых актуализируются идентичные компоненты значения:

– ‘что предпринимается’: *hostile and unethical communication / an aggressive antagonistic behavior / психологический террор / несправедливое отношение, издевательство, дискриминация / форма психологического насилия*;

– ‘кем и в отношении кого’: *by one or a few individuals mainly towards one individual / by a group of people toward one or more individuals / к работнику со стороны работодателя или других работников / сотрудника в коллективе*;

– ‘каков результат’: *is pushed into a helpless and defenceless position / aims to humiliate, discredit, and marginalize / с целью его последующего увольнения*.

Причины терминологической синонимии

В терминосистеме социальной работы, а также в смежной терминосистеме психологии, существуют и другие термины, обозначающие моббинг как социальный феномен. Например, Л. Крошоу в одной из своих работ говорит о беспорядочном наименовании данного феномена различными зарубежными исследователями и приводит 33 термина, которые используются для называния этого явления: *abuse, abusiveness, aggression, bullying, bullying / mobbing, counterproductive workplace behavior, emotional abuse, emotional harassment, employee emotional abuse, generalized workplace abuse, harassment, hostile workplace behavior, maltreatment, mistreatment, mobbing, nonphysical aggression, nonsexual harassment, non-status-based harassment, psychological abuse, psychological aggression, psychological harassment, psychological terror, scapegoating, status-blind bullying, status-conscious bullying, unlawful bullying, vexatious behavior, workplace abuse, workplace aggression, workplace harassment, workplace hostility, workplace incivility, workplace psychological violence* [Crawshaw, 2009, p. 264].

Итальянские исследователи также отмечают, что в разных странах для обозначения рассматриваемого общественного феномена используются разные термины: *bullying, work or employee abuse, mistreatment, emotional abuse, bossing, victimization, intimidation, psychological terrorization, psychological violence* [Cassitto et al., 2003, p. 12]. Однако, по их мнению, данные термины не являются полными синонимами, поскольку каждый из них возник в том или ином культурном контексте и имеет свою специфику.

Так, термин *bullying* изначально использовался применительно к школьной среде, обозначая преследование члена школьного коллектива. В настоящее время термин приобрел более широкое значение и имеет следующую дефиницию:

bullying – intentional harm-doing or harassment that is directed toward vulnerable targets and typically repeated. Bullying encompasses a wide

range of malicious aggressive behaviours, including physical violence, verbal mockery, threats, ostracism, and rumours spread either orally or by other means of communication, such as the Internet (Britannica).

Соответственно, явление, обозначаемое данным термином, может наблюдаться не только в школьном, но и в рабочем коллективе, в семье, в любой другой группе людей (соседей, прихожан церкви и т. д.). Развитие значений термина *bullying* отражает развитие терминосистемы, в процессе которого входящие в нее термины могут вступать в отношения семантического сходства и, как следствие, входить в синонимические ряды. Итак, формирование многозначности – это первая причина терминологической синонимии. Однако многозначность может быть снята в случае, если усложняется структура термина. Несомненно, двухкомпонентный термин *workplace bullying* отличается от однокомпонентного *bullying* как более узким значением, так и принадлежностью к разным микротерминосистемам.

Второй причиной образования синонимичных терминов может быть место и время появления того или иного термина. Например, немецкий ученый, психолог, психиатр Г. Лейман в 1980-х гг. основал специализированную клинику в Швейцарии и впервые провел исследования психологического насилия в виде травли сотрудника в коллективе, назвав его *mobbing*. Синонимичный ему термин *workplace bullying* был введен в 1992 г. британской журналисткой Андреа Адамс, которая вынесла проблему моббинга на широкое общественное обсуждение. В 1998 г. Доктор Р. Нами и социальный психолог, основатель и консультант образовательного и исследовательского института по вопросам моббинга Г. Нами начали использовать термин *workplace bullying* в американской прессе. Данный термин имеет следующее определение:

workplace bullying – repeated, health-harming mistreatment of one or more persons (the targets) by one or more perpetrators: abusive conduct that takes one or more of the following forms: verbal abuse, or threatening, intimidating behaviors (including nonverbal), or work interference – sabotage – which prevents work from getting done, or some combination of one or more (Namiе).

Дефиниция термина *workplace bullying* эксплицирует основные компоненты значения, аналогичные компонентам термина *mobbing*: ‘что предпринимается’ (*persistent aggressive or unreasonable behavior, verbal, nonverbal, psychological, physical abuse and humiliation*), ‘кем и в отношении кого’ (*individuals or groups against a co-worker*). Таким образом, синонимия терминов действительно может иметь место на этапе формирования терминосистемы в силу того, что ученые разных стран стремятся в один и тот же период назвать и определить то или иное явление или предмет.

Третья причина терминологической синонимии – широкое значение термина в силу достаточно широкого объема понятия, им номинированного. В список синонимов, составленный Л. Крошоу, входит термин *abuse*, который имеет следующее определение:

abuse – **improper behavior** intended to cause **physical, psychological, or financial harm to an individual or group** (цит. по: [Бурсина, 2016, с. 54]).

В дефиниции выражены три компонента значения, характерные для термина *mobbing*: ‘что предпринимается’ (*improper behavior*), ‘кем и в отношении кого’ (*an individual or group*), ‘каков результат’ (*physical, psychological, or financial harm*). Однако терминологическое значение настолько общее, что полностью совпадает с общелитературным лексическим значением данной единицы. При отсутствии необходимого контекста невозможно утверждать, что термины *mobbing* и *abuse* являются абсолютными синонимами.

Четвертая причина развития терминологической синонимии – усложнение структуры термина.

Л. Крошоу и ее итальянские коллеги в списке синонимов термина *mobbing* приводят термины *emotional abuse, employee emotional abuse, generalized workplace abuse, psychological abuse, workplace abuse, work or employee abuse*. Однако усложнение структуры термина *abuse*, способствующее уточнению его семантики, по-разному отражается на процессе образования синонимов. Так, термины (*generalized*) *workplace abuse, work or employee abuse, psychological abuse*, содержащие в своем значении компоненты (‘что

предпринимается’, ‘кем и в отношении кого’, ‘каков результат’), являются полными синонимами и принадлежат микротерминосистеме *Mobbing*:

(*generalized*) *workplace / work / employee abuse* – **physical violence or harassment** that is physical in nature, such as **inappropriate touching, threats, bullying, or verbal harassment**; often, any behavior that causes **a worker to feel attacked or unsafe** (Nemie)

psychological abuse – *psychological abuse* is a pattern of aggressive acts, verbal or non-verbal, intended to harm another person mentally or emotionally and/or to exert control over that person (Breiding).

Однако термин *emotional abuse* не является абсолютным синонимом термина *mobbing*. Во-первых, он принадлежит хотя и смежным, но самостоятельным терминосистемам (социальная работа, психология, медицина и психиатрия), имея в них свое специальное значение. Во-вторых, даже в пределах одной терминосистемы он может входить в несколько микротерминосистем. Например, внутри терминосистемы области социальной работы термин *emotional abuse* входит в микротерминосистемы “Mental health, substance abuse and social work”, “Family, children, education, old people and social work”, имея в них следующие дефиниции:

the debasement of a person’s feelings that causes the individual to perceive himself or herself as inept, not cared for, and worthless (MMD);

the third most frequently reported form of child abuse; includes acts or omissions by the parents or other caregivers that could cause serious behavioral, emotional, or mental disorders. For example, the parents/caregivers may use extreme or bizarre forms of punishment, such as confinement of a child in a dark closet (Loveleen, p. 3).

Термин *employee emotional abuse* может быть включен в исследуемый синонимический ряд во главе с термином *mobbing*, поскольку имеет в своей структуре дополнительный компонент (*employee*). В определении данного термина отражены все три компонента значения, выявленные у термина *mobbing*:

employee emotional abuse – a **repetitive, targeted, and destructive form of communication** directed by **more powerful members at work** at those **less powerful** (Lutgen-Sandvik).

Расширение формальной структуры термина ведет к сужению, специализации его значения. Данное утверждение верно и для таких терминов, как *aggression / workplace aggression*, *harassment / workplace harassment*. Каждый структурный элемент привносит дополнительные компоненты в семантику термина, тем самым уточняя его, но не способствует преодолению синонимии.

Выводы

Отношения синонимии характерны для специальной лексики, в частности на этапе формирования терминосистем. На примере семантического анализа термина *mobbing* показано, что в процессе формирования микросистемы терминов основной задачей специалистов является упорядочение терминов, исключение из оборота терминов, семантика которых вне контекста представляется неясной и нечеткой, а также терминов, которые уже входят в данную или смежную систему, обозначая то или иное понятие. В качестве причин появления у термина *mobbing* синонимов были установлены: возникновение терминологической многозначности; введение термина учеными и публицистами разных стран в разное время; способность термина обозначать широкие понятия; усложнение формальной структуры термина.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурсина О. А., 2010. Специфика терминосистем социально-гуманитарных и естественно-математических наук // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Серия Филология. Т. 1, № 1. С. 92–99.
- Бурсина О. А., 2016. Особенности гиперо-гипонимических отношений в отраслевых терминосистемах (на примере терминосистемы социальной работы в современном английском языке) // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные, педагогические науки. № 1. С. 53–56.
- Гринев-Гриневиц С. В., 2008. Терминоведение. М.: Академия. 304 с.

- Даниленко В. П., 1977. Русская терминология. М.: Наука. 246 с.
- Дружилов С. А., 2011. Моббинг на кафедре вуза в условиях реформирования высшего профессионального образования // Мир науки, культуры, образования. № 3. С. 74–77.
- Загоровская О. В., 2011. Термин и терминология: монография. Воронеж: Научная книга. 146 с.
- Лейчик В. М., 2006. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: ДомКнига. 256 с.
- Татаринов В. А., 1996. Теория терминоведения. В 3 т. Т. 1. Теория термина: история и современное состояние. М.: Моск. лицей. 311 с.
- Ткачева Л. Б., 1987. Основные закономерности английской терминологии. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 200 с.
- Цвиллинг М. Я., 1989. Специфика общественно-научного текста (к вопросу о внутриотраслевой дифференциации языка науки) // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. М.: Наука. С. 27–36.
- Cassitto M., Fattorini E., Gilioni R., Rengo C., 2003. Raising Awareness of Stress at Work in Developing Countries // Protecting Workers: Health Series. № 6. Milano: World Health Organisation. P. 1–38. URL: http://www.wascorporation.it/docs/psicological_stress.pdf (date of access: 15.02.2018).
- Crawshaw L., 2009. Workplace Bullying? Mobbing? Harassment? Distraction by a thousand definitions // Consulting Psychology Journal: Practice and Research. Vol. 61, № 3. P. 263–267. URL: <http://www.bosswhispering.com/CPJ%20Crawshaw%20Article.pdf> (date of access: 07.07.2017).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Дружилов – Дружилов С. А., 2011. Проблемы моббинга на кафедре в условиях реформирования вуза // Высшее образование в России. № 6. С. 118–122. URL: <http://druzhilov.ru/articles/психологический-террор-боссинг-и-мо/>.
- Ефремова – Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276686/моббинг>.
- Радченко – Радченко И. А., 2007. Учебный словарь терминов рекламы и паблик рилейшенз. Воронеж: ВФ МГЭИ. URL: <http://advertising-pr.academic.ru/275/Моббинг>.
- Breiding – Breiding M., Basile K., Smith S., Black M., Mahendra R., 2015. Intimate partner violence surveillance: Uniform definitions and recommended data elements, version 2.0. Atlanta, (GA): National Center for Injury Prevention and Control, Centers

- for Disease Control and Prevention. 156 p. URL: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/intimatepartnerviolence.pdf>.
- Britannica* – Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/bullying#ref1137234> (date of access: 07.07.2017).
- Feldman* – Nursing Leadership. A Concise Encyclopedia / ed. by Harriet R. Feldman. URL: <http://www.omnilexica.com/?q=mobbing#noun>.
- Leymann* – Leymann H., 1990. Mobbing and Psychological Terror at Workplaces // Violence and Victims. № 5. P. 119–126. URL: [http://www.mobbingportal.com/LeymannV%26V1990\(3\).pdf](http://www.mobbingportal.com/LeymannV%26V1990(3).pdf) (date of access: 07.07.2017).
- Loveleen* – Loveleen K., Varadan S., Kumar P., 2007. Study on Child Abuse: India 2007. Ministry of Women and Child Development, Government of India. New Delhi : Kriti. 192 p.
- Lutgen-Sandvik* – Lutgen-Sandvik P., 2003. The Communicative Cycle Of Employee Emotional Abuse. Generation and Regeneration of Workplace Mistreatment // Management Communication Quarterly. Vol. 16, № 4. P. 471–501. URL: https://www.researchgate.net/publication/258170720_The_Communicative_Cycle_Of_Employee_Emotional_Abuse_Generation_and_Regeneration_of_Workplace_Mistreatment (date of access: 20.06.2017).
- MMD* – Mosby's Medical Dictionary, 8th edition. 2009. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/emotional+abuse> (date of access: 15.02.2018).
- MWOD* – Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/mob> (date of access: 07.07.2017).
- Namie* – Namie G., Yamada D. C. Healthy Workplace Bill. URL: <http://healthyworkplacebill.org/problem/> (date of access: 15.02.2018).
- Danilenko V.P., 1977. *Russian terminology*. Moscow, Nauka Publ. 246 p.
- Druzhilov S.A., 2011. Mobbing at a university's department in the conditions of high school reformation. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, no 3, pp. 74-77.
- Zagorovskaya O.V., 2011. *Term and terminology studies*. Voronezh, Nauchnaya kniga Publ. 146 p.
- Leychik V.M., 2006. *Terminology studies: subject, methods, structure*. Moscow, DomKniga Publ. 256 p.
- Tatarinov V.A., 1996. *Terminology theory*. In 3 vols. Vol. 1. *Term theory: history and present*. Moscow, Moscovsky Litsey Publ. 311 p.
- Tkacheva L.B., 1987. *Main tendencies in English terminology*. Tomsk, Tomsk University Publ. 200 p.
- Tsvilling M.Ya., 1989. Specific character of social scientific text (about specific differentiation of scientific language). *Raznovidnosti i zhanry nauchnoy prozy. Lingvostilisticheskie osobennosti*. Moscow, Nauka Publ. pp. 27-36.
- Cassitto M., Fattorini E., Gilioni R., Rengo C., 2003. Raising Awareness of Stress at Work in Developing Countries. *Protecting Workers: Health Series*, no. 6. Milano, World Health Organisation, pp. 1-38. URL: http://www.wascorporation.it/docs/psicological_stress.pdf (accessed February 15, 2018).
- Crawshaw L., 2009. Workplace Bullying? Mobbing? Harassment? Distraction by a thousand definitions. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, vol. 61, no. 3, pp. 263-267. URL: <http://www.bosswhispering.com/CPJ%20Crawshaw%20Article.pdf>. (accessed 7 July 2017).

REFERENCES

- Bursina O.A., 2010. Specific character of the terminologies in Arts and Sciences. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya Filologiya* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Series. Philology], vol. 1, no. 1, pp. 92-99.
- Bursina O.A., 2016. Typical features of hyperonym-hyponym relations in terminologies (based on the example of social work terminology in modern English). *Vestnik Vologodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye, obshchestvennye, pedagogicheskie nauki*, no. 1, pp. 53-56.
- Grinev-Grinevich S.V., 2008. *Terminology studies*. Moscow, Akademiya Publ. 304 p.
- Druzhilov S.A., 2011. Mobbing at a university's department in the conditions of high school reformation. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 6, pp. 118-122. URL: <http://druzhilov.ru/articles/психологический-террор-боссинг-и-мо/>.
- Efremova T.F., 2011. *Modern explanatory dictionary of the Russian language*. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/276686/моббинг>.
- Radchenko I.A., 2007. *Dictionary of terms of advertising and public relations*. Voronezh, VF MGEI Publ. URL: http://advertising_pr.academic.ru/275/Моббинг.
- Breiding M., Basile K., Smith S., Black M., Mahendra R., 2015. *Intimate partner violence surveillance:*

- Uniform definitions and recommended data elements, version 2.0.* Atlanta, (GA): National Center for Injury Prevention and Control, Centers for Disease Control and Prevention. 156 p. URL: <https://www.cdc.gov/violenceprevention/pdf/intimatepartnerviolence.pdf>.
- Britannica.* URL: <https://www.britannica.com/topic/bullying#ref1137234> (accessed 7 July 2017).
- Feldman H.R., 2011. *Nursing Leadership. A Concise Encyclopedia.* URL: <http://www.omnilexica.com/?q=mobbing#noun> (accessed 7 July 2017).
- Leymann H., 1990. Mobbing and Psychological Terror at Workplaces. *Violence and Victims*, no. 5, pp. 119-126. URL: [http://www.mobbingportal.com/LeymannV%26V1990\(3\).pdf](http://www.mobbingportal.com/LeymannV%26V1990(3).pdf) (accessed 7 July 2017).
- Loveleen K., Varadan S., Kumar P., 2007. *Study on Child Abuse: India 2007.* Ministry of Women and Child Development, Government of India. 192 p.
- Lutgen-Sandvik P., 2003. The Communicative Cycle Of Employee Emotional Abuse. Generation and Regeneration of Workplace Mistreatment. *Management Communication Quarterly*, vol. 16, no. 4, pp. 471-501. URL: https://www.researchgate.net/publication/258170720_The_Communicative_Cycle_Of_Employee_Emotional_Abuse_Generation_and_Regeneration_of_Workplace_Mistreatment (accessed 20 June 2017).
- Mosby's Medical Dictionary, 8th edition.* 2009. URL: <https://medical-dictionary.thefreedictionary.com/emotional+abuse> (accessed 15 February 2018).
- Merriam-Webster online dictionary.* URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/mob> (accessed 7 July 2017).
- Namie G., Yamada D.C. *Healthy Workplace Bill.* URL: <http://healthyworkplacebill.org/problem/> (accessed 15 February 2018).

Information about the Author

Olga A. Bursina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of the English Language, Vologda State University, Lenina St., 15, 160000 Vologda, Russia, olgasazanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3873-2269>

Информация об авторе

Ольга Алексеевна Бурсина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка, Вологодский государственный университет, ул. Ленина, 15, 160000 г. Вологда, Россия, olgasazanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3873-2269>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.16>

UDC 81'42:030
LBC 81.055.512

Submitted: 18.10.2017
Accepted: 08.12.2017

FRONTISPIECE AS A REPRESENTATIVE OF EMBLEMATICITY IN THE ENCYCLOPEDIA BY D. DIDEROT AND J. D'ALEMBERT

Svetlana A. Gerasimova

Moscow City University, Moscow, Russia

Abstract. The research, which results are presented in the paper, coincides with current issues related to the scientific discourse space investigation and relates to the subject sphere of semiotics. The article analyzes the pragmatic significance of one of the circumtext elements of the 18th century French Encyclopedia – the frontispiece, meaningful for a potential reader to understand the reference book as a whole. It is proved that in the architectonic-pragmatic division of the work the frontispiece plays a significant role due to a strong pre-text position, fulfilling a prospective function in orienting the addressee. Being a part of this reference edition, the para-text element precedes the language component of the text, joins the word and shapes a semiotic unity. It is specified that the Encyclopedia comes across as a multimodal text, where scientific knowledge is coded by verbal and iconic text. The structural-semantic relations of the iconic and verbal components of the Encyclopedia as a multimodal text are described. Frontispiece being a visual component carries out a semasiological connection with a verbal sign, denoting related subject-matter associations. It is proved that the role of the frontispiece is to expand and deepen the content of the verbal component of the 18th century largest reference edition. The semantic relations between the frontispiece and the text are realized through a visualized symbolic image, which explicates their connection within the whole book.

Key words: field of communication, multimodality, frontispiece, engraving, the Encyclopedia by D. Diderot and J. D'Alembert, allegory, academic text.

Citation. Gerasimova S.A. Frontispiece As a Representative of Emblematicity in the Encyclopedia by D. Diderot and J. D'Alembert. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 151-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.16>

УДК 81'42:030
ББК 81.055.512

Дата поступления статьи: 18.10.2017
Дата принятия статьи: 08.12.2017

ФРОНТИСПИС КАК РЕПРЕЗЕНТАНТ ЭМБЛЕМАТИЧНОСТИ ЭНЦИКЛОПЕДИИ Д. ДИДРО И Ж. ДАЛАМБЕРА

Светлана Анатольевна Герасимова

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование, результаты которого представлены в статье, находится в русле актуальных проблем, связанных с изучением пространства научного дискурса, и относится к предметной сфере «семиотика». Выявлена прагматическая роль одного из околотекстовых элементов французской Энциклопедии, созданной Д. Дидро и Ж. Даламбером, – фронтисписа, релевантного для целостного понимания адресатом (потенциальным читателем) содержания и структуры многотомного издания. Доказано, что, находясь в сильной предтекстовой позиции, фронтиспис выполняет проспективную функцию в ориентировании адресата: данный паратекстовый элемент предвдвряет языковую составляющую текста и в соединении со словом образует семиотическое целое. Энциклопедия характеризуется как поликодовый текст, в котором научные знания кодируются вербальным и иконическим текстом. Описаны структурно-семантические отношения иконического и вербального компонентов Энциклопедии. Фронтиспис как изобразительный компонент осуществляет семасиологическую связь с вербальным знаком, обозначая ассоциативно соотносимые между собой предметные ситуации. Установлено, что роль фронтисписа заключается в расширении и углублении

содержания вербальной составляющей крупнейшего справочного издания XVIII века. Семантические отношения между фронтисписом и текстом осуществляются посредством визуализированного символического образа, обнаруживающего их связность в рамках целого книжного пространства.

Ключевые слова: поле коммуникации, поликодовость, фронтиспис, гравюра, Энциклопедия Д. Дидро и Ж. Даламбера, аллегория, научный текст.

Цитирование. Герасимова С.А. Фронтиспис как репрезентант эмблематичности Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 151–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.16>

1. Введение

Отличительной чертой эпохи Просвещения является энциклопедизм, а «энциклопедический взгляд на мир» становится результатом выделения науки в особую сферу знания [Артемьева, Микешин, 2004, с. 14]. Усиленный поток нового знания приводит к необходимости решения задач его сохранения, упорядочения, анализа и толкования. Каждая научная книга того времени отражает попытки систематизировать накопленное знание, определить его место среди информации другого рода. В данный период преобладало мнение, заключающееся в том, что изобразительные средства превышают по своей силе словесные. В этой связи неслучайно появление *фронтисписа* в крупнейшем справочном издании XVIII в. – «Энциклопедия, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел» (*Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*) (далее – Энциклопедия) Д. Дидро (1713–1784) и Ж. Даламбера (1717–1783).

В издательской практике термин *frontispice* (от лат. *frontis* – «лоб, передняя сторона» и *spicere* – «смотреть») закрепился, придя из сферы архитектуры: А. Фюретьер определяет это слово как «la face et principale entrée d'un grand bâtiment qui se présente de front aux yeux des spectateurs» (Furetière) – лицевой и главный вход в большое здание, предстающий перед глазами зрителей (здесь и далее перевод наш. – С. Г.). Начиная с Нового времени фронтисписом в книгоиздании называли помещенную в начале книги, предшествующую наборному титульному листу полностраничную гравированную декоративную композицию либо с портретом автора, либо с сюжетной иллюстрацией. Сюжеты с изображением человека стали неотъемлемой частью книжного декора на фронтисписах книг XVII–XVIII веков. Они виртуозно перено-

лись на гравюры, сохраняя качество живописных оригиналов, воспроизведенных в книге. В современной издательской практике *фронтиспис* определяется как «страница с изображением, образующая разворот с лицевой стороны титульного листа, и само это изображение. Изображение должно быть обобщающего характера, относиться ко всему изданию в целом» [Мильчин, 1998, с. 417–418].

2. Объект и методология исследования

Иллюстрация перед титульным листом как часть титульного разворота формирует первое впечатление читателя об издании, анонсируя его изобразительными средствами [Каск, 2010, с. 159]. На фронтисписе первого тома Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера воспроизведена гравюра «Храм Истины» (*Temple de la Vérité*) Б.-Л. Прево (Bonaventure-Louis Prévost) (1735–1804?), созданная по рисунку французского художника Ш.-Н. Кошена-младшего (Charles-Nicolas Cochin) (1715–1790) – самого авторитетного иллюстратора, который вошел в историю французского искусства как один из стратегов художественной политики середины XVIII в. (см. рис. 1).

Выбор рисунка Ш.-Н. Кошена-младшего для создания гравюры был вполне закономерным. Информативность, взаимодействие с текстом, аллегоричность, обращение к мифологической и экзотической тематике, сочетание художественного и документального методов изображения являлись теми основными особенностями книжных иллюстраций художника, которые придавали его творчеству первостепенное значение [Борщ, 2016, с. 169]. Ш.-Н. Кошен-младший принадлежал к числу «аристократии кисти и резца», сотрудничая с крупнейшими французскими издателями, особенно с книготорговцем короля Ш.-А. Жонбером, объединившим вокруг себя влиятельных

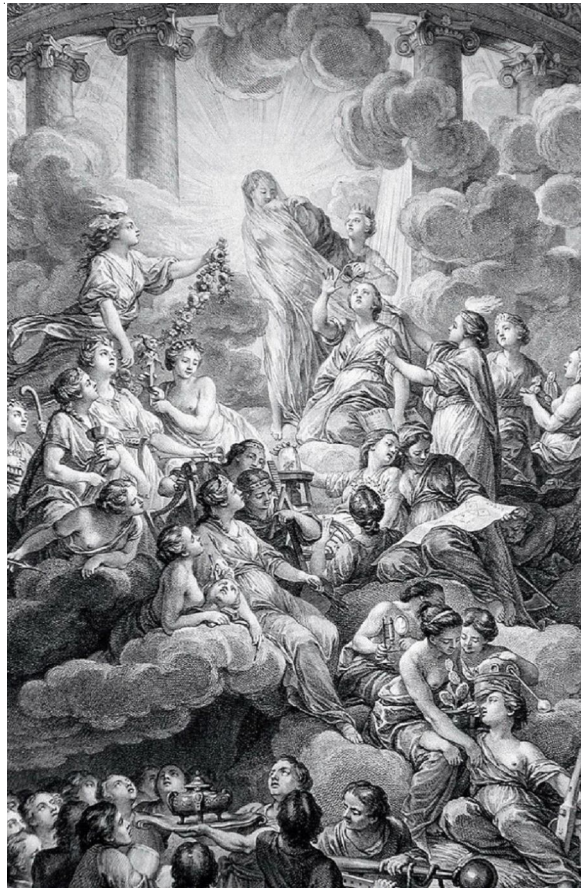

Рис. 1. Фронтиспис к тому I Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера

персон, художников, литераторов и библиофилов [Борщ, 2016, с. 172].

Гравюра Б.-Л. Прево, приглашенного Д. Дидро в качестве иллюстратора и комментатора Энциклопедии, целенаправленно помещена на левую половину разворота первого тома. Под гравюрой стоит подпись «Frontispice de l'Encyclopédie». Название – «Храм Истины» – перекликается с визуально-аллегорическим изображением фронтисписа «Храм Наук», созданного для популярной и выдержавшей множество переизданий в XVIII в. английской энциклопедии Э. Чемберса («Temple of Sciences») – «Универсального словаря наук и искусств» («Chambers E. Cyclopaedia: or an Universal Dictionary of Arts and Sciences»).

Словарь Э. Чемберса послужил для Д. Дидро и Ж. Даламбера своеобразным толчком к написанию Энциклопедии. Создатели эпохального справочного издания приняли решение не переводить английский словарь, а осуществить собственный проект, основанный

на другой концепции знания и принципиально ином видении мира. Согласно с принципом авторитетного натурфилософа и естествоиспытателя Бюффона (Georges-Louis Leclerc Comte de Buffon, 1707–1788) о единстве природы, Д. Дидро и Ж. Даламбер полагали, что все отдельные науки являются частями единой науки [Акимова, 1963].

Энциклопедия, став одним из наиболее продаваемых изданий, способствовала распространению идей Просвещения и воспитанию думающих читателей. Издание носило не только информативный, но и символический характер, поскольку служило манифестом просветительского процесса. Читатели искали в ней не только новую информацию, но и новую философию [Артемьева, Микешин, 2004, с. 18]. Кроме того, при создании энциклопедий и словарей лучшие представители нации обрабатывают родной язык, подготавливая почву для развития филологической культуры личности читателя. Такая культура предполагает не только наличие богатого лексикона, но и владение образным

строем родного языка. Ярким примером обработки французского языка, несомненно, стало издание Энциклопедии XVIII в.: авторская речь стала частью развивающей системы, воздействовавшей на личность адресата. Знакомство со словарным материалом вело к расширению лингвокогнитивных способностей читателей, к формированию и развитию национальной языковой личности [Седых, 2012, с. 19].

3. Результаты и дискуссия

На примере первого тома французской Энциклопедии XVIII в., увидевшего свет в 1751 г., проанализируем прагматическую значимость фронтисписа для понимания адресатом (потенциальным читателем) справочного издания в целом. Включение фронтисписа в первый том издания было знаковым и сыграло большую роль в культурной жизни французского государства. Фронтиспис, помещенный в начале тома, позднее неоднократно копировался и появился еще в десяти последующих томах Энциклопедии, став фактически торговой маркой издателя. Гравюра, иллюстрирующая комплекс вербальных знаков (статьи Энциклопедии), предваряет собой научный труд (*OUVRAGE*), в котором, по замыслу авторов, заключались бы все книги, была бы представлена картина человеческого ума (*des connoissances humaines*) за все предыдущие века и во всех отраслях знания, начиная с самых отдаленных времен и заканчивая настоящим временем (то есть XVIII в.) (D'Alembert).

Фронтиспис придает особую эстетическую значимость Энциклопедии и расставляет смысловые акценты в произведении, предполагая скрытую подчиненность иллюстрирующего изображения тексту. Как иллюстративное предисловие фронтиспис является металингвистическим знаком, призванным декодировать последующий текст справочного издания, адресованного читателю (подробно об иллюстративном предисловии как металингвистическом знаке см.: [Викулова, 2001, с. 257]).

Подобно другим околотекстовым элементам Энциклопедии (имена авторов и издателей, заголовков, титульный лист, вступительная речь и др.) фронтиспис выполняет особую проспективную функцию, ориентируя адресата в чтении многотомного издания.

В архитектонико-прагматическом членении издания фронтиспис играет значимую роль благодаря сильной предтекстовой позиции. - Заметим, что сама Энциклопедия как новаторское произведение может быть отнесена к новому поколению дидактических изданий. Для него характерно усиление роли структурных элементов книги и появление специального аппарата издания – *аппарата ориентировки* (куда с полной уверенностью можно отнести и фронтиспис), обеспечивающего целенаправленную ориентацию читателя в содержании и структуре книги [Афанасьев, 2008, с. 38–39].

Данное печатное издание как единый комплекс, единый текст состоит из символических знаков, находящихся свое выражение в письменности, и иконических, представленных как иллюстрации. При этом иллюстративный и текстуальный элементы играют важную роль в процессе формообразования печатного издания [Мисонжников, 2001, с. 11, 227]. Энциклопедия предстает как поликодовый текст, в котором разнокодовые средства (вербальный и иконический тексты) метафорически демонстрируют новые научные знания своего времени. Фронтиспис как изобразительный компонент осуществляет семасиологическую связь с вербальным знаком, обозначая разные, но ассоциативно связанные между собой предметные ситуации.

Изначально свойственный фронтиспису архитектонический принцип обрамления проявляется в изображении. В центре возвышается едва прикрытая вуалью женская фигура в ореоле света, излучаемого ею. Она символизирует Истину (*la Vérité*), к которой обращены взгляды остальных персонажей. Истина олицетворяет два мира – аллегорический и реальный: неземное свечение, которым украшали лики святых, как символ духовного прозрения разгоняет темные облака над земным храмом, ее фигура напоминает образ Христа.

В аллегорической форме сюжетная иллюстрация фронтисписа воспроизводит основную идею Энциклопедии: отдельные науки есть часть единой науки, все научные знания соотносятся с тремя способностями человека – памятью, рассудком и воображением. Д. Дидро и Ж. Даламбер опирались, как мы

уже указывали, на идею единства природы Ж.-Л. Л. де Бюффона и классификацию наук крупнейшего английского философа Нового времени Ф. Бэкона (Francis Bacon, 1561–1626) – основателя опытной науки, разработавшего новый метод научного познания, разделившего все науки на исторические, поэтические и философские (история рассматривалась как знание, опирающееся на память, философия – на рассудок, а поэзия – на воображение) [Bacon].

Эта схема была принята и развита Д. Дидро в соответствии с его рационалистическими взглядами. Первый шаг к созданию Энциклопедии – составление генеалогического или энциклопедического древа, которое показало бы происхождение каждой отрасли наших знаний, их взаимную связь на общем стволе и позволяло бы нам припоминать различные статьи по их названиям: «nous sommes entrés sur les différentes parties de nos connoissances, & sur les caracteres qui les distinguent, il ne nous reste plus qu'à former un Arbre généalogique ou encyclopédique» (D'Alembert). Идея такого генеалогического древа и отражена во фронтисписе к Энциклопедии.

В соответствии с рационалистическими и антиклерикальными установками Д. Дидро считал, что все сферы знания, включая теологию, подчиняются разуму и философии. Справа на гравюре фронтисписа Разум (la Raison) и Философия (la Philosophie) пытаются снять вуаль с ключевой фигуры изображе-

ния – Истины (la Vérité), открывая очевидность знаний миру (рис. 2). Так через рисунок Ш.-Н. Кошена-младшего и гравюру Б.-Л. Прево читателям раскрывается синтетическое и философское видение мира Д. Дидро. Философия и разум стали для создателей Энциклопедии и их соратников самыми важными понятиями. Неслучайно на голове женской фигуры, олицетворяющей Разум (la Raison), корона из двенадцати звезд Богородицы, она (фигура Разума) – королева знаний.

У ног Истины изображена стоящая на коленях и повернувшаяся к ней спиной Теология (La Théologie). В одной руке она держит Библию, а другой взывает к небу. Намек на религию является одной из доминирующих характеристик этой гравюры. Созданная в соответствии с требованиями сакрального искусства, гравюра показывает прогрессивное значение знания, доказывая один из приоритетных тезисов просветителей: Бог должен служить истине, а не наоборот.

Слева, в момент «открытия» Истины, крылатое Воображение (l'Imagination) готовится украсить ее венком. Фигуры Воображения и Разума расположены ближе всех к Истине, поскольку, согласно мировоззрению Д. Дидро, для поддержания знаний важны именно эти человеческие способности. Людское воображение порождает искусства, а человеческий разум дает жизнь наукам. Как доказательство данного тезиса все виды Искусства и Науки (les Arts et les Sciences) разме-

Рис. 2. Фрагмент фронтисписа. Фигуры, символизирующие Истину, Разум, Философию, Теологию

щены на рисунке в соответствии с отношением к этим двум способностям: слева – все возможные виды Искусства, справа – все значимые для жизнедеятельности человека Науки. Обеспечивая семантическую связанность научного дискурса, образы на гравюре представляют собой одно из проявлений метакommunikации. Фактически это вербальный знак в изображении, который можно рассматривать как основной актуализатор текстового концепта каждого тома Энциклопедии.

Образам женщин, олицетворяющим Науки и Искусства, отдан средний план фронтисписа. Каждый персонаж держит в руках предмет, который позволяет идентифицировать его с тем или иным видом Искусства или Науки. Слева, ниже Воображения (l'Imagination), художник поместил фигуры, олицетворяющие эпическую, драматическую, сатирическую поэзию и пастораль. Там же, слева, подчиняясь Воображению, расположились четыре жанра: Музыка (la Musique) с арфой в руках, Скульптура (la Sculpture) с вылепленным бюстом, Живопись (la Peinture) с кистями для рисования, Архитектура (l'Architecture) с чертежными инструментами (рис. 3).

Правее находятся фигуры, среди которых читатель видит Память (la Mémoire) и современную Историю (l'Histoire Moderne) со сфинксом в руке. Древняя История (l'Histoire Ancienne), опершись на голову Времени (le Temps), описывает события в летописи. Ниже, в правой части рисунка, изображены Физика

(La Physique), придерживающая сосуд, Геометрия (la Géométrie), изучающая формулы на листе пергамента, и Астрономия (l'Astronomie), чья голова покрыта звездным венцом. Завершают средний план фигуры, символизирующие точные науки. Единственная фигура мужчины с микроскопом в руке олицетворяет Оптику (l'Optique). Три женских персонажа представляют Ботанику (la Botanique) с экзотическим растением на коленях, Химию (la Chymie) с инструментами в руках и Агронию (l'Agriculture), опирающуюся на колосья пшеницы (см. рис. 4).

Подобный способ визуализации уже имеющихся и новых знаний оказался под своеобразным влиянием театральности культуры Нового времени. Одним из объединяющих факторов мировоззрения Нового времени выступала концептуальная метафора «мир – театр», проявлявшая себя в различных формах, в том числе таких как «знание – это театр», «книга – это театр». Думаем, что гравюра Б.-Л. Прево, давшая рождение фронтиспису Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера, представляет концептуальное единство, являясь составляющей особого текстового альянса, так называемого «книжного театра» [Бычков, 2014]. Аккумуляция информации в условиях плюрализации знания стала ключевой особенностью «книжных театров» XVII–XVIII веков. В случае с фронтисписом Энциклопедии результат проявился в высокой информативности такого текстового альянса.

Рис. 3. Фрагмент фронтисписа. Фигуры, символизирующие Музыку, Скульптуру, Живопись, Архитектуру

Рис. 4. Фрагмент фронтисписа. Фигуры, символизирующие Оптику, Ботанику, Химию и Агрономию

При создании рисунка был использован один из приемов живописи, также испытавший влияние архитектуры – триангуляция, то есть придание любому сложному по конфигурации пространству треугольной формы (САРТ). С одной стороны, подчеркивается роль Истины как вершины визуального треугольника в освещении Науки и Изобразительных Искусств. С другой стороны, мы наблюдаем динамичное движение от основания к вершине, которое призвано акцентировать внимание на служении Изобразительных Искусств и Наук раскрытию Истины. В таком художественном треугольнике обеспечивается связность сюжета: все персонажи взаимозависимы друг от друга. Эта взаимосвязь усиливается одинаковым стилем одежды (античные тоги), которая демонстрирует единение под крышей храма Искусств и Наук. Персонажи гравюры символизируют знания, которые необходимо передать толпящимся внизу людям (рис. 5), которые держат подношения Храму Истины и являются основанием треугольника, откры-

вают процесс научного познания. Им (людям) призваны служить все персонажи Храма для получения новых знаний.

Рецензируя произведения граверов, выставленные на обозрение публики на одном из художественных Салонов в 1765 г., Д. Дидро отметил, что рисунок Ш.-Н. Кошена-младшего предназначен для фронтисписа к книге «Энциклопедия», и высоко оценил этот рисунок как гениальный: «Dessin destiné à servir de Frontispice au livre de “L’Encyclopédie”»; «C’est un morceau très-ingéniusement composé» (Diderot).

4. Выводы

Фронтиспис к первому тому Энциклопедии Д. Дидро и Ж. Даламбера принадлежит к смешанным знакам, сочетая изображение события и вербальный компонент в виде подписи, четко обозначающей данный жанр (*Frontispice*). Как паратекстовое средство он создает «оптический образ» Энциклопедии и

Рис. 5. Фрагмент фронтисписа. Люди приносят подношения Храму Истины

оптимальные условия для передачи замысла авторов, выступая в качестве дополнительного носителя научного знания о мире. Синтез слова и изображения приводит к совмещению принципиально различных типов семиозиса, что делает текст изображением, функционально приближая гравюру фронтисписа к эмблеме. Фактически фронтиспис задает семиотические смыслы и ценностные ориентиры для потенциальных образованных читателей. Знаковое содержание научных ориентиров времени получает свое выражение в визуализации ключевых наук.

Фронтиспис представляет собой метафорическое осмысление сложной системы символов и аллегорий, что отражает его эмблематичность. Характерное личностное начало авторов Энциклопедии, художника-иллюстратора, гравера и издателя проявляется в эксплицитной доступности нового знания, открытого для любого читателя, стремящегося к просвещению. Иконические знаки фронтисписа к первому тому Энциклопедии отражают субъектно-адресатные отношения участников коммуникативного процесса, локализируют событие изображаемого познания истины в научном пространстве. Текстовое пространство Энциклопедии XVIII в. стало трибуной для декларирования взглядов ее создателей, отказа от старых социальных ценностей. При этом авторы решали прагматическую задачу воздействия на читателя, приглашая оценить справочное издание с точки зрения актуальности затронутых в нем тем, в том числе и посредством фронтисписа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акимова А. А., 1963. Дидро. М. : Молодая гвардия. 480 с. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 12 (368)).
- Артемова Т. В., Микешин М. И., 2004. Плоды «энциклопедического древа», или Два великих проекта // Философский век : альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета / отв. ред. Т. В. Артемова, М. И. Микешин. СПб. : Санкт-Петербургский Центр истории идей. С. 13–24.
- Афанасьев А. Д., 2008. Развитие видов учебных изданий для высшей школы (1960–1980 гг.). М. : Изд-во МГОУ. 110 с.

- Борщ Е. В., 2016. Гравюры по рисункам Ш.-Н. Кошена-младшего во французских книгах XVIII века из собраний Екатеринбурга // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. Т. 18, № 2 (151). С. 169–183.
- Бычков С. С., 2014. «Хроники» раннего Нового времени в рамках текстового альянса «книжных театров» // Вестник Майкопского государственного технологического университета. № 1. С. 13–18.
- Викулова Л. Г., 2001. Волшебная французская литературная сказка конца XVII – начала XVIII вв.: прагмалингвистический аспект. Иркутск : ИГЛУ. 286 с.
- Каск А. Н., 2010. Графика аллегорий и умонастроенных в русских журналах XVIII века: фронтиспис // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. № 2. С. 159–169.
- Мильчин А. Э., 1998. Издательский словарь-справочник. М. : Юристъ. 472 с.
- Мисонжников Б. Я., 2001. Феноменология текста (соотношение содержательных и формальных структур печатного издания). СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та. 490 с.
- Седых А. П., 2012. Национальная литература и коммуникативная культура нации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 2 (10). С. 16–20.
- Bacon F. The Advancement of Learning. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/bacon/francis/b12a/chapter25.html> (date of access: 28.06.2017).

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- D'Alembert* – D'Alembert J. R. Discours préliminaire // Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Texte établi par Diderot et d'Alembert, 1751. Т. 1. P. I–XIV. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L'Encyclopédie/1re_édition/Discours_preliminaire.
- Diderot* – Diderot D. Les œuvres complètes, 1876. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k233974>.
- Furetière* – Furetière A. Dictionnaire Universel. URL: <http://xn-furetire-60a.eu/index.php>.
- CAPT* – Словарь архитектурно-реставрационных терминов. URL: <http://terms.archodessa.com/all/triangulyaciya/>.

REFERENCES

- Akimova A.A., 1963. *Diderot*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. 480 p.

- Artemyeva T.V., Mikeshin M.I., 2004. Fruits of the “encyclopedic tree”, or The two great projects. *Filosofskiy vek. Almanakh. Entsiklopediya kak forma universalnogo znaniya: ot epokhi Prosveshcheniya k epokhe Interneta*, iss. 27, pp. 13-24.
- Afanasyev A.D., 2008. *Development of types of educational publications for higher education (1960–1980)*. Moscow, MGOU Publ. 110 p.
- Borshch E.V., 2016. Engravings Based on C.-N. Cochin Younger’s Drawings in 18th Century French Books from Ekaterinburg Collections]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2, Gumanitarnye nauki* [Izvestia of Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], vol. 18, no. 2 (151), pp. 169-183.
- Bychkov S.S., 2014. “Chronicles” of the early modern times in the text alliance of “book theatres”. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta* [The bulletin of Maikop state technological university], no. 1, pp. 13-18.
- Vikulova L.G., 2001. *Magic French literary fairy tale of the end of the 17th – early 18th centuries: pragmalinguistic aspect. Monograph*. Irkutsk, IGLU Publ. 286 p.
- Kask A.N., 2010. Graphics of allegories and mentality in the Russian journals of the 18th century: frontispiece. *Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik MGHPA*, no. 2, pp. 159-169.
- Milchin A.E., 1998. *Publisher’s reference dictionary*. Moscow, Yurist Publ. 472 p.
- Misonzhnikov B.Ya., 2001. *Phenomenology of the text (correlation between the content and formal structures of the printed publication). Monograph*. Saint Petersburg, Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 490 p.
- Sedykh A.P., 2012. National Literature and National Communicative Culture]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie*, no. 2 (10), pp. 16-20.
- Bacon F. *The Advancement of Learning*. URL: <https://ebooks.adelaide.edu.au/b/bacon/francis/b12a/chapter25.html> (accessed 28 June 2017).

SOURCES AND DICTIONARIES

- D’Alembert J.R., 1751. Preliminary speech. *Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Texte établi par Diderot et d’Alembert*, vol. 1, pp. I-XIV. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/L'Encyclopédie/1re_édition/Discours_preliminaire (accessed 1 August 2016).
- Diderot D., 1876. *Complete works*. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k233974> (accessed 3 July 2017).
- Furetière A. *Universal Dictionary*. URL: <http://xn-furetire-60a.eu/index.php> (accessed 19 June 2017).
- Dictionary of architecture and restoration terms*. URL: <http://terms.archodessa.com/all/triangulyaciya/>.

Information about the Author

Svetlana A. Gerasimova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of the French Language and Didactics, Moscow City University, Malyy Kazenny Lane, 5b, 105064 Moscow, Russia, gerasvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Герасимова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики, Московский городской педагогический университет, Малый Казенный пер., 5Б, 105064 г. Москва, Россия, gerasvetlana@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3960-8841>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>

UDC 81:659.1

LBC 81.055.51.6

Submitted: 15.12.2017

Accepted: 07.02.2018

THE GENRES OF SOCIAL ADVERTISING

Tatyana V. Anisimova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

Abstract. The article continues the author's series of works proving that genre forms in all types of advertising do not have an independent character, they are borrowed from other discourses. There are three forms of using "alien" genres – borrowing, styling and imitation. Actually, borrowing assumes that the original genre naturally and without reconsideration fits into the form of the poster. This role is played by the genres of direct communication (*request, advice, demand*). Styling is expressed in the reproduction of the form of the genre, typical of another discourse, but not characteristic of social advertising (*announcement, poster, toast*). At the same time, the advertising content is presented directly and fairly fully. Simulation differs in the use of game forms for the purpose of attracting attention to the problem (*news announcement, dictionary article, note*). A parallel is made between the types of commercial advertising and the forms of using genres in social advertising. The commodity advertising implies the use of information at the first stage of the life cycle, while in social advertising the genre of slogan is in demand at the stage of primary formation of the attitude to the idea. The direct appeals to the addressee by means of stimulating speech genres is peculiar of advertising advertisements, relevant at the second stage of the product life cycle. A variety of atypical genre forms (stylization) perform the function of reinforcing commodity advertising in social advertising. The parodying of genre forms of other types of discourse corresponds to reminding commodity advertising.

Key words: social advertising, genre, advertising poster, genres of social advertising, styling, classification of genres, functions of social advertising.

Citation. Anisimova T.V. The Genres of Social Advertising. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 160-171. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>

УДК 81:659.1

ББК 81.055.51.6

Дата поступления статьи: 15.12.2017

Дата принятия статьи: 07.02.2018

ЖАНРЫ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ

Татьяна Валентиновна Анисимова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Аннотация. Статья продолжает серию работ автора, доказывающих, что жанровые формы во всех видах рекламы не имеют самостоятельного характера, заимствуются из других дискурсов. Различаются три формы использования «чужих» жанров – заимствование, стилизация и имитация. Собственно заимствование предполагает, что исходный жанр естественно и без переосмысления вписывается в форму плаката. В этой роли выступают жанры непосредственного общения (*просьба, совет, требование*). Стилизация выражается в воспроизведении формы жанра, типичного для другого дискурса, но не ха-

ракторного для социальной рекламы (*объявление, афиша, тост*). При этом рекламное содержание предъявляется прямо и достаточно полно. Имитация отличается игровым использованием посторонних форм с целью привлечения внимания к проблеме (*новостной анонс, словарная статья, записка*). Проводится параллель между видами товарной рекламы и формами использования жанров в социальной рекламе. Если в товарной рекламе на первом этапе жизненного цикла используется информационная реклама, то в социальной рекламе на стадии первичного формирования отношения к идее востребован жанр *лозунг*. Увещательной рекламе, актуальной на втором этапе жизненного цикла товара, соответствуют прямые обращения к адресату с помощью побуждающих речевых жанров. Функцию подкрепляющей товарной рекламы в социальной рекламе выполняют разнообразные нетипичные жанровые формы (стилизация). Напоминающей товарной рекламе соответствует пародирование жанровых форм других видов дискурса.

Ключевые слова: социальная реклама, жанр, рекламный плакат, жанры социальной рекламы, стилизация, классификация жанров, функции социальной рекламы.

Цитирование. Анисимова Т. В. Жанры социальной рекламы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 160–171. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.17>

Введение

Вопрос о составе жанров социальной рекламы (далее – СР) является весьма сложным и неоднозначно решается в научной литературе.

Один из наиболее популярных подходов предполагает выделение жанров СР в соответствии с наиболее типичными носителями, такими как плакат, видеоролик, статья в журнале и др. В частности, Е.В. Степанов к жанрам СР относит *карманный календарь, фотография, плакат* [Степанов, 2007], а Е.С. Грачева – *печатную рекламу, радиорекламу, наружную рекламу и телеобращение* [Грачева, 2015, с. 38]. Вместе с тем указанные термины связаны только с внешним оформлением, способом размещения информации и не имеют никакого отношения к содержанию послания. Как справедливо отмечает И.А. Имшинецкая, в таких классификациях понятие «жанр» подменяется понятием «рекламоноситель». «Жанр и рекламоноситель соотносятся как форма и содержание – форму рекламоносителя можно наполнить разными жанрами» [Имшинецкая, 2002, с. 18]. Каждый рекламоноситель задает использование своей системы жанровых форм, характерных для размещаемых там текстов.

Собственно лингвистический подход к выделению и классификации жанров предполагает описание участников коммуникации, анализ задачи послания, типичного содержания, композиции текста, языковых средств, используемых для реализации задачи и т. д. [Рыженко, Анисимова, 2012, с. 47]. При этом

как один из параметров должен быть учтен и рекламоноситель, поскольку жанры, размещаемые на каждом из них, составляют особую систему.

Рассмотрим далее жанровую специфику плакатов СР. Материалом для анализа послужили 6 500 плакатов, собранные методом сплошной выборки из различных медиабанков в сети Интернет, к которым относятся в первую очередь официальные интернет-ресурсы общественных организаций и фондов, бизнес-субъектов, государственных органов, российских фестивалей и конкурсов социальной рекламы, рекламные порталы.

Результаты и обсуждение

Многие ученые, обращающиеся к проблеме жанрового состава товарной и социальной рекламы на плакатах, отмечают, что основным (ядерным) жанром такого рекламного послания выступает краткий агитационный текст, наложенный на иллюстрацию. Он адресуется целевой группе и прямо выражает главную идею послания. Ср. в товарной рекламе: *Вкусная продукция по отличной цене! Сеть супермаркетов «Евророс»; Только натуральные фермерские продукты;* в СР: *Здоровый образ жизни – выбор молодых!; Культура питания – основа хорошего воспитания!* При этом авторы расходятся в том, какое название должен получить этот жанр. Во многих работах он обозначается как *рекламное объявление* (см., например: [Анохина, 2010; Македонцева, 2009]). Вместе с тем

объявление – это сугубо информационный жанр, ориентированный только на сообщение адресату необходимой оперативной информации. В связи с этим к *объявлениям* в рекламном дискурсе можно относить лишь простые неаргументативные тексты, сообщающие о самом поводе послания: *Продается новая норковая шуба 46 размера. Звонить по тел...; Требуется помощник в офис. Опыт работы не обязателен.* Такие тексты редко встречаются в товарной рекламе и вообще не встречаются в СР, поэтому говорить о распространённости названного жанра в рекламном дискурсе считаем некорректным. Для преодоления этого несоответствия исследователи вводят в название жанра различные уточняющие характеристики, нейтрализующие указанное противоречие. Так, А.Н. Солодовникова выделяет *объявление-призыв* (*Зебра главнее всех лошадей. На переходе протяни руку младшему*), *объявление-предупреждение* (*Госавтоинспекция предупреждает: алкоголь – твой враг*), *объявление-просьбу* (*Дети пошли в школу! Пожалуйста, сбросьте скорость!*) [Солодовникова, 2011, с. 35, 37].

Более приемлемым представляется термин *рекламное обращение* (см., например: [Дыкин, 2008; Ермакович, 2014; Скрипюк, 2017]). В своем прямом значении термин *обращение* обозначает речь, содержащую развернутое аргументированное интенсивное побуждение к общественно значимым действиям, которые слушатели не обязаны совершать. Произносится в ситуации значимых, экстраординарных событий в жизни коллективного адресата. Таким образом, традиционное и рекламное *обращения* объединяет интенсивность воздействия и отношения между адресатом и адресантом. Вместе с тем в традиционном *обращении* побуждающая интенция всегда прямо выражена и относится к важным для большой группы (коллектив предприятия, жители города или страны в целом) вопросам (ср., например: *обращение* партии к избирателям с призывом проголосовать за своего кандидата, поскольку только он способен спасти Россию от надвигающейся катастрофы). В то же время в товарной рекламе содержится призыв к совершению действия (покупке товара), полезного только для адре-

сата (а не общественно важного), а СР, как правило, имеет убеждающий (а не призывающий к действию) характер (СР «направлена на изменение отношения адресатов к какой-либо проблеме, а в долгосрочной перспективе – на создание новых социальных ценностей» [Киреев, 2008, с. 33]).

Наблюдения показывают, что плакаты СР имеют гораздо более богатую жанровую палитру, чем это принято считать, причем выбор жанра напрямую связан с преобладающей функцией размещаемого на плакате послания.

Если ведущей в СР является *волево-творческая функция*, основные усилия адресанта направлены на формирование мировоззрения адресата или увеличение его социальной активности. Для того чтобы добиться необходимого понимания проблемы, чаще всего используется жанр *лозунг*. *Лозунг* представляет собой краткий письменный текст (обычно – одно простое предложение), выражающий «руководящую идею, задачу, требование», оформленный в достаточном для массового восприятия формате и расположенный в том или ином общественном месте (улица, площадь или шоссе, предприятие, клуб и т. д.) [Левин, 1998, с. 552]. Этот жанр ориентирован на представление некоторой общей идеи, связанной с решением актуальной проблемы общественной жизни.

Как считает Х. Вальтер, к числу основных содержательных характеристик *лозунга* относятся тематическая однофокусность, максимальная эксплицитность в выражении идеи, злободневность содержания, идеологическая заданность и эмоциональность [Вальтер, 2016, с. 34]. По преобладающей цели высказывания исследователь выделяет *лозунги-призывы*, *лозунги-пожелания*, *лозунги-констатации*, *лозунги-патетицизмы* [Вальтер, 2016, с. 40]. Как справедливо отмечает автор, «иллокутивная характеристика во многом зависит от сферы употребления лозунга» [Вальтер, 2016, с. 42], однако указанная классификация, по нашему мнению, может быть применена с некоторыми оговорками и к *лозунгам* СР.

1. *Лозунги-призывы*. В большинстве *лозунгов* доминирует «призывность», при этом чаще всего отсутствуют глаголы (или исполь-

зуются глаголы с абстрактным значением *быть, являться, становиться* и др.: *Только трезвая Россия будет великой!*). В связи с этим послание приобретает сугубо декларативный и безличный характер, а призыв выражается только имплицитно. Вместе с тем в лозунгах этой группы побудительная интенция ощущается весьма явственно: здесь адресата косвенно призывают к принятию какого-то важного решения, к переходу в новое состояние: *Вегетарианство – жизнь в гармонии с планетой и со своей совестью* (= стань вегетарианцем); *Будущее за трезвой молодежью!* (= не пей).

2. *Лозунги-пожелания*. К этой группе отнесены лозунги, представляющие идеал, к которому должно стремиться общество: *Достойному труду – достойная зарплата!*; *Нашему лесу – жить!*

3. *Лозунги-констатации*. Эти послания содержат указание на нормы и декларации, которые признаются важными и нуждаются в пропаганде: *Каждый ребенок имеет право жить и воспитываться в семье; Люди с ограниченными возможностями должны иметь равные со всеми права в гармоничном обществе.*

4. *Лозунги-патетицизмы*. Послания этой группы отличаются от прочих повышенной эмоциональностью, идеологической перенасыщенностью и патетичностью: *Пусть всегда бьется зеленое сердце природы!*; *Охранять природу – значит, охранять Родину!*

Если превалирующей в СР является *суггестивная функция* (обращение к подсознанию адресата), весьма активно используется жанр *мнение авторитетного человека*.

«Ссылка на авторитет» подробно описана по отношению к товарной рекламе, где она определяется как вид аргумента или метод воздействия. Назначение этого метода состоит в том, чтобы перенести на рекламируемый товар положительное отношение адресата к известной личности. Таким образом, сама личность (чаще всего это актер, певец или телеведущий) не является специалистом в той области, с которой связан рекламируемый товар (не имеет достаточной квалификации, чтобы оценить качество духов, пылесосов или моторного масла), выступает только как знаток его потребительских свойств, поэтому

такое свидетельство можно рассматривать как улучшение имиджа товара с помощью ассоциаций по смежности. В СР этот вид аргумента тоже имеет некоторое распространение, хотя его популярность значительно ниже. Так, актеры Алексей Серебряков и Константин Хабенский представлены вместе со своими собаками на плакатах, призывающих взять собаку из приюта; Вадим Галыгин, Дмитрий Грачев, Михаил Галустян и Гарик Мартиросян протягивают «лапу помощи белому медведю» на плакатах WWF; Владимир Познер, Диана Арбенина и Илья Лагутенко являются главными фигурами в серии плакатов *Все гордятся родной природой, сохраняют – 1 % россиян*.

Наряду с этим во многих посланиях известная личность не просто украшает собой плакат, но и высказывает некоторые суждения о проблеме, помогающие понять ее суть или принять правильное решение. В этом случае предполагается, что адресат доверяет мнению известного человека, считает его достойным того, чтобы к нему прислушаться. На это указывают, в частности, В.А. Филатов и Н.С. Коновалова, отмечающие, что антинаркотическая пропаганда оказывается гораздо более эффективной, если ее главным персонажем становится человек, которому доверяют, потому что он имеет хорошую репутацию и поэтому способен стать образцом для подражания [Филатов, Коновалова, 2010]. Так, известный американский актер Юл Бриннер, заядлый курильщик, заболевший в результате раком легких, перед смертью обратился к согражданам с призывом отказаться от курения. Очевидцы утверждали, что это послание произвело огромный эффект. Однако современные медийные персоны не подходят на эту роль, поскольку известны в основном благодаря скандалам и различным эпатажным поступкам, в связи с чем об уважении к ним (в традиционном понимании) вряд ли можно говорить. Поэтому примеров, когда известный человек с хорошей репутацией призывал бы к совершению общественно полезного дела, крайне мало. Так, в тематической группе «Борьба с вредными привычками» (о принципах разделения плакатов СР на группы см.: [Анисимова, 2017]) таких примеров менее 2 % от общего числа плакатов, причем в качестве

авторитетов чаще всего выступают известные спортсмены: *Трезвость – выбор сильных!* (Алексей Поветкин, Российский боксер-профессионал, Олимпийский чемпион, Заслуженный мастер спорта России); *Звезды спорта против наркотиков!* (Александр Пирровой, Анатолий Насыров, Александр Емельяненко, Вартерос Самургашев, Арчил Абуашвили, Ислам Каримов). Несколько больше таких плакатов в тематической группе «Пропаганда чтения» (5,7 %), поскольку здесь эксплуатируются не моральные и этические качества личности, а профессиональные или интеллектуальные достижения. В связи с этим часто по тому, какие именно авторитеты выбираются, можно легко определить, кто является адресатом послания. Так, в серии «Читайте книги!» издательства «ЭКМО», ориентированной на подростков, рекомендации (на фоне футбольного поля) дают известные футболисты: защитник ФК ЦСКА Сергей Игнашевич: *Читать книги так же важно, как читать игру*; полузащитник ФК «Химик» Андрей Тихонов: *Не выше, не сильнее, а умнее!* и т. д. Предполагается, что подростки, которые не любят читать, больше доверяют мнению кумиров-футболистов, чем учителей или родителей. Напротив, для образованных людей более авторитетным представляется мнение известного писателя, поэтому серия плакатов «Читайте книги!» для этого адресата содержит высказывания известных писателей: *Прочитанная книга – еще одна прожитая жизнь* (Сергей Лукьяненко); *Книги звучат тысячами голосов, и только любимые – твоим собственным* (Евгений Гришковец) и др. Кроме того, могут использоваться высказывания классиков: *Творец книги – автор, творец ее судьбы – общество* (Виктор Гюго); *Есть преступления более тяжкие, чем сжигать книги. Одно из них – не читать их* (Иосиф Бродский).

Информационная функция в чистом виде встречается в СР достаточно редко: в ситуациях, когда необходимо оповестить общественность о сложной проблеме, имеющей место в той или иной области, или о нарушении актуальных норм и ценностей. Для реализации этой функции используется жанровая форма *устрашающего информационного сообщения*. Такие послания являются разно-

видностью шоковой рекламы, призванной вызывать самые сильные отрицательные эмоции: страх, отвращение, гнев, тревогу. Сами тексты таких посланий совершенно нейтральны и неэмоциональны, однако рассказывают о трагических событиях, так или иначе затрагивающих интересы адресата: *Снежный барс – это единственный вид крупных кошек, приспособившийся обитать в суровых условиях высокогорий. Но им грозит уничтожение браконьерами и деградация среды обитания. В дикой природе осталось всего 90 снежных барсов!; Людей, живущих с ВИЧ 34 миллиона. В 2011 году инфицировалось ВИЧ 2,5 миллиона человек, умерло из-за СПИДа 1,7 миллионов человек. Только 40 % живущих с ВИЧ знают об этом.*

Однако гораздо чаще информация используется в СР не самостоятельно, а в качестве аргумента, позволяющего убедить адресата в правильности предлагаемой модели поведения.

Если основной в СР становится **персуазивная функция**, для усиления воздействующей силы рекламного послания могут быть использованы формы, характерные для других видов коммуникации. Подобное заимствование регулярно встречается и в товарной рекламе, поскольку согласуется с общим паразитарным характером рекламного дискурса, на что неоднократно указывали многие исследователи, подчеркивающие это как основополагающий признак рекламы, где «сплав признаков разных текстов смог превратиться в самостоятельный, совершенно уникальный, ни с чем не сравнимый вид коммуникации» [Медведева, 2004, с. 48].

Вместе с тем, как показывает анализ, специфика использования «чужих» жанровых форм в СР существенно отличается от имеющей место в товарной. Как уже было установлено ранее [Урванцев, 2005], в товарной рекламе можно выделить три группы жанровых форм, проникших из других сфер коммуникации: 1) риторические жанры, распространенные в деловом общении, заимствуются, то есть воспроизводятся в рекламе полностью: здесь сохраняются особенности как формы, так и содержания жанров (*представление, инструкция*); 2) жанры художественной

литературы, проникая в рекламу, сохраняют многие формальные жанровые признаки, однако о художественной ценности полученных таким образом произведений говорить, конечно, невозможно (*сценка (мини-пьеса), сказка*); в связи с этим речь идет о стилизации под жанры художественной литературы; 3) жанры журналистики (*репортаж, интервью*) имеют совершенно не схожие с рекламной задачи, поэтому, проникая в рекламу, полностью теряют свои конструктивные характеристики; их использование – просто художественный прием построения рекламы, поэтому можно утверждать, что они имитируются рекламой (подробнее об этом см.: [Анисимова, 2007]). На плакатах СР указанные жанровые формы не обнаружены, однако принцип перехода жанров из других сфер коммуникации остается тем же: если параметры замысла исходного жанра близки параметрам рекламы, она копирует и форму, и характер содержания «чужого» жанра. Чем более они различаются, тем формальнее связь между соответствующими жанровыми формами.

Заемствование как способ усвоения жанра рекламой отмечается в тех случаях, когда исходный жанр естественно и без переосмысления вписывается в форму плаката, не претерпевая никаких существенных изменений. Чаще всего в этой роли выступают речевые жанры, характерные для непосредственного общения. Тогда на плакате появляется тот или иной персонаж (чаще всего это либо представитель той группы, в пользу которой необходимо совершить требуемое действие, либо работник учреждения, призванного контролировать соблюдение некоторых норм и правил), который обращается непосредственно к адресату. Такая персонификация послания, по мнению Л.В. Уховой, существенно повышает эффективность СР: если реклама «имеет “человеческое лицо” (в объективе не предмет, а человек)» [Ухова, 2012, с. 217], она привлекает большее внимание и вызывает большее доверие.

Традиционно все побудительные речевые жанры разделяются на обязывающие (адресат обязательно должен выполнить предлагаемое действие: *требование, приказ*) и необязывающие (адресат имеет возможность выбрать, стоит ли выполнять предлагаемое

действие: *просьба, совет*). Когда эти жанры используются по прямому назначению (в непосредственном общении людей), обязательность / необязательность исполнения предлагаемых действий обусловлена статусом общающихся: приказывают подчиненному, требуют исполнения предписанных норм и т. п., причем неподчинение ведет к применению санкций в отношении ослушавшегося. Напротив, необязывающие жанры используются в ситуации равенства статусов общающихся.

В СР соотношение статусов адресанта и адресата практически всегда одинаковое, поэтому выбор формы жанра зависит только от замысла автора. В связи с этим по одному и тому же поводу возможно появление плакатов, относящихся к разным жанрам, ср.: *приказ*: (сотрудник ГИБДД с поднятым жезлом) *Водитель, сбавь скорость! Дети пошли в школу!*; *требование*: (дети на переходе) *Стой! Жди! Мы на зебре! Пропусти!*; *просьба*: *В поселке много детей. Сбавьте скорость, пожалуйста* (действие в пользу адресанта); *совет*: *Подумай о близких, соблюдай скоростной режим* (действие в пользу адресата). Как показывают наблюдения, выбор формы *приказа* или *требования* указывает только на желание адресанта повысить интенсивность воздействия на адресата.

Из обязывающих жанров в СР активно используется только *требование*. Из всех побуждающих речевых жанров этот жанр в наибольшей степени подходит для выражения идеологии СР. С одной стороны, в отличие от *приказов* и *распоряжений*, предназначенных для трансляции новых волеизъявлений вышестоящих инстанций, *требование* предполагает, что нормы и правила уже известны адресату, однако он их по какой-то причине не выполняет. С другой стороны, в отличие от *запретов* и *предупреждений*, призывающих к отказу от совершения нежелательных действий, *требование* содержит прямое описание того, что следует совершить адресату: *Сообща, где торгуют смертью, располагаются притоны и собираются наркоманы. Телефон доверия... Звонок анонимный; Уходя из помещения, выключи электроприборы!*

Для усиления категоричности в жанре *требование* используются следующие приемы:

– повторение двух побудительных конструкций (первое предложение указывает на необходимое действие, а второе – на мотивацию этого действия для адресата): *Заплати алименты! Не лишай ребенка детства!; Пропусти пешеходов. Не торопись за решетку;*

– использование обращений, поскольку «подчеркивание обращенности публицистического дискурса к потенциальному адресату» является «наиболее очевидным способом активизации внимания читателя или зрителя» [Лазуткина, 2012, с. 472]: *Сварщик! Следи за исправностью электроизоляции!; Водитель, уступи дорогу пешеходу!;*

– использование метафор: *Наркодилер – серийный убийца. Сколько раз увидишь – столько раз обезвредь! Огонь по наркоте. Стань корректировщиком огня* (на фоне Царь-пушки); *Прокуратура! Задуши коррупцию!* (коррупция изображена в виде змеи).

Напротив, для некоторого снижения категоричности используются разнообразные пояснения полезности и необходимости требуемого действия: *Работай в каске! Выживает тот, кто не пренебрегает защитой; Сними наушники и капюшон при переходе железнодорожных путей! Они мешают заметить поезд!; Бросай мусор сюда, если ты за здоровье своих детей!*

Из необязывающих жанров активно используются *просьба* и *совет*.

Просьба присутствует в ситуации, когда инициатору необходимо побудить аудиторию к действиям, которые не обязательны для нее, но необходимы ему для решения своих (или общественных) проблем. Обращаются с просьбой к адресату, от действий которого зависит решение проблемы или от которого ждут помощи.

В СР жанр *просьбы* используется, когда в качестве персонажа выбирается человек, не имеющий права указывать адресату, что делать, даже если требуемое действие необходимо с точки зрения закона. В этой роли обычно выступает бенефициант действия. Чаще всего показателем просьбы в СР выступают слова *просим вас, пожалуйста* и т. п.: *Дорогие мамы и папы! Мы просим вас соблюдать требования охраны труда! От этого зависит наше счастливое будущее!; Пожа-*

луйста, носи мусор в урну. Однако в тексте может и не быть указанных показателей просьбы: (собака) *Хозяин, будь человеком! Убери за мной!;* (ребенок в детдоме) *Найди меня, мама!;* (дворник) *Будьте, граждане, культурны – не бросайте мимо урны!* Особенно много посланий в этом жанре в тематической группе «Против абортот»: *Мама, подари мне жизнь!; Мама, не убивай меня! Я очень тебя люблю; Впусти меня в свое сердце. Сохрани мне жизнь!*

Совет используется в ситуации дружеского общения. Адресант предлагает адресату выполнить некоторое действие, потому что это полезно (выгодно, интересно) для него самого. Именно по этому признаку указанный речевой жанр отличается от всех других в этой группе, где предлагается совершить действия, установленные разнообразными правилами, нормами и законами (пользоваться ремнями безопасности, бросать мусор в урну, платить налоги и др.). Важно отметить, что польза от совершения предлагаемого действия не должна быть обязательно материальной, однако она должна быть вполне конкретной и желанной для адресата: *Брось курить, подумай о своем здоровье; Спорт продлевает жизнь. Занимайтесь спортом; Позвольте родиться вашему ребенку! Каждый малыш – огромное счастье!*

Стилизация – это «намеренная и явная имитация того или иного стиля, полное воспроизведение его важнейших особенностей» [Литературный энциклопедический словарь, 1987, с. 419]. В СР этот прием выражается в воспроизведении формы жанра, типичной для другого дискурса. В целом такие жанры не характерны для СР, не могут быть использованы для выражения ее идей и ценностей, однако их метафорическое использование делает послание более выразительным и запоминающимся. Важно отметить, что, хотя в этом случае и используется необычная жанровая форма, типичное рекламное содержание предьявляется прямо и достаточно полно.

В СР объектом стилизации чаще всего выступает жанр *объявление*. Этот жанр встретился во многих тематических группах, причем воспроизводится может форма различных по назначению объявлений, ср.: *объявление о съеме квартиры: Семья из двух ба-*

нок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем; о знакомстве: Молодой человек, благородный не по крови, но по духу, ищет семью. Верен. Предан. Характер нордический; (портрет собаки Друг) Возьмите друга из приюта; о поиске работы: Квалифицированная помощь по уходу из жизни (на отрывных бумажках внизу листа, на котором написан текст: героин, кокаин, экстази, марихуана, ЛСД) и даже объявление о розыске преступников: Внимание, розыск! (далее два портрета: под одним: дает взятки, под другим: берет взятки). Телефон доверия...

Многие молодые люди полагают, что, посмотрев фильм, снятый по книге, они ознакомились с соответствующим произведением. В связи с этим некоторые плакаты, призывающие к чтению книги, оформляются как киноафиша: «Гроза» Луч света в темном царстве. Драматичнее, чем в кино. Читай в любой библиотеке города.

К стилизации относим и диалоговые формы текстов СР. Обычно в СР диалог ведется между персонажем рекламы и реальными людьми, видящими плакат. При чем их ответ должен состоять в выполнении требуемого действия. Если же персонажи на плакате вступают в разговор между собой, считаем это стилизацией под жанр разговор: – Девушка! У вас не будет сигаретки? – У меня не будет ни сигаретки, ни рака легких, ни больных детей!; диалог продавца и покупателя: – Вам пакет? – Спасибо, нет! Пакеты используются 20 минут, разлагаются 400 лет!; беседа посетителя с наркологом: – Сколько нужно времени, чтобы умереть? – 3–5 лет от первого укола.

Интересный пример стилизации обнаружен в группе СР, посвященной пропаганде чтения. Это серия плакатов с изображением книг, на которые наклеены таблички с текстом, стилизованным под обязательные предупреждения о вреде курения, размещаемые на пачках сигарет: Министерство культуры предупреждает: чтение убивает безграмотность в человеке; Министерство культуры предупреждает: чтение может стать причиной повышения культурного уровня.

Единичными примерами представлены и стилизации под другие жанры: *тост*: Второй

тост – за родителей: растить троих – это по-взрослому! (изображение троих грудничков с бутылочками молока); *поздравление* с рождением ребенка: С прибавлением!

Имитация – использование жанровой формы, не характерной для рекламной сферы коммуникации. Здесь на первый план выходит **аттрактивная функция**, поскольку имеет место игровое использование посторонних форм с целью привлечения внимания к проблеме. На плакате воспроизводится лишь внешняя оболочка жанра, это по сути лишь художественный прием построения рекламы. Яркая, запоминающаяся, неожиданная форма оказывает более сильное воздействие на адресата. Важно отметить, что сама рекламная идея при этом прямо не формулируется (представлена только косвенно).

Набор этих жанровых форм не может быть полностью установлен, поскольку фантазия авторов вовлекает в процесс создания СР все новые и новые формы. Приведем лишь наиболее типичные формы имитации. Оформлено как *новостной анонс* (группа «Пропаганда чтения»): *Светская хроника. Жена высокопоставленного чиновника покончила с собой после ссоры с любовником* (Л.Н. Толстой «Анна Каренина»). Оформлено как *словарная статья* (группа «Соблюдение ПДД»): *Мотоциклист – редкий вид участников дорожного движения. Охота на мотоциклистов категорически запрещена* (изображение человека с рогами оленя на голове и со шлемом в руках). Оформлено как *записка* (группа «Пропаганда чтения»): *Мама, ушла в свою комнату почитать. Буду поздно. Твоя дочь*. Оформлено в виде *загадки* (группа «Соблюдение законов»): *Следит за точным временем, но не часовщик!* (ответ написан мелко внизу: «Детский» закон на Кубани).

Заключение

В заключение проведем некоторую параллель между видами товарной рекламы и формами использования жанров в социальной рекламе.

Известно, что каждому этапу жизненного цикла товара соответствует определенный вид товарной рекламы. Аналогичную карти-

ну можно наблюдать и в СР, где преимущественное использование определенной группы жанровых форм зависит от того, насколько пропагандируемая идея усвоена целевой группой.

На первом этапе жизненного цикла представляется товар, недавно появившийся на рынке. Здесь актуальной является **информативная** (рациональная, мягкая) реклама, необходимая для создания первичного спроса, например: *Тариф «Индивидуальный» – единое федеральное предложение от «Мегафон»: голосовая связь, мобильный Internet, sms, mms, роуминг. В минимальный платеж включены любые услуги. Со временем ты меняешься, тариф «Индивидуальный» меняется вместе с тобой.* Она подчеркивает отличительные преимущества данного, оригинального по своим качественным и эксплуатационным характеристикам товара / услуги.

В СР на первом этапе преобладает волюнтаристическая функция, поскольку основное назначение текста состоит в прямом первичном формировании отношения к предлагаемой идее. В связи с этим, как правило, реклама имеет форму *лозунга*. В некоторых случаях дополнительно может быть использована форма *устрашающего информационного сообщения*.

На втором этапе жизненного цикла представляется товар, имеющий как высокую долю рынка, так и высокие темпы роста рынка. В этот период актуальна **увещательная** реклама, которая призвана уговорить покупателя купить товар, наглядно демонстрирует его преимущества, например: *Окрашенные только что? Нет! Я уже столько раз их мыла! Благодарю новой «Schauta – Блеск цвета» с формулой защиты цвета неважно, как часто вы моете голову – ваш цвет сохранит первоначальную насыщенность и блеск до самых кончиков. От Schwarzkopf.*

В СР на этой стадии автор текста предполагает, что адресат знаком с предлагаемой идеей (знает, что необходимо пристегиваться ремнем безопасности, платить налоги, что курение вредно, а спорт полезен для здоровья и т. д.), однако в силу инерции или сложившихся стереотипов не спешит реализовывать ее на практике. Здесь на первый план выходит персуазивная функция и активно используются прямые обращения адресанта к адресату

с помощью разнообразных побуждающих речевых жанров (чаще всего *требования, просьбы, совета*).

На третьем этапе жизненного цикла используется **подкрепляющая** реклама. Эта форма имеет целью доказать нынешнему покупателю правильность сделанного им выбора. В такой рекламе часто фигурируют удовлетворенные покупатели, комические моменты, направленные на формирование положительных эмоций, а на подсознательном уровне – хорошего мнения о товаре, например: *Открой мир сладостных прикосновений. Сладостный мир желаний и грез. Гель для душа «Красная линия». Сенсатерапия.*

В СР эта форма тоже используется, хотя и менее активно, чем в товарной рекламе. К ней прибегают для пропаганды тех идей, которые уже многократно были освещены различными способами в рамках СР, однако автор предполагает, что требуемый эффект не достигнут. Тогда выпускается реклама с необычной формой, способная зацепить внимание адресата нетипичным предъявлением основной идеи. Чаще всего для этой цели используются разнообразные визуальные *eye-stopper*, поскольку плакат воспринимается прежде всего зрительно. Однако этому же служит и использование форм, стилизованных под нетипичные для рекламы жанры, поскольку несоответствие между формой и содержанием останавливает внимание адресата, заставляет произвести работу по идентификации смысла послания.

На четвертом этапе рекламируется товар, обладающий высокой долей рынка и низкими темпами его роста. Производитель не имеет цели воздействовать на потребителя, поэтому выбирает форму **напоминающей** рекламы, в которой полностью отсутствуют агитационные элементы (даже эмоциональные). Ее компонентами являются парадоксы, забавные истории, посторонние элементы и т. п. Такая реклама имеет цель напоминать об уже покупавшемся товаре, поддерживать контакт с потребителем, например: – *Мам, соку дай. – Нет, сначала съешь суп! – А я хочу сок! – А я тебе не дам сок, пока ты не съешь суп. – Ну тогда я умру. От жажды. – «Моя семья»!*

В СР этот вид рекламы используется редко, поскольку, если идея усвоена, нет необходимости о ней напоминать. Тем не менее отмечено небольшое количество плакатов, где сама транслируемая идея не предъявлена, акцент сделан только на необычной форме послания путем пародирования (имитации) жанровых форм других видов дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Т. В., 2007. О специфике заимствования внутрижанровых форм в рекламе // Русская речь в современном вузе : материалы третьей науч.-практ. интернет-конф. Орел : Изд-во ОрелГТУ. С. 35–38.
- Анисимова Т. В., 2017. Система ценностей государства в зеркале социальной рекламы (на материале социальной рекламы, посвященной проблемам семьи и воспитания) // Вопросы лингвистики, методики обучения языкам и литературоведения в свете современной науки : сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конф. СПб. : Открытое знание. С. 5–11.
- Анохина С. П., 2010. Риторическая структура текстов рекламных объявлений // Вестник Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета. № 1. С. 102–109.
- Вальтер Х., 2016. Лозунг как речевой жанр публицистического дискурса // Медиалингвистика. № 3 (13). С. 33–45.
- Грачева Е. С., 2015. Особенности дискурса социальной рекламы // Актуальные проблемы лингвистики: взгляд молодых исследователей : сб. науч. ст. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та. С. 38–46.
- Дыкин Р. В., 2008. Образ целевой аудитории в рекламном обращении // Проблемы массовой коммуникации : материалы Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та. С. 50–52.
- Ермакович С. П., 2014. Когнитивно-прагматические аспекты гендерного параметра в рекламном обращении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 10-2 (40). С. 47–51.
- Имшинецкая И. А., 2002. Жанры печатной рекламы или сундук с идеями копирайтера. М. : РИП-холдинг. 130 с.
- Киреев С. И., 2008. Вербальное и невербальное выражение метафор в социальном рекламном плакате // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. С. 32–37.
- Лазуткина Е. М., 2012. Нарушение принципов диалогизма в современных СМИ («дискриминация адресата») // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М. : Индрик. С. 471–481.
- Левин Ю. И., 1998. Семиотика советских лозунгов // Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Шк. «Языки рус. культуры». С. 542–558.
- Литературный энциклопедический словарь, 1987. Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл. 752 с.
- Македонцева А. Н., 2009. Рекламные объявления как разновидность креолизованных текстов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 1. С. 81–85.
- Медведева Е. В., 2004. Рекламная коммуникация. М. : УРСС. 280 с.
- Рыженко Е. С., Анисимова Т. В., 2012. Пресс-релиз как риторический жанр (на материале имиджевых посланий ОАО «МРСК Юга» – «Волгоградэнерго») // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8 (72). С. 45–49.
- Скрипюк И. И., 2017. Кодирование и декодирование значения в рекламном сообщении // Век информации. Т. 2, № 2. С. 280–281.
- Солодовникова А. Н., 2011. Жанр социальной рекламы как способ воздействия на адресата // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. Т. 11, вып. 4. С. 34–38.
- Степанов Е. В., 2007. Особенности языка и стиля социальной рекламы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. № 4. С. 24–39.
- Урванцев К. Г., 2005. Жанровое своеобразие радиорекламы // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Вып. 7. С. 270–279.
- Ухова Л. В., 2012. Эффективность рекламного текста. Ярославль : Изд-во Ярослав. гос. пед. ун-та. 393 с.
- Филатов В. А., Коновалова Н. С., 2010. Социологический анализ изучения роли социальной рекламы в профилактике наркомании в городе Омске // Омский научный вестник. № 3 (88). С. 88–94.

REFERENCES

- Anisimova T.V., 2007. On the specifics of borrowing intra-genre forms in advertising. *Russkaya rech v sovremennom vuze: Materialy 3 nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii*. Orel, Izd-vo OrelGTU, pp. 35-38.
- Anisimova T.V., 2017. The value system of the state in the mirror of social advertising (based on the social advertising, dedicated to family and

- education). *Voprosy lingvistiki, metodiki obucheniya yazykam i literaturovedeniya v svete sovremennoy nauki: sb. nauchnyh trudov*. Saint Petersburg, Otkrytoe znanie Publ. pp. 5-11.
- Anokhina S.P., 2010. Rhetorical structure of advertisements. *Vestnik Gumanitarnogo instituta Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 102-109.
- Valter H., 2016. Slogan as a speech genre in the publicistic discourse. *Medialingvistika* [Media Linguistics], no. 3 (13), pp. 33-45.
- Gracheva E.S., 2015. Features of social advertising discourse. *Aktualnye problemy lingvistiki: vzglyad molodykh issledovateley: sb. nauch. st.* Chelyabinsk, izd-vo Chelyabinskogo gos. un-ta, pp. 38-46.
- Dykin R.V., 2008. The image of the target audience in advertising. *Problemy massovoy kommunikatsii: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Voronezh, izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, pp. 50-52.
- Ermakovich S.P., 2014. Cognitive and pragmatic aspects of gender parameter in the advertising text. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 10-2 (40), pp. 47-51.
- Imshinetskaya I.A., 2002. *Genres of print advertising, or the chest with the ideas of the copywriter*. Moscow, RIP-kholding Publ. 130 p.
- Kireev S.I., 2008. Verbal and non-verbal expression of metaphors in the social advertisement. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 2, pp. 32-37.
- Lazutkina E.M., 2012. Violation of the principles of dialogism in the contemporary media ("discrimination against the recipient"). Arutyunova N.D., ed. *Logicheskii analiz yazyka. Adresatsiya diskursa*. Moscow, Indrik Publ., pp. 471-481.
- Levin Yu.I., 1998. Semiotics of Soviet slogans. *Izbrannyye trudy. Poetika. Semiotika*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., pp. 542-558.
- Kozhevnikov V.M., Nikolaeva P.A., eds. *Literary encyclopedic dictionary*, 1987. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 752 p.
- Makedontseva E.V., 2009. The advertisement as a type of creolized texts. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 1, pp. 81-85.
- Medvedeva E.V., 2004. *Advertising communication*. Moscow, URSS Publ. 280 p.
- Ryzhenko E.S., Anisimova T.V., 2012. Press release as a rhetorical genre (based on the material of image messages of the MRSKA Yuga – Volgogradenergo JSC). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 8 (72), pp. 45-49.
- Skripyuk I.I., 2017. Encoding and decoding values in the advertising appeal. *Vek informatsii* [Information Age], vol. 2, no. 2, pp. 280-281.
- Solodovnikova A.N., 2011. The genre of social advertising as a way of influencing the addressee. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya. Filologiya. Zhurnalistika* [Journal Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], vol. 11, iss. 4, pp. 34-38.
- Stepanov E.S., 2007. Linguistic and stylistic features of social advertising. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika* [Moscow University Journalism Bulletin], no. 4, pp. 24-39.
- Urvantsev K.G., 2005. Genre diversity of radio advertising. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Contemporary Problems of Philology and Pedagogical Linguistics], iss. 7, pp. 270-279.
- Ukhova L.V., 2012. *The effectiveness of the advertising text*. Yaroslavl, Izd-vo Yaroslavlskogo gos. ped. un-ta. 393 p.
- Filatov V.A., Konovalova N.S., 2010. Sociological analysis of the study of the role of social advertising in drug abuse prevention in Omsk. *Omskiy nauchny vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 3 (88), pp. 88-94.

Information about the Author

Tatyana V. Anisimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Journalism and Media Communications, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, atvritor@yandex.ru, stilvolsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1654-7783>

Информация об авторе

Татьяна Валентиновна Анисимова, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, atvritor@yandex.ru, stilvolsu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1654-7783>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.18>

UDC 81'42:001.4
LBC 81.055.51.2

Submitted: 10.11.2017
Accepted: 07.02.2018

INDUCTIVE AND DEDUCTIVE STRATEGIES OF COGNITION PROCESS IN THE ACADEMIC DISCOURSE

Mariya P. Kotyurova

Perm State University, Perm, Russia

Lyudmila V. Kushnina

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract. The paper deals with the functioning of epistemic situation as a unit of meaning in the academic text in terms of correlation of these units with the main strategies of a cognitive process: inductive and deductive. The epistemic situation includes three interrelated components – ontological, methodological, and axiological. The ontological component is based on scientific knowledge, which represents the content of the academic text. The methodological component unites the methods, ways and techniques of acquiring knowledge; and the axiological component is implemented through various language means, which express the assessment of knowledge received by predecessors or by the text's author. We emphasize that the meaning structure of the academic text has a systematic nature, and its functioning and development are determined by the contradictions between "old" and "new" knowledge, with the text aimed at unfolding the latter one. The paper introduces a statement that text and speech units as text fragments have a circular logical structure formed by alternating inductive and deductive assumptions. This statement is illustrated using modern theoretical texts by prominent Russian linguists. Moreover, the findings are used when analyzing the translated texts of the academic discourse from French into Russian based on the concept of translation space as a synergetic translation model.

Studying the meaning structure lets reveal that its content corresponds to the term system shaping the ontological aspect of knowledge. On the other hand, terms are subordinate to the methodological aspect forming the so-called "protection shield" of the ontological essence of the content. But cohesive meaning units – epistemic situations – may only arise when the axiological aspect is explicitly presented, in particular, when the text is characterized by novelty, argumentativeness, accuracy and significance for the academic community, which reflects the author's discourse individual features.

Key words: academic text, scientific knowledge, text's circular structure, epistemic situation, deductive assumption, inductive assumption, translated discourse, translation space.

Citation. Kotyurova M.P., Kushnina L.V. Inductive and Deductive Strategies of Cognition Process in the Academic Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 1, pp. 172-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.18>

УДК 81'42:001.4
ББК 81.055.51.2

Дата поступления статьи: 10.11.2017
Дата принятия статьи: 07.02.2018

ИНДУКТИВНЫЙ И ДЕДУКТИВНЫЙ ПУТИ ПОЗНАНИЯ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

Мария Павловна Котюрова

Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия

Людмила Вениаминовна Кушнина

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается функционирование эпистемической ситуации как смысловой единицы научного текста в соотношении с основными путями познавательного процесса – индуктивным и дедуктивным. Эпистемическая ситуация, понимаемая как квант смысла, включает три взаимосвязанных компонента: онтологический, методологический и аксиологический. В основе онтологического компонента лежит научное знание, которое и составляет содержание научного текста; в качестве методологического компонента выступают методы, способы и приемы получения знания; аксиологический компонент реализуется различными вербальными средствами, выражающими оценку, и позволяет определить степень ценности знания, полученного предшественниками или самим автором. Показано, что смысловая структура научного текста имеет системный характер, а ее функционирование и развитие обусловлены наличием противоречий между «старым» и «новым» знанием, для развертывания которого создается текст. Высказывается положение о том, что рече-текстовые единицы как фрагменты текста имеют кольцевую логическую структуру, формируемую чередованием индуктивных и дедуктивных умозаключений. Данное положение проиллюстрировано на материале современных теоретических текстов известных российских лингвистов. На материале переводного научного дискурса с позиций концепции переводческого пространства описано функционирование кольцевой структуры научного текста, являющейся отражением абстрактной эпистемической ситуации. Установлено, что сохранение в тексте перевода индуктивного и дедуктивного путей познания свидетельствует о порождении гармоничного (качественного) перевода, естественным образом вписывающегося в принимающую лингвокультуру.

Ключевые слова: научный текст, научное знание, кольцевая структура текста, эпистемическая ситуация, дедуктивное умозаключение, индуктивное умозаключение, переводной дискурс, переводческое пространство.

Цитирование. Котурова М. П., Кушнина Л. В. Индуктивный и дедуктивный пути познания в научном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 1. – С. 172–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.1.18>

Введение

Возможность существования разных подходов к изучению текста представляется бесспорной. Ее обоснование дано многими учеными в таких направлениях, как лингвистика текста, стилистика текста, психолингвистика, социопсихолингвистика, коммуникативная стилистика, идиостилистика, лингвистика перевода и др.

Наличие у них общего объекта – текста, по мнению А.И. Новикова, объясняется его сложностью: «Текст, несомненно, представляет собой сложное образование, которое одновременно включает в себя языковые, логические, речевые, мыслительные, стилистические, экспрессивные и другие компоненты; это *целостный комплекс* языковых, речевых и интеллектуальных фактов в их взаимодействии (курсив наш. – М. К., Л. К.)» [Новиков, 1983, с. 3–4]. Очевидно, что исследователь текста сталкивается с *речевой структурой*. Этим термином, как обоснованно отмечала М.Н. Кожина, можно обозначить разные явления, поскольку сам процесс, само явление функционирования осуществляется по определенным закономерностям и нормам «строая»

речи. Тем самым *речевую структуру*, которая «остаётся» в текстах как *результат*, собственно, *только и может исследовать лингвист*. То есть речевая структура существует в двояком виде – динамическом и результативном, причем практически доступным исследованию является именно второй (курсив наш. – М. К., Л. К.) [Кожина, 2002, с. 341–342]. Мысленно обобщая обширное научное творчество М.Н. Кожиной, мы хотим подчеркнуть его фундаментальный характер, то есть принципиальную устойчивость утверждений, а значит, актуальность теоретических положений (убедительно аргументированных эмпирическим материалом), которые необходимо учитывать в дальнейших современных стилистических исследованиях текста.

Эпистемическая ситуация как единица смысловой структуры научного текста

Цель данной статьи – рассмотреть функционирование эпистемической ситуации (лаконично описанной ранее на материале русского языка в: [Котурова, 2011]) как смысловой единицы научного текста в плане ее соотношения с двумя основными путями познава-

тельного процесса, а именно дедуктивным и индуктивным. Для этого необходимо выявить в контексте данные рече-текстовые единицы и соотнести совокупность этих единиц с терминосистемой текста. Терминосистема создается «под напором» реальной динамичной коммуникативно-познавательной деятельности, трансформируется по правилам логико-семантических отношений терминированных понятий и фиксируется в контексте в основном двумя формально-логическими путями – дедукцией и индукцией. В результате применения правил построения дедуктивных и индуктивных умозаключений формируются текстовые фрагменты с кольцевой структурой. Именно такие фрагменты представляют собой воплощение абстрактной смысловой структуры текста – структуры, ориентированной на когнитивное взаимодействие автора и читателя.

Будем исходить из того, что смысловая структура научного текста чрезвычайно сложна: она имеет системный характер, обусловленный принадлежностью к научному стилю, репрезентация же той или иной смысловой структуры осуществляется под воздействием речевой индивидуальности ученого. На наш взгляд, системность научного текста можно видеть в том, что ему присущи следующие свойства: 1) наличие противоречия, которое является условием функционирования и развития системы (данное свойство системы иллюстрируется ниже); 2) управляемость системы со стороны субъекта деятельности (см. ниже примеры предъявления ипостасей субъекта в тексте); 3) заострение противоречия; 4) дозированное (постепенное, «рассыпанное» по тексту) вмешательство субъекта деятельности; 5) индивидуальный стиль формирования рече-текстовой системы.

При внимательном чтении, акцентирующем интерпретацию метатекстового компонента, мы, несомненно, заметим наличие всех этих свойств рече-текстовой системы – научного текста. Вместе с тем методически целесообразно определить необходимую и достаточную смысловую единицу текста, чтобы в процессе ее функционирования выявить доминирующие (или, напротив, факультативные) свойства этой единицы, способствующие созданию рече-текстовых единиц более вы-

сокого ранга, иначе говоря, установить ее текстообразующую функцию.

Целенаправленное чтение научного текста позволяет выявить и определить корпус единиц текста, синтезирующих функции компонентов эпистемической ситуации как смысловой единицы с нечеткими границами, обусловленными полифункциональностью языковых единиц, оформляющих данную ситуацию. Именно в тексте происходят смысловые трансформации: методологически значимая номинация (*метод, проблема, исследование, способ, прием, реконструкция* и др.) приобретает онтологическое звучание (*Решение этой проблемы направлено...*); при таком метонимическом переносе, как *исследование проблемы завершено, исследование* имеет фундаментальный характер, подчеркивается ‘результативность’, то есть номинация *исследование* используется автором в онтологическом смысле; онтологически значимые компоненты выполняют методологическую функцию (например, *словообразование, реконструкция компонентов словосочетания*); методологически определенной номинации придается аксиологическая ориентация (*В работе решена проблема профориентации в школе*) – подчеркиваются аксиологические нюансы ‘необходимость, актуальность, трудность’. Рассматривая соотношение этих единиц в целостной рече-текстовой картине, можно установить, что они, в свою очередь, формируют рече-текстовые единицы – фрагменты текста – более высокого ранга, нередко имеющие кольцевую структуру (в данном случае именно это и важно, что у кольца начало и конец смыкаются). Такие фрагменты текста имеют логическую структуру чередующихся дедуктивных и индуктивных умозаключений, а именно Д–И... – Д; Д – И... – Д и т. д. (с вполне возможными отклонениями от строгого порядка). Например: *Рассмотрение вопроса о соотношении лингвистики текста и стилистики* (Д) – *формирование лингвистики текста* (И) – с более ранним *развитием стилистики (в ее функциональном аспекте)* (И) – *стилистический аспект текста* (И) – не означает специального рассмотрения вопроса о соотношении стилистики и лингвистики текста (Д) (Кожина, 2015, с. 6). Такие более сложные, целостные (статические) фрагменты текста со-

относятся с динамической природой научно-познавательной деятельности, природой, проявляющейся в построении дедуктивных и индуктивных умозаключений. Естественно, что построения логических (абстрактных) умозаключений – дедуктивных и индуктивных – трансформируются в речи / тексте, поэтому требуют углубленного проникновения в его смысловую структуру. Именно обобщенно-отвлеченный взгляд на совокупность / корпус эпистемических ситуаций как смысловых единиц позволяет установить наличие дедуктивного и индуктивного путей научного познания, зафиксированных в каждом научном тексте.

Противоречие «старого» и «нового» знания в научном тексте

Как было сказано выше, речевой системе, представленной в виде научного текста, присуще наличие противоречия, которое является условием функционирования и развития системы. Рассмотрим фрагменты текстов, в которых зафиксировано противоречие между «старым» знанием, актуальным в качестве общепринятого, традиционного либо полученным предшественниками, но еще не вошедшим в общий научный фонд, дискуссионным, и «новым» знанием (знанием автора), для развертывания которого и создается определенный текст. К наиболее типичным маркерам относятся: *как известно / хорошо известно / всем известно, что; идеи N – на наш взгляд / по нашему мнению / с нашей точки зрения* и многие другие, нередко индивидуально выдвинутые либо завуалированные контекстом. В качестве иллюстративного материала используем современные теоретические тексты известных лингвистов А.В. Бондарко (2002), М.Н. Кожиной (2015) и Н.К. Рябцевой (2005) и подчеркнем в этих контекстах речевые единицы, обозначающие противоречия.

Речь идет не только о дифференциации внутри широкой сферы семантического содержания (старое. – М. К., Л. К.) – **но и** об анализе взаимосвязей разных сторон семантики как сложного целостного объекта (новое. – М. К., Л. К.); **На наш взгляд**, именно осмысление взаимодействия различных аспектов и уровней изучаемого содержания является необходимым основанием для постановки воп-

роса о семантике как целостной системе, имеющей определенную структуру (новое. – М. К., Л. К.) (Бондарко, 2002, с. 99); Существует широкое истолкование понятия «грамматическая категория», встречающееся как в языковедческой **традиции** (старое. – М. К., Л. К.), так и в современной литературе – ...в настоящее время представляется целесообразным **более строгое истолкование** (новое. – М. К., Л. К.) рассматриваемого понятия (Бондарко, 2002, с. 205–206);

...все очевиднее обнаруживается **актуальность** изучения проблем функционирования языка (новое. – М. К., Л. К.) – ...**как известно**, закономерно развивается и особая отрасль языкознания, получившая название лингвистики текста (ЛТ) (старое. – М. К., Л. К.) (Кожина, 2015, с. 5);

...стала возможной благодаря **развитию концептуального анализа** (далее следует уточнение, раскрытие терминированного понятия концептуального анализа, перед которым был бы уместным (коммуникативно целесообразным) сигнал – союз *то есть*. – М. К., Л. К.), **углубленного семантического и функционального исследования представлений и понятий, сформировавшихся в языке и языком** – ...ориентация **новой** лингвистики на субъекта речи... (новое. – М. К., Л. К.) и возрождение **интереса к идеям** В. Гумбольдта, Б. Уорфа и Э. Сэпира и др. относительно языковой картины мира, **долгое время остававшимся на периферии лингвистики и в свое время почти не получившим признания** (старое. – М. К., Л. К.) (Рябцева, 2005, с. 57).

Учитывая ограниченные возможности жанра статьи, обратим особое внимание на то, что рассуждению о противоречии, выявленном автором того или иного приведенного текста, присущи все вышеперечисленные признаки речевой системности. Из приведенных примеров видно, что противоречие с необходимостью присуще содержанию каждого научного текста, причем, как показывает анализ материала, в теоретическом тексте противоречие обычно эксплицируется особенно ярко. Важно отметить, что именно с этой целью автор, управляя речевой системой, отбирает – с учетом собственной, то есть индивидуальной, точки зрения – из языковой системы различные языковые единицы, которые, подчеркнем, по воле автора приспособляются к данной познавательной-коммуникативной задаче и в результате по праву употребляются в тексте. Как видим, в научном теоретическом тексте действительно проявляются перечисленные выше свойства, присущие рече-текстовой системе.

Само противоречие в тексте выражено описательно, посредством различных сопоставлений таких номинативно-содержательных единиц, как термины, общенаучные слова (слова широкой семантики) и другие абстрактные лексемы. Маркеры же служат лишь «сигналами» о наличии данной познавательной ситуации. В рассматриваемом отношении важно, что в тексте эксплицирован вполне определенный познавательный смысл (эпистемическая ситуация) 'противоречие'. Эпистемическая ситуация – это единица содержания научного текста. Содержанием научного текста является научное знание (в пер. с греческого «эпистема»); в соответствии с таким – деятельностным, научно-познавательным, по существу, «знаниевым» – подходом абстрактная, то есть отвлеченно-обобщенная, единица смысловой структуры научного текста и получила название эпистемической ситуации. Эта единица объединяет разноплановые компоненты, представляющие содержание, или онтологию, а также метод, способ, приемы получения знания, его познавательную форму (понятие, суждение, умозаключение, утверждение, вопрос, гипотезу, концепцию, теорию, закон), иначе говоря, методологию получения знания, по природе включающего логическое мышление, иногда становящееся автоматическим, даже, можно сказать, «конвейерным».

Нас убеждает точка зрения, существующая в области психологии научного познания: строго формально-логическое движение мысли человека не приводит к получению нового знания. Собственно логическое мышление, становясь конвейерным, осуществляется «по накатанному пути», без препятствий, без противоречий, благодаря преодолению которых только и развивается, то есть расширяется и углубляется, научное знание. Несомненно, эпистемическая ситуация представляется явно неполной, коммуникативно-прагматически неясной, если в ее описании не выражена аксиологическая ориентация читателя (потребителя) в степени ценности знания, полученного предшественниками или самим автором.

Функционально-стилистические исследования научного текста свидетельствуют о

неадекватности, а именно об асимметрии, текста и его содержания – репрезентированного научного знания. На наш взгляд, причина неадекватности заключается в том, что знание в тексте представляется одновременно в двух ипостасях – в результативной (статической) и деятельностной (динамической). Причем сугубо познавательный (деятельностный) аспект при порождении текста управляется коммуникативно-прагматическим, результативным: научное знание фиксируется автором в виде готового (а не получаемого) продукта. Ранее нами было предложено рассматривать научное знание с учетом его результативности как зафиксированную в тексте эпистемическую ситуацию – смысловую единицу научного текста [Котюрова, 1988]. Этот квант, сгусток смысла разного объема представляет собой единство трех взаимосвязанных компонентов: онтологического (*О* – предмет рассмотрения; выделено подчеркиванием), методологического (*М* – метод, способ, прием рассмотрения; выделено полужирным курсивом), аксиологического (*А* – актуальность, ценность, важность полученного знания; выделено светлым курсивом). Кстати, порядок представления этих сторон может быть различным.

См., например, в тексте Н.К. Рябцевой: *благодаря развитию концептуального анализа, углубленного семантического и функционального исследования представлений и понятий, сформировавшихся в языке и языком* – АМО; в тексте А.В. Бондарко: *именно осмысление (М) взаимодействия различных аспектов и уровней изучаемого содержания (О) является необходимым основанием (М) для постановки вопроса (А) о семантике (О) как целостной системе, имеющей определенную структуру (М)* – МОАОМ; в тексте М.Н. Кожинной: *актуальность изучения проблем функционирования языка* – АМО.

В научном тексте представлена совокупность разнообразных частных, или индуктивных, смысловых единиц – эпистемических ситуаций. Эти единицы «рассыпаны» по тексту, поэтому «дозированно» эксплицируют знание. В силу притяжения однородных компонентов смысла по крупницам формируется целостное знание – статическое содержание научного текста.

Терминосистема в ее отношении к эпистемической ситуации

Изучение смысловой структуры научного текста показывает, что его содержание соотносится с терминосистемой. Здесь мы обратим внимание на то, что в контексте термины как представители онтологического аспекта знания обусловлены содержательной беспредельностью в микро- и макроотношении. В связи с этим термины постоянно пребывают в состоянии подчинения избранному подходу, методу, приемам исследования, таким логическим операциям с абстрактными научными понятиями, как уточнение, усиление, ограничение, добавление, присоединение и др. Все эти методологические ментальные операции формируют «защитную оболочку» онтологической сущности содержания речи – сущности не только крайне абстрактной, но и совершенно непредсказуемой для читателя. Защитная (и в то же время «менеджерская») функция методологического аспекта эпистемической ситуации чрезвычайно важна в научном тексте, так как управляет принципиально познавательной, «вперед смотрящей», совместной деятельностью автора и читателя. Действительно, четко сформулированное описание предмета исследования «защитит» автора от вопроса «что рассматривается?», а также претензий типа «не рассмотрено», «не определено» и т. п.

Не менее важной является функция речевых единиц, выражающих аксиологический аспект эпистемической ситуации. Такие единицы непосредственно ориентированы на помощь читателю в оценке сообщаемого знания, в частности его новизны, аргументированности, достоверности, ценности для научного сообщества и других достоинств знания, полученного предшественниками и самим автором. Средства выражения оценки способствуют активному взаимодействию с читателем и, значит, прежде всего, взаимопониманию: автор передает свою мысль не индифферентно, равнодушно, констатирующим образом, но с горячим интеллектуальным чувством радости от открытия (пусть малого!), которое особенно ценно перспективой для дальнейшего изучения беспредельной действительности. Специальному исследованию рациональной оценки в научном тексте посвя-

щен ряд работ; назовем здесь одну из последних, выполненную в традициях Пермской научной школы проф. М.Н. Кожинной, – «Роль оценки в механизме развертывания научного текста» [Данилевская, 2005].

Обобщая, важно подчеркнуть, что только при условии привлечения, притяжения компонентов методологического и аксиологического аспектов знания терминосистема научного текста формирует целостные смысловые единицы – эпистемические ситуации. Эти единицы обычно эксплицированы в полном объеме, то есть в единстве трех компонентов либо двух «личностных» – методологического и аксиологического.

Кольцевая структура смысла научного текста как условие формирования дедуктивной эпистемической ситуации

Любой путь познания предполагает наличие субъекта познавательной деятельности, понимаемого как совокупность свойств, объединенных социальными и индивидуальными компонентами. При этом субъект (автор текста) предстает перед читателем – условно – в разных ипостасях: прежде всего, в качестве констатирующего владельца «старого» знания (соотнесем этого владельца с Наблюдателем – идея Е.В. Падучевой [Падучева, 2006]), кроме того, в качестве владельца «нового», авторского знания и, наконец, в качестве субъекта познавательной деятельности, понимаемой как процесс в условиях, «очищенных» от реальной познаваемой действительности, иначе говоря, в качестве субъекта с акцентом на его социальном компоненте, соответствующем логико-смысловым отношениям понятий. Бесспорно, в научной речи / тексте неизбежно проявляются такие личностные характеристики субъекта коммуникативно-познавательной деятельности (обобщенно – автора), как индивидуальный познавательный стиль, стиль мышления ученого, его речевая индивидуальность (см. об этом: [Котюрова, Тихомирова, Соловьева, 2011]). При внимательном, тем более исследовательском, чтении, то есть при восприятии в речи, в процессе действительного функционирования, эти единицы осознанно

или неосознанно объединяются, подчиняясь доминирующим вышестоящим смыслам. Целеустремленное чтение может обеспечить понимание содержания текста, формирование смысловой структуры текста, а также проникновение в индивидуальную когнитивную сферу автора.

«Спаянность» ипостасей автора позволяет дифференцировать их лишь условно:

1) Наблюдатель, констатирующий, утверждающий предшествующее, известное, фоновое для автора и читателя знание: *Категориальные значения лежат в основе граммем – членов грамматических категорий* (Бондарко, 2002, с. 248); *Аспектуальные значения воздействуют на характер временных отношений между действиями, оказывая влияние на их существенные свойства* (Бондарко, 2002, с. 509); *Проблемы жанра, обычно так или иначе в связи с проблемой стиля, широко представлены в литературе* (Кожина, 2002, с. 155); *Любопытство становится этически маркированным и социально осуждаемым поведением, когда оно направлено на другого человека* (Рябцева, 2005, с. 309). По-видимому, вслед за А.В. Бондарко, трактовку «области скрытой грамматики» [Бондарко, 2002, с. 253] можно распространить на научный текст и считать, что в любом фрагменте научного текста (предложении, абзаце, более сложном компоненте, целом тексте) субъект-наблюдатель представляет собой скрытую (имплицитную) категорию, однако может быть выявлен и эксплицирован посредством глаголов со значением бытия, существования, наличия;

2) субъект деятельности, выдвигающий логический, то есть социально принятый, конвенциональный компонент познавательного процесса: *Наиболее распространены три понимания термина текст: 1)... ; 2) ...; 3)...* *Подобное толкование текста находим и в работах лингвокультурологического направления...* (Кожина, 2002, с. 18); *...в форме бинарной классификации, в которой выделяются две ступени. Первая ступень... Вторая ступень... Обе ступени данной бинарной классификации основаны на одном и том же признаке коррелятивности, однако каждая ступень характеризуется*

особым отношением к этому признаку (Бондарко, 2002, с. 210); *Научное познание оказывается обусловленным... факторами, способными предопределять своеобразие национальной науки. Наиболее ярко оно проявляется при сопоставлении античной, современной западной и традиционной восточной науки* (Рябцева, 2005, с. 191). Не случайно в стилистической литературе одной из первых была зафиксирована, определена, рассмотрена и описана такая особенность научного текста, как логичность речи (см.: *подчеркнутая логичность* – термин М.Н. Кожинной, *открытая логичность* – термин А.Н. Васильевой);

3) субъект индивидуальной когнитивной и текстообразующей деятельности: *Вместе с тем нельзя исключить и возможность использования двухступенчатой классификации. Фактически и в ней представлены все три типа грамматических категорий* (Бондарко, 2002, с. 211); *Не разделяя* одни из указанных позиций (*отождествление стиля и жанра, понимание жанра как части или формы стиля*), *следует согласиться с другими. Например, с бесспорной взаимосвязью и взаимодействием стиля и жанра, их единством, представленным в реальности речи. Конечно, стиль... проявляется так или иначе в произведениях различных жанров (этого писателя, направления). Однако и требования каждого жанра обуславливают соответствующий стиль... Вернее все же считать, что жанр определяет стилевые особенности речи... Таким образом, стиль и жанр – это взаимосвязанные компоненты художественного целого, каждый со своим назначением* (Кожина, 2002, с. 157–158); *Человеческое мышление принципиально проспективно – обращено к будущему. <...> Идея будущего в первую очередь связана с воображением... Будущее всегда в большей или меньшей степени неопределенно... Представить будущее помогает устройство мира, цикличность природного времени... Подробно и в другом аспекте проблема будущего затрагивалась в Главе 4. Здесь же отмечаются наиболее важные ее составляющие, имеющие непосредственное отношение к ментальной сфере* (Рябцева, 2005, с. 274–276). Как видим, речевая индивидуаль-

ность автора текста наиболее ярко проявляется посредством выражения оценочности.

Анализ текстов показывает, что все ипостаси автора представлены в любом научном тексте, вопрос лишь в степени их выдвижения (актуализации) в целом произведении. При анализе текстов важно учитывать доминирующую в них совокупность средств, ориентированных на выражение тех или иных свойств субъекта / автора. Именно доминирование определенных совокупностей рече-текстовых единиц, испытывающих функционально-смысловое притяжение, является необходимым условием формирования / установления особенностей текстообразования в плане речевой индивидуальности ученого.

Рассмотрение этих смысловых единиц в динамике научно-познавательной деятельности (с учетом установки познающего субъекта) позволяет обнаружить кольцевую структуру смысла научного текста, проявляющуюся, как мы уже указывали, в движении от общего утверждения (дедуктивного), дифференцированного на целый ряд частных (индуктивных), которые далее подвергаются обобщению, в результате которого, в свою очередь, формируется дедуктивная эпистемическая ситуация. Важно подчеркнуть, что такое схематичное описание познавательной структуры текста вполне может соответствовать лишь одному – иерархическому – типу связей эпистемических ситуаций. Реальные тексты могут иметь сложную, «запутанную» смысловую структуру, если смысловые единицы «не соблюдают» логико-семантических правил следования и связи, вторгаются в «чужое» пространство, нарушают общепринятый (потому предсказуемый) порядок движения мысли читателя. Как будет показано ниже, выявленные закономерности релевантны при порождении переводного дискурса, где в качестве познающего субъекта выступает переводчик, что обуславливает дедуктивно-индуктивную структуру смысла научного текста.

В свете всего сказанного о таких смысловых единицах научного текста, как эпистемические ситуации и их совокупности, следует особо отметить, что и те, и другие формируются (как автором, так и читателем) не на случайной смысловой основе, а на эпистемической, научно-познавательной, имеющей свою конеч-

ную цель – создание стройной, гармоничной терминосистемы текста, доступной восприятию читателем. Значит, во главе (или, наоборот, в фундаменте) познавательного «треугольника» эпистемической ситуации расположен термин (терминированное понятие) как онтологический компонент. Вместе с тем источником и движущей силой при формировании данной смысловой единицы служит субъект. В таком случае субъект проявляется посредством выражения двух других компонентов эпистемической ситуации – методологического и аксиологического. Эти компоненты, в обобщенно-познавательном отношении имея факультативный, дополнительный характер, в коммуникативном же представляют собой совершенно необходимое сопровождение, можно сказать, ту «одежку», по которой встречают «гостя».

По нашим наблюдениям, эпистемическая оболочка (в работах Т.М. Николаевой – «эпистемический кортеж») совершенно необходима, она по природе присуща терминам в терминосистеме текста, поэтому легко вычленивается из контекста.

Приведем примеры (о принципах маркировки компонентов см. выше):

Цельный текст как объект стилистики текста; в вопросе изучения текста как объекта лингвистического исследования; становится объектом стилистики; общий объект исследования в лингвистике текста и в функциональной стилистике; особая отрасль языкознания, получившая название лингвистики текста (ЛТ); мысль о членении текста на синтаксические целые; лингвистики текста как особого направления языкознания; теории текста; имеем в виду функциональную стилистику, или, иначе, науку о функциональных стилях (Кожина, 2015);

Теория значения в системе функциональной грамматики; вопрос о значении и смысле рассматривается на основе того взгляда на проблему стратификации семантики, которого я придерживаюсь в настоящее время; именно осмысление взаимодействия различных аспектов и уровней изучаемого содержания является необходимым основанием для постановки вопроса о семантике как целостной системе, имеющей определенную структуру; Идея стратификации семантики; на двух основных аспектах семантического содержания – значении и смысле; Вопрос о соотношении значения и смысла связан с проблемой эквивалентности при существовании различия» (Бондарко, 2002);

Ориентация новой лингвистики на субъекта речи, сознания, культуры, знания и поведения; Концептуальный анализ – новое ... направление в лингвистике, принципиально конструктивное и ставшее к началу XXI в. магистральным (Рябцева, 2005).

Реализация индуктивно-дедуктивной структуры в переводном научном дискурсе

Понятие эпистемической ситуации, разработанное М.П. Котюровой и Е.А. Баженовой, апробировано нами на материале русскоязычного научного текста / дискурса. Однако стратегия анализа научного текста с опорой на данное понятие носит универсальный характер, что было выявлено нами при исследовании переводного дискурса [Котюрова, 2011, 2013, 2014; Котюрова, Баженова, 2007; Котюрова, Соловьева, 2017].

В основе наших рассуждений лежит концепция переводческого пространства, исходные положения которой сформулированы в [Кушникова, 2009; Введение ..., 2014] и получили дальнейшее развитие как в трудах автора концепции, так и в работах его учеников и последователей.

Суть концепции переводческого пространства сводится к следующему. Перевод как любая сложная система имеет свою структуру. Это структура нелинейной конфигурации, организованная в виде пространственно-временного континуума, который обозначен как переводческое пространство, формирующееся вокруг содержания текста оригинала и включающее содержание текста перевода. Каждый элемент переводческого пространства образует свою полевую структуру смысла – поле. В переводческом пространстве выявлено три поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента) и три текстовых поля (содержательное, энергетическое, фатическое). В каждом поле переводческого пространства формируется уникальный смысл, при этом интегральный смысл целого текста перевода является не их суммой, а результатом синергии: модальный смысл поля автора, индивидуально-образный смысл поля переводчика, рефлексивный смысл поля реципиента, фактуальный смысл содержательного поля, эмотивный

смысл энергетического поля, лингвокультурологический смысл фатического поля. Кроме того, каждое смысловое поле имеет свой источник: предтекст в поле автора, подтекст в поле переводчика, контекст в поле реципиента, текст в содержательном поле, затекст в энергетическом поле, интертекст в фатическом поле. Результатом перевода является синергия смыслов всех полей переводческого пространства, что сопровождается приращением новых смыслов и их вхождением в принимающую культуру. Качественный перевод обозначен в данной концепции как гармоничный, что отражает гармоничное переводческое мировоззрение и что обуславливает естественное вхождение текста перевода в новую языковую и культурную среду. В случае некачественного перевода, то есть если текст содержит переводческие ошибки, погрешности, несоответствия, он признается дисгармоничным.

Концепция переводческого пространства была апробирована на материале текстов и дискурсов, принадлежащих различным лингвокультурам и различным коммуникативным средам. Материалом для анализа в рамках данной статьи послужили франкоязычные научные тексты из области юрислингвистики и их переводы на русский язык. Поскольку эти тексты содержат размышления о различных аспектах юридической деятельности, в частности о переводе юридических текстов, их можно отнести к метаюридическому дискурсу.

Возможности анализа франкоязычных научных текстов с использованием понятия эпистемической ситуации с опорой на концепцию переводческого пространства покажем на примере перевода фрагмента статьи «*Décalages et interférences en traduction juridique espagnol-français*» (Setty, 2002) с французского языка на русский.

Оригинал:

Tout autant qu'une affaire de langue, la traduction est dès lors affaire de droit comparé car il s'agit avant toute de rendre les concepts et institutions juridiques sous-jacents. C'est dans ce sens que l'on parle de bi-linguisme (langue française-langue espagnole) et de bi-juridisme (droit français – droit espagnol) toujours abordés au niveau des équivalences (Setty, 2002, p. 52).

Проанализируем представленную в данном фрагменте эпистемическую ситуацию. Ее центром, или онтологическим ядром, является терминосистема, в данном тексте мы наблюдаем порождение нового термина: *bi-juridisme* (би-правовая система, би-юридическая система), образованного по аналогии с известным термином *bi-linguisme* (билингвизм, двуязычие). Как видим, онтологический аспект эпистемической ситуации тесно переплетается с методологическим аспектом, поскольку данный термин имеет существенное методологическое значение, раскрывая сложности перевода специального юридического текста, где наряду с лингвистическими барьерами переводчику необходимо преодолеть специальные юридические барьеры. Кроме того, рассматриваемое терминосочетание имеет определенный аксиологический статус, так как автор текста акцентирует внимание читателя на том, что достижение эквивалентности при переводе юридических текстов зависит, прежде всего, от учета юридических факторов. Новизна авторского подхода состоит не только в использовании им нового термина, но и в неоднократном подчеркивании необходимости его введения, а главное, оценивания юридических знаний принимающей культуры, без которых качественный перевод невозможен. В связи с этим автор использует такие речевые единицы, как: *tout autant que; car il s'agit avant tout de; c'est dans ce sens que l'on parle de* (настолько же как...; так как речь идет, прежде всего о...; именно в этом смысле говорят о...), отражающие аксиологический компонент. Уточним, что онтологический компонент представлен терминами: *traduction concepts et institutions juridiques, bi-linguisme, bi-juridisme, equivalences*. Методологический компонент нашел отражение в следующих фразах: *toujours abordés au niveau des equivalences; c'est dans ce sens*.

Как было показано выше, в русскоязычном научном тексте реализуется кольцевая индуктивно-дедуктивная структура смысла. По нашим наблюдениям, аналогичная структура вычленяется и в тексте на французском языке: *...une affaire de langue, la traduction est dès lors affaire de droit comparé*.

Перевод:

Выступая результатом лингвистической деятельности, перевод юридических текстов становится также результатом деятельности в области межъязыкового и межкультурного сопоставительного права, так как речь идет, прежде всего, о необходимости передать соответствующие юридические концепты и структуры. Именно в этом смысле можно говорить о би-лингвистической (французский язык – испанский язык) и би-юридической системах (французское право – испанское право), которые анализируются с целью достижения эквивалентности.

В тексте перевода, как и в оригинале, эпистемическая ситуация основывается на термине «перевод», обладающем обобщающим значением, «запускающим» дедуктивно-индуктивный механизм порождения смысла. Констатируем, что от общего понятия «перевод» автор текста (как и автор перевода), переходит к дифференцированным понятиям: «би-лингвистическая система», «би-юридическая система». Далее в тексте происходит новое обобщение – успешное функционирование этих систем обуславливает достижение переводческой эквивалентности, в результате чего формируется дедуктивная эпистемическая ситуация.

Подытоживая, подчеркнем, что успешная трансляция переводчиком заданной эпистемической ситуации с сохранением дедуктивно-индуктивного способа формирования и формулирования мысли приводит его к гармоничному переводу.

Важно, что понятие эпистемической ситуации помогает представить и описать ход мысли переводчика как познающего субъекта, активного участника познавательной деятельности.

Заключение

Завершим наши рассуждения об индуктивном и дедуктивном путях познания в научном дискурсе наблюдением о том, что коммуникативная сторона научного знания, ориентированная на взаимодействие автора и читателя, предъявляет свои требования к содержанию научного текста. Единство аспектов содержания научного текста

закреплено терминологически как эпистемическая ситуация.

Эпистемическая ситуация – это единица содержания, или научное знание, которое охватывает информацию о предмете, методе получения этой информации, ценностной ориентации автора текста. Эпистемическая ситуация проявляется в тексте в единстве трех компонентов: онтологического (предмет), методологического (метод), аксиологического (ценностная ориентация).

В рамках эпистемической ситуации мы проанализировали индуктивный и дедуктивный пути познавательного процесса и выявили их воплощение в тексте в виде «кольцевой структуры», предполагающей движение от общего, дедуктивного утверждения к частным, индуктивным, а затем дальнейшее обобщение, в результате которого формируется дедуктивная эпистемическая ситуация, что проиллюстрировано на материале русскоязычных теоретических текстов.

Аналогичные результаты получены при анализе переводного дискурса, в частности при сопоставлении текстов переводов с французского языка на русский. Осознавая расхождения в актуализации рече-текстовых единиц в системах переводного и непереводного дискурсов, мы установили, что «дедуктивно-индуктивное кольцо» как отражение абстрактной эпистемической ситуации полностью сохранено в анализируемом тексте, что позволяет, во-первых, констатировать, порождение гармоничного текста перевода, во-вторых, выдвинуть гипотезу о том, что выявление переводчиком научного текста эпистемической ситуации, вербализуемой в виде определенных рече-текстовых единиц, может стать одним из объективных критериев гармоничного перевода, что обеспечит порождение и функционирование качественного переводного дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Введение в синергетику перевода, 2014. Под общ. ред. Л. В. Кушнина. Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та. 278 с.
- Данилевская Н. В., 2005. Роль оценки в механизме развертывания научного текста. Пермь : Изд-во Перм. ун-та. 145 с.

- Кожина М. Н., 2002. Речеведение и функциональная стилистика: вопросы теории. Избранные труды. Пермь : Перм. ун-т, ПСИ, ПССГК. 475 с.
- Котюрова М. П., 1988. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (Функционально-стилистический аспект). Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та. 171 с.
- Котюрова М. П., 2011. Репрезентация эпистемического кода в научном тексте // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые, культурологические и дидактические аспекты : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 11–13 мая 2011 г.). СПб. : Изд-во Политехн. ун-та. С. 145–146.
- Котюрова М. П., 2013. Речевая системность (к развитию понятия) // Стереотипность и творчество в тексте / под ред. проф. М. П. Котюровой. Пермь : Перм. ун-т. Вып. 17. С. 27–44.
- Котюрова М. П., 2014. Русский язык: «чекан» научного текста // Лингвистика. Семиотика. Метапоэтика : науч. сб. / под ред. д-ра филол. наук В. П. Ходуса. Ставрополь : СКФУ : Дизайн-Студия Б. Вып. 1 (14). С. 123–129.
- Котюрова М. П., Баженова Е. А., 2007. Культура научной речи: текст и его редактирование. Пермь : Ред.-изд. отд. Западно-Уральского ин-та экономики и права. 281 с.
- Котюрова М. П., Соловьева Н. В., 2017. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). Пермь : ПГНИУ. 204 с.
- Котюрова М. П., Тихомирова Л. С., Соловьева Н. В., 2011. Идиостилика научной речи: наши представления о речевой индивидуальности ученого. Пермь : Ред.-изд. отдел Западно-Уральского ин-та экономики и права. 393 с.
- Кушнина Л. В., 2009. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. Пермь : Изд-во Перм. гос. техн. ун-та. 196 с.
- Новиков А. И., 1983. Семантика текста и его формализация. М. : Наука. 216 с.
- Падучева Е. В., 2006. Наблюдатель: типология и возможные трактовки // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : тр. Междунар. конф. «Диалог–2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) / под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М. : Изд-во РГГУ. С. 403–414.

ИСТОЧНИКИ

- Бондарко А. В., 2002. Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М. : Языки славянской культуры. 736 с.

- Кожина М. Н., 2015. Об отношении стилистики к лингвистике текста // Стереотипность и творчество в тексте : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. проф. М. П. Котюровой. Пермь : Перм. ун-т. Вып. 19. С. 5–18.
- Рябцева Н. К., 2005. Язык и естественный интеллект. М. : Academia. 640 с.
- Setty A. M., 2002. Décalages et interprétations en traduction juridique espagnol-français // ILCEA, Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie. Vol. 3. P. 51–69.

REFERENCES

- Kushnina L.V., ed. 2014. *Introduction to translation synergetics*. Perm, Izd-vo Perm. nats. issled. politekhn. un-ta. 278 p.
- Danilevskaya N.V., 2005. *The role of assessment in the mechanisms of academic text expansion*. Perm, Izd-vo Perm. un-ta. 145 p.
- Kozhina M.N., 2002. *Speech studies and functional stylistics: theoretical issues. Selected works*. Perm, Perm. un-t, PSI, PSSGK. 475 p.
- Kotyurova M.P., 1988. *On the extralinguistic foundations of the meaning structure of academic text (functional and stylistic aspect)*. Krasnoyarsk, Izd-vo Krasnoyar. un-ta. 171 p.
- Kotyurova M.P., 2011. Representation of epistemic code in the academic text. *Kommunikatsiya v polikodovom prostranstve: yazykovye, kulturologicheskie i didakticheskie aspekty: tez. dokl. mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Sankt-Peterburg, 11–13 maya 2011 g.)*. Saint Petersburg, Izd-vo Politekh. un-ta, pp. 145-146.
- Kotyurova M.P., 2013. The systemic nature of speech (on the development of the concept). *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste*. Perm, Perm. un-t Publ., iss. 17, pp. 27-44.
- Kotyurova M.P., 2014. The Russian language – the “dresser” of the academic text. *Lingvistika. Semiotika. Metapoetika: nauch. sb.* Stavropol, SKFU; Dizayn-Studiya B Publ., iss. 1 (14), pp. 123-129.
- Kotyurova M.P., Bazhenova E.A., 2007. *The culture of academic speech. Text and its editing*. Perm, Red.-izd. otd. Zapadno-Uralskogo in-ta ekonomiki i prava. 281 p.
- Kotyurova M.P., Solovyeva N.V., 2017. *Modern academic text (through the prism of discourse changes)*. Perm, PGNIU Publ. 204 p.
- Kotyurova M.P., Tikhomirova L.S., Solovyeva N.V., 2011. *Idiostylistics of academic speech. Our assumptions of a scientist's speech individuality*. Perm, Red.-izd. otdel Zapadno-Ural'skogo in-ta ekonomiki i prava, 2011. 393 p.
- Kushnina L.V., 2009. *Theory of harmonization: experience of cognitive analysis of translation space*. Perm, Izd-vo Perm. gos. tekhn. un-ta. 196 p.
- Novikov A.I., 1983. *Text semantics and its formalization*. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Paducheva E.V., 2006. Observer: typologies and possible interpretations. *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii: tr. Mezhdunar. konf. «Dialog–2006» (Bekasovo, 31 maya – 4 iyunya 2006 g.)*. Moscow, RGGU Publ., pp. 403-414.

SOURCES

- Bondarko A.V., 2002. *The theory of meaning in the system of functional grammar*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 736 p.
- Kozhina M.N., 2015. On the relation of style to text linguistics. Kotyurova M.P., ed. *Stereotipnost i tvorchestvo v tekste: mezhvuz. sb. nauch. tr.* Perm, Perm. un-t Publ., iss. 19, pp. 5-18.
- Ryabtseva N.K., 2005. *Language and Human Mind*. Moscow, Academia Publ. 640 p.
- Setty A.M., 2002. Décalages et interprétations en traduction juridique espagnol-français. *ILCEA, Revue de l'Institut des langues et cultures d'Europe, Amérique, Afrique, Asie et Australie*, vol. 3, pp. 51-69.

Information about the Authors

Mariya P. Kotyurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Stylistics, Perm State University, Bukireva St., 15, 614990 Perm, Russia, kotyurova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

Lyudmila V. Kushnina, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Prosp. Komsomolsky, 29, 614900 Perm, Russia, lkushnina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

Информация об авторах

Мария Павловна Котюрова, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики, Пермский государственный национальный исследовательский университет, ул. Букирева, 15, 614990 г. Пермь, Россия, kotyurova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5418-726X>

Людмила Вениаминовна Кушнина, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, просп. Комсомольский, 29, 614990 г. Пермь, Россия, lkushnina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4360-7243>

«Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научной общественности с результатами современных исследований по проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительного изучения языков, теории языка и смежных дисциплин.

Авторами «Вестника ВолГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений России, а также другие отечественные и зарубежные исследователи.

Уважаемые читатели!

Подписка на II полугодие 2018 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на II полугодие 2018 года 764 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по адресу: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100, Волгоградский государственный университет – главному редактору Шептухиной Елене Михайловне или высылаются по электронной почте на адреса: vestnik2@volsu.ru и istruslingva@yandex.ru.

Обязательно наличие сопроводительного письма, в котором должны содержаться следующие пункты: гарантия оригинальности статьи, отсутствия в ней недостоверных данных и плагиата; обязательство не подавать данный материал в другой журнал; информация о наличии/отсутствии потенциального конфликта интересов с членами редколлегии; данные о финансировании исследования (с пометкой об их конфиденциальности или необходимости опубликования); согласие с принципами, изложенными в разделе «Издательская этика» журнала (<http://l.jvolsu.com/index.php/publishing-ethics-ru>).

Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения.

2. Правила оформления статей.

Объем статьи не должен превышать 1 п. л.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- 1) Индексы УДК и ББК.
- 2) Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).
- 3) Имя, отчество, фамилия автора; ученое звание, ученая степень; контактная информация (место работы/учебы и должность автора, полный почтовый адрес организации, телефон, e-mail) на русском и английском языках.
- 4) Аннотация на русском языке и авторское резюме (Abstract) на английском языке.
- 5) 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).
- 6) Текст статьи.
- 7) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.1-2003, и References – список литературы на английском языке (латинским шрифтом), оформленный в соответствии с требованиями редакции. При необходимости – примечания, приложения.

2.1. Требования к авторским оригиналам на бумажном и электронном носителях.

- 1) Поля по 2 см с каждой стороны.
- 2) Нумерация страницы по центру внизу.
- 3) Шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5.
- 4) Файл должен быть создан в программе «Microsoft Word» и сохранен с расширением *.rtf; имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора.

2.2. Оформление библиографических ссылок и примечаний.

- 1) Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера источника и через запятую номеров соответствующих страниц.
- 2) Пристатейный список литературы, озаглавленный как «Список литературы», составляется в алфавитном пронумерованном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

3. После получения материалов рукопись направляется на рецензирование. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. После получения положительной рецензии редакция уведомляет авторов о том, что статья принята к опубликованию, а также направляет замечания рецензентов и редакторов, в соответствии с которыми необходимо исправить или дополнить статью. В случае отказа в публикации статьи редакция представляет автору мотивированный отказ.

Полнотекстовые версии опубликованных статей и их метаданные (аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках, список литературы) будут размещены в свободном доступе в Интернете на официальном сайте издания, на платформе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и других реферативных баз данных.

4. Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на страничке Издательства на сайте Волгоградского государственного университета: <http://www.volsu.ru> – и сайте журнала: <http://l.jvolsu.com>.
